

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Д. А. Плетнёв, кандидат экономических наук, доцент, главный редактор научного направления (Челябинск); **Д. С. Бенц**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **О. В. Брижак**, доктор экономических наук, доцент (Москва); **А. В. Горшков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **А. Ю. Даванков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. П. Довбий**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Егорова**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Ю. Ш. Капкаев**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **И. П. Килина**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. В. Ким**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. Д. Колмакова**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Коркина**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. Н. Мильчакова**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Г. И. Немченко**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Е. В. Николаева**, кандидат экономических наук, доцент, ответственный секретарь редакционной коллегии (Челябинск); **М. А. Пестунов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Г. Н. Пряхин**, доктор экономических наук, доцент, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **А. А. Саламатов**, доктор экономических наук, профессор, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **В. В. Седов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Д. А. Сорокин**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Е. А. Степанов**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Экономические науки»:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576
Тел. (351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
<http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU>

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
от 01.07.2016 г.

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *Е. В. Южаковой*
Верстка *Е. В. Южаковой*

Подписано в печать 14.08.24.
Выход в свет 20.08.24.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 32,1.
Уч.-изд. л. 28,5.
Тираж 500 экз. Заказ 331.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Cand. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Yu. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

D. A. Pletnev, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **D. S. Bents**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **O. V. Brizhak**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Moscow); **A. V. Gorshkov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **A. Yu. Davankov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **I. P. Dovby**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Egorova**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **Yu. Sh. Kapkajev**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **I. I. Kilina**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. V. Kim**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **I. D. Kolmakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Korkina**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. N. Milchakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **G. I. Nemchenko**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **Ye. V. Nikolajeva**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Executive Secretary of Editorial Board (Chelyabinsk); **M. A. Pestunov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **G. N. Pryakhin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **A. A. Salamatov**, Dr. Sci. (Economics), Prof., Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **V. V. Sedov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **D. A. Sorokin**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **Ye. A. Stepanov**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirnykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirnykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Economic Sciences"
editorial office's address:
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia
Tel.: +7(351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
<http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU>

The Editorial Board may not share
the views of the authors
Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate III № ФЦ77-66312
dated 01.07.2016

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *E. V. Yuzhakova*
Imposition by *E. V. Yuzhakova*

Approved for printing 14.08.24.
Date of publication 20.08.24.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 32,1.
Ac.-publ. sh. 28,5.
Circulation 500 copies.
Order 331. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

<i>Плетнёв Д. А.</i> Национальное целеполагание	7
---	---

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Толмачёв О. Л.</i> Закон самоэксплуатации работника.	11
<i>Плетнёв Д. А.</i> Качество жизни: содержание и измерения.	23
<i>Власов М. В.</i> Влияние развития человеческого капитала на экологическую деятельность	33

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Шкарупета Е. В., Бабкин А. В., Ильина Е. А.</i> Оценка цифровой реиндустриализации депрессивных регионов РФ	43
<i>Саламатов А. А., Пряхин Г. Н., Малыгин Н. В.</i> Экспресс-оценка эколого-экономической безопасности региона как инструмент оперативного прогнозирования качества жизни населения	58
<i>Румянцева Ю. В., Маркова Е. С., Митрофанова О. С.</i> Ключевые аспекты экономической безопасности российского региона (кейс Липецкой области)	73
<i>Бенц Д. С.</i> Позиционирование российских регионов в рейтингах долгосрочного и среднесрочного экономического роста	84
<i>Daniel Pavlov, Ana Todorova</i> Opportunities for integration of digital business models in intergenerational businesses	97

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

<i>Соболева Ю. П.</i> Особенности продвижения услуг креативных индустрий на основе технологий диджитал-маркетинга	106
<i>Генералов И. Г.</i> Направления и механизм стратегического развития производства зерна в Нижегородской области	117
<i>Гурлев В. Г., Хомякова Т. С., Слива С. В.</i> Оценка результатов инновационной деятельности предприятий в интересах достижения технологического суверенитета российской экономики	125
<i>Попов Е. В., Симонова В. Л., Шадрин А. А.</i> Цифровые каналы коммуникации в экосистеме предприятия	138
<i>Галкин Д. Г.</i> Формирование гибридных органических агропродовольственных систем на основе консорциумов.	148
<i>Каращук О. С., Богдашев А. И.</i> Исследование взаимосвязи внутренних и мировых цен на пшеницу в странах ЕС и в России	157
<i>Иваненко А. Р., Калабина Е. Г.</i> Внедрение системы динамического ценообразования в ритейле: аналитический обзор практик российских компаний	172

Щепакин М. Б., Хандамова Э. Ф., Жаманкулова Д. С. Туристическая апертюра в обеспечении конкурентоспособности бизнеса в региональной экономике в мобилизационном формате изменений	180
Банников С. А. Управление предприятием в условиях цифровизации — целесообразность внедрения цифровых решений в зеркале статистики	190
Бахарев Е. Ю., Анисимов А. Ю. Стратегические аспекты цифровой трансформации организаций: выгоды и перспективы	200

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мощелков Е. Н. Цивилизационные войны России в XX и XXI веках: причины и следствия для экономического и технологического развития.	210
---	-----

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

Куприянова Т. А., Зыкова Т. Б. Особенности развития особой экономической зоны на современном этапе (кейс «Красноярской технологической долины»).	219
Маньковский И. А. Деструктивные факторы экономического развития и пути их преодоления	226
Нестулаева Д. Р. Ключевые направления политики технологической суверенизации российской экономики	237
Плетнёв Д. А. Ступенька в будущее (рецензия на коллективную монографию «Экономика России: кто виноват? Что делать?»)	245

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Мысакова А. Г., Крюков А. А. «Зелёный» бензин: реальность или миф?	253
Ковалёв Р. И. Оценка факторов развития корпоративной социальной ответственности крупнейших компаний непроизводственных отраслей	265

CONTENTS

EDITORIAL

<i>Pletnev D. A.</i> National goal-setting	7
--	---

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Tolmachev O. L.</i> The law of self-exploitation of an worker	11
<i>Pletnev D. A.</i> Quality of life: essence and measurements	23
<i>Vlasov M. V.</i> The impact of human capital development on environmental performance.	33

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMYWORLD, ECONOMY

<i>Shkarupeta E. V., Babkin A. V., Ilyina E. A.</i> Assessment of digital reindustrialization of depressed regions of Russia	43
<i>Salamatov A. A., Pryakhin G. N., Malygin N. V.</i> Express assessment of ecological and economic security of the region as a tool for operational forecasting of the quality of life of the population	58
<i>Rumyantseva Yu. V., Markova E. S., Mitrofanova O. N.</i> Key aspects of economic security of the Russian region (case of Lipetsk region)	73
<i>Benz D. S.</i> Positioning of Russian regions in long-term and medium-term economic growth ratings . . .	84
<i>Daniel Pavlov, Ana Todorova</i> Opportunities for integration of digital business models in intergenerational businesses	97

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

<i>Soboleva Yu. P.</i> Features of promotion of creative industries services based on digital marketing technologies.	106
<i>Generalov I. G.</i> Directions and mechanism for strategic development of grain production in Nizhny Novgorod region.	117
<i>Gurlev V. G., Khomiakova T. S., Sliva S. V.</i> Assessing the results of innovative activities of enterprises in the interests of achieving technological sovereignty of the russian economy	125
<i>Popov E. V., Simonova V. L., Shadrina A. A.</i> Digital communication channels in the enterprise ecosystem.	138
<i>Galkin D. G.</i> Formation of hybrid organic agri-food systems based on consortiums	148
<i>Karashchuk O. S., Boldiasov A. I.</i> A study of the relationship between domestic and world wheat prices in the EU and in Russia.	157
<i>Ivanenko A. R., Kalabina E. G.</i> Implementation of a dynamic pricing system in retail: an analytical review of the practices of Russian companies.	172
<i>Shchepakina M. B., Khandamova E. F., Zhamankulova D. S.</i> Tourism aperture in ensuring business competitiveness in the regional economy in the mobilization format of changes	180

<i>Sergey A. Bannikov S. A.</i> Enterprise management in digitization conditions — the feedability of implementing digital solutions in the mirror of statistics.	190
<i>Bakharev E. Yu. , Anisimov A. Yu.</i> Strategic aspects of digital transformation of organizations: benefits and prospects	200

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Moshchelkov E. N.</i> Civilization wars of russia in xx and xxi centuries: causes and effects for economic and technological development	210
--	-----

REVIEWS AND DISCUSSIONS

<i>Kupriyanova T. A., Zyкова T. B.</i> Features of the development of the special economic zone at the present stage (the case of the Krasnoyarsk technological valley)	219
<i>Mankovsky I. A.</i> Destructive factors of economic development and ways to overcome them	226
<i>Nestulaeva D. R.</i> The key directions of the policy of technological sovereignization of the russian economy	237
<i>Pletnev D. A.</i> A step into the future (review of the book “Russian economy: who is to blame? What to do?”)	245

A FRESH LOOK

<i>Mysakova A. G., Kryukov A. A.</i> «Green» gasoline: reality or myth?	253
<i>Kovalev R. I.</i> Assessment of corporate social responsibility development factors of the largest companies in non-industrial sectors	265

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 7–10.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(6(488)):7-10.

Редакторская статья

УДК 338.22.021.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-7-10

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ

Дмитрий Александрович Плетнёв

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru, 0000-0002-6494-572X

Ключевые слова: национальные цели развития, российская экономика, проектное управление в государственном секторе

Для цитирования: Плетнёв Д. А. Национальное целеполагание // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 7–10. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-7-10

Editorial article

NATIONAL GOAL-SETTING

Dmitri A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru, 0000-0002-6494-572X

Keywords: national development goals, Russian economy, State governmental project management

For citation: Pletnyov DA. National Goal-setting. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488)):7-10. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-7-10

В мае этого года подписан новый Указ Президента¹, задающий вектор развития нашей страны на перспективу до 2036 года, то есть на период 12 лет. Практика формулировки национальных целей развития и их расшифровки системой целевых показателей себя оправдывает, в России стала заметна стратегическая линия, определяющая направления расходования бюджетных средств и изменений в законодательстве. И это здорово, но путь сей тернист и полон искушений и соблазнов для многих, кто по нему идёт.

На Московском академическом экономическом форуме, прошедшем сразу после подписания упомянутого указа, ключевые акторы российской экономической науки уже «взяли на вооружение»

новые целевые установки, и при этом основное внимание уделено было конкретным целям и целевым показателям, возможности их измерения и достижения. Сама же архитектура системы национального целеполагания, её эволюция и главные смыслы, остались за рамками выступлений. Между тем эта её составляющая, на мой взгляд, является ещё более важной и должна быть оценена и использована в экономическом анализе.

Первое. В сравнении с предыдущими указами «О национальных целях развития...» серьёзнейшие изменения претерпела преамбула. Иными словами, само развитие России теперь определяется по-новому, более широко и комплексно:

«В целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации, укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, увеличения численности населения страны и повышения уровня жизни граждан, основываясь на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах

¹О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Президент РФ : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>

патриотизма, приоритета человека, социальной справедливости и равенства возможностей, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности, открытости внешнему миру, экономического развития, основанного на честной конкуренции, предпринимательстве и частной инициативе, высокой эффективности и технологичности...»¹.

Из предыдущего указа сохранились только два целевых ориентира, выделенные в процитированном абзаце. Три других в новом указе не упомянуты («прорывное развитие РФ», «комфортные условия проживания» и «раскрытие таланта»). Что до «прорывного развития» — то здесь логика изменений ясна, другие же два ориентира остались на уровне показателей и тем национальных проектов. Итого сегодня и на ближайшие 12 лет у России как государства четыре цели: (1) устойчивое экономическое и социальное развитие; (2) укрепление государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета; (3) увеличение численности населения; (4) повышение уровня жизни граждан. Кратко о каждой. Устойчивое развитие в Указе, безусловно, следует трактовать как «антихрупкое», неразрушаемое различными внешними обстоятельствами движение вперёд, качественное изменение страны к лучшему. ООНовская концепция «устойчивого развития» здесь не является теоретической и идеологической основой, хотя все её компоненты присутствуют в Указе, но не являются его императивом. А императивом является человек, гражданин России. И именно об этом — четвёртая цель — повышение уровня жизни. Отдельно впервые назван суверенитет (государственный, культурно-ценностный и экономиче-

ский) как отдельная цель. И это — требование момента, та необходимая корректировка, предполагающая отказ от развития ради развития (концепт «прорыва»), для сохранения государства как ключевого действующего лица в мировой экономике, мировой культуре и мировой политике. Соотнося территорию, природное богатство и даже существующую инфраструктуру с наличным населением, нельзя не отметить, что существенный, кратный рост числа граждан России в перспективе XXI века может быть обеспечен ресурсами, местом для жизни и рабочими местами. Однако до сегодняшнего дня именно эта цель, формулируемая в государственных документах стратегического планирования, остаётся недостижимой. И это, как ни парадоксально, хорошо.

Поясню. Не секрет, что любые индикаторы, становящиеся целью для конкретных исполнителей и органов власти (равно как и коммерческих структур), становятся предметом для манипуляций и творческого переосмысления со стороны исполнителей. И в скором времени после того, как индикатор стал контролируемым результатом чьей-либо деятельности, его динамика достигает целевого значения и превышает его. Люди начинают работать «на показатель», а не на дело. Хороший пример — недавние ориентиры развития науки: число статей, доля молодых учёных, число научных мероприятий. Стоит ли говорить, что эти показатели были достигнуты, но качественного прорыва в соответствующих областях науки обеспечить не помогли. Скорее даже помешали. Кроме того, и методика оценки индикаторов тоже становится управляемой и помогает номинально достичь результата в кратчайшие сроки.

Второе. В той же преамбуле указаны и условия достижения целей: традиционные духовно-нравственные ценности и семь принципов: (1) патриотизма, (2) приоритета человека, (3) социальной справедливости и равенства возможностей, (4) обеспечения безопасности государства и общественной безопасности, (5) открытости внешнему миру, (6) экономического развития (или — честной конкуренции, предпринимательства и частной инициативы?), (7) высокой эффективности и технологичности.

Те, кто реализует национальные, федеральные и региональные проекты в обозначенном периоде, обязательно должны сверяться с этими условиями. Причём со всеми одновременно. На сегодняшний день традиционные российские духовно-нравственные ценности включают в себя: жизнь, достоинство, права и свободы человека,

¹1. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 № 204 в преамбуле говорится: «В целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека...»;

2. Указ Президента РФ «О национальных целях развития на период до 2030 года», в преамбуле говорится: «В целях осуществления прорывного развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также раскрытия таланта каждого человека...»

патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России¹. Вместе с тем любая из этих ценностей, возводимая в абсолют, может вступать в противоречие с другими ценностями, принципами и со здравым смыслом. Например, приоритет духовного над материальным. Как соотносить это с целью повышения уровня жизни, с предпринимательством, конкуренцией (пусть даже честной) — этими проявлениями сугубо материальной сферы? А как коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение сопрягаются с приоритетом человека и гуманизмом? Первое — о примате общества над человеком, второе — наоборот. Необходим многомерный баланс всех целей и условий, практически не выводимый из анализа отдельных положений Указа. Иными словами, преамбула отражает дух национального целеполагания, и отражает хорошо.

Третье. Когда же мы обратим внимание на возможности практической реализации Указа, субъектом чего выступают чиновники разного уровня, то с неизбежностью возникают следующие сомнения:

1. Не извратится ли дух Указа в конкретных национальных, федеральных и региональных проектах, иных нормативных актах? Не секрет, что чиновники страдают буквоедством и фрагментарным, узкопрофессиональным взглядом на вещи. По опыту «прошлых» проектов можно предположить, что да. Например, целевые показатели «прошлого» нацпроекта «Наука и университеты» — число статей, число молодых учёных, число конференций. Они ну никак не сопрягались с целью «прошлых» Указов 2018 и 2020 годов (см. выше), а были лишь удобными измерителями активности причастных к сфере высшего образования. Да и, пожалуй, остаются.

2. Повторяемые в Указе и связанных с ним документах идеи [социальной] справедливости, нравственных идеалов, коллективизма и преем-

ственности поколений — как их соотносить с фактическим существованием в России класса собственников, своей судьбой и историей успеха опровергающих эти самые идеи. Весь промышленный комплекс страны — наследие СССР, достояние всего народа, населявшего тогда страну, в одночасье стал частной собственностью, превратился в частный либо государственный капитал. Получающий миллиардную прибыль Сбер — соответствует ли он ценностям коллективизма и справедливости, кредитуя малый бизнес, который работает на грани рентабельности, под 30 %? Про «забытые» в 1990-е вклады умолчим. Не повиснет ли это противоречие Указов и настоящей экономической реальности тяжёлыми гирями на всех национальных проектах, ориентированных на экономическое и социальное развитие, государственный, культурно-ценностный и экономический суверенитет?

3. С лёгкой руки А. Р. Белоусова фраза-формула «ошибаться можно, врать нельзя» становится лейтмотивом работы некоторых наших чиновников. Применительно к авторам прошлых проектов в сфере образования и науки (внедрение элементов Болонской системы, переход на бакалавриат, реформа системы аттестации научных кадров и в целом «оптимизация» системы вузов), по всей видимости, эта формула сегодня тоже актуальна. И наши традиционные духовно-нравственные ценности подсказывают — следует простить ошибки. И я, пожалуй, готов. Вот только среди этих ценностей — не только прощение, но и покаяние, как стартовая точка движения вперёд. И как только эти ошибки будут названы, и те люди, которые принимали и продвигали соответствующие решения, признают, что ошибались и попросят за это прощения у профессионального сообщества, я уверен — сила, поддерживающая новые изменения, возрастет кратно. Ведь сколько человеко-часов потрачено на адаптацию своей деятельности к требованиям прошлых проектов, сколько профессионалов неотвратимо ушли из сферы образования и сферы управления образованием, не приняв изменений, сегодня признанных ошибочными. Признание ошибок со стороны чиновников может стать отличным фундаментом для совместной созидательной работы, в основе которой взаимное доверие и уважение. И тогда национальные цели развития, непременно, будут достигнуты.

Все высказанные здесь быстрые мысли, главным образом, — обратная связь для тех, кто формирует и принимает решения в сфере управления

¹Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/c595db4951fa2b3967c0a1bcc5e5bbf7332e9c38/

национальными проектами. И если она найдёт адресата и будет учтена в будущем – это станет лучшим свидетельством изменений самой си-

стемы проектного управления на национальном уровне к лучшему, к укреплению её жизнеспособности.

Информация об авторе

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

Dmitri A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 11–22.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(6(488):11-22.

Научная статья

УДК 005

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-11-22

ЗАКОН САМОЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОТНИКА

Олег Леонидович Толмачёв

Финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, tolmatschov@yandex.ru, 0000-0002-1751-3705

Аннотация. Применение теории предельной полезности к современным условиям деятельности предпринимателей, а также к труду наёмных работников в сочетании с современными исследованиями в этой области позволило автору выявить и сформулировать устойчивую закономерность «самоэксплуатации работника», характерную для любого современного трудового человека. Анализ усреднённых оценок современным малым предпринимателем и наёмным работником предельной полезности результатов своего труда и тягостности их обретения (присвоения) привёл автора к заключению о наличии определённых устойчивых закономерностей в соотношении этих оценок, которые можно сформулировать как закон самоэксплуатации работника (трудового человека): «Субъективная оценка работником (трудовым человеком) предельной полезности зарабатываемого рубля всегда будет снижаться, а предельной тягостности заработка этого рубля возрастать. В точке пересечения этих двух оценок наступает равновесное состояние, когда оценка дальнейших усилий по заработку предельного рубля приобретает негативный характер и превышает оценку привлекательности зарабатываемого предельного рубля. В этой равновесной точке работник (трудовой человек) перестаёт прикладывать усилия по заработку следующего рубля». К современному работнику или трудовому человеку автор относит людей, прикладывающих определённые усилия для заработка или каких-либо других результатов своего труда, с опорой в основном на свои собственные физические и умственные силы и ресурсы. Это могут быть как самозанятые граждане, так и малые предприниматели, менеджеры и другие наёмные работники. Выявленные закономерности проясняют причины и механизм резкого снижения результативности труда работников при чрезмерном росте производственной нагрузки, природу понятия «норма управляемости» («сфера контроля») и её связь с причинами «делегирования полномочий» в организациях. Выявленные особенности самоэксплуатации трудовых людей в различных областях занятости позволяют учитывать их в практической деятельности, более эффективно распределяя трудовую нагрузку.

Ключевые слова: самоэксплуатация, предельная полезность, предельная тягостность, закон самоэксплуатации работника (трудового человека), норма управляемости, делегирование полномочий

Для цитирования: Толмачёв О. Л. Закон самоэксплуатации работника // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 11–22. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-11-22

Original article

THE LAW OF SELF-EXPLOITATION OF AN WORKER

Oleg L. Tolmachev

Synergy University, Moscow, Russia, tolmatschov@yandex.ru, 0000-0002-1751-3705

Abstract. The application of the theory of marginal utility to the modern conditions of entrepreneurs' activities, as well as to the labor of hired workers, in combination with modern research in this area, allowed the author to identify and formulate a stable pattern of "self-exploitation of an worker", characteristic of any modern working person. The analysis of the average estimates by a modern small entrepreneur and hired worker of the marginal usefulness of the results of their labor and the burden of their acquisition (appropriation) led the author to the conclusion that there are certain stable regularities in the ratio of these estimates, which can be formulated as the law

of the self-exploitation of an worker (working person): “The subjective assessment by the worker (working person) of the marginal utility of the ruble he earns will always decrease, and the marginal burden of earning this ruble will increase. At the point of intersection of these two estimates, an equilibrium state occurs, when the assessment of further efforts to earn the marginal ruble acquires a negative character and exceeds the assessment of the attractiveness of the marginal ruble earned. At this equilibrium point, the worker (working person) stops making efforts to earn the next ruble”. The author refers to a modern worker or working person as people who make certain efforts to earn money or some other results of their work, relying mainly on their own physical and mental strength and resources. These can be both self-employed citizens and small entrepreneurs, managers and other employees. The identified patterns clarify the causes and mechanism of a sharp decrease in the productivity of employees with an excessive increase in the production load, the nature of the concept of the “norm of control” (“sphere of control”) and its connection with the reasons for “delegation of authority” in organizations. The revealed features of the self-exploitation of working people in various areas of employment make it possible to take them into account in practical activities, more effectively distributing the labor load.

Keywords: self-exploitation, marginal utility, marginal burden, the law of self-exploitation of an worker, the norm of controllability, the delegation of authority.

For citation: Tolmachev OL. The law of self-exploitation of an worker. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488)):11-22. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-11-22

Введение

В деятельности организаций известно явление резкого снижения результативности труда работников при чрезмерном росте производственной нагрузки, что считается следствием усталости или пределами физических возможностей человека. До сих пор нет чётко сформулированных моделей, способных объяснить механизмы этого явления. В научной литературе о термине «делеги́рование полномочий», описывающей одну из возможных реакций на последствия упомянутого явления, и о термине «сфера контроля» (она же «масштаб управляемости») как попытке определить подходы к расчёту оптимальной нагрузки находим абстрактные объяснения, опирающиеся на средние показатели отраслей, производств или департаментов, без раскрытия сущности и механизма явления.

Автор настоящей статьи пытается восполнить пробел в знаниях об упомянутом явлении, развивая некоторые положения теории предельной полезности в отношении деятельности современного трудового человека — самозанятого гражданина, индивидуального предпринимателя, менеджера или наёмного работника, — и анализируя устойчивые закономерности их субъективных оценок предельной полезности и тягостности зарабатываемого блага. Статья носит теоретический характер. Тем не менее выявленные закономерности, позволившие сформулировать закон самоэксплуатации трудового человека, раскрывают причины и механизм такого явления практики управления, как делегирование полномочий в организациях, наполняют смыслом термины «норма управляемости» или «масштаб управляемости» в официальных документах.

Теоретические основы исследования

Выдающийся советский учёный А. В. Чаянов в приложении теории предельной полезности [4; 19] к крестьянскому труду использовал термин «самоэксплуатация». Судя по его частому употреблению учёным в своей первой публикации сначала на немецком языке в 1923 году (die Selbstaussbeutung, die Selbstaussnuetzung) [13, p. 34], а затем в издании уже на русском языке 1925 года без кавычек в разном написании (то «самоэксплуатация», то «самоэксплоатация»)¹ задолго до конкретизации его содержания [11, с. 46], это слово в начале XX века в постреволюционной России не воспринималось новым. В другом варианте той же работы 1924 года Чаянов вообще не употребляет термина «самоэксплуатация», используя вместо него термин «точка равновесия» [10, с. 5–10]. Подтверждением нашего предположения об «общепринятости» термина могут служить предисловия [10, с. 3–16; 12. От издательства] к упомянутым изданиям работы Чаянова, в которых отечественные оппоненты жёстко критикуют автора за несостоятельность его «мелкобуржуазного» взгляда на крестьянское хозяйство, но ни они, ни немецкие рецензенты [13. Vorwort. P. 1–3] не обращают никакого внимания на якобы новый термин «самоэксплуатация». Он был понятен и приемлем для современников Чаянова и не вызывал критики. Под ним он понимал степень напряжённости крестьянского труда [11, с. 46; 12; 13, p. 34]. Некоторые современ-

¹Work-load_passion_and_fun_Problems_of_balancing_self-exploitation_and_self-exploration_in_work-life. URL: <https://www.researchgate.net/publication/259757040/> (дата обращения 15.01.2024).

ные исследователи считают этот термин неудачным [8]. Тем не менее «самоэксплуатация» сегодня активно используется зарубежными специалистами в области менеджмента и самоменеджмента (self-management) [15, р. 61–85; 16; 18], когда речь заходит об интенсивности труда¹ на предприятиях² и в личной жизни³ [14; 20]. Этот термин рассматривается также в связи с новыми тенденциями в области замены человеческого труда роботами и нейросетями [27]. Однако их трактовки термина «самоэксплуатация» сводятся лишь к общим описаниям его современного понимания: “Self-exploitation is a dangerous trend that can be observed in a number of employees. The majority of people pursue a regular activity for at least eight hours a day — this is often dragged on. To make matters worse, it is becoming more and more natural for many employees to do additional work beyond their actual area of responsibility” («Самоэксплуатация — опасная тенденция, которая наблюдается у ряда сотрудников. Большинство людей занимаются регулярной деятельностью не менее восьми часов в день — это часто затягивается. Что ещё хуже, для многих сотрудников становится всё более и более естественным выполнять дополнительную работу, выходящую за рамки их фактической зоны ответственности» — перевод автора). Для уточнения термина используются отдельные слова, словосочетания и термины, способные, по мнению исследователей, приблизить к пониманию сути самоэксплуатации: переработка — (Überstunden — нем.); мания достижимости цели (Erreichbarkeitswahn — нем.); принуждение себя к эффективности (Effizienzzwang — нем.); информационный террор (Infoterror — нем.); гибкий подход, гибкость (Flexibilisierung — нем.); круглосуточная эксплуатационная готовность, круглосуточная готовность к действию (Einsatzbereitschaft rund um die Uhr — нем.) [22]; добровольная самоэксплуатация (Freiwillige Selbstaussbeutung/Self-ownership — нем/англ.) (перевод автора) [17; 24–26].

¹ Kultur der Selbstaussbeutung. URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/> (дата обращения 10.10.2023).

² Work-load_passion_and_fun_Problems_of_balancing_self-exploitation_and_self-exploration_in_work-life. URL: <https://www.researchgate.net/publication/259757040/> (дата обращения 15.01.2024).

³ Selbstaussbeutung: Wie zeigt sie sich und was kann man... URL: <https://www.lebenslauf.net/selbstaussbeutung/> (дата обращения 16.01.2024).

В современных государственных регулирующих документах Российской Федерации⁴ употребляются термины «норма управляемости», «масштаб управляемости»⁵, а также «сфера контроля», которые содержательно не отличаются друг от друга. Эти термины также рассматриваются в учебниках по теории управления (менеджмента) [5, с. 150–153]. Они означают «количество взаимосвязей (взаимоотношений), которые приходится контролировать руководителю на каждом уровне управления» [5, с. 150], или среднее «оптимальное» для каждой руководящей должности количество подчинённых сотрудников, взаимоотношения с которыми и между которыми возможно эффективно контролировать. Современные исследователи трактуют эти понятия так: «Норма управляемости — это среднее количество личного состава, которое ограничивается объективными пределами физических и умственных возможностей одного руководителя (начальника) эффективно управлять его работой» [2].

Величину нормы (сферы, масштаба) предлагается определять по математической формуле Грейкунаса [6] или эмпирическим путём в привязке к отдельным видам производства [23] на основе ординалистского подхода [9]. Но такие математические расчёты и сравнение относительных величин в применении к норме управляемости не дают полного представления о её природе и причинах. Математическая формула Грейкунаса ограничена только тремя из более десятка видов связей. Кроме того, она имеет существенный недостаток: «...ни одним словом данная теория не упоминает о том, когда и в каких условиях, в каком количестве контакты эти могут иметь место. Другими словами, о нагрузке руководителя ничего не говорится» [1]. При этом расчёты игнорируют прямую зависимость нагрузки руководителя от информационной насыщенности связей и их интенсивности.

⁴ Методические рекомендации по нормированию численности и формированию организационно-штатной структуры типовых подразделений федеральных органов исполнительной власти // Минтруд России : офиц. сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/14> (дата обращения 15.01.2024).

⁵ Об утверждении Масштаба управления и соответствующей ему группы по оплате труда для государственных казённых учреждений : приказ Комитета по труду и занятости населения Ленинградской области № 21 от 20.12.2018 // Информ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/74516612/>

Предлагаемый в настоящем исследовании подход является развитием теории предельной полезности [7], а также понятия «самоэксплуатации хозяйствующего субъекта» в крестьянском хозяйстве А. В. Чаянова [3] в части определения предельной трудовой нагрузки на современных руководителей (предпринимателей и менеджеров), а также вообще на современного трудового человека.

Самоэксплуатация современного трудового человека — самозанятого гражданина или индивидуального предпринимателя

Для целей настоящего исследования необходимо дать определение некоторым понятиям, используемым далее.

Под термином «трудоу человек» мы понимаем трудящегося человека, работника, чей доход полностью зависит от прилагаемых им физических и умственных усилий в процессе своей трудовой деятельности.

Под термином «самоэксплуатация» мы понимаем ежедневное волевое усилие человека над собой ради получения трудового дохода или желаемого результата.

Согласно исследованиям натурального крестьянского хозяйства начала XX века, как закрытой от внешнего влияния системы, где получаемые результаты труда напрямую зависят от затрат физического труда, «...степень самоэксплуатации в процессе труда определяется совершенно специфическим равновесием между уровнем удовлетворения потребностей семьи и тяжестью (обременительностью) самого труда» [12, с. 120]. Этот вывод находит своё дальнейшее развитие в применении теории предельной полезности к современным самозанятым гражданам или индивидуальным предпринимателям. Они осуществляют свою трудовую деятельность в малом бизнесе, как правило, без найма рабочей силы. То есть современный индивидуальный (либо самозанятый) предприниматель осуществляет некоторое насилие над собой, преодолевая усталость, для получения максимально возможного дохода без эксплуатации чужого (наёмного) труда, опираясь только на свои силы.

Предельная степень самоэксплуатации предпринимателя в этом случае определяется только его субъективной оценкой тягостности заработка последующего рубля в соотношении с субъективной оценкой уровня полезности этого зарабатываемого рубля (рис. 1).

По мере приложения усилий и получения в их результате дохода субъективная оценка пред-

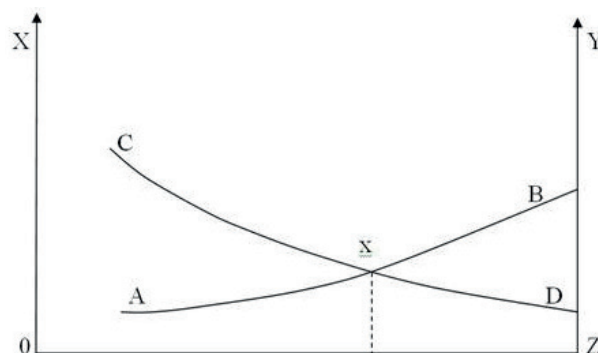

Рис. 1. Степень максимальной самоэксплуатации предпринимателя:

OX — ось субъективной оценки предельной полезности следующего зарабатываемого рубля;
ZY — ось субъективной оценки тягостности заработка следующего рубля;
OZ — зарабатываемые рубли; AB — кривая роста субъективной оценки тягостности заработка следующего рубля; CD — кривая снижения субъективной оценки полезности следующего зарабатываемого рубля; x — точка максимальной самоэксплуатации предпринимателя (точка равновесия).

Источник: составлено автором на основании исследования А. В. Чаянова [11. С. 37]

Fig. 1. The degree of the maximum self-exploitation of the entrepreneur: OX is the axis of the subjective assessment of the marginal utility of the next ruble earned; ZY is the axis of the subjective assessment of the burden of earning the next ruble; OZ — earned rubles; AB is the growth curve of the subjective assessment of the burden of earning the next ruble; CD is the curve of decreasing the subjective assessment of the usefulness of the next ruble earned; X is the point of the entrepreneur's maximum self-exploitation (equilibrium point).

Source: compiled by the author on the basis of a study by A. V. Chayanov [11. P. 37]

принимателем ценности каждого следующего зарабатываемого рубля будет для него снижаться, а тягостность заработка этого рубля возрастать. То есть каждый следующий зарабатываемый рубль будет требовать от предпринимателя всё больше усилий над собой. Равновесие между этими двумя субъективными оценками наступит тогда, когда оценка тягостности труда в своей предельной величине сравняется с оценкой ценности предельных благ, получаемых в результате этого труда. В этой точке будет достигнута максимальная степень самоэксплуатации предпринимателя, поскольку у него не будет достаточно мотивации для дальнейших усилий по заработку следующего рубля, так как его

привлекательность будет меньше, чем тягостность дополнительных усилий по его заработку.

Вышеизложенная зависимость количества ценности, поступающей в обладание хозяйствующего человека от трудовой хозяйственной деятельности без привлечения наёмного труда прямо относится к замкнутой хозяйственной деятельности, например, к натуральному крестьянскому хозяйству, когда созданная собственным трудом ценность полностью остаётся в распоряжении хозяйствующего человека для потребления.

Для открытой хозяйственной деятельности современного самозанятого гражданина или индивидуального предпринимателя, направленной на получение дохода через реализацию продукта/услуги на рынке, требуются дополнительные комментарии. Открытость такой деятельности вносит в зависимость (рис. 1) некоторую особенность, но кардинально не меняет её. Эта особенность представляет собой повышающий или понижающий коэффициент положительного или отрицательного влияния спроса и предложения на доход предпринимателя (рис. 2). В случае успеха на рынке по тем или иным причинам (благоприятные рыночные условия, удачное стечение обстоятельств, получение выгодного контракта и т. п.) блага, поступающие в распоряжение самозанятого гражданина или индивидуального предпринимателя ослабляют (понижают) субъективную оценку тягостности приобретения предельного рубля. Поэтому и точка его максимальной самоэксплуатации отдаляется. В случае же неудачи субъективная оценка приобретения предельного рубля вырастает и приближает точку максимальной самоэксплуатации (рис. 2).

Опрос, проведённый силами автора среди самозанятых граждан и индивидуальных предпринимателей, подтвердил выдвинутую автором гипотезу и показал, что все они готовы прикладывать усилия для увеличения своего дохода только до некоторого предела, граница которого определяется предельной степенью напряжённости труда, когда дополнительный заработок достаётся слишком большими волевыми усилиями над собой и поэтому теряет свою привлекательность.

Самоэксплуатация менеджера или наёмного работника

При рассмотрении вопроса, возможно ли применить изложенные выше выводы к труду современного наёмного менеджера или работника, необходимо дать определение двум важным для

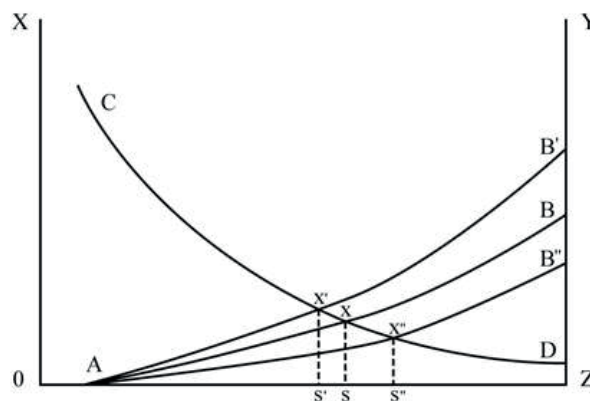

Рис. 2. Влияние рыночного успеха/неуспеха предпринимателя на кривую субъективной оценки тягостности приобретения предельного рубля.

В случае успеха кривая AB становится более пологой AB'', а в случае неуспеха — более крутой AB'. Соответственно, положение точки максимальной самоэксплуатации x тоже сдвинется вправо (x'') или влево (x') по кривой CD, что выразится в более (s'') или менее (s') крупной предельной величине месячного дохода предпринимателя.

Источник: составлено автором

Fig. 2. The influence of the market success/failure of the entrepreneur on the curve of subjective assessment of the burden of acquiring the marginal ruble. If successful, the AB curve becomes flatter AB'', and if it fails, the curve AB' becomes steeper.

Correspondingly, the position of the point of maximum self-exploitation x will also shift to the right (x'') or left (x') along the curve CD, which will be expressed in a more (s'') or less (s') large marginal value of the entrepreneur's monthly income.

Source: Compiled by the author

данного исследования понятиям «эксплуатация» и «самоэксплуатация».

Первому термину словарь русского языка даёт следующее определение: «Эксплуатация — присвоение результатов чужого труда собственниками средств производства...»¹. Для целей нашего исследования несколько уточним это определение: эксплуатация — это присвоение работодателем части результатов труда наёмного работника в условиях оценки им (работником) степени тягостности приложения усилий по добытию предельного рубля. С этой точки зрения нам важно обозначить, что часть результатов своего труда работник всё же получает в виде заработной платы и рассматривает её как часть

¹ Словарь русского языка в четырёх томах. М. : Русский язык, 1984. Том IV, стр. 752.

своего возможно более крупного совокупного трудового дохода.

Далее важно уточнить, что мы понимаем под терминами «работник (трудоустроенный человек)» и «трудоустроенная хозяйственная деятельность». Работник — трудоустроенный человек, прикладывающий личные физические и умственные усилия с целью получения (присвоения) результатов этих усилий. «Трудоустроенная хозяйственная деятельность» означает приложение работником (трудоустроенным человеком) личных физических и умственных усилий для получения (присвоения) обусловленных этими усилиями плодов (результатов) своего труда.

Мы рассматриваем современного наёмного работника в качестве хозяйствующего (трудоустроенного) человека наравне с samozанятым гражданином или индивидуальным предпринимателем, поскольку он также стремится получить максимальный совокупный трудовой доход путём приложения своих собственных физических и/или умственных усилий, но с отличительной особенностью от них — то есть в условиях эксплуатации своего труда собственником средств производства.

В отличие от трудовой хозяйственной деятельности в натуральном крестьянском хозяйстве или индивидуальном предпринимательстве, где «количество ценности, поступающее при ней в обладание хозяйствующего человека, находится в соответствии с количеством затрачиваемого труда» [12, с. 70], в трудовой деятельности наёмного работника поступающая ценность ограничена заработной платой независимо от количества затрачиваемого им труда. То есть имеет место эксплуатация работодателем (собственником средств производства) наёмного работника путём присвоения части его труда.

Но ограничение заработной платой дохода наёмного работника на конкретном рабочем месте не отменяет его стремления к большему заработку (большему совокупному трудовому доходу), то есть к большей степени самоэксплуатации при наличии соответствующих возможностей — свободного от основной работы времени и места приложения добавочных усилий. Например, интернет и мобильная связь значительно расширяют и облегчают такие возможности в различных областях экономики для дополнительного заработка в свободное от основной работы время. В данном случае заработная плата, как выражение вознаграждения за приложение усилий работником на конкретном рабочем месте, может лишь осложнить и частично ограничить его стремление

к обретению больших, чем заработная плата, благ в своё распоряжение, но не отменить это стремление. Величина заработной платы (точка s' на графике, рис. 3) лишь устанавливает точку равновесия эксплуатации (точка x' на графике, рис. 3) на пути к точке равновесия самоэксплуатации (точка x на графике, рис. 3) работника.

После траты определённого количества энергии на рабочем месте у наёмного работника ещё может сохраниться её часть для дополнительного заработка, как может сохраниться и недостаток в уровне удовольствия от потребления результатов труда на основной работе. Доказательством служит стремление многих наёмных работников к получению дополнительного за пределами предприятия работодателя заработка до пределов, ограниченных наличием у работника свободного времени, энергии и соответствующих возможностей. Поэтому представленный на рис. 1 график, по нашему мнению, является универсальным для любого трудоустроенного человека, как для малого предпринимателя, так и для современного наёмного работника, в том числе и менеджера (управленца). В последнем случае интенсивность труда, нагрузка на менеджера непосредственно связана с понятием «масштаб управляемости» или «норма управляемости» и зависит от многих дополнительных факторов, в том числе от типа производства [21; 24]. Однако при этом соотношение двух упомянутых субъективных оценок труда наёмного работника имеет некоторые особенности, которые мы рассмотрим ниже.

В отличие от натурального крестьянского труда и труда индивидуального предпринимателя блага, поступающие в распоряжение наёмного работника, ограничены заработной платой, то есть частью дохода, разделённого с работодателем. Однако, если точка равновесия эксплуатации (точка x' на графике, рис. 3) находится на кривой CD слева от точки равновесия самоэксплуатации (точка x на графике, рис. 3), то у наёмного работника ещё остаётся возможность (при наличии стремления и энергии) к увеличению степени самоэксплуатации для получения максимума дохода путём дополнительного заработка (точка s на графике, рис. 3). Точка равновесия эксплуатации является частным случаем точки равновесия самоэксплуатации, когда они не совпадают друг с другом.

Если стремление и энергия работника к дополнительному труду за пределами основной работы используются работодателем в собственных интересах путём повышения степени эксплуатации

работника (увеличение нагрузки), то в этом случае у работодателя существует возможность нагружать работника дополнительной работой только до известных пределов (точка x' на графике, рис. 3). При этом увеличение нагрузки требует сопровождения соответствующим вознаграждением до тех пор, пока сам наёмный работник будет считать поступающее в его обладание вознаграждение адекватным дополнительной нагрузке. В случае если работодатель не использует в своих интересах стремление работника к реализации остатков энергии от основной работы, то такой работник, вероятно, будет искать дополнительную работу вне предприятия, где трудится.

Если же, в случае наличия дополнительной работы у работника помимо основной, нагрузка, возлагаемая на работника предприятием, превысит точку равновесия эксплуатации (точка x' на графике, рис. 3), то независимо от величины вознаграждения (точка s' на графике, рис. 3), продукция наёмного работника может остановиться. То есть, при наличии дополнительного источника дохода, работник будет ограничивать затраты своей энергии на основном рабочем месте до тех пор, пока предельная величина тягостности труда для получения дополнительного заработка не превысит предельную величину его привлекательности по отношению к привлекательности заработка на основном рабочем месте. То есть работник отдаёт приоритет увеличению усилий вне основной работы, поскольку рассчитывает получить больший доход там, где увеличение усилий приводит к увеличению получения благ (в отличие от постоянной заработной платы), при условии поддержания усилий на основной работе на уровне, достаточном для получения заработной платы.

Опрос наёмных работников трёх малых предприятий, проведённый автором, показал, что большинство опрошенных (42 человека из 56) готово дополнительно трудиться вне основного места работы, если бы имели для этого временные и технические возможности. Сегодня такие возможности имеются, например, в интернете на маркетплейсах, где активность возможна даже без отрыва от работы на основном рабочем месте.

Закон самоэксплуатации работника (трудового человека)

Три различных между собой вида деятельности трудового человека с точки зрения характера труда и получения в своё распоряжение его результатов — крестьянский (натуральный),

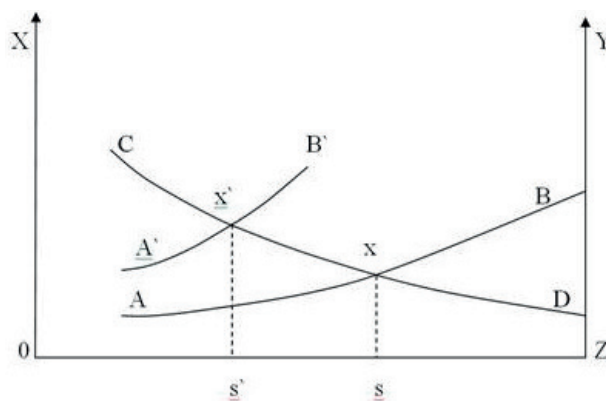

Рис. 3. Заработная плата как препятствующий фактор на пути достижения работником максимальной степени самоэксплуатации:

OX — ось субъективной оценки предельной полезности следующего зарабатываемого рубля;
 ZY — ось субъективной оценки тягостности заработка следующего зарабатываемого рубля;
 OZ — зарабатываемые рубли; AB — кривая роста субъективной оценки тягостности заработка следующего рубля; CD — кривая снижения субъективной оценки полезности следующего зарабатываемого рубля; $A'B'$ — кривая роста субъективной оценки тягостности приложения сил для оправдания заработной платы;
 x — точка максимальной самоэксплуатации работника (точка равновесия); x' — точка максимальной эксплуатации наёмного работника;
 s — субъективно оптимальная величина дохода работника, к которому он стремится при наличии возможностей; s' — величина заработной платы наёмного работника, устанавливаемая работодателем.

Источник: составлено автором.

Fig. 3. Wages as an obstacle to the achievement of the maximum degree of self-exploitation by the worker:

OX is the axis of the subjective assessment of the marginal utility of the next ruble earned. ZY is the axis of the subjective assessment of the burden of earning the next ruble earned. OZ — earned rubles. AB is the growth curve of the subjective assessment of the burden of earning the next ruble; CD is the curve of decreasing the subjective assessment of the usefulness of the next ruble earned; $A'B'$ is the growth curve of the subjective assessment of the burden of applying forces to justify wages; x is the point of the worker's maximum self-exploitation (equilibrium point); x' is the point of maximum exploitation of the hired worker; s is the subjectively optimal amount of the employee's income, which he strives for if he has the opportunity; s' is the wage of the employee as determined by the employer.

Source: Compiled by the author

предпринимательский (самозанятый или индивидуальный), наёмный — все они имеют одинаковую закономерность отношения субъективной оценки предельной полезности получаемого в результате труда предельного блага к предельной тягостности получения (присвоения) этого блага.

На основании изложенного можно сформулировать следующее: как к натуральному крестьянскому хозяйству (что имеет прямое отношение к современному сельскому индивидуальному хозяйству), так и к производительному труду современного самозанятого или индивидуального предпринимателя, а также к наёмному работнику действуют одни и те же зависимости субъективных оценок с поправкой на некоторые характерные для них особенности. Этот факт позволяет утверждать о действии (наличии) в отношении любого хозяйствующего (трудового) человека универсального закона самоэксплуатации: Субъективная оценка работником (трудовым человеком) предельной полезности зарабатываемого блага всегда будет снижаться, а предельная тягостность заработка этого блага возрастать. В точке пересечения этих двух оценок наступает равновесное состояние, когда оценка дальнейших усилий по заработку предельного блага приобретает негативный характер и превышает оценку привлекательности зарабатываемого предельного блага. В этой равновесной точке работник (трудо-вой человек) перестаёт прикладывать усилия по заработку следующего блага.

Закон самоэксплуатации действует в отношении таких работников (трудовых людей), чей доход непосредственно зависит от прилагаемых ими собственных физических и/или умственных усилий.

Сегодня много внимания уделяется исследованию¹ удовлетворённости трудом², получению работником удовольствия от труда³. Работа, приносящая радость человеку, повышает производительность его труда и увеличивает отдачу от прилагаемых им усилий⁴. Этот положительный фак-

тор, оказывающий влияние на результативность труда, в рамках рассматриваемого закона ослабляет (понижает) субъективную оценку работником тягостности приобретения предельного блага (результата), то есть сдвигает точку равновесия вправо по графику (рис. 2), кардинально не изменяя его, так же, как в случае успеха предпринимателя: кривая АВ становится более пологой, чем АВ'', соответственно положение точки максимальной самоэксплуатации x тоже сдвигается вправо (x'') по кривой CD, что выражается в более (s'') значительных результатах усилий работника, получающего удовольствие от труда, по сравнению с «нейтральным» (x) по отношению к труду работником. Достижение максимальных величин самоэксплуатации — предельной субъективной оценки тягостности прилагаемых усилий для достижения какого-либо результата и предельной оценки его полезности в каждом конкретном случае трудового дня (недели, месяца) — наступит неизбежно по причине ограниченности физических и интеллектуальных возможностей работника и связанной с этим потерей (пусть и временной) интереса к результатам усилий независимо от его позитивного настроения.

Закон самоэксплуатации работника (трудо-вого человека) как причина необходимости делегирования полномочий в организациях

В соответствии с предложенной формулировкой закона самоэксплуатации работника (трудо-вого человека), если нагрузка, возлагаемая на работника (менеджера) предприятием, превысит точку равновесия его самоэксплуатации (точка x на графике, рис. 3), то независимо от величины вознаграждения (точка s на графике, рис. 3), продукция наёмного работника (менеджера) останется.

В этом случае работодателю важно следить за состоянием исполнения поставленных перед работником (менеджером) задач, поддерживая с ним обратную связь. И при устойчивом неисполнении с надлежащим качеством задач работником (менеджером) прибегать либо к повышению производительности его труда с помощью новых технологий или техники, либо к делегированию его полномочий другому работнику с целью снятия излишней нагрузки, превышающей точку равновесия эксплуатации.

Именно в этом суть природы нормы управляемости или сферы контроля и причина необходимости делегирования полномочий в рамках одной профессиональной (функциональной)

¹ URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/478/rabota-dolzha-dostavlyat-udovolstvie/?ysclid=lwhosg9g5y823229424/> (дата обращения 21.03.2024).

² Сладкова К. С. Удовлетворенность трудом как характеристика качества трудовой жизни // Гуманитарный научный журнал. 2018. № 1-1. С. 125–130.

³ URL: <https://scientificrussia.ru/articles/izucenie-udovolstvia/> (дата обращения 21.03.2024).

⁴ URL: <https://babylon.ru/motivational-models-socio-economic-formations/chast-4-sozidatelnyj-trud/?ysclid=lwhoo59hqk679348966/> (дата обращения 21.03.2024).

деятельности при вертикальном разделении труда. Указание на рамки одной профессиональной (функциональной) деятельности и вертикального разделения труда — важное уточнение, поскольку ещё одной объективной причиной делегирования части полномочий может выступать необходимость в горизонтальном разделении труда, то есть потребность в узкоспециализированных функциональных знаниях.

Иногда, как показывает многолетняя практика, работодатель прибегает к «излишнему» стимулированию работника для решения повышенной важности и сложности задач. В такой ситуации степень стимулирования может превысить относительную «точку равновесия» эксплуатации работника, что рискует вызвать остановку продукции работника (менеджера), поскольку его дальнейшие усилия над собой в рамках наёмной работы уже не могут принести ему большего блага, чем он ожидает. При таком положении существует опасность для работодателя попасть в ловушку «излишнего» стимулирования работника (менеджера), когда увеличение стимулирования не приводит к соответствующему увеличению отдачи.

Как в случае самозанятого или индивидуального предпринимателя, так и в случае наёмного работника (менеджера), сдвинуть точку его максимальной самоэксплуатации вправо по кривой CD на графике (рис. 3) возможно либо повышением производительности труда, либо делегированием его чрезмерных полномочий другому менее загруженному сотруднику.

Заключение

Выявленные закономерности соотношения субъективных оценок предельной полезности и тягостности следующего зарабатываемого блага хозяйствующим (трудовым) человеком позво-

ляют сформулировать закон самоэксплуатации современного работника (трудового человека).

Сформулированный закон самоэксплуатации универсален для любого современного работника (хозяйствующего, трудового человека).

Закон самоэксплуатации трудового человека, по мнению автора, вполне можно отнести к деятельности любого человека, когда речь заходит о его собственной физической или умственной нагрузке для получения каких-либо результатов. Соотношение степени волевых усилий над собой продолжать действовать для достижения желаемых результатов всегда будут соотноситься человеком с собственной субъективной оценкой получения какой-либо пользы от этих усилий, будь то дополнительный заработок, вскопанная картофельная грядка или приобретённые новые знания.

В случае наёмного работника (исполнителя и менеджера) закон самоэксплуатации имеет особенность в виде ограничителя «заработная плата» с характерной предельной точкой эксплуатации (точка x' на графике, рис. 3) работника на пути к точке равновесия (точка x на графике, рис. 3) его самоэксплуатации. Этот ограничитель не останавливает стремления работника к дополнительному заработку, а лишь осложняет его. Сдвинуть точку равновесия эксплуатации вправо по графику (точка x' на графике, рис. 3) для работодателя возможно либо путём повышения производительности труда работника, либо делегирования чрезмерной части его полномочий другому работнику.

Сформулированный закон самоэксплуатации раскрывает основной механизм достижения пределов интенсификации труда и может служить основой для дальнейших исследований теоретических основ человеческого труда, прикладной количественной конкретизации абстрактной модели самоэксплуатации.

Список источников

1. Андрушин В. А. Теория Грейкунаса // Автор24 : справочник. 2015. 28 декабря. URL: https://spravochnick.ru/menedzhment/vzaimodeystvie_cheloveka_i_organizacii/teoriya_graykunasa/ (дата обращения: 21.03.2024).
2. Кохно П. А. Обоснование норм управляемости руководителей МВД России // Академия тринитаризма. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001c/2474-khn.pdf> (дата обращения 21.03.2024).
3. Маршев В. И. История управленческой мысли : учебник. М. : ИНФРА-М, 2011. 731 с.
4. Менгер К., Бём-БаверкЕ., Визер Ф. Австрийская школа в политической экономии : пер. с нем. / Предисл., коммент., сост. В. С. Автономова. М. : Экономика, 1992. 496 с.
5. Михненко П. А. Теория менеджмента : учебник. — 4-е изд. М. : Университет «Синергия», 2018. 520 с.
6. Пиньковецкая, Ю. С. Методический подход к определению оптимальной нормы управляемости в малых предприятиях // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера:

Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2012. № 1. С. 11.

7. Покидченко М. Г., Чаплыгина И. Г. История экономических учений. М. : ИНФРА-М, 2008. 271 с.
8. Румянцева Е. Е. Экономические дискуссии XXI века. М. : ИНФРА-М, 2010. 300 с.
9. Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: Рынок и предпринимательское творчество. М. : Социум, 2007. 202 с.
10. Чаянов А. В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М. : Новая деревня, 1924. 152 с.
11. Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М. : Кооперативное издательство, 1925. 215 с.
12. Чаянов А. В. Очерки по теории трудового хозяйства // В сб. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М. : Экономика, 1989. 492 с.
13. Tschajanow A. Die Lehre von der baurlichen Wirtschaft: Versuch e. Theorie d. Familienwirtschaft im Landbau. Nachdr. d. Ausg. Berlin, Parey, 1923 // mit e. Einl. von Gerd Splitter. Frankfurt/Mein; New York: Campus Verlag. XXVIII, 1987. 132 p.
14. Atherton A., Wu D., Wu Zh. Self-exploitation or successful entrepreneurship? The effects of personal capital on variable outcomes from self-employment // Journal of Small Business and Enterprise Development. 2018. DOI: 10.1108/JSBED-02-2018-0048. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JSBED-02-2018-0048/full/html> (дата обращения: 21.03.2024).
15. Baron R. Thinking about cognition and its central role in entrepreneurship: confessions of a 'reformed behaviorist' // In: Mitchell R., Mitchell R., Randolph-Seng B. (eds.) Handbook of Entrepreneurial Cognition. Edward Elgar, Cheltenham, 2014. P. 61–85.
16. Clark T., Linzer D. Should I use fixed or random effects? // Political Science Research and Methods. 2014. Vol. 3, № 2. P. 399–408.
17. Dillon E., Stanton C. Self-employment dynamics and the returns to entrepreneurship, NBER Working Papers, Working Paper No. 23168 // National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA, 2017.
18. Fisher P. Does repeated measurement improve income data quality? ISER Working Paper No. 2016–11 // Institute for Social and Economic Research. Essex University, 2016. 307 p.
19. Gossen H. H. Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und der daraus flissenden Regeln für menschliches Handeln, 1889. P. 295.
20. Harms H. Burnout // Ausgebrannt Institute fuer psychotherapeutische Information. 2020. 18(1). P. 41.
21. Woodward J. Industrial Organization: Theory and Practice. Oxford University Press, 1970. 262 p.
22. Bärbel K. Die Arbeitsfalle — und wie man sein Leben zurückgewinnt // Strategien gegen die Selbstausbeutung und für ein wertvolles Leben. Walhalla, 2005. 239 p.
23. Türk K. Main works of organizational theory. Wiesbaern : Westdeutscher Verlag, 2000. P. 339–341.
24. Moosbrugger J. Freiwillige Selbstausbeutung” auf der Subjektebene // In: Subjektivierung von Arbeit: Freiwillige Selbstausbeutung. VS Verlag fuer Sozialwissenschaften, 2012. DOI: 10.1007/978-3-531-18788-4
25. Muhr S. L., Pedersen M., Alvesson M. Workload, Aspiration, and Fun: Problems of Balancing Self-Exploitation and Self-Exploration in Work Life // In: Mikael Holmqvist, André Spicer (ed.) Managing 'Human Resources' by Exploiting and Exploring People's Potentials (Research in the Sociology of Organizations, Volume 37), Emerald Group Publishing Limited, 2013. P. 193–220. DOI: 10.1108/S0733-558X(2013)0000037011
26. Tarrit F. Self-ownership and exploitation. France : Universit'e de Reims Champagne-Ardenne, 2019. P. 14.
27. Zimmermann K. F. Nur noch Roboter und Selbstausbeutung? Über die Herausforderungen und Chancen der neuen Welt der Arbeit // IZA Standpunkte. Forschungsinstitut zur Zukunft der Arbeit (IZA). 2015. № 80. P. 11.

References

1. Andryushin VA. Greikūnas theory. In: Author24 : reference book = The Author24 Reference Book. 2015. Available from: https://spravochnick.ru/menedzhment/vzaimodeystvie_cheloveka_i_organizacii/teoriya_graykunasa/ (accessed: 21.03.2024). (In Russ.).
2. Kokhno PA. Substantiation of the norms of manageability of the heads of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Available from: https://spravochnick.ru/menedzhment/vzaimodeystvie_cheloveka_i_organizacii/teoriya_graykunasa/ (accessed: 21.03.2024). (In Russ.).
3. Marshev VI. Istoriya upravlencheskoy mysli = History of Managerial Thought. Textbook. Moscow: INFRA-M Publ; 2011. 731 p. (In Russ.).

4. Menger K, Böhm-Bawerk E, Wieser F. Avstriyskaya shkola v politicheskoy ekonomii = Austrian School in Political Economy. Moscow: Ekonomika Publ.; 1992. 496 p. (In Russ.).
5. Mikhnenko PA. Teoriya menedzhmenta = Theory of Management. Textbook. 4th ed., Moscow: University “Synergy”; 2018. 520 p. (In Russ.).
6. Pinkovetskaya YuS. A methodological approach to determining the optimal norm of manageability in small enterprises. *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta* = Corporate governance and innovative development of the economy of the North: Bulletin of the Scientific Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2012;(1):11. (In Russ.).
7. Pokidchenko MG, Chaplygina IG. Istoriya ekonomicheskikh ucheniy = History of Economic Doctrines. Moscow: INFRA-M Publ.; 2008. 271 p. (In Russ.).
8. Rumyantseva EE. Ekonomicheskiye diskussii XXI veka = Economic Discussions of the 21st Century. Moscow: INFRA-M Publ.; 2010. 300 p. (In Russ.).
9. Huerta de Soto H. Avstriyskaya ekonomicheskaya shkola: Rynok i predprinimatel'skoye tvorchestvo = Austrian School of Economics: Market and Entrepreneurial Creativity. Moscow: Socium; 2007. 202 p. (In Russ.).
10. Chayanov AV. Ocherki po ekonomike trudovogo sel'skogo khozyaystva = Essays on the Economics of Labor Agriculture. Moscow: Publ. House of the People's Commissariat of Agriculture “New Village”, 1924. 152 p. (In Russ.).
11. Chayanov AV. Organizatsiya krestjanskogo hosajstva = Organization of peasant farming. Moscow: Cooperative Publ. House; 1925. 215 p. (In Russ.).
12. Chayanov AV. Essays on the Theory of Labor Economy. In: Chayanov AV. Krest'yanskoye khozyaystvo. Izbrannyye trudy = Peasant farming. Selected works. Moscow: Ekonomika Publ., 1989. 492 p. (In Russ.).
13. Tschajanow A. The theory of peasant economy: an attempt at a theory of family economy in agriculture. Reprint of the edition. Berlin, Parey, 1923. With an introduction by Gerd Splitter. Frankfurt/Mein; New York: Campus Verlag; 1987. 132 p. (In German).
14. Atherton A, Wu D, Wu Zh. Self-exploitation or successful entrepreneurship? The effects of personal capital on variable outcomes from self-employment. *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 2018. DOI: 10.1108/JSBED-02-2018-0048. Available from: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JSBED-02-2018-0048/full/html> (accessed: 21.03.2024).
15. Baron R. Thinking about cognition and its central role in entrepreneurship: confessions of a ‘reformed behaviorist’. In: Mitchell R, Mitchell R, Randolph-Seng B. (eds.) Handbook of Entrepreneurial Cognition. Edward Elgar, Cheltenham; 2014. Pp. 61-85.
16. Clark T., Linzer D. Should I use fixed or random effects? *Political Science Research and Methods*. 2014;3(2):399-408.
17. Dillon E, Stanton C. Self-employment dynamics and the returns to entrepreneurship, NBER Working Papers, Working Paper No. 23168. National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA; 2017.
18. Fisher P. Does repeated measurement improve income data quality? ISER Working Paper No. 2016–11. Institute for Social and Economic Research, Essex University; 2016. 307 p.
19. Gossen HH. Development of the laws of human traffic and the resulting rules for human action. Handeln; 1889. 295 p. (In German).
20. Harms H. Burnout. *Burned out Institute for psychotherapeutic information*. 2020;18(1):41. (In German).
21. Woodward J. Industrial Organization: Theory and Practice. Oxford University Press; 1970. 262 p.
22. Kerber Bärbel. The work trap — and how to get your life back. Strategies against self-exploitation and for a valuable life. Walhalla; 2005. 239 p. (In German).
23. Türk K. Main works of organizational theory. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag; 2000. Pp. 339-341. (In German).
24. Moosbrugger J. Voluntary self-exploitation” at the subject level // In: Subjectification of work: Voluntary self-exploitation. VS Verlag fuer Sozialwissenschaften; 2012. DOI: 10.1007/978-3-531-18788-4 (In German).
25. Muhr SL, Pedersen M, Alvesson M. Workload, Aspiration, and Fun: Problems of Balancing Self-Exploitation and Self-Exploration in Work Life. In: Mikael Holmqvist, André Spicer (ed.) Managing ‘Human Resources’ by Exploiting and Exploring People’s Potentials (Research in the Sociology of Organizations, Vol. 37), Emerald Group Publishing Limited; 2013. Pp. 193-220. DOI: 10.1108/S0733-558X(2013)0000037011

26. Tarrit F. Self-ownership and exploitation. France : Universit'e de Reims Champagne-Ardenne; 2019. P. 14.
27. Zimmermann KF. Only robots and self-exploitation? On the challenges and opportunities of the new world of work. *IZA Standpoints. Research Institute for the Study of Work (IZA)*. 2015;(80):11. (In German).

Информация об авторе

О. Л. Толмачёв — кандидат экономических наук, профессор кафедры организационного менеджмента.

Information about the authors

Oleg L. Tolmachev — Candidate of Economic Sciences, Professor of the Department of Organizational Management.

*Статья поступила в редакцию 22.04.2024;
одобрена после рецензирования 28.05.2024; при-
нята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 22.04.2024; approved
after reviewing 28.05.2024; accepted for publication
17.06.2024.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.59

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-23-32

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: СОДЕРЖАНИЕ И ИЗМЕРЕНИЯ

Дмитрий Александрович Плетнёв

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия, pletnev.da@uiec.ru, 0000–0002–6494–572X

Аннотация. Качество жизни (и уровень жизни как его важная составляющая) остаётся важным мерилем социально-экономического развития и эффективности государственной политики в этой сфере. Вместе с тем однозначного ответа на вопрос об измерении качества жизни до сих пор нет. И академическая наука, и профессиональное экспертное сообщество, разрабатывающее различные рейтинги качества жизни, предлагают существенно отличающиеся друг от друга трактовки. И это, безусловно, вредит эффективному использованию качества жизни в виде цели и результата деятельности государства. Цель статьи — предложить и апробировать для систематизации существующих подходов в оценке качества жизни матрицу «четырёх качеств жизни» Р. Винховена, ранее не рассматривавшуюся в российской экономической науке. В статье проанализированы подходы к определению и измерению качества жизни, рассмотрен и проанализирован сам подход Р. Винховена, а также продемонстрированы возможности его применения к систематизации измерителей качества жизни, предлагаемых российскими исследователями. Результаты, представленные в статье, будут полезны для сближения существующих подходов к оценке качества жизни и выработки консенсусного понимания сути и измерителей качества жизни, для последующего применения в практике государственного управления.

Ключевые слова: качество жизни, оценка качества жизни, удовлетворение потребностей, экономические измерения

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Институт экономики УрО РАН на 2024–2026 гг.

Для цитирования: Плетнёв Д. А. Качество жизни: содержание и измерения // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 23–32. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-23-32

Original article

QUALITY OF LIFE: ESSENCE AND MEASUREMENTS

Dmitri A. Pletnev

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, pletnev.da@uiec.ru, 0000-0002-6494-572X

Abstract. Quality of life remains an important measure of socio-economic development and the effectiveness of public policy in this area. At the same time, there is still no clear answer to the question of measuring quality of life. Both academic science and the professional expert community that develop various quality of life ratings offer significantly different interpretations. And this, of course, harms the effective use of quality of life as a goal and result of state activities. The purpose of the article is to propose and test for systematization of existing approaches in assessing the quality of life the matrix of “four qualities of life” by R. Veenhoven, which has not previously been considered in Russian economic science. The article analyzes approaches to defining and measuring the quality of life, considers and analyzes R. Veenhoven’s approach itself, and also demonstrates the possibilities of its application to the systematization of quality of life measures proposed by Russian researchers. The results presented in the article will be useful for bringing together existing approaches to assessing quality of life and developing a consensus understanding of the essence and measures of quality of life, for subsequent application in public administration practice.

Keywords: quality of life, assessment of quality of life, satisfaction of needs, economic measurements

Funding. The article was prepared in accordance with the Research Plan of Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026.

For citation: Pletnev DA. Quality of life: content and measurements. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488)):23-32. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-23-32

Введение

В современной науке, практике государственного управления и общественной жизни часто встречается понятие «качество жизни». О необходимости повышения качества жизни россиян неоднократно говорил и Президент России В. В. Путин в своих публичных выступлениях¹. Существует множество альтернативных рейтингов качества жизни, научных систем его измерения. Такое многообразие делает сложной задачу оценки того, насколько на самом деле меняется качество жизни, достигаются ли поставленные в этом направлении цели. По этой причине важно постоянно «сверять часы», актуализировать систематический анализ существующих подходов и понимать разделяемый большинством учёных, государственных деятелей и, что самое важное, жителей контекст использования понятия «качество жизни».

Цель статьи — систематизация существующих подходов к трактовке и оценке качества жизни в российской экономической науке в предлагаемой когнитивной рамке двух измерений Р. Вин-

ховена: внутреннее — внешнее и возможности — результаты.

Для достижения цели в статье последовательно решены задачи:

1. Проанализированы актуальные подходы к определению качества жизни (как понятия или как категории) в российской научной литературе.
2. Описан подход Р. Винховена к систематизации взглядов на определение и оценку качества жизни.
3. Обобщены и систематизированы в рамках двух измерений (внутреннее — внешнее и возможности — результаты) существующие подходы к оценке качества жизни.
4. Выделены направления совершенствования существующих подходов к измерению качества жизни на основе проведённого анализа.

О трактовке качества жизни современными российскими исследователями

По мнению Л. А. Беляевой, ставшим классическим (на эту её работу и трактовку ссылается наибольшее число авторов, по информации eLibrary.ru), качество жизни трактуется как «комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе» [13]. Автор интерпретирует качество жизни как набор объективных и субъективных показателей и критериев оценки условий жизнедеятельности населения, которые включают в себя уровень жизни, среду обитания, социальное благополучие, политическую обстановку, психологический комфорт и прочие показатели.

Такая интерпретация исследуемого понятия основана на социально-экономическом подходе к изучению качества жизни, который впервые был озвучен в 1966 г. в связи с публикацией коллективной монографии «Социальные индикаторы» под редакцией Р. Бауэра. Данная работа обозначила качество жизни как интегральный показатель, исследования вокруг анализируемого понятия обрели научный характер, а к объективным факторам качества жизни (экономическим) добавились субъективные (социальные).

¹ Путин назвал повышение качества жизни российский семей в числе задач нового срока // Российская газета. 2024. 7 мая. URL: <https://rg.ru/2024/05/07/putin-nazval-povyshenie-kachestva-zhizni-rossijskij-semej-v-chisle-zadach-novogo-sroka.html> (дата обращения: 30.05.2024); Путин назвал приоритетом повышение доходов и качества жизни россиян // РБК : сайт. 2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65ca063d9a794735c320a32b> (дата обращения: 30.05.2024); Путин назвал приоритетом поддержку рождаемости и достойное качество жизни семей // Известия : сайт. 2024. URL: <https://iz.ru/1687495/2024-04-25/putin-nazval-prioritetom-podderzhku-rozhdaemosti-i-dostoinoe-kachestvo-zhizni-semei> (дата обращения: 30.05.2024); Путин назвал важнейшим вопросом повышение качества жизни в сельской местности // ТАСС : сайт. 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18940841> (дата обращения: 30.05.2024); Путин рассказал об использовании ИИ для улучшения качества жизни // РИА Новости : сайт. 2022. URL: <https://ria.ru/20221124/putin-1834003861.html> (дата обращения: 30.05.2024); Путин уверен, что через 10 лет в России качество жизни будет лучше // ТАСС : сайт. 2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14871407> (дата обращения: 30.05.2024); Программа Путина существенно улучшит качество жизни россиян, убеждён Глазьев // Единая Россия : сайт. 2012. URL: <https://er.ru/activity/news/programma-putina-sushestvenno-uluchshit-kachestvo-zhizni-rossiyan-ubezhden-glazev> (дата обращения: 30.03.2024).

Среди современных авторов схожего мнения относительно трактовки качества жизни придерживается Д. Г. Давыдов [16], который предложил три уровня операционализации исследуемого понятия: объективные условия жизни общества, субъективная оценка благополучия индивида, факты преобладающего состояния и поведения человека, что соотносится с определением Л. А. Беляевой.

А. М. Трофимов и И. Г. Мальганова [31] определяют качество жизни как социально-экономическую категорию, которая включает объективные показатели — совокупность жизненных ценностей, характеризующих структуру потребностей, виды деятельности и условия существования населения, и субъективные оценки — степень удовлетворённости населения жизнью, социальными отношениями и окружающей средой.

Аналогичное определение качества жизни приводит Д. В. Фёдоров. По утверждению автора, качество жизни — «интегральная категория, характеризующая степень удовлетворения всего комплекса жизненных потребностей (материальных и духовных) на уровне общества и отдельного индивида, с учётом существующих на данный момент ресурсных возможностей страны» [32, с. 10].

Как комплексный и многогранный социально-экономический показатель качество жизни рассмотрено В. Ю. Моисеевой [22]. По её мнению, качество жизни возможно выразить с помощью конкретного набора объективных индикаторов и субъективных условий для развития и удовлетворения потребностей, что также соответствует подходу Л. А. Беляевой.

Сходную трактовку термина «качество жизни» приводит и О. А. Ковынева [20]. В рамках объективных показателей автором рассматриваются фундаментальные потребности индивида: пища, жильё, безопасность, а также образование, возможность реализации и окружающая обстановка (экологическая, политическая и социальная среда). В качестве субъективных факторов автор приводит систему ценностей индивида и общества в целом, а также эмоциональные факторы (самочувствие, удовлетворённость жизнью, счастье).

В. В. Блинов [14] предложил синонимичное определение: качество жизни — это интегральная категория, выражающаяся через определённый набор параметров и условий, основанных как на объективной, так и субъективной оценке, и характеризующая степень удовлетворения всего комплекса потребностей человека.

С точки зрения О. Н. Андреевой [8], качество жизни также следует рассматривать как широкий

показатель, включающий в себя объективную оценку благосостояния в числе прочих критериев качества жизни, но также учитывающий и ещё целый ряд субъективных показателей удовлетворения разного рода потребностей (здравоохранение, социальное обеспечение, транспорт, связь и коммуникации, обеспеченность учреждениями культуры и т. д.).

О. В. Артёмова, Н. М. Логачёва и А. Н. Савченко [9–11] утверждают, что качество жизни является многомерным, многоаспектным понятием, включающим в себя как объективные материальные критерии, так и субъективные социальные, такие как удовлетворённость условиями жизни, сферой обслуживания, окружающей средой, содержательным общением, знаниями, творческим трудом.

Вышеприведенные интерпретации термина «качество жизни» имеют общие черты: авторы придерживаются единого мнения о том, что для определения качества жизни необходимо учитывать как объективные показатели — условия жизни общества, так и субъективные оценки самого общества в целом или индивида в частности — степень удовлетворения потребностей (материальных и духовных), выраженная сквозь призму восприятия населением, обществом, человеком собственного положения.

Вместе с тем существуют и ряд альтернативных подходов к определению качества жизни, отличающихся от рассмотренных выше, в основе которых лежит методология различных наук — от философии до медицины и экологии.

Существуют и несколько отличающиеся «экономические» трактовки качества жизни как взаимосвязанной совокупности всевозможных общественных благ, которые направлены на удовлетворение интеллектуальных потребностей человека (Дж. Гэлбрейт [30]), или же как возможность повышать уровень достатка, воспроизводить трудовой потенциал (И. Н. Кулаков [21], В. Ф. Потуданская, Д. Н. Шайкин [24], В. А. Суровнева [29]).

В рамках альтернативного, «философского» подхода качество жизни определяется степенью удовлетворённости личности уровнем реализации духовных, культурных потребностей и наполненностью существования смыслом (В. Л. Квинт, В. В. Окрепилов [18], А. В. Щеткин [35]). За основу подхода философы принимают концепцию «хорошей жизни» Аристотеля, в контексте которой представители подхода трактуют качество жизни как благополучие и счастье человека.

Качество жизни как комплексную характеристику физического, психологического, эмоционального и социального функционирования человека как биологического существа, основанную на его субъективном восприятии и неразрывно связанную со здоровьем, рассматривают представители «медицинского» подхода (В. Н. Амирджанова и коллеги [7], В. Ю. Моисеева [22], А. А. Новик, Т. И. Ионова [23], В. А. Руженков и коллеги [26]). Иными словами, в медицинском понимании качество жизни — это степень удовлетворённости человека внутренним и внешним комфортом, состоянием физического и ментального здоровья.

«Экологический» подход рассматривает качество жизни как основу концепции «устойчивого развития» — не только сохранение природных ресурсов и биосферы Земли, но и определение вектора социально-экономического развития общества с учётом законов природы. В контексте «экологического» подхода качество жизни раскрывается как состояние окружающей среды, сохранность природных ресурсов для жизни следующих поколений (С. З. Кимова и коллеги [19], О. А. Ковынева [20]).

«Социологический» подход определяет качество жизни как совокупность особенностей, отличающих жизнь представителей разных социально-демографических групп населения (О. Н. Андреева [8], И. М. Сидорова [28], О. Ю. Филькина [33], Х. М. Хаджалова [34]). Представители «социологического» подхода проводят прямую взаимосвязь между качеством жизни и социальным статусом человека: существуют такие потребности, удовлетворение которых предполагает причастность личности к определённой социальной группе (доходы, защищённость от преступности и насилия, качество ЖКХ, имущество и собственность, возможность управлять обществом).

Существующие подходы можно классифицировать в зависимости от методологии по следующим категориям: объективные подходы (в контексте каждого из объективных подходов приводятся различные показатели, отражающие градацию качества жизни от низкого до высокого, способные привести качество жизни к математической величине: «медицинский», «экологический» подходы), субъективные подходы (в контексте субъективизма рассматриваются качественные характеристики и личностные критерии оценки исследуемого термина — «социологический», «философский» подходы), комбинированный

подход («экономический», качество жизни рассматривается как комплексный интегральный показатель, учитывающий как объективные характеристики, так и субъективные оценки).

«Четыре качества жизни» Р. Винховена

Многообразие существующих подходов в российской науке, равно как и плюрализм мнений в науке зарубежной (Р. А. Камминс [1], С. Мак-Колл [2], А. Сен [3], П. Сандо [4]) делает важной задачу упорядочивания трактовок в определённой когнитивной рамке.

Оригинальный подход к систематизации существующих точек зрения относительно качества жизни предложен Руутом Винховеном [5; 6]. Он предложил классифицировать существующие подходы в зависимости от двух критериальных признаков: внешних/внутренних качеств жизни и субъективных/объективных. По его мнению, наиболее разумным подходом является говорить о качестве жизни не как об интегральном показателе или едином явлении, а выделять четыре отдельных аспекта: пригодность окружающей среды для жизни, жизнеспособность человека, польза жизни и ценность жизни. Приведённые аспекты автор группирует в виде матрицы, состоящей из четырёх квадратов. Матрица «четырёх качеств жизни», предложенная автором, универсальна и пригодна к использованию для более комплексного восприятия оценки качества жизни.

Матрицу можно анализировать в контексте двух «измерений» качества жизни: жизненных возможностей и результатов жизни.

Жизненные возможности — это объективное «измерение» качества жизни, к которому относятся пригодность к жизни среды человека и возможности в жизни для человека. В матрице жизненные возможности представлены горизонтально в верхней половине.

Левый верхний квадрат матрицы отражает условия жизни или внешние жизненные возможности — объективное внешнее измерение. Часто термины «качество жизни» и «благополучие» используются именно в этом значении, особенно в трудах экологов и социологов, в экономике используется термин «благосостояние» или «уровень жизни».

Правый верхний квадрат обозначает внутренние жизненные возможности: насколько хорошо человек подготовлен к тому, чтобы справиться с различными жизненными ситуациями. Этот аспект матрицы отражает объективное внутреннее измерение. Он также известен под разными названиями. В биологии приводится термин

«адаптивный потенциал», в медицине — «здоровье», в психологии используют термины «эффективность» или «потенция».

Результаты жизни — субъективное «измерение», к которому относятся польза и ценность жизни. В матрице данное «измерение» представлено горизонтально в нижней половине.

Левый нижний квадрат представляет философскую идею о том, что хорошая жизнь должна быть хороша для чего-то большего, чем сама жизнь. Данный аспект матрицы отражает субъективное внешнее измерение качества жизни. Его можно описать словосочетанием «смысл жизни», автор же использует такой термин, как «польза жизни», поскольку, по его мнению, жизнь человека может быть полезна с определённой точки зрения, даже если сам человек об этом не знает.

Нижний правый квадрат представляет внутренние результаты жизни: то есть качество жизни по мнению того, кто его оценивает — субъективное внутреннее измерение. Обычно это обозначают такими терминами, как «субъективное благополучие», «удовлетворённость жизнью» и «счастье» в ограниченном смысле этого слова.

Различие между жизненными возможностями и результатами жизни представлено вертикально, а различие между внешними и внутренними качествами — горизонтально.

Предложенная Руутом Винховеном матрица «четырёх качеств жизни» приведена в табл. 1.

Внутри каждого из квадратов матрицы «четырёх качеств жизни» существует множество показателей. Так, например, в качестве показателей, отражающих пригодность к жизни среды человека, автор приводит доход, жилищные условия, социальные контакты. В качестве показателей, отражающих возможности в жизни для человека, автор приводит возможность работы и общения без ограничений, возможность улучшать состояние здоровья, возможность получения образования. Пользу жизни автор оценивает через следующие показатели: производительность, социальная ответственность, ощущение востребованности. Ценность жизни, по мнению автора, выражается в субъективном благополучии, счастье, позитивном мировосприятии.

Анализ качества жизни путём разработки ма-

трицы объединяет в себе как субъективный, так и объективный подход. Автор приходит к выводу о том, что данные четыре качества нельзя суммировать, в том числе — из-за совмещения субъективности и объективности, поскольку субъективные критерии и те, кто их оценивает, разнообразны, что препятствует комплексному измерению качества жизни. Поэтому итоговые оценки не имеют особого смысла, и, по мнению автора, лучший из доступных суммарных показателей — это продолжительность жизни человека и его счастье.

Об оценке качества жизни

В современной литературе также предлагаются различные конкретные измерители (показатели) для оценки качества жизни. О. Ю. Филькина [33] оценивает качество жизни по множеству показателей, объединённых в три группы:

— основные потребности человека (питание, обеспеченность жильём, личная безопасность, доступ к электричеству, воде, санитарным услугам, медицинской помощи);

— благополучие человека (уровень грамотности, доступ к информации и средствам коммуникации, уровень здравоохранения и экологическая устойчивость);

— возможности развития человека (уровень гражданских и личных свобод, обеспечение прав, возможность реализации своего потенциала).

В. Ф. Юкиш [36] причисляет к показателям оценки качества жизни следующие: среднестатистический розничный товарооборот; среднестатистический объём платных услуг; величина прожиточного минимума; среднестатистические денежные доходы; общественный библиотечный фонд; численность пользователей общественными библиотеками на душу населения; выпуск газет по числу изданий; число детских оздоровительных лагерей на душу населения; количество стадионов с трибунами не менее чем на 1500 мест; число коллективных средств размещения на душу населения.

По мнению А. М. Трофимова [31], к показателям оценки качества жизни относятся:

— социальные компоненты: продолжительность жизни; социальное благополучие; условия жизни (в т. ч. жилищные); культурный уровень

Таблица 1
Table 1

Матрица «четырёх качеств жизни»

	Внешние качества	Внутренние качества
Жизненные возможности	Пригодность к жизни среды человека	Возможности в жизни для человека
Результаты жизни	Польза жизни	Ценность жизни

населения; образование; здравоохранение; рекреация и досуг; возможность для индивидуального развития (в т. ч. информационная обеспеченность); личная безопасность;

— экономические компоненты: экономическое благосостояние населения (индивидуальное и общества); занятость населения; потребление товаров и услуг;

— экологические компоненты: экологическое состояние; погодно-климатические условия.

И. Г. Селезнева, А. С. Сухова и И. Ю. Лязина [27] предлагают набор экономических показателей оценки качества жизни: уровень оплаты труда; уровень безработицы и неполной занятости на предприятиях; уровень коррумпированности органов власти.

1. М. Ю. Присяжный [25] к показателям оценки качества жизни причисляет: здоровое существование, продолжение рода, обеспечение достойной старости; удовлетворённость людей условиями повседневного существования: быт, питание, работа, жильё, здравоохранение и образование; духовное благополучие и надежда на будущее, которая выражается в обретении людьми смысла жизни, уверенности в будущем; в высоком уровне социально-психологического комфорта; отсутствии страхов за себя и своих близких.

В. Н. Амирджанова, Д. В. Горячев, Н. И. Коршунов, А. П. Ребров, В. Н. Сороцкая [7] предлагают использовать показатели для оценки качества жизни в контексте «медицинского» подхода: физическое и ментальное здоровье, уровень энергии и социальной активности, уровень боли, сопротивляемость болезням.

Альтернативный набор показателей предлагают использовать И. Д. Голышев, О. В. Зубкова и Ю. С. Карян [15]: общая продолжительность жизни при рождении, уровень образования, уровень преступности, социальная и политическая активность населения; возможность получать медицинскую помощь, основное и дополнительное образование для себя и детей, качественное жильё и условия труда, безопасный и разнообразный досуг и социальные контакты; уровень доходов на душу населения, количество врачей на 10 000 человек, уровень занятости населения, охват детей дошкольным образованием.

О. В. Артёмов, Н. М. Логачёва, А. Н. Савченко, А. О. Ужegov [9–12] предлагают следующие показатели, характеризующие качество жизни: инфраструктура образования и здравоохранения, денежные доходы населения, уровень оплаты труда, продолжительность жизни, состояние экономи-

ки; состояние окружающей среды, доступность жилищно-коммунальных услуг, безопасность, городская инфраструктура, удовлетворённость условиями жизни (труда, отдыха, досуга), сферой обслуживания, окружающей средой, содержательным общением, знаниями, творческим трудом.

Систематизация существующих подходов через призму «четырёх качеств жизни»

Рассмотренные показатели для оценки качества жизни, предлагаемые к использованию в ведущих российских журналах, интегрируем в матрицу «четырёх качеств жизни», что позволит определить, какому из представленных аспектов качества жизни в академических исследованиях уделяется больше (или меньше) внимания (табл. 2).

Примечание: А — показатели предложены О. Ю. Филькиной [33];

В — показатели предложены В. Ф. Юкиш [36];

С — показатели предложены А. М. Трофимовым [31];

Д — показатели предложены И. Г. Селезнёвой, А. С. Суховой и И. Ю. Лязиной [27];

Е — показатели предложены И. Д. Голышевым, О. В. Зубковой, Ю. С. Карян [15];

Ф — показатели предложены О. В. Артёмовой, Н. М. Логачёвой, А. Н. Савченко [11];

Г — показатели предложены Р. Винховеном [5];

Н — показатели предложены М. Ю. Присяжным [25];

І — показатели предложены В. Н. Амирджановой, Д. В. Горячевым, Н. И. Коршуновым, А. П. Ребровым, В. Н. Сороцкой [7].

Заключение

Обзор современной литературы показал, что наибольшее внимание в рамках анализа качества жизни и его показателей в настоящее время уделяется внешним качествам жизни, то есть таким аспектам, как польза жизни и пригодность к жизни среды человека. Данные аспекты характерны для объективного подхода к исследованию качества жизни, в рамках которого качество жизни определяется характеристиками среды, в том числе тем, насколько удовлетворительны условия жизни для индивида и общества в целом. Наиболее часто в современном научном сообществе предлагаются к использованию следующие показатели оценки качества жизни: уровень здравоохранения и продолжительность жизни, возможность образования и работы, состояние бытовых условий: обеспеченность жильём, доступ

Встраивание показателей в матрицу «четырёх качеств жизни»*
Integrating indicators into the matrix of the “four qualities of life”

	Внешние качества	Внутренние качества
Жизненные возможности	Пригодность к жизни среды человека: – жилищные условия (А, Е, Н); – социальные контакты (Е); – безопасность (А, С, Н); – доступность питания (А, Н); – доступ к электричеству, воде, санитарным услугам, медицинской помощи (А, Е, Н, I); – экологическое состояние (А, С); – погодно-климатические условия (С); – уровень преступности (D, E)	Возможности в жизни для человека: – возможность работы и общения без ограничений (Е, Н); – здравоохранение (А, С, Е, F, Н, I); – продолжительность жизни (С, Е, F, Н, I); образование (С, Е, F, Н); – возможность реализации своего потенциала (А, Н); – общественный библиотечный фонд (В); – культурный уровень населения (С)
Результаты жизни	Польза жизни: – производительность (G); – социальная ответственность (G); – ощущение востребованности (G); – уровень грамотности (А); – доступ к информации и средствам коммуникации (А, С); – уровень гражданских и личных свобод (А); – обеспечение прав (А); – розничный товарооборот (В, С, F); – объём платных услуг (В, С, F); – занятость населения (С, D, Е, F, Н); – величина прожиточного минимума (В); – оплата труда (D, Е, F, Н); – среднедушевые денежные доходы (В, Е, F, Н)	Ценность жизни: – субъективное благополучие (G, Н); – счастье (G, Н); – позитивное мировосприятие (G)

к электричеству, воде, санитарным услугам, медицинской помощи, а также доходы населения.

Внутренние качества жизни — возможности жизни для человека и ценность жизни, характер-

ные для субъективного подхода, недостаточно широко анализируются в трудах современных авторов. Наименее распространены показатели, способные отразить ценность жизни для человека.

Список источников

1. Cummins R. A. Comprehensive Quality of Life Scale for Adults. (ComQol-A4). Melbourne : Deakin University. School of Psychology, 1993. 250 p.
2. McCall S. Quality of Life // Social Indicators Research. 1975. Vol. 2, no. 2. P. 229–249.
3. Sen A. Capability and Well-Being // In Sen A., Nussbaum M. (eds.). The Quality of Life. Oxford : Clarendon Press, 1992. P. 30–53.
4. Sandoe P. Quality of Life, Three Competing Views // Ethical Theory and Moral Practice. 1999. Vol. 2, no. 1. P. 11–23.
5. Veenhoven, R. The four qualities of life. Ordering concepts and measures of the good life // In: McGilivray M., Clark M. (eds.) Understanding Human Well-being. United Nations University Press, 2006. P. 74–100.
6. Veenhoven, R. Freedom and happiness: a comparative study in 44 nations in the early 1990's // In: Culture and subjective wellbeing. MIT press, Cambridge, MA USA, 2000. P. 257–288.
7. Амирджанова В. Н., Горячев Д. В., Коршунов Н. И., Ребров А. П., Сороцкая В. Н. Популяционные показатели качества жизни по опроснику SF-36 (результаты многоцентрового исследования качества жизни «Мираж») // Научно-практическая ревматология. 2008. № 1. С. 36–48.
8. Андреева О. Н. Уровень и качество жизни: содержание понятий и их составляющие // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 4 (23). С. 68–76.
9. Артёмова О. В, Логачёва Н. М. Доступность социальной инфраструктуры и качество жизни населения регионов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2023. № 4. С. 243–256.

10. Артёмова О. В., Логачёва Н. М., Савченко А. Н. Качество жизни населения в период пандемии: анализ текущей ситуации (на примере Челябинской области) // Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 64–74.
11. Артёмова О. В., Логачёва Н. М., Савченко А. Н. Исследование качества жизни населения региона в условиях цифровизации: пространственный подход // Управление в современных системах. 2020. № 3 (27). С. 3–15.
12. Артёмова О. В., Савченко А. Н., Ужегов А. О. Качество жизни в российских мегаполисах: поиск возможностей городского развития // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 76–89.
13. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни: проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.
14. Блинов В. В. К вопросу о содержании категории «Качество жизни» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2013. № 4. С. 172–175.
15. Голышев И. Д., Зубкова О. В., Карян Ю. С. Учёт показателей качества жизни для оценки результативности деятельности органов управления // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 44–51.
16. Давыдов Д. Г. Современные подходы к исследованию качества жизни // Социальные науки и современное общество. 2012. № 2 (16). С. 54–67.
17. Здоровье и здравоохранение : учеб. пособие / А. А. Шабунова, К. Н. Калашников, М. В. Морев, О. Н. Калачикова, Н. А. Кондакова ; под ред. А. А. Шабуновой. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. 154 с.
18. Квинт В. Л., Окрепилов В. В. Качество жизни и ценности в национальных стратегиях развития // Вестник российской академии наук. 2014. № 5 (84). С. 412–425.
19. Кимова С. З., Бахаровская Е. В., Томских М. С. Качество жизни и экологические проблемы современного общества // Вестник ЗабГУ. 2013. № 10. С. 38–46.
20. Ковынева О. А., Герасимов Б. И. Управление качеством жизни населения : монография ; под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Б. И. Герасимова. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. 88 с.
21. Кулаков И. Н. Влияние факторов экономической среды на качество жизни // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2017. № 5 (69). С. 24–26.
22. Моисеева В. Ю. Уровень здоровья населения в структуре человеческого капитала // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2012. № 3 (89). С. 56–60.
23. Новик А. А., Ионова Т. И. Исследование качества жизни в клинической медицине // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н. И. Пирогова. 2006. № 1. С. 91–99.
24. Потуданская В. Ф., Шайкин Д. Н. Качество жизни и качество трудовой жизни как среда формирования трудового потенциала // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 25 (190). С. 33–38.
25. Присяжный М. Ю. Понятие «Качество жизни» в системе смежных понятий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4. С. 1–10.
26. Руженков В. А., Сергеева Е. А., Москвитина У. С. Факторы, обуславливающие качество жизни медицинских работников // Медицинские новости. 2015. № 10 (253). С. 19–53.
27. Селезнева И. Г., Сухова А. С., Ляпина И. Ю. Влияние экономического роста на показатели уровня и качества жизни населения // Сервис Plus. 2018. № 3. С. 79–86.
28. Сидорова И. М. Качество жизни и современные подходы // Качество и жизнь. 2002. № 1. С. 44–48.
29. Суровнева В. А. Взаимосвязь трудового потенциала и качества жизни в регионе как основа управления персоналом // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4 (34). С. 126–130.
30. Томских М. С. Концепция качества жизни в трудах представителей постиндустриализма // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2015. № 2 (42). С. 167–172.
31. Трофимов А. М., Мальганова И. Г. Оценка качества жизни населения как форма изучения социально-географического пространства // Географический вестник. 2005. № 1–2. С. 36–43.
32. Фёдоров Д. В. Качество жизни населения: теория и пути повышения : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов : Саратовский гос. техн. ун-т. 2007. 20 с.
33. Филькина О. Ю. Качество жизни как категория современных социологических исследований // Миссия конфессий. 2023. № 72. С. 86–93.
34. Хаджалова Х. М. Институциональные основы регулирования качества жизни в регионах // РППЭ. 2013. № 4 (38). С. 290–298.
35. Щеткин А. В. Качество жизни в контексте социально-философского знания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 51. С. 136–141

36. Юкиш В. Ф., Кортиева К. Р., Садикова Г. Р. Прогнозирование показателей уровня и качества жизни населения России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 2. С. 190–194.

References

1. Cummins RA. Comprehensive Quality of Life Scale for Adults. (ComQol-A4). Melbourne: Deakin University, School of Psychology; 1993. 250 p.
2. McCall S. Quality of Life. *Social Indicators Research*. 1975;2(2):229-249.
3. Sen A. Capability and Well-Being. In: Sen A., Nussbaum M. (eds.) *The Quality of Life*. Oxford: Clarendon Press; 1992. Pp. 30-53.
4. Sandoe P. Quality of Life, Three Competing Views. *Ethical Theory and Moral Practice*. 1999;2(1):11-23.
5. Veenhoven R. The four qualities of life. Ordering concepts and measures of the good life. In: McGillivray M, Clark M. (eds.) *Understanding Human Well-being*. United Nations University Press; 2006. Pp. 74-100.
6. Veenhoven R. Freedom and happiness: a comparative study in 44 nations in the early 1990's. In: *Culture and subjective wellbeing*. MIT press, Cambridge, MA USA; 2000. Pp. 257-288.
7. Amirdzhanova VN, Goryatov DV, Korshunov NI, Rebrov AP, Sorotskaya VN. Population indicators of quality of life according to the questionnaire SF-36 (results of the multi-center study of quality of life "Mirage") *Nauchno-prakticheskaya revmatologiya = Scientific and practical rheumatology*. 2008;(1):36-48. (In Russ.).
8. Andreeva ON. Level and quality of life: content of concepts and their components. *Oikumena. Regionovedcheskiye issledovaniya = Oekoumen. Regional studies*. 2012;(4(23):68-76. (In Russ.).
9. Artemova OV, Logacheva NM. Accessibility of social infrastructure and quality of life of the population of the regions. *Vestnik PNIPU. Social'no-e'konomicheskie nauki = Bulletin of PNIPU. Socio-economic sciences*. 2023;(4):243-256. (In Russ.).
10. Artemova OV, Logacheva NM, Savchenko AN. Quality of life of the population during the pandemic: analysis of the current situation (on the example of the Chelyabinsk region). *Socium i vlast' = Society and power*. 2022;(2(92):64-74. (In Russ.).
11. Artemova OV, Logacheva NM, Savchenko AN. Research of the quality of life of the population in the context of digitalization: spatial approach. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh = Management in modern systems*. 2020;(3(27):3-15. (In Russ.).
12. Artemova OV, Savchenko AN, Uzhegov AO. Quality of life in Russian megacities: search for urban development opportunities. *Socium i vlast' = Society and power*. 2021;(1(87):76-89. (In Russ.).
13. Belyaeva LA. The level and quality of life: problems of measurement and interpretation. *Sociologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2009;(1):33-42. (In Russ.).
14. Blinov VV. On the issue of the content of the category "Quality of life". *Vestnik YuUrG U. Seriya: Ekonomika i menedzhment = Bulletin of SUSU. Series: Economics and Management*. 2013;(4):172-175. (In Russ.).
15. Golyshev ID, Zubkova OV, Karyan YuS. Accounting for quality-of-life indicators to assess the effectiveness of management bodies. *Socium i vlast' = Society and power*. 2018;(3(71):44-51. (In Russ.).
16. Davydov DG. Modern approaches to the study of quality of life. *Social'ny'e nauki i sovremennoe obshchestvo = Social sciences and modern society*. 2012;(2(16):54-67. (In Russ.).
17. Shabunova AA, Kalashnikov KN, Morev MV, Kalachikova ON, Kondakova NA. Health and healthcare. Textbook. Handbook. Ed. by A.A. Shabunova. Vologda: ISERT RAS; 2014. 154 p. (In Russ.).
18. Kvint VL, Okrepilov VV. Quality of life and values in national development strategies. *Vestnik Rossijskoi akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2014; (5(84):412-425. (In Russ.).
19. Kimova SZ, Bakharovskaya EV, Tomskikh MS. Quality of life and environmental problems of modern society. *Vestnik ZabGU = Bulletin of ZabGU*. 2013;(10):38-46. (In Russ.).
20. Kovyneva OA, Gerasimov BI. Management of the quality of life of the population. Monograph. Tambov: Publishing House of the Tambov State Technical University; 2006. 88 p. (In Russ.).
21. Kulakov IN. The influence of economic environment factors on the quality of life. *Promy'shennost': e'konomika, upravlenie, texnologii = Industry: economics, management, technologies*. 2017; (5(69):24-26. (In Russ.).
22. Moiseeva VYu. The level of public health in the structure of human capital. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo e'konomicheskogo universiteta = Bulletin of the Samara State University of Economics*. 2012;(3(89):56-60. (In Russ.).

23. Novik AA, Ionova TI. Research on the quality of life in clinical medicine. *Vestnik Nacional'nogo mediko-khirurgicheskogo centra im. N.I. Pirogova = Bulletin of the National Medical and Surgical Center named after N.I. Pirogov*. 2006;(1):91-99. (In Russ.).
24. Potudanskaya VF, Shaikin DN. Quality of life and quality of working life as an environment for the formation of labor potential. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika = Economic analysis: theory and practice*. 2010; (25(190):33-38. (In Russ.).
25. Prisyazhny MYu. The concept of "Quality of life" in the system of related concepts. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual problems of humanities and natural sciences*. 2011;(4):1-10.
26. Ruzhenkov VA, Sergeeva EA, Moskvitina US. Factors determining the quality of life of medical workers. *Medicinskie novosti = Medical news*. 2015;(10(253):19-53. (In Russ.).
27. Selezneva IG, Sukhova AS, Lyasina IY. The impact of economic growth on indicators of the level and quality of life of the population. *Servis Plus = Service Plus*. 2018;(3):79-86. (In Russ.).
28. Sidorova IM. Quality of life and modern approaches. *Kachestvo i zhizn' = Quality and life*. 2002;(1):44-48. (In Russ.).
29. Surovneva VA. Interrelation of labor potential and quality of life in the region as a basis for personnel management. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2014;(4(34):126-130. (In Russ.).
30. Tomskikh MS. The concept of quality of life in the works of representatives of postindustrialism. *Gumanitarnyj vektor. Seriya: Filosofiya, kul'turologiya = Humanitarian vector. Series: Philosophy, cultural studies*. 2015;(2(42):167-172. (In Russ.).
31. Trofimov AM, Malganova IG. Assessment of the quality of life of the population as a form of studying socio-geographical space. *Geograficheskij vestnik = Geographical Bulletin*. 2005;(1-2):36-43. (In Russ.).
32. Fedorov DV. Quality of life of the population: theory and ways of improvement. Abstract of Thesis. Saratov: Saratov State Technical University; 2007. 20 p.
33. Filkina OY. Quality of life as a category of modern sociological research. *Missiya konfessij = Mission of confessions*. 2023;(72):86-93. (In Russ.).
34. Khadzhalova HM. Institutional foundations for regulating the quality of life in the regions. *RPPE = RPPE*. 2013;(4(38):290-298. (In Russ.).
35. Shchetkin AV. Quality of life in the context of socio-philosophical knowledge. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*. 2008;(51):136-141. (In Russ.).
36. Yukish VF, Kortieva KR, Sadikova GR. Forecasting indicators of the level and quality of life of the Russian population. *Mezhdunarodny'j zhurnal gumanitarny'x i estestvenny'x nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2018;(2):190-194. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

Dmitri A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024;
одобрена после рецензирования 24.05.2024; при-
нята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 15.04.2024; approved
after reviewing 24.05.2024; accepted for publication
17.06.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.14

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-33-42

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Максим Владиславович Власов

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, mvlassov@mail.ru,
0000-0002-3763-327X, Researcher ID: K-5206–2017

Аннотация. Современное общество сталкивается с множеством экологических проблем, которые требуют разработки новых, наиболее эффективных решений, что может быть реализовано посредством развития уровня человеческого капитала, так как главным результатом этого процесса является использование накопленных знаний и компетенций с целью получения ренты и решения важнейших социально-экономических задач. Однако, несмотря на важность и актуальность решения экологических задач, на сегодняшний день методы оценки влияния человеческого капитала на экологическую деятельность находятся вне достижений современных ученых-экономистов. Целью настоящего исследования является предложение метода количественной оценки влияния человеческого капитала на развитие экологической деятельности. Основная гипотеза заключается в том, что развитие человеческого капитала является основным драйвером развития экологической деятельности. Информационной базой исследования явились данные официального статистического сборника Федеральной службы государственной статистики за период 2015–2022, что обуславливает репрезентативность и достоверность проведенного автором исследования. Предложен инструмент количественной оценки влияния динамики развития человеческого капитала на динамику финансирования экологической деятельности — коэффициент влияния человеческого капитала на экологическую деятельность. На основе проведенного корреляционно-регрессионного анализа осуществлена оценка влияния динамики развития человеческого капитала на экологическую деятельность, определена значимость развития образования, как основной составляющей человеческого капитала. Предложена регрессионная модель, позволяющая осуществлять количественную оценку влияния развития человеческого капитала на экологическую деятельность. Это будет полезно для повышения эффективности экологических мероприятий.

Ключевые слова: человеческий капитал, социально-экономическое развитие, экологическая деятельность, корреляционно-регрессионный анализ

Для цитирования: Власов М. В. Влияние развития человеческого капитала на экологическую деятельность // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 33–42. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-33-42

Original article

THE IMPACT OF HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT ON ENVIRONMENTAL PERFORMANCE

Maxim V. Vlasov

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, mvlassov@mail.ru, 0000-0002-3763-327X,
Researcher ID: K-5206–2017

Abstract. Modern society is faced with many environmental problems that require the development of new, most effective solutions, which can be implemented through the development of the level of human capital, since the main result of its development is the use of accumulated knowledge and competencies in order to obtain rent and solve the most important socio-economic problems. However, despite the importance and relevance of solving environmental problems, today methods for assessing the impact of human capital on environmental activities are beyond the achievements of modern economists. The purpose of this study is to propose a method for quantitative assessment of the influence of human capital on the development of environmental activities. The main hypothesis is that the

development of human capital is the main driver of the development of environmental activities. The information base for the study was the data from the official statistical collection of the Federal State Statistics Service for the period 2015–2022, which determines the representativeness and reliability of the study conducted by the author. A tool for quantitative assessment of the influence of the dynamics of human capital development on the dynamics of financing environmental activities is proposed — the coefficient of the influence of human capital on environmental activities. Based on the correlation and regression analysis carried out, an assessment was made of the influence of the dynamics of human capital development on environmental activities, and the importance of the development of education as the main component of human capital was determined. The proposed regression model allows for a quantitative assessment of the impact of human capital development on environmental activities. This will be useful for assessing the effectiveness of environmental activities.

Keywords: human capital, socio-economic development, environmental activities, correlation and regression analysis

For citation: Vlasov MV. The impact of human capital development on environmental performance. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):33-42. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-33-42

Введение

В современном мире ключевое значение в устойчивом социально-экономическом развитии общества приобретают экологические императивы [1], что обуславливает поиск и выявлении факторов, оказывающих влияние на развитие и повышение эффективности природоохранных мероприятий [2].

Исследование Н. Ворониной убедительно доказывает, что важнейшим фактором социально-экономического развития в условиях четвёртой промышленной революции, становится человеческий капитал [3]. Накопление физического капитала заменяется накоплением человеческого капитала в качестве основного двигателя роста [4].

Й. Д. Себестова и С. Р. Попессу продемонстрировали первостепенное значение человеческого капитала как фактора, оказывающего решающее значение для успеха всех хозяйственных процессов. Кроме того, в эпоху, управляемую влиянием, характерным для общества, основанного на знаниях, и экономики, основанной на знаниях, когда интеллектуальный капитал будет считаться одним из наиболее важных нематериальных активов организаций во всём мире, развитие человеческого капитала станет необходимым и основным условием для стабильного развития социально-экономических систем [5]. Таким образом, развитие человеческого капитала позволит обеспечить организацию мероприятий, направленных на совершенствование экологической ситуации. Эта идея, подтверждается полученными результатами исследования, Ю. Генг, П. Рао, А. Шариф приходят к выводу, что человеческий капитал является необходимым для эффективного управления охраной природных ресурсов и обеспечения экологической устойчивости [6]. Интерес к этому направлению возрастает с каждым годом. Если в базе данных Scopus за 2015–2021 гг. по экономи-

ческим вопросам охраны окружающей среды отмечен резкий рост публикаций (с 6004 до 12408), а по человеческому капиталу стабильно наблюдается большое количество публикаций (рост с 1288 до 1891). В то же время на стыке этих двух направлений почти нет исследований.

Необходимость изучения влияния человеческого капитала на развитие природоохранных мероприятий в частности и экологическую политику в целом подчёркивали, доказывая, что развитие человеческого капитала обеспечивает повышение эффективности экологической политики [7]. С. Ванг, Х. Ванг и Б. Лу на основе эмпирических данных отмечают, что повышение инвестиций в человеческий капитал способствуют переходу к зелёному росту и устойчивому экологическому развитию [8].

Таким образом, целью настоящего исследования является выявление и оценка факторов человеческого капитала, оказывающих значимое влияние на развитие экологической деятельности. Для достижения обозначенной цели поставлены следующие задачи: обобщить подходы к оценке влияния факторов на экологическую политику; провести корреляционный анализ зависимости развития экологической политики от динамики факторов человеческого капитала.

Обзор литературы

Наиболее широкое распространение получило трактование дефиниции «человеческий капитал» которое дал в 1964 году нобелевский лауреат Г. С. Бецкер, разработавший основы целостной системы экономического анализа человеческого капитала. По его мнению, человеческий капитал — это совокупность индивидуальных характеристик, способностей, навыков, знаний и мотиваций [9]. Г. Малыновска, С. Кис, Ю. Калламет и О. Ятсиук предлагают рассматривать

человеческий капитал как функцию личностного интеллекта, который зависит от личных творческих, статусных и социальных способностей [10]. В своём исследовании Н. Р. Келчевская и Е. В. Ширинкина приходят к выводу, что человеческий капитал представляет собой накопление их носителями знаний, умения и навыков с целью получения прибыли в определённый период времени [11].

М. Лйунге и М. Стенкула, доказывают, что одной из важнейших составляющих человеческого капитала являются приобретённые знания, т. е. она характеризуется уровнем образования [12].

Рассматривая накопленные знания как основу человеческого капитала, Б. М. Фраумени, Й. Хе, Х. Ли и К. Лиу уточняют, что наибольшую значимость, определяющую ценность человеческого капитала имеет только знания, которые обеспечивают высококвалифицированный труд, рентный доход [13].

Ученые-исследователи Е. Аталаы, П. Пхонгтхиенгтхам, С. Сотело и Д. Танненбаум считают, что одним из показателей развития человеческого капитала является количество полученных результатов научной деятельности. Данный факт объясняется тем, что носители высокоуровневого человеческого капитала стремятся получать с него максимальную ренту посредством интеллектуальной деятельности [14]. К подобному выводу приходят и И. Тотх, С. Хеинанен, А.-М. Нисула, которые на основе проведённого регрессионного анализа показывают, что уровень вовлеченности в научную деятельности зависит от уровня человеческого капитала [15].

На основе проведённого анализа различных подходов к дефиниции «человеческий капитал», в данном исследовании предлагается его следующее трактование.

Человеческий капитал — это совокупность знаний, способностей и условий жизни человека, обеспечивающих его производительный и качественный труд, получение ренты и осуществление вклада в социально-экономическое развитие общества.

Уровень образования подавляющее большинство учёных признают ключевым составляющим фактором человеческого капитала в области обеспечения социально-экономического развития общества [16].

С другой стороны, повышение эффективности научных исследований является результатом развития человеческого капитала. Чем выше уровень человеческого капитала, тем выше эффективность и результативность научных исследо-

ваний, проводимых социально-экономической системой [17].

Следовательно, необходимо проведение комплексного анализа влияния человеческого капитала на функционирование социально-экономических систем в трёх направлениях:

- анализ влияние индекса человеческого капитала;
- анализ влияния важнейшей компоненты человеческого капитала — уровня образования;
- анализ влияния повышения эффективности научной деятельности как основного результата развития человеческого капитала.

Растущая деятельность человека в условиях конкуренции за ресурсы во всём мире превратила экологические проблемы в постоянную классическую проблему, что побуждает ученых-экономистов постоянно искать эффективные решения, обеспечивая при этом устойчивое развитие. В этих условиях, по мнению А. А. Алола, О. Б. Муонеке, К. И. Окере, Х. О. Обекпа, развитие финансирования экологической деятельности является главным условием повышения эффективности природоохранных мероприятий [18].

Развитие финансового обеспечения мероприятий, направленных на охрану окружающей среды, является исходным и первостепенным драйвером осуществления и развития экологической деятельности [19].

Таким образом, в результате проведённого теоретического анализа, авторы приходят к выводу, что важнейшим фактором, обеспечивающих развитие экологических активностей является финансирование экологической деятельности.

Проведённый обзор убедительно доказывает, что человеческий капитал оказывает значимое влияние на развитие экономических отношений. Характер влияния человеческого капитала на развитие экологической деятельности ещё предстоит уточнить. Для этого нами будет предложен методический подход, который будет апробирован на примере регионов России.

Методология и методы

На первом этапе в ходе обзора литературы было уточнено и конкретизировано понятие «человеческий капитал», раскрыты его основная компонента и результаты развития.

На втором этапе исследования будет проведён анализ методов оценки человеческого капитала и предложен авторский подход к количественной оценке влияния человеческого капитал на экологическую деятельность.

Первую методику количественной оценки человеческого капитала предложил Якоб Минцер, известную как «The Mincer earnings function», или «Mincerian equations», в которой логарифм заработной платы человека оценивается через сумму количества лет обучения и квадратичной функции трудового стажа [20]. Данный метод обладает рядом недостатков, основным из которых является его применимость только к единичному индивиду.

В последние годы наибольшее распространение получила методика оценки индекса человеческого капитала Всемирного банка.

$$HCI = \frac{p}{p^*} * e^{\varphi(S_{NG}-S^*)} * e^{\gamma(Z_{ng}-Z^*)} \quad (1)$$

где:

HCI — человеческого капитала;

p/p^* — упущенная производительность, вызванная детской смертностью;

S_{NG} — уровень образования поколения детей, рождённых сегодня;

S^* — критерий полного образования;

φ — отдача от образования;

Z_{ng} — ожидаемое состояния здоровья взрослого поколения детей, рождённых сегодня;

Z^* — контрольный показатель полного здоровья

γ — возврат продуктивности к хорошему здоровью [21].

Для оценки уровня человеческого капитала использовалась именно индекс человеческого капитала Всемирного банка.

Исследователи-экономисты предлагают использовать различные методы анализа разви-

тия экологической деятельности, в том числе такие как методики оценки динамики корпоративной устойчивости [22], эконометрические методы [23], использование смешанных методов изучалось влияние деятельности [24], а также метод статистического анализа [25].

Однако вопросы разработки методов оценки влияния человеческого капитала на экологическую деятельность остались вне достижений современных ученых-экономистов.

Для анализа влияния человеческого капитала на экологическую деятельность предлагается использовать коэффициент влияния человеческого капитала на экологическую деятельность (Квчкэд).

Квчкэд — количественная характеристика динамики развития экологической деятельности, показывающая долю прироста показателей, характеризующих экологическую деятельность при приросте показателей, характеризующих развитие человеческого капитала.

Данный коэффициент рассчитывается по формуле (1), экономический смысл коэффициента представлен в таблице 1.

$$K_{\text{вчкэд}} = \frac{dЭД}{dЧК} \quad (1)$$

где:

Квчкэд — коэффициент влияния человеческого капитала на экологическую деятельность;

dЭД — прироста показателей, характеризующих экологическую деятельность;

dЧК — прирост человеческого капитала.

Для выявления влияния результатов развития человеческого капитала на развитие экологической

Таблица 1

Table 1

Экономический смысл коэффициента влияния человеческого капитала на экологическую деятельность
Economic meaning of the human capital impact coefficient for environmental activities

Значение Кцид	Экономический смысл
Ктрнди < 0	Приращение одного показателя приводит к уменьшению другого, т. е. отдача меньше, чем вложения. Развитие человеческого капитала не обеспечивает развитие экологической деятельности
$0 < \text{Ктрнди} < 1$	Слабое значение. Приращение человеческого капитала, приводит к гораздо меньшему приращению финансирования экологической деятельности. Для решения проблемы необходимо разработать мероприятия для эффективного использования приращения человеческого капитала и для развития экологической деятельности
Ктрнди = 1	Среднее значение. При приращении человеческого капитала приводит к равному приращению финансирования экологической деятельности
Ктрнди > 1	Сильное значение. Приращение одного показателя приводит к увеличению другого, т. е. внедрение результатов развития человеческого капитала ведёт к развитию экологической деятельности. Развитие человеческого капитала эффективно сказывается на развитии экологической деятельности

Источник: составлено автором

деятельности и апробации предложенного метода были выдвинуты следующие гипотезы:

Н1: развитие уровня человеческого капитала обуславливает увеличение объёмов финансирования экологической деятельности.

Н2: Именно повышение уровня образования как основной составляющей человеческого капитала приводит к возрастающей динамике объёма финансирования экологической деятельности.

Н3: Увеличение результативности научных исследований является драйвером повышения объёмов финансирования экологической деятельности.

Осуществлять количественную оценку влияния факторов результативности научной деятельности на инновационную активность можно лишь в случае наличия данной взаимосвязи, поэтому дизайн проведения настоящего исследования включает несколько этапов.

На первом этапе с целью верификации наличия устойчивого высокого влияния факторов результативности научной деятельности на инновационное развитие рассчитывались коэффициенты корреляции Пирсона, которые показывают взаимосвязь двух и более величин.

Интерпретировать данные корреляционного анализа будем с помощью шкалы Чеддока¹. Для оценки силы и характера влияния социокультурных факторов на развитие цифровой экономики применялся регрессионный анализ временных рядов.

На втором этапе применялся регрессионный анализ временных рядов. Результаты корреляционного и регрессионного анализов проверились на наличие автокорреляции и гетероскедастичности.

Статистические данные о значениях показателей результативности научной деятельности и инновационного развития, необходимые для проведения настоящего эмпирического исследования, были взяты из официального статистического сборника Федеральной службы государственной статистики (Росстат) «Регионы России социально-экономические показатели 2021²», период исследования составил 2015–2020 гг.

Результаты исследования

Парные корреляционные зависимости между индексом развития человеческого капитала и объёмов финансирования экологической деятельности приставлены в табл. 2

Гипотеза Н1 подтверждается. Анализ корреляционных связей позволяет сделать вывод о том, что динамика развития человеческого капитала оказывает влияние на финансирование, а соответственно динамику экологической деятельности в большинстве федеральных округах (6 из 8). Расчёты коэффициента Квчкэд демонстрируют, что только в 4 федеральных округах организация экологической деятельности осуществляется эффективным образом (одновременно выполняются

Таблица 2

Table 2

Взаимосвязь уровня человеческого капитала и финансирования мероприятий по охране окружающей среды Relationship between the level of human capital and financing of environmental protection measures

Федеральный округ	Коэффициент корреляции уровня человеческого капитала и уровня финансирования мероприятий по охране окружающей среды	Квчкэд (уровень образования)
Центральный федеральный округ	0,791	1,75
Северо-Западный федеральный округ	0,779	0,55
Южный федеральный округ	0,753	0,71
Северо-Кавказский федеральный округ	0,551	0,30
Приволжский федеральный округ	0,800	1,15
Уральский федеральный округ	0,781	2,80
Сибирский федеральный округ	0,798	1,14
Дальневосточный федеральный округ	0,545	0,34

Источник: составлено автором

¹ Ишханян М. В., Карпенко Н. В. Эконометрика. М. : МГУПС (МИИТ), 2016.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021 : стат. сб. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 14.12.2023).

два условия: коэффициент корреляции больше 0,75, Квчкэд > 1).

Можно сделать вывод, о том что в 2 федеральных округах наблюдается высокое влияния динамики развития человеческого капитала финансирование экологической деятельности (коэффициент корреляции больше 0,75). Однако Квчкэд в этих округах меньше, что говорит о недостаточной эффективности использования человеческого капитала в экологической деятельности.

В то же время можно выделить 2 федеральных округа в которых уровень влияния динамики развития человеческого капитала не только не оказывает влияния на развитие экологической деятельности, но приращение человеческого капитала не приводит к изменению динамики объёмов финансирования экологической деятельности. Из анализа данных, представленных в таблице 2, можно сделать вывод о том, что полученные результаты позволяют верифицировать устойчивое значимое влияние динамики результативности научной деятельности на инновационное развитие.

Для верификации гипотезы H2 рассмотрим влияние основной составляющей человеческого капитала — уровня образования на финансирование мероприятий по охране окружающей среды.

Гипотеза H2 подтверждается полностью. Согласно данным, представленным в таблице 3, высокое устойчивое влияние динамики уровня образования на экологическую деятельность наблюдается по всех федеральных округах. При этом значения коэффициентов корреляции взаимосвязи уровня образования и уровня финансирования мероприятий по охране окружающей среды (таб. 3) имеют значительно более высокое значение, чем коэффициенты корреляции взаимосвязи уровня человеческого капитала и уровня финансирования мероприятий по охране окружающей среды (таб. 2), следовательно уровень образования является наиболее значимой составляющей человеческого капитала, оказывающей высокое и устойчивое влияние на развитие экологической деятельности. Кроме того, коэффициент Квчкэд, рассчитанный только по уровню образования, имеет значения, свидетельствующие о том, что развитие уровня образования обеспечивает устойчивое развитие экологической деятельности.

Рассмотрим влияние на динамику финансирования экологической деятельности результатов развития человеческого капитала, а именно использование накопленных знаний с целью получения ренты, что характеризуется динамикой результативности научной деятельности.

Из анализа данных, представленных в таблице 4, можно сделать выводы, что полученные результаты позволяют верифицировать устойчивое значимое влияние динамики результативности научной деятельности на финансирование экологической деятельности во всех федеральных округах, за исключением Дальневосточного федерального округа. Таким образом, можно сделать вывод об успешном подтверждении гипотезы H3 — развитие результативности научной деятельности положительно влияет на развитие экологической деятельности.

Значение коэффициента детерминации R2 при проведении регрессионного анализа равно 0,89, что позволяет утверждать о высокой точности модели. По F-тесту построенная регрессионная модель признаётся значимой (F-статистика = $6,98 \times 10^{-17}$). Нулевая гипотеза об отсутствии взаимосвязи между анализируемыми данными опровергнута. Результаты теста Дарбина — Уотсона являются основанием для вывода о том, что отсутствует автокорреляция остатков (DW = 0,537). Проведённый регрессионный анализ позволил построить следующую модель:

$$\text{Кофэд} = 0,19 \cdot \text{КВПИ} + 0,81 \cdot \text{КВПМ},$$

где:

Кофэд — изменение коэффициента объёма финансирования экологической деятельности;

КВПИ — коэффициент изменения нормированного показателя Выдано патентов на изобретения;

КВПМ — коэффициент изменения нормированного показателя Выдано патентов на полезные модели.

Выводы

В результате проведённого исследования с целью изучения влияния динамики развития человеческого капитала на динамику финансирования экологической деятельности получены следующие теоретические и эмпирические результаты.

Во-первых, предложен показатель «коэффициент влияния человеческого капитала на экологическую деятельность», количественно характеризующий динамику развития экологической деятельности, показывающую долю прироста показателей, характеризующих экологическую деятельность при приросте показателей, характеризующих развитие человеческого капитала.

Во-вторых, проведён корреляционный анализ, позволивший доказать устойчивое значимое

Таблица 3

Table 3

**Взаимосвязь выпуска бакалавров, специалистов и магистров
и финансирования мероприятий по охране окружающей среды**
**Relationship between the graduation of bachelors, specialists and masters
and financing of environmental protection measures**

Федеральный округ	Коэффициент корреляции уровня образования, как основной составляющей человеческого капитала и уровня финансирования мероприятий по охране окружающей среды	Коэффициент влияния приращения выпуска бакалавров, специалистов и магистров на динамику финансирования мероприятий по охране окружающей среды
Центральный федеральный округ	0,857	1,324
Северо-Западный федеральный округ	0,841	1,167
Южный федеральный округ	0,781	1,366
Северо-Кавказский федеральный округ	0,832	1,311
Приволжский федеральный округ	0,919	1,139
Уральский федеральный округ	0,988	3,262
Сибирский федеральный округ	0,827	2,594
Дальневосточный федеральный округ	0,952	0,909

Источник: составлено автором

Таблица 4

Table 4

**Взаимосвязь динамики результативности научной деятельности
и динамики финансирования мероприятий по охране окружающей среды**
**The relationship between the dynamics of the effectiveness of scientific activity
and dynamics of financing of environmental protection measures**

Федеральный округ	Выдано патентов			
	на изобретения		на полезные модели	
	Коэффициент корреляции приращения выданных патентов на изобретения и уровня финансирования мероприятий по охране окружающей среды	Квчкэд (выдано патентов на изобретения)	Коэффициент корреляции приращения выданных патентов на полезные модели и уровня финансирования мероприятий по охране окружающей среды	Квчкэд (выдано патентов на полезные модели)
Центральный федеральный округ	0,934	1,284	0,99	3,948
Северо-Западный федеральный округ	0,957	0,813	0,816	1,877
Южный федеральный округ	0,858	2,432	0,898	7,931
Северо-Кавказский федеральный округ	0,771	3,044	0,982	3,428
Приволжский федеральный округ	0,947	4,782	0,828	3,45
Уральский федеральный округ	0,875	5,447	0,973	13,698
Сибирский федеральный округ	0,754	3,232	0,766	8,877
Дальневосточный федеральный округ	0,435	-	0,441	-

Источник: составлено автором

влияние человеческого капитала на экологическое развитие. Рассчитаны коэффициенты влияния динамики развития человеческого капитала на динамику финансирования экологической

деятельности. Доказано, что такая составляющая человеческого капитала, как уровень образования имеет максимальный вклад, определяющий развитие финансирования экологической

деятельности в результате развития человеческого капитала. Показано, что использование такого результата развития человеческого капитала, как применение накопленных знаний с целью получения ренты обеспечивает значительное развитие экологической деятельности.

Полученная в ходе проведённого анализа модель изменения коэффициента объёма финанси-

рования экологической деятельности может являться базисом для прогнозирования развития экологической деятельности на региональном уровне на основе развития результативности научной деятельности, как важнейшей составляющей человеческого капитала, что позволит повысить эффективность мероприятий, направленных на улучшение экологической ситуации в регионах.

Список источников

1. Peng W., Xiong L. Managing financing costs and fostering green transition: The role of Green Financial Policy in China // *Economic Analysis and Policy*. 2022. Vol. 76. P. 820–836. DOI: 10.1016/j.eap.2022.09.014
2. Yaroshevych N., Stybel V., Gutty B., Hrymak O., Kushnir L., Kalaitan T., Kondrat I. Analysis of state of public financing of environmental protection // *Eastern-European Journal of Enterprise Technologies*. 2021. Vol. 6, No. 13 (114). P. 106–119. DOI: 10.15587/1729-4061.2021.249159
3. Voronina N. Human potential in the sustainable development of regions // *Challenges and Solutions in the Digital Economy and Finance*. St. Petersburg, 2022. P. 91–102. DOI: 10.1007/978-3-031-14410-3_11
4. Minamimura K., Yasui D. From physical to human capital accumulation: Effects of mortality changes // *Review of Economic Dynamics*. 2019. Vol. 34. P. 103–120. DOI:10.1016/j.red.2019.03.005
5. Šebestová J. D., Popescu C. R. Factors influencing investments into human resources to support company performance // *Journal of Risk and Financial Management*. 2022. Vol. 15. No. 1 P. 19. DOI:10.3390/jrfm15010019
6. Geng Y., Rao P., Sharif A. Natural Resource Management and ecological sustainability: Dynamic role of social disparity and human development in G10 economies // *Resources Policy*. 2022. Vol. 79. 103050. DOI:10.1016/j.resourpol.2022.103050
7. Ali M., Puah C.-H., Ali A., Raza S. A., Ayob N. Green intellectual capital, Green HRM and Green Social Identity Toward Sustainable Environment: A new integrated framework for Islamic banks // *International Journal of Manpower*. 2021. Vol. 43, No. 3. P. 614–638. DOI:10.1108/ijm-04-2020-0185
8. Wang S., Wang X., Lu B. Is resource abundance a curse for green economic growth? evidence from developing countries // *Resources Policy*. 2022. Vol. 75. 102533. DOI: 10.1016/j.resourpol.2021.102533
9. Becker G. S. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to Education. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
10. Malynovska G., Kis S., Kalambet Y., Yatsiuk O. A mathematical and testing tool for Personal Human Capital Research Assessment // *Management Science Letters*. 2020. P. 3291–3298. DOI: 10.5267/j.msl.2020.6.009
11. Кельчевская Н. Р., Ширинкина Е. В. Региональные детерминанты эффективного использования человеческого капитала в цифровой экономике // *Экономика региона*. 2019. Т. 15, вып. 2. С. 465–482. DOI: 10.17059/2019-2-12
12. Ljunge M., Stenkula M. Fertile soil for intrapreneurship: Impartial institutions and human capital // *Journal of Institutional Economics*. 2021. Vol. 17, No. 3. P. 489–508. DOI: 10.1017/s1744137420000612
13. Fraumeni B. M., He J., Li H., Liu Q. Regional distribution and dynamics of Human Capital in China 1985–2014 // *Journal of Comparative Economics*. 2019. Vol. 47, No. 4. P. 853–866. DOI: 10.1016/j.jce.2019.06.003
14. Atalay E., Phongthientham P., Sotelo S., Tannenbaum D. New Technologies and the Labor Market // *Journal of Monetary Economics*. 2018. Vol. 97. P. 48–67. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2018.05.008
15. Toth I., Heinänen S., Nisula A.-M. Personal Resources and Knowledge Workers' Job engagement // *International Journal of Organizational Analysis*. 2019. Vol. 28, No. 3. P. 595–610. DOI: 10.1108/ijoa-07-2019-1830
16. Tran Q., Doan A. T., Tran T. What are the drivers of SMEs' financial performance? The interaction of intellectual capital and ownership // *Australian Economic Papers*. 2021. Vol. 61, No. 4. P. 751–777. DOI: 10.1111/1467-8454.12239
17. Martinidis G., Komninos N., Carayannis E. Taking into account the human factor in regional innovation systems and policies // *Journal of the Knowledge Economy*. 2021. Vol. 13, No. 2. P. 849–879. DOI: 10.1007/s13132-021-00722-z
18. Alola A. A., Muoneke O. B., Okere K. I., Obekpa H. O. Analysing the co-benefit of environmental tax amidst clean energy development in Europe's largest agrarian economies // *Journal of Environmental Management*. 2023. Vol. 326. 116748. DOI: 10.1016/j.jenvman.2022.116748

19. Wang Q., Chen Y., Guan H., Lyulyov O., Pimonenko T. Technological Innovation Efficiency in China: Dynamic evaluation and driving factors // *Sustainability*. 2022. Vol. 14, No. 14. 8321. doi: 10.3390/su14148321
20. Mincer J. Investment in human capital and personal income distribution. *Journal of Political Economy*. 1958. Vol. 66. No. 4. P. 281–302. doi: 10.1086/258055
21. Demirgüç-Kunt A., Torre I. Measuring Human Capital in Middle Income Countries // *Journal of Comparative Economics*. 2022. Vol. 50, No. 4. P. 1036–1067. doi: 10.1016/j.jce.2022.05.007
22. Ponomarenko T., Marinina O., Nevskaya M., Kuryakova K. Developing corporate sustainability assessment methods for oil and gas companies // *Economies*. 2021. Vol. 9, No. 2. P. 58. DOI: 10.3390/economies9020058
23. Nathaniel S. P., Yalçiner K., Bekun F. V. Assessing the environmental sustainability corridor: Linking natural resources, renewable energy, human capital, and ecological footprint in BRICS // *Resources Policy*. 2021. Vol. 70. 101924. DOI: 10.1016/j.resourpol.2020.101924
24. Ferguson M. D., Lynch M. L., Powers S. L., Barrett A. G., Evensen D., Graefe A. R., Mowen A. J. The impacts of shale natural gas energy development on outdoor recreation: A statewide assessment of Pennsylvanians // *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*. 2019. Vol. 27. 100230. DOI: 10.1016/j.jort.2019.100230
25. Rossinskaya M., Rokotyanskaya, V., Medovy, V., Ivanova, E., & Shaduyeva, E. Statistical Methods in the Analysis of Pollution Impacts on Human Health // *Journal Of Advanced Research In Law And Economics*. 2018. Vol. 9, No. 4. pp.1451–1460. DOI:10.14505//jarle.v9.4(34).32

References

1. Peng W, Xiong L. Managing financing costs and fostering green transition: The role of Green Financial Policy in China. *Economic Analysis and Policy*. 2022;(76):820-836. DOI: 10.1016/j.eap.2022.09.014
2. Yaroshevych N, Stybel V, Guttyj B, Hrymak O, Kushnir L, Kalaitan T, Kondrat I. Analysis of state of public financing of environmental protection. *Eastern-European Journal of Enterprise Technologies*. 2021;6(13(114)):106-119. DOI:10.15587/1729-4061.2021.249159
3. Voronina N. Human potential in the sustainable development of regions. In: *Challenges and Solutions in the Digital Economy and Finance*. St. Petersburg; 2022. Pp. 91-102. DOI: 10.1007/978-3-031-14410-3_11
4. Minamimura K, Yasui D. From physical to human capital accumulation: Effects of mortality changes. *Review of Economic Dynamics*. 2019;(34):103-120. DOI: 10.1016/j.red.2019.03.005
5. Šebestová JD, Popescu CR. Factors influencing investments into human resources to support company performance. *Journal of Risk and Financial Management*. 2022;15(1):19. DOI:10.3390/jrfm15010019
6. Geng Y, Rao P, Sharif A. Natural Resource Management and ecological sustainability: Dynamic role of social disparity and human development in G10 economies. *Resources Policy*. 2022;(79):103050. DOI:10.1016/j.resourpol.2022.103050
7. Ali M, Puah C.-H, Ali A, Raza SA, Ayob N. Green intellectual capital, Green HRM and Green Social Identity Toward Sustainable Environment: A new integrated framework for Islamic banks. *International Journal of Manpower*. 2021;43(3):614-638. DOI:10.1108/ijm-04-2020-0185
8. Wang S, Wang X, Lu B. Is resource abundance a curse for green economic growth? Evidence from developing countries. *Resources Policy*. 2022;(75):102533. DOI:10.1016/j.resourpol.2021.102533
9. Becker GS. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to Education: University of Chicago Press; 1964.
10. Malynovska G, Kis S, Kalambet Y, Yatsiuk O. A mathematical and testing tool for Personal Human Capital Research Assessment. *Management Science Letters*. 2020;3291-3298. DOI:10.5267/j.msl.2020.6.009
11. Kelchevskaya NR, Shirinkina EV. Regional determinants of effective use of human capital in the Digital Economy. *Economy of Region*. 2019;15(2):465-482. DOI:10.17059/2019-2-12 (In Russ.).
12. Ljunge M, Stenkula M. Fertile soil for intrapreneurship: Impartial institutions and human capital. *Journal of Institutional Economics*. 2021;17(3):489-508. DOI:10.1017/s1744137420000612
13. Fraumeni BM, He J, Li H, Liu Q. Regional distribution and dynamics of Human Capital in China 1985–2014. *Journal of Comparative Economics*. 2019;47(4):853-866. DOI:10.1016/j.jce.2019.06.003
14. Atalay E, Phongthientham P, Sotelo S, Tannenbaum D. New Technologies and the Labor Market. *Journal of Monetary Economics*. 2018;(97):48-67. DOI:10.1016/j.jmoneco.2018.05.008
15. Toth I, Heinänen S, Nisula A.-M. Personal Resources and Knowledge Workers' Job engagement. *International Journal of Organizational Analysis*. 2019;28(3):595-610. DOI:10.1108/ijoa-07-2019-1830

16. Tran Q, Doan AT, Tran T. What are the drivers of SMEs' financial performance? the interaction of intellectual capital and ownership. *Australian Economic Papers*. 2021;61(4):751-777. DOI:10.1111/1467-8454.12239
17. Martinidis G, Komninos N, Carayannis E. Taking into account the human factor in regional innovation systems and policies. *Journal of the Knowledge Economy*. 2021;13(2):849-879. DOI:10.1007/s13132-021-00722-z
18. Alola AA, Muoneke OB, Okere KI, Obekpa HO. Analysing the co-benefit of environmental tax amidst clean energy development in Europe's largest agrarian economies. *Journal of Environmental Management*. 2023;(326):116748. DOI:10.1016/j.jenvman.2022.116748
19. Wang Q, Chen Y, Guan H, Lyulyov O, Pimonenko T. Technological Innovation Efficiency in China: Dynamic evaluation and driving factors. *Sustainability*. 2022;14(14):8321. DOI:10.3390/su14148321
20. Mincer J. Investment in human capital and personal income distribution. *Journal of Political Economy*. 1958;66(4):281-302. DOI: 10.1086/258055
21. Demirgüç-Kunt A, Torre I. Measuring Human Capital in Middle Income Countries. *Journal of Comparative Economics*. 2022;50(4):1036-1067. DOI: 10.1016/j.jce.2022.05.007
22. Ponomarenko T, Marinina O, Nevskaya M, Kuryakova K. Developing corporate sustainability assessment methods for oil and gas companies. *Economies*. 2021;9(2):58. DOI: 10.3390/economies9020058
23. Nathaniel SP, Yalçiner K, Bekun FV. Assessing the environmental sustainability corridor: Linking natural resources, renewable energy, human capital, and ecological footprint in BRICS. *Resources Policy*. 2021;(70):101924. DOI: 10.1016/j.resourpol.2020.101924
24. Ferguson MD, Lynch ML, Powers SL, Barrett AG, Evensen D, Graefe AR, Mowen AJ. The impacts of shale natural gas energy development on outdoor recreation: A statewide assessment of Pennsylvanians. *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*. 2019;(27):100230. DOI: 10.1016/j.jort.2019.100230
25. Rossinskaya M, Rokotyanskaya V, Medovy V., Ivanova E., Shaduyeva E. Statistical Methods in the Analysis of Pollution Impacts on Human Health. *Journal Of Advanced Research In Law And Economics*. 2018;9(4):1451-1460. DOI: 10.14505/jarle.v9.4(34).32

Информация об авторе

М. В. Власов — кандидат экономических наук, доцент, Руководитель центра экономической теории.

Information about the author

Maxim V. Vlasov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Center for Economic Theory.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024;
одобрена после рецензирования 29.04.2024; при-
нята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 11.01.2024; approved
after reviewing 29.04.2024; accepted for publication
17.06.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The authors declare no conflicts of interests.

ОЦЕНКА ЦИФРОВОЙ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ДЕПРЕССИВНЫХ РЕГИОНОВ РФ

**Елена Витальевна Шкарупета¹✉, Александр Васильевич Бабкин²,
Екатерина Алексеевна Ильина³**

¹ Псковский государственный университет, Псков, Россия; Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия, 9056591561@mail.ru, 0000-0003-3644-4239

² Псковский государственный университет, Псков, Россия; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, al-vas@mail.ru, 0000-0002-0941-6358

³ Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия, catrin.ilina@cchgeu.ru

Аннотация. Цифровая реиндустриализация депрессивных регионов Российской Федерации представляет собой стратегически значимый процесс, направленный на реализацию комплекса мероприятий по внедрению цифровых технологий в промышленное производство, целью которого является стимулирование экономического роста и повышение конкурентоспособности данных территорий. Этот процесс обретает особую актуальность в контексте необходимости преодоления структурных дисбалансов и социально-экономических проблем в депрессивных регионах, а также в условиях усиливающейся деглобализации и технологической трансформации мировой экономики. Цель исследования — оценка цифровой реиндустриализации в депрессивных регионах РФ с акцентом не только на модернизации и трансформации уже существующих традиционных промышленных секторов с помощью цифровых технологий, но и на создании новых цифровых индустрий. Основой для анализа послужили данные Росстата за 2022–2023 гг., а также материалы Стратегий цифровой трансформации субъектов РФ. В результате исследования разработана и апробирована методика оценки цифровой реиндустриализации, адаптированная к особым условиям депрессивных регионов Российской Федерации, демонстрирующая, как процессы цифровой реиндустриализации влияют на экономическое развитие депрессивных регионов. Новизна авторского концепта цифровой реиндустриализации заключается в рассмотрении её на основе конвергенции цифровой индустриализации и промышленной цифровизации. В некоторых регионах цифровая трансформация способствует ускоренной модернизации и росту, тогда как в других она сталкивается с рядом препятствий, связанных с ограниченными ресурсами и инфраструктурными проблемами. Практическая ценность исследования выражается в рекомендациях для стимулирования экономической резильентности депрессивных регионов РФ. Дальнейшие исследования авторов будут направлены на расширение эмпирической базы данных. Также представляется важным интеграция представленной методики с другими инструментами цифрового стратегирования. Необходимо провести долгосрочное наблюдение за итогами реализации стратегий цифровой трансформации депрессивных регионов, учитывая специфику каждого региона. В качестве перспективного направления выступает изучение межрегионального взаимодействия и создание условий для распространения лучших практик цифровой реиндустриализации.

Ключевые слова: цифровая реиндустриализация, депрессивный регион, экономическая резильентность, стратегия цифровой трансформации, цифровая индустриализация, промышленная цифровизация

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект 23-28-01226 «Формирование интеллектуального кибер-физического технополиса депрессивного района на основе системообразующего инновационно-активного кластера для повышения экономической безопасности региона».

Для цитирования: Шкарупета Е. В., Бабкин А. В., Ильина Е. А. Оценка цифровой реиндустриализации депрессивных регионов РФ // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 43–57. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-43-57

ASSESSMENT OF DIGITAL REINDUSTRIALIZATION OF DEPRESSED REGIONS OF RUSSIA

Elena V. Shkarupeta^{1✉}, Alexander V. Babkin², Ekaterina A. Ilyina³

¹ Pskov State University, Pskov, Russia; Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia, 9056591561@mail.ru, 0000-0003-3644-4239

² Pskov State University, Pskov, Russia; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, al-vas@mail.ru, 0000-0002-0941-6358

³ Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia, catrin.ilina@cchgeu.ru

Abstract. Digital re-industrialization of depressed regions of the Russian Federation is a strategically significant process aimed at implementing a set of measures to introduce digital technologies in industrial production, the purpose of which is to stimulate economic growth and improve the competitiveness of these territories. This process is particularly relevant in the context of the need to overcome structural imbalances and socio-economic problems in depressed regions, as well as in the context of increasing globalization and technological transformation of the world economy. The purpose of the study is to assess digital re-industrialization in depressed regions of the Russian Federation with a focus not only on the modernization and transformation of existing traditional industrial sectors with the help of digital technologies, but also on the creation of new digital industries. The basis for the analysis was Rosstat data for 2022–2023, as well as the materials of the Strategies of Digital Transformation of the constituent entities of the Russian Federation. As a result of the study, a methodology for assessing digital reindustrialization, adapted to the special conditions of depressed regions of the Russian Federation, was developed and tested, demonstrating how the processes of digital reindustrialization affect the economic development of depressed regions. The novelty of the author's concept of digital re-industrialization lies in its consideration on the basis of the convergence of digital industrialization and industrial digitalization. In some regions, digital transformation promotes accelerated modernization and growth, while in others it faces a number of obstacles related to limited resources and infrastructural problems. The practical value of the study is expressed in the recommendations for stimulating economic resilience of depressed regions of the Russian Federation. The authors' further research will be aimed at expanding the empirical database. It also seems important to integrate the presented methodology with other digital strategy tools. It is necessary to conduct long-term monitoring of the results of the implementation of strategies of digital transformation of depressed regions, taking into account the specifics of each region. A promising direction is the study of interregional interaction and the creation of conditions for the dissemination of best practices of digital reindustrialization.

Keywords: digital re-industrialization; depressed region; economic resilience; digital transformation strategy; digital industrialization; industrial digitization

Acknowledgements: The research was supported by RNF, project 23–28–01226 “Formation of an intellectual cyber-physical technopolis of a depressed area on the basis of a system-forming innovation-active cluster to improve the economic security of the region”.

For citation: Shkarupeta EV, Babkin AV, Ilyina EA. Assessment of digital reindustrialization of depressed regions of Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):43-57. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-43-57

Введение

По сложившейся с 1990-х годов практике к депрессивным регионам относят те регионы, в которых худшие показатели по среднедушевым доходам жителей, безработице, доле населения с доходами ниже прожиточного минимума, а также безработице и инвестициям в основной капитал [1; 2]. Так, в 1995 году в федеральном законодательстве появилось понятие проблемных регионов, требующих оперативного снятия социальной напряжённости и дополнительного финансирования¹. Далее, в 2001 году были описаны осо-

бые аномалии проблемных регионов, к которым были отнесены: разрушительные природные или техногенные импакты, а также экстремальные спады производства и качества жизни. В это же время появился термин «депрессивные регионы России»: «К депрессивным регионам России, характеризующимся устойчивым и глубоким спадом экономической активности и резким

в 1995–1997 годах»: постановл. Правительства РФ от 28.04.1995 № 439. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? SORTTYPE=0&BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=268E45BD43BB5315637C9E9D4310E1A4&mode=fullsplus&rnd=Nx95fw&base=LAW&n=8539#Jziv45UwR2yRwMGB1> (дата обращения: 27.02.2024).

¹ О Программе Правительства Российской Федерации «Реформы и развитие российской экономики

снижением уровня жизни населения, относятся локальные зоны старопромышленных, аграрно-промышленных и некоторых добывающих регионов европейского Центра, Урала, юга Сибири и Дальнего Востока»¹.

Актуальная десятка регионов с наиболее сложной экономической ситуацией определена ещё в 2019 году. Её составили Тува, Адыгея, Алтайский край и Республика Алтай, Калмыкия, Карелия, Марий Эл, Чувашия, Псковская и Курганская области. Для перечисленных регионов критически важно разрабатывать и реализовывать комплексные стратегии, направленные на диверсификацию экономики, модернизацию производства, стимулирование малого бизнеса и улучшение инвестиционного климата. На взгляд авторов, цифровая реиндустриализация обладает потенциалом стать ключевым драйвером развития для депрессивных регионов, способствуя преодолению ряда структурных недостатков, таких как отсутствие конкурентоспособного производства, низкая производительность труда и ограниченный доступ к рынкам.

Целью данного исследования является разработка концепта цифровой реиндустриализации и апробация методики её оценки, применимой в условиях специфичности депрессивных регионов.

Задачи исследования включают:

- формирование авторского концепта цифровой реиндустриализации;
- разработку методики оценки цифровой реиндустриализации на мезоуровне;
- апробацию предложенной методики на примере депрессивных регионов РФ.

Литературный обзор

Проблемой депрессивных регионов занимаются многие отечественные и зарубежные исследователи. Так, в базе данных Lens.org по состоянию на конец февраля 2024 года, согласно исследовательскому запросу (1), содержится 265 научных работ по экономике:

Поисковый запрос = Название: «depressed region» ИЛИ Аннотация: («depressed region») ИЛИ (Ключевое слово: («depressed region») ИЛИ (Название: («depressed area») ИЛИ (Аннотация: («depressed area») ИЛИ (Ключевое слово: («depressed area») ИЛИ (Название: («depressed territory») ИЛИ (Аннотация: («depressed territory») ИЛИ Ключевое слово: («depressed territory»)))))) (1)

Библиометрический анализ на основе R-инструментов Bibliometrix и Biblioshiny [3], а также встроенной аналитики Lens.org позволил авторам выявить наиболее цитируемые научные труды по рассматриваемой тематике (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1
Table 1

Наиболее цитируемые научные труды по экономическим проблемам депрессивных регионов раннего периода (в порядке убывания общего количества цитирований) The most cited scientific works on economic problems of depressed regions of the early period (in descending order of the total number of citations)

Источник	Цитирований, всего	Цитирований в год	Нормализованное количество цитирований
[4]	271	5,77	1,79
[5]	236	11,24	3,34
[6]	210	10,50	4,34
[7]	168	6,46	2,85
[8]	116	5,52	1,64
[9]	98	8,17	4,74
[10]	71	1,92	2,11
[11]	65	1,59	1,65
[12]	56	1,75	2,13
[13]	55	1,04	1,62

Источник: составлено авторами.

¹ О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 годы) : Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2001 № 910-п (ред. от 06.06.2002). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=37089&dst=101027#ZnOx15UopHx4vJNy4> (дата обращения: 27.02.2024).

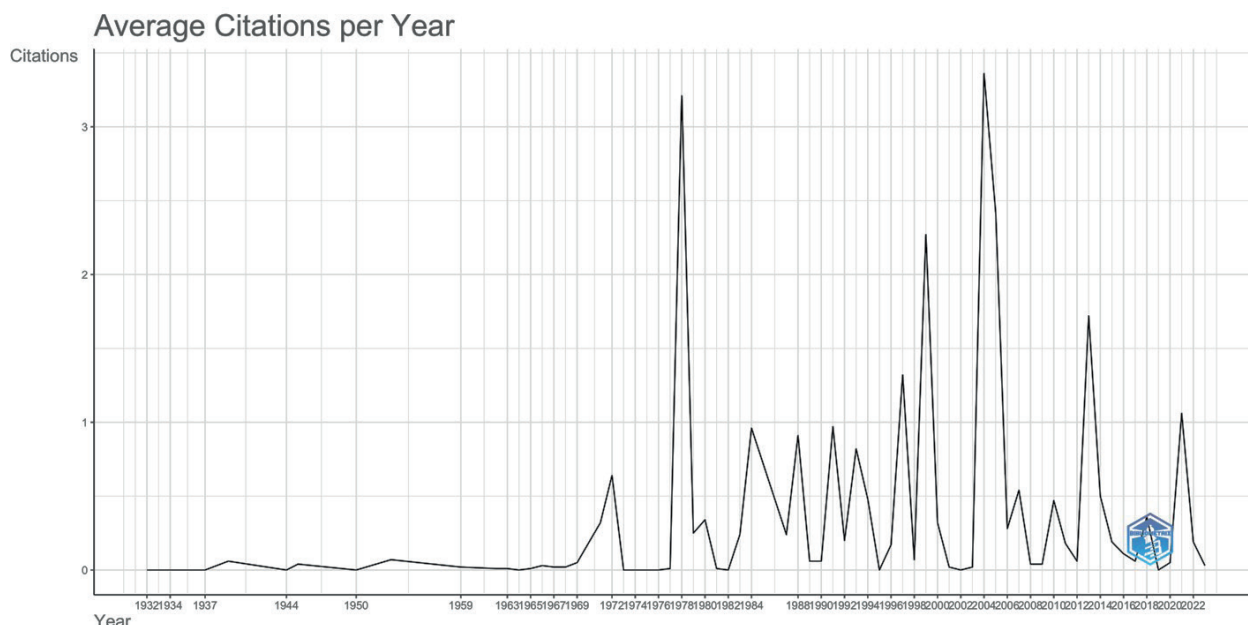

Рис. 1. Среднее количество цитирований научных трудов
по экономическим проблемам депрессивных регионов

Fig. 1: Average number of citations of scientific papers on economic problems of depressed regions

Источник: составлено авторами инструментом Biblioshiny в R-среде

Как видно из рисунка 1, экономические исследования депрессивных регионов берут начало ещё в 30-е годы XX века. Рассматривая «ранний период» таких исследований, можно констатировать, что они охватывают широкий спектр тематик, включая вопросы миграции [4], экономических стимулов развития [5], транснационального капиталистического класса [6], стратегий роста [7], использования ремиттендов [8], пространственного планирования [9], историче-

ского анализа [10; 11] и сравнительного анализа региональной интеграции [12].

Рассматривая наиболее современные научные труды по экономическим проблемам депрессивных регионов, датируемые пятилетним промежутком с 2019 по 2023 гг., авторы выделили наиболее цитируемые из них (табл. 2).

Как видно из таблицы 2, в современных экономических исследованиях депрессивных регионов отмечается тенденция к расширению

Таблица 2

Table 2

Наиболее цитируемые научные труды по экономическим проблемам депрессивных регионов современного периода (в порядке убывания общего количества цитирований)

The most cited scientific works on the economic problems of depressed regions of the modern period (in descending order of the total number of citations)

Источник	Цитирований, всего	Цитирований в год	Нормализованное количество цитирований
[14]	28	7,00	6,59
[15]	8	2,67	14,22
[16]	5	1,67	8,89
[17]	3	0,75	0,71
[18]	2	1,00	31,00
[19]	2	0,50	0,47
[20]	1	0,25	0,24
[21]	1	0,20	4,00
[22]	1	0,33	1,78
[23]	1	0,33	1,78

Источник: составлено авторами.

исследовательской агенды за счёт включения вопросов устойчивости и экологии, что отражает изменение акцентов в изучении такого рода регионов на фоне глобальных вызовов.

Стоит отметить, что и в ранних, и в современных наиболее цитируемых научных работах почти не встречаются научные труды, освещающие проблематику депрессивных регионов в условиях цифровизации и/или цифровой трансформации экономики. При этом R. Granger [24] указывает на то, что использование нынешней политики создания предпринимательских зон в Великобритании в качестве инструмента для продвижения быстрорастущих секторов с большим потенциалом (цифровой промышленности, нишевого машиностроения, биотехнологий и «зелёных» секторов) представляет собой отход от модели предпринимательских зон как инструмента городского благосостояния и больше соответствует использованию фискальных стимулов. Олейников и др. [25] предлагают депрессивные и деградирующие территории подвергать реновации путём создания их цифрового двойника. Похожий подход предлагается Китайской академией информационных и коммуникационных технологий¹. Несколько работ по цифровизации депрессивных регионов также принадлежат авторам настоящего исследования [26; 27]. Кроме того, в существующих научных трудах по проблемам депрессивных регионов практически не рассматривается возможность их реиндустриализации. Ведь депрессивными в основном становятся территории, которые ранее либо являлись промышленными центрами, либо использовались промышленными предприятиями (так называемые «старопромышленные локальные зоны»²). В этих условиях тема статьи, посвящённая цифровой реиндустриализации депрессивных регионов, является актуальной, что подтверждено авторским эмпирическим анализом.

¹ White Paper on Digital Twin Cities. CAICT. 2022. URL: http://www.caict.ac.cn/english/research/whitepapers/202303/t20230316_416829.html (дата обращения: 27.02.2024)

² О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 годы) : распоряж. Правительства РФ от 10.07.2001 № 910-р (ред. от 06.06.2002) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=37089&dst=101027#ZnOx15Uo pHx4vJNy4> (дата обращения: 27.02.2024)

Методы и материалы

В рамках проведённого исследования были применены методы аналитической оценки и сегментации данных, которые позволили всесторонне изучить процессы цифровой реиндустриализации на мезоуровне в депрессивных регионах Российской Федерации: оценить текущее состояние, выявить основные проблемы и задачи, а также разработать конкретные рекомендации для их решения.

Результаты и обсуждение

Концепт цифровой реиндустриализации

Концепт цифровой реиндустриализации в контексте настоящего исследования строится авторами на методологической основе фреймворка «четырёх ориентаций» в цифровой экономике, эволюция исследовательской мысли которого представлена в таблице 3.

Первая проекция — цифровая индустриализация — относится к информационно-коммуникационной отрасли, которая является ведущей отраслью для развития цифровой экономики. Она предоставляет технологии, продукты, услуги и решения для развития цифровой экономики. В частности, она охватывает такие сектора, как производство электронной информации, телекоммуникации, программное обеспечение, услуги в области информационных технологий и Интернет.

Цифровая индустриализация включает в себя такие технологии, продукты и услуги, как 5G, интегральные схемы, программное обеспечение, искусственный интеллект, большие данные, облачные вычисления и блокчейн, но не ограничивается ими³.

Вторая проекция — промышленная цифровизация, или цифровизация промышленности — это процесс использования традиционными отраслями цифровых технологий, продуктов или услуг для повышения производительности и эффективности производства, в результате чего создаётся дополнительный объём продукции, составляющий важную часть цифровой экономики. Она включает в себя, но не ограничивается новыми интегрированными отраслями и новыми бизнес-моделями, такими как промышленный Интернет, сочетание информатизации и индустриализации, интеллектуальное

³ White Paper on Global Digital Economy. CAICT. 2022. URL: http://www.caict.ac.cn/english/research/whitepapers/202303/t20230316_416850.html (дата обращения: 27.02.2024)

производство, Интернет транспортных средств и платформенная экономика¹.

Третья проекция — цифровое управление — является важным компонентом содействия модернизации национальных систем управления и потенциала управления. Это новая модель управления, в которой цифровые технологии используются для создания институциональной системы совершенствования административного управления, инновационных методов предоставления услуг и регулирования, оптимизации предоставления государственных услуг и совершенствования систем принятия административных решений, исполнения, организации и надзора. Цифровое управление включает в себя инновации в моделях управления и использование цифровых технологий для совершенствования систем управления и укрепления всеобъемлющего потенциала управления.

Четвёртая проекция — валоризация данных. Ценные данные являются ключевым фактором производства для развития цифровой экономики, и ускорение процесса создания стоимости данных — одно из основных требований для развития цифровой экономики. Такая деятельность по созданию стоимости включает, в частности, сбор данных, разработку стандартов данных, присвоение прав собственности на данные, аннотирование данных, ценообразование на данные, торговлю данными, обращение данных, защиту данных и управление данными².

На взгляд авторов, конвергенция первых двух проекций (цифровой индустриализации и промышленной цифровизации) может рассматриваться как цифровая реиндустриализация [28], то есть не только как модернизация и трансформация уже существующих традиционных промышленных секторов с помощью цифровых технологий (что по сути является промышленной цифровизацией), но и как создание новых цифровых индустрий (рис. 2).

Процесс цифровой реиндустриализации обусловлен кросс-отраслевым схождением практик и стратегий в области цифровых технологий между разными экономическими системами и является результатом обмена технологиями, глобализации, обучения и адаптации к лучшим практикам.

¹ Asia Digital Economy Report. CAICT. 2023. http://www.caict.ac.cn/english/research/whitepapers/202312/t20231225_468898.html (дата обращения: 27.02.2024)

² Там же.

Методика оценки цифровой реиндустриализации на мезоуровне

В настоящее время разработано несколько методик оценки цифровой индустриализации и промышленной цифровизации, в основном китайскими учёными. Так, Y. Xu и L. Xu [29] предлагают оценивать конвергенцию между цифровой индустриализацией и промышленной цифровизацией как меру устойчивости/резильентности цифровой экономики. Ими разработана индикативная оценочная система, включающая два первичных показателя, шесть вторичных и девятнадцать третичных. Q. Wang и Y. Wei [30] оценивают влияние цифровой экономики на технологические инновации на примере данных по производственным предприятиям в Китае. Для оценки цифровой индустриализации и промышленной цифровизации они разработали индикативную систему, включающую четыре первичных показателя и двадцать вторичных. C. Zhang [31] измеряет уровень развития цифровой индустриализации и промышленной цифровизации с помощью модели SBM — Малмквиста на примере городских префектур Китая.

Предлагаемая авторская методика оценки цифровой реиндустриализации депрессивных регионов РФ включает в себя следующие этапы.

Этап 1. Анализ изменения индекса промышленного производства в каждом регионе — позволяет отследить динамику и тенденции в развитии промышленности на общерегиональном уровне. Это первичный индикатор, отражающий успешность или неудачи в процессе индустриализации.

Этап 2. Сегментированный анализ по видам экономической деятельности — даёт более детализированное понимание того, какие отрасли являются локомотивами роста, а какие — точками застоя. Оценка должна включать как традиционные, так и новые, цифровизированные сегменты промышленности.

Этап 3. Оценка объёма отгруженных товаров и услуг — даёт понимание экономической активности в регионе и эффективности внедрения новых технологий.

Этап 4. Изучение стратегий цифровой трансформации и соотношение их с реальными показателями производства — помогает оценить, насколько успешно цифровые технологии интегрируются в промышленные процессы региона.

Этап 5. Выявление проблем и вызовов, анализ на основе полученных данных и их сопоставление с целями цифровой реиндустриализации —

Этапы развития «четырёх ориентаций» в цифровой экономике
Stages of development of the “four orientations” in the digital economy

Этап	Период	Источник	Содержание
1. Фреймворк «двух ориентаций» в цифровой экономике	2017	1	1. Цифровая индустриализация. 2. Промышленная цифровизация
2. Фреймворк «трёх ориентаций» в цифровой экономике	2019	2	1. Цифровая индустриализация. 2. Промышленная цифровизация. 3. Цифровое управление
3. Фреймворк «четырёх ориентаций» в цифровой экономике	2020	3	1. Цифровая индустриализация. 2. Промышленная цифровизация. 3. Цифровое управление. 4. Валоризация данных

1. China's Digital Economy Development Report. CAICT. 2017.

2. China's Digital Economy Development Report. CAICT. 2019.

3. Digital Economy Development in China. CAICT. 2020. http://www.caict.ac.cn/english/research/whitepapers/202007/t20200706_285683.html (дата обращения: 27.02.2024)

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Концепт цифровой реиндустриализации
 как конвергенция цифровой индустриализации и промышленной цифровизации

Fig. 2. The concept of digital re-industrialization
 as a convergence of digital industrialization and industrial digitalization

Источник: разработано авторами

позволяет выявить существующие препятствия и проблемы, которые мешают реализации потенциала региона.

Этап 6. Разработка конкретных, действенных рекомендаций по устранению выявленных проблем, оптимизации процессов и ускорению цифровой реиндустриализации.

Результаты апробации методики оценки цифровой реиндустриализации на примере депрессивных регионов РФ

Анализ данных по индексу промышленного производства и его разветвлениям по видам экономической деятельности в 2023 году относительно 2022 года (табл. 4) на первом этапе

показывает дифференциацию в развитии отраслей по регионам России.

Из таблицы 4 видно, что на общероссийском уровне наблюдается незначительный рост в обрабатывающих производствах и стабилизация в секторе энергетики, в то время как сегменты добычи полезных ископаемых и утилизации отходов демонстрируют снижение показателей. Отдельные депрессивные регионы, такие как Чувашская Республика и Курганская область, показывают значительное превышение индексов, особенно в обрабатывающей промышленности, в то время как Республика Адыгея и Республика Тыва испытывают заметный спад по большинству направлений.

На третьем этапе оценки цифровой реиндустриализации депрессивных регионов России анализируются объёмы отгруженных товаров собственного производства и выполненных работ и услуг (табл. 5).

Как следует из таблицы 5, общенациональный рост отмечен во всех изучаемых секторах, особенно в обрабатывающих производствах (111,5 %). Заметный прогресс в области добычи полезных ископаемых демонстрирует Республика Алтай (210 %), тогда как Псковская область показывает существенное снижение (73,7 %). В обрабатывающих производствах выделяются Республика Калмыкия (180,2 %) и Чувашская Республика (140 %). Наибольший рост в секторе водоснабжения и водоотведения показывает Псковская область (170,8 %), что подчёркивает внедрение успешных проектов или инвестиций в данной сфере.

На четвёртом этапе проведён анализ стратегий цифровой трансформации депрессивных регионов РФ и рассмотрены имеющиеся показатели подраздела «Промышленность», а также их планируемая динамика.

Псковская область в своей Стратегии цифровой трансформации¹ планирует положительную динамику в формировании цифровых паспортов на предприятиях обрабатывающей промышленности: с 50 % в 2022 году до ожидаемых 85 % в 2024 году. Кроме того, планируется рост доли высокотехнологичных рабочих мест, что свидетельствует о модернизации производства. Увели-

чение использования энергосберегающих технологий и оборудования также указывает на переориентацию промышленности региона на устойчивое развитие и эффективность.

Алтайский край² также планирует значительное увеличение доли предприятий с цифровыми паспортами — с 10 % до ожидаемых 85 % в 2024 году, что говорит о быстром плановом внедрении цифровых технологий. Количество информационных материалов и специалистов, прошедших переподготовку, также планово растёт, что способствует повышению квалификации и развитию цифровой экосистемы региона.

Результаты изучения подраздела «Промышленность» в рамках Стратегии цифровой трансформации Курганской области³ демонстрируют следующую динамику: доля вовлечённых средних и крупных предприятий базовых несырьевых отраслей экономики в реализацию национального проекта показывает умеренный рост с 10 % в 2022 году до 15 % в 2024 году. Это свидетельствует о том, что происходит постепенное включение предприятий региона в работу по национальному проекту.

Для Республики Тыва плановые данные в Стратегии цифровой трансформации⁴ показывают медленное внедрение цифровизации: на начальном этапе в 2022 году не было предприятий с цифровыми паспортами, однако к 2024 году их доля должна достигнуть 20 %. Поддержанных проектов по внедрению отечественного ПО планируется мало, что может быть связано с недостаточной инфраструктурой или инвестициями.

² Стратегия цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Алтайского края : утв. Губернатором Алтайского края, Председателем Правительства Алтайского края от 24.11.2023 № 150-п. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/altajskij-kraj_JfZWZu4.pdf (дата обращения: 27.02.2024).

³ О внесении изменений в распоряжение Правительства Курганской области от 19 августа 2021 года № 161-р : распоряж. Правительства Курганской области от 19.08.2022 № 189-р. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/kurganskaya-oblast-bez-podpisi.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).

⁴ Об утверждении Стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления в Республике Тыва на 2022–2024 годы : постановвл. Правительства Республики Тыва от 29.12.2022 № 866. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/respublika-tyiva.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).

¹ О Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Псковской области» (с изменениями и дополнениями) : распоряж. Губернатора Псковской области от 19.08.2021 № 102-ПГ. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pskovskaya-oblast.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).

Таблица 4

Table 4

Этапы развития «четырёх ориентаций» в цифровой экономике
Stages of development of the “four orientations” in the digital economy

Субъект РФ	Индекс промышленного производства	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Водоснабжение; водоотведение; организация сбора и утилизации отходов, и деятельность по ликвидации загрязнений
Российская Федерация	103,5	98,7	107,5	100,2	97,5
Республика Карелия	100,7	100,8	99,4	102,9	125,3
Псковская область	110,9	94,3	108	99,4	173,5
Республика Адыгея	106,1	84,7	108,1	95,9	93,6
Республика Калмыкия	101,8	95,8	107,4	101,9	97,6
Республика Марий Эл	114,1	90	115,6	97,4	101,8
Чувашская Республика	127,2	56,8	132,1	105,6	100,9
Курганская область	117	115,1	123,5	96,1	98,4
Республика Алтай	103,3	111,9	96,2	107,9	118,5
Республика Тыва	97,2	98,3	106,5	84,1	92
Алтайский край	105,8	93	106,7	99	102,5

Источник: составлено авторами по: Социально-экономическое положение России // Федеральная служба государственной статистики. М., 2023. 360 с.

Таблица 5

Table 5

**Объём отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ
и услуг собственными силами в целом по РФ и в разрезе депрессивных регионов
и видов экономической деятельности, 2023 г. в % к 2022**
**Volume of shipped goods of own production, works and services performed by own forces
in the Russian Federation as a whole and in the context of depressed regions
and types of economic activity, 2023 as a % of 2022**

Субъект РФ	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Водоснабжение; водоотведение; организация сбора и утилизации отходов, и деятельность по ликвидации загрязнений
Российская Федерация	102,5	111,5	110,9	111,6
Республика Карелия	104,5	н/д	116	н/д
Псковская область	73,7	114,1	108,7	170,8
Республика Адыгея	86,4	110,2	113,3	106,4
Республика Калмыкия	н/д	180,2	118,8	н/д
Республика Марий Эл	120,3	129,3	105,8	100,8
Чувашская Республика	107,9	140	115,2	110,4
Курганская область	114,7	134,1	109,3	115,8
Республика Алтай	210	62,1	111,3	123,7
Республика Тыва	96,2	170,4	99,3	96,9
Алтайский край	87,1	105,5	110,9	120,5

Источник: составлено авторами по: Социально-экономическое положение России...

Чувашская республика¹ показывает хорошую тенденцию в плановом оформлении цифровых паспортов и информировании о мерах поддержки. Заметен планируемый рост количества кластеров и увеличение доли продаж через маркетплейсы, что говорит о развитии цифровой торговли и интеграции в цифровую экономику.

Отсутствие подраздела «Промышленность» в Стратегиях цифровой трансформации Республики Адыгея², Калмыкии³, Алтае⁴, Карелии⁵ и Республики Марий Эл⁶ не позволяет сделать выводы о состоянии цифровой реиндустриализации в этих регионах. Очевидно, что значимый прогресс в данных областях не планируется.

На пятом этапе выявлены проблемы, вызовы и стратегические риски цифровой реиндустриализации депрессивных регионов РФ. Анализируя ситуацию на примере Алтайского края, Чувашской Республики и Курганской области, выявили общие и специфические вызовы. Среди общих факторов: использование устаревшего оборудования, высокая ресурсоемкость освоения новых технологических уровней, негативное воздействие санкций и ограничений на доступ к зарубежным технологиям и материалам. В то же время имеются и специализированные проблемы, такие как несоответствие человеческого ресурсного потенциала новым требованиям, связанным с цифровизацией, низкие темпы имплементации цифровых технологий в промышленном секторе и недостаточность квалифицированных кадров с компетенциями в области цифровой грамотности.

Основными вызовами для развития цифровой реиндустриализации депрессивных регионов РФ являются сопротивление предприятий изменениям установленных производственных механизмов на новые цифровые из-за отсутствия гарантий эффективности, а также риск потери прибыли в период перехода. Дополнительно отмечается трудоёмкость формирования базы данных промышленных предприятий, недостаточное внимание к автоматизации и риски, связанные с кибербезопасностью и технологической безопасностью.

На шестом этапе сформированы рекомендации по осуществлению цифровой реиндустриализации и стимулированию экономической резильентности депрессивных регионов РФ. Центральным элементом стратегии ускорения цифровой реиндустриализации для депрессивных регионов является создание и интеграция цифровых паспортов промышленных предприятий на платформе Государственной информационной системы промышленности (ГИСП), что обеспечивает единую цифровую среду и интер-активные сервисы. Результатами создания цифровых паспортов должны стать разработка и применение энергосберегающих производственных технологий и материалов, повышение производительности

¹ О внесении изменений в распоряжение Кабинета Министров Чувашской Республики от 20 августа 2021 г. № 739-р : распоряж. Кабинета министров Чувашской Республики от 06.09.2023 № 1012-р. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/chuvashskaya-respublika_KMTaPIQ.pdf (дата обращения: 27.02.2024).

² Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Адыгея : утв. Главой Республики Адыгея 13.10.2023. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/respublika-adyigea_JIT7IEU.pdf (дата обращения: 27.02.2024).

³ О внесении изменений в Стратегию в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Калмыкия, утверждённую постановлением Правительства Республики Калмыкия от 16 августа 2021 г. № 306 : постановвл. Правительства Республики Калмыкия от 30.12.2022 № 525. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/respublika-kalmyikiya_puY15fm.pdf (дата обращения: 27.02.2024).

⁴ Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Алтай и признании утратившим силу Указа Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай от 29 августа 2022 г. No 228-у : указ Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай от 10.11.2023 № 297-у. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/respublika-altaj_ywgPuKG.pdf (дата обращения: 27.02.2024).

⁵ О внесении изменений в Стратегию в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Карелия, утверждённую распоряжением Правительства Республики Карелия от 19 августа 2021 года № 607р-П : распоряж. Правительства Республики Карелия от 30.08.2022 № 765р-П. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/respublika-kareliya.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).

⁶ Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Марий Эл : распоряж. Правительства Республики Марий Эл от 01.11.2022 г. № 805-р. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/respublika-marij-el.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).

сти труда через внедрение высокопроизводительных техник и технологий, а также формирование и развитие кооперационных цепочек. Ключевую роль в описываемых процессах играет повышение компетенций работников в сфере цифровой трансформации, что требует реализации целенаправленных программ обучения и переподготовки, особенно в сферах управления цифровым производством и инженерии. Сокращение сроков вывода продукции на рынок и цифровизация продвижения продукции по товаропроводящей цепи должны стать возможными благодаря грамотному использованию цифровых инструментов и предиктивной аналитики для оптимизации производственных и послепродажных процессов. Дополнительно ожидается, что акцент на импортозамещение и инновации в области отечественного программного обеспечения и программно-аппаратных комплексов укрепит внутренние ресурсы и независимость от зарубежных технологий, а также будет способствовать финансовой поддержке отечественных разработок. Переход к проактивному управлению мерами государственной поддержки, обеспечивающим эффективную навигацию и возможность построения специализированных траекторий поддержки, также должен способствовать созданию устойчивой и адаптивной промышленной среды.

Заключение

1. Сформирован авторский концепт цифровой реиндустриализации, представляющий собой синтез эволюционных этапов развития цифровой экономики, описанных через фреймворк «четырёх ориентаций». Этот концепт выявляет процесс кросс-отраслевой интеграции и синергии между цифровой индустриализацией и промышленной цифровизацией, акцентируя внимание на значимости создания новых цифровых индустрий и модернизации существующих промышленных секторов. Такое понимание цифровой реиндустриализации подчёркивает важность технологического обмена, глобализации и обучения для эффективной адаптации и применения лучших практик в цифровой экономике, что в свою очередь способствует ускоренному развитию и валоризации данных, улучшению управленческих процессов и созданию дополнительной стоимости в экономике.

2. Разработана методика оценки цифровой реиндустриализации на мезоуровне, предусматривающая анализ индекса промышленного производства, сегментированный анализ отраслей, оценку объёма произведённых товаров и услуг,

изучение стратегий цифровой трансформации и соответствие их реализации, а также выявление существующих проблем и разработку рекомендаций для ускорения процессов цифровизации. Предложенная методика ориентирована на выявление конкретных путей оптимизации и ускорения цифровой реиндустриализации, учитывая специфику и потребности регионов.

3. Проведена апробация методики оценки цифровой реиндустриализации на примере депрессивных регионов РФ, результаты которой показали дифференциацию в развитии промышленных отраслей, при этом отдельные регионы демонстрируют значительные успехи в обрабатывающей промышленности. Анализ стратегий цифровой трансформации и объёмов производства свидетельствует о позитивной динамике внедрения цифровых технологий в производственные процессы, хотя и существуют проблемы, связанные с ресурсоемкостью новых технологий и недостаточной квалификацией кадров. Рекомендации направлены на создание цифровых паспортов предприятий, развитие энергосберегающих технологий, повышение квалификации персонала и внедрение инновационных решений, что должно способствовать ускорению процессов цифровой реиндустриализации и повышению экономической устойчивости регионов.

Исследование обладает рядом ограничений. Во-первых, применение методики было ограничено десятью депрессивными регионами, что не позволяет полностью утверждать о её масштабируемости. Во-вторых, динамичность изменений в законодательной сфере могут потребовать актуализации анализа стратегий цифровой трансформации. В-третьих, необходимо учитывать экономические, социальные и культурные специфики регионов, которые могут существенно влиять на процесс цифровой реиндустриализации и, соответственно, на результаты оценки.

Дальнейшие исследования авторов будут направлены на расширение эмпирической базы данных. Также представляется важной интеграция представленной методики с другими инструментами цифрового стратегирования. Необходимо провести долгосрочное наблюдение за итогами реализации стратегий цифровой трансформации депрессивных регионов, учитывая специфику каждого региона. В качестве перспективного направления выступает изучение межрегионального взаимодействия и создание условий для распространения лучших практик цифровой реиндустриализации.

Список источников

1. Корсунский Б. Л., Леонов С. Н. Депрессивный район в переходной экономике. Владивосток : Даль-наука. 1999. 155 с. ISBN 5-7442-0916-6.
2. Кадиева Н. Г., Байрамова Л. Г. Содержание процесса стабилизации в депрессивном регионе // Вопросы структуризации экономики. 1999. № 1. С. 19–21.
3. Aria M., Cuccurullo C. Bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis // Journal of Informetrics. 2017. Vol. 11, № 4. P. 959–975. DOI: 10.1016/j.joi.2017.08.007
4. Davanzo J. Does Unemployment Affect Migration? Evidence from Micro Data // The Review of Economics and Statistics. 1978. Vol. 60, № 4. P. 504–514.
5. Peters A., Fisher P. The failures of economic development incentives // Journal of the American Planning Association. 2004. Vol. 70, № 1. P. 27–37.
6. Sklair L. The transnational capitalist class and contemporary architecture in globalizing cities // International Journal of Urban and Regional Research. 2005. Vol. 29, № 3. P. 485–500.
7. Parr J. B. Growth-pole strategies in regional economic planning: a retrospective view: Part 2. Implementation and outcome. Urban studies. 1999. Vol. 36, № 8. P. 1247–1268.
8. Zarate-Hoyos G. A. Consumption and remittances in migrant households: toward a productive use of remittances. Contemporary Economic Policy. 2004. Vol. 22, № 4. P. 555–565.
9. Hanson A., Rohlin S. Do spatially targeted redevelopment programs spillover? // Regional Science and Urban Economics. 2013. Vol. 43, № 1. P. 86–100.
10. Southall H. R. The origins of the depressed areas: unemployment, growth, and regional economic structure in Britain before 1914 // Economic History Review. 1988. № 2. P. 236–258.
11. Heim C. E. Limits to intervention: the Bank of England and industrial diversification in the depressed areas // The Economic History Review. 1984. Vol. 37, № 4. P. 533–550.
12. Hughes Hallett A. J. et al. East Germany, West Germany, and their Mezzogiorno problem: a parable for European economic integration // Economic Journal. 1993. Vol. 103, № 417. P. 416–428.
13. Behrman J. N. Industrial integration and the multinational enterprise // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1972. Vol. 403, № 1. P. 46–57.
14. Griffin J. M., Kruger S., Maturana G. What drove the 2003–2006 house price boom and subsequent collapse? Disentangling competing explanations // Journal of Financial Economics. 2021. Vol. 141, № 3. P. 1007–1035.
15. Jozami E. et al. Life cycle assessment of bioenergy from lignocellulosic herbaceous biomass: The case study of *Spartina argentinensis* // Energy. 2022. Vol. 254. P. 124215.
16. Kireyeva A. A., Nurlanova N. K., Kredina A. Assessment of the socio-economic performance of vulnerable and depressed territories in Kazakhstan // R-Economy. 2022. Vol. 8, Iss. 1. P. 21–31.
17. Оборин М. С. Механизмы обеспечения экономической безопасности депрессивных регионов // Вестник ВолГУ. Экономика. 2021. Т. 23, № 2. С. 21–41.
18. Babkin A. et al. Factors and models of economic security of industrial enterprises in a depressed region in the context of digital transformation // E3S Web of Conferences. EDP Sciences. 2023. Vol. 420. P. 08010.
19. Volkov A. D., Tishkov S. V., Druzhinin P. V. Natural resources, settlement system and the role of single-industry towns in the spatial organization development of the Arctic Karelia regional economy // Arctic: Ecology and Economy. 2021. Vol. 11, № 4. P. 582–595.
20. Николайчук О. А. Дальний Восток России: от депрессивного региона к территории будущего : монография. М. : ИНФРА-М, 2019. 179 с.
21. Ибраева А. К., Акишева Д. М., Зейнуллина А. Ж. Финансово-экономические методы инвестиционно-инновационного развития экономики депрессивных районов области // Путеводитель предпринимателя. 2020. Т. 13, № 1. С. 32–37.
22. Ladino J. K. Pushed Out: Contested Development and Rural Gentrification in the US West by Ryanne Pilgeram // Western American Literature. 2022. Vol. 57. № 1. P. 81–83.
23. Молдабекова А. Т. и др. Социально-экономические проблемы депрессивных регионов Казахстана: эмпирический анализ // Economics: the strategy and practice. 2022. Т. 17, № 3. С. 124–137.
24. Granger R. C. Enterprise zone policy: developing sustainable economies through area-based fiscal incentives // Urban Research & Practice. 2012. Vol. 5, № 3. P. 335–341.

25. Олейников А. А., Арслан М. И., Перцев В. В. Реновация городских территорий: проблемы и пути решения на примере г. Белгорода // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. 2023. № 7. С. 71–83.
26. Balog M., Babkin A., Shkarupeta E. Digital tools for managing the economic security of a depressed region // E3S Web of Conferences. EDP Sciences. 2023. Vol. 458. P. 05022.
27. Babkin A. et al. Factors and models of economic security of industrial enterprises in a depressed region in the context of digital transformation // E3S Web of Conferences. EDP Sciences. 2023. Vol. 420. P. 08010.
28. Бабкин А. В., Шкарупета Е. В., Ташенова Л. В. Методика оценки конвергентности цифровой индустриализации и индустриальной цифровизации в условиях Индустрии 4.0 и 5.0 // *π-Economy*. 2023. Т. 16, № 5. С. 91–108. DOI:10.18721/JE.16507
29. Xu Y., Xu L. The Convergence between Digital Industrialization and Industrial Digitalization and Export Technology Complexity: Evidence from China // *Sustainability*. 2023. Vol. 15, № 11. P. 9081. DOI: 10.3390/su15119081
30. Wang Q., Wei Y. Research on the Influence of Digital Economy on Technological Innovation: Evidence from Manufacturing Enterprises in China // *Sustainability*. 2023. Vol. 15, № 6. P. 4995. DOI: 10.3390/su15064995
31. Zhang C. Measuring the Development Level of Digital Industrialization and Industrial Digitization using the SBM–Malmquist Model: Evidence from prefecture-level cities in China // *Advances in Economics and Management Research*. 2023. Vol. 6, № 1. P. 311–311.

References

1. Korsunskiy BL, Leonov SN. Depressive Area in a Transitional Economy. Vladivostok: Dalnauka; 1999. 155 p. ISBN 5-7442-0916-6. (In Russ.).
2. Kadiyeva NG, Bayramova LG. The Content of the Stabilization Process in a Depressive Region. *Voprosy Strukturyzatsii Ekonomiki = Issues of Economic Structuring*. 1999;(1):19-21. (In Russ.).
3. Aria M, Cuccurullo C. Bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis. *Journal of Informetrics*. 2017;11(4):959-975. DOI: 10.1016/j.joi.2017.08.007
4. Davanzo J. Does Unemployment Affect Migration? Evidence from Micro Data. *The Review of Economics and Statistics*. 1978;60(4):504-514.
5. Peters A, Fisher P. The failures of economic development incentives. *Journal of the American Planning Association*. 2004;70(1):27-37.
6. Sklair L. The transnational capitalist class and contemporary architecture in globalizing cities. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2005;29(3):485-500.
7. Parr JB. Growth-pole strategies in regional economic planning: a retrospective view: Part 2. Implementation and outcome. *Urban Studies*. 1999;36(8):1247-1268.
8. Zarate-Hoyos GA. Consumption and remittances in migrant households: toward a productive use of remittances. *Contemporary Economic Policy*. 2004;22(4):555-565.
9. Hanson A, Rohlin S. Do spatially targeted redevelopment programs spillover? *Regional Science and Urban Economics*. 2013;43(1):86-100.
10. Southall HR. The origins of the depressed areas: unemployment, growth, and regional economic structure in Britain before 1914. *Economic History Review*. 1988;41(2):236-258.
11. Heim CE. Limits to intervention: the Bank of England and industrial diversification in the depressed areas. *Economic History Review*. 1984;37(4):533-550.
12. Hughes Hallett AJ, Ma A, Lewis J, Stankiewicz J. East Germany, West Germany, and their Mezzogiorno problem: a parable for European economic integration. *Economic Journal*. 1993;103(417):416-428.
13. Behrman JN. Industrial integration and the multinational enterprise. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1972;403(1):46-57.
14. Griffin JM, Kruger S, Maturana G. What drove the 2003–2006 house price boom and subsequent collapse? Disentangling competing explanations. *Journal of Financial Economics*. 2021;141(3):1007-1035.
15. Jozami E, Amadeo E, Carreras J, Mariño J. Life cycle assessment of bioenergy from lignocellulosic herbaceous biomass: The case study of *Spartina argentinensis*. *Energy*. 2022;254:124215.
16. Kireyeva AA, Nurlanova NK, Kredina A. Assessment of the socio-economic performance of vulnerable and depressed territories in Kazakhstan. *R-Economy*. 2022;8(1):21-31.

17. Oborin MS. Mechanisms of Ensuring Economic Security of Depressed Regions. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ekonomika = Bulletin of Volgograd State University. Economy*. 2021;23(2):21-41. (In Russ.).
18. Babkin A, Gaponenko A, Kryukov O, Lavrikova Y, Naidenova I, Chernyaev M. Factors and models of economic security of industrial enterprises in a depressed region in the context of digital transformation. *E3S Web of Conferences*. 2023;420:08010.
19. Volkov AD, Tishkov SV, Druzhinin PV. Natural resources, settlement system and the role of single-industry towns in the spatial organization development of the Arctic Karelia regional economy. *Arctic: Ecology and Economy*. 2021;11(4):582-595.
20. Nikolaychuk OA. Russian Far East: From a Depressed Region to a Territory of the Future. Moscow: INFRA-M; 2019. 179 p. (In Russ.).
21. Ibrayeva AK, Akisheva DM, Zeynullina AZh. Financial and Economic Methods of Investment and Innovation Development of the Economy of Depressive Regions of the Region. *Putevoditel Predprinimatel'ya = Entrepreneur's Guide*. 2020;13(1):32-37. (In Russ.).
22. Ladino JK. Pushed Out: Contested Development and Rural Gentrification in the US West by Ryanne Pilgeram. *Western American Literature*. 2022;57(1):81-83.
23. Moldabekova AT, Bekmurzayeva DZh, Akhmetova SD. Socio-Economic Problems of Depressive Regions of Kazakhstan: Empirical Analysis. *Economics: the Strategy and Practice*. 2022;17(3):124-137. (In Russ.).
24. Granger RC. Enterprise zone policy: developing sustainable economies through area-based fiscal incentives. *Urban Research & Practice*. 2012;5(3):335-341.
25. Oleynikov AA, Arslan MI, Pertsev VV. Renovation of Urban Areas: Problems and Solutions Using the Example of Belgorod. *Vestnik Belgorodskogo Gosudarstvennogo Tekhnologicheskogo Universiteta im. V. G. Shukhova = Bulletin of the Belgorod State Technological University*. 2023;(7):71-83. (In Russ.).
26. Balog M, Babkin A, Shkarupeta E. Digital tools for managing the economic security of a depressed region. *E3S Web of Conferences*. 2023;(458):05022.
27. Babkin A, Gaponenko A, Kryukov O, Lavrikova Y, Naidenova I, Chernyaev M. Factors and models of economic security of industrial enterprises in a depressed region in the context of digital transformation. *E3S Web of Conferences*. 2023;(420):08010.
28. Babkin AV, Shkarupeta EV, Tashenova LV. Methodology for Assessing the Convergence of Digital Industrialization and Industrial Digitalization in the Context of Industry 4.0 and 5.0. *π-Economy*. 2023;16(5):91-108. DOI: 10.18721/JE.16507 (In Russ.).
29. Xu Y, Xu L. The Convergence between Digital Industrialization and Industrial Digitalization and Export Technology Complexity: Evidence from China. *Sustainability*. 2023;15(11):9081. DOI: 10.3390/su15119081
30. Wang Q, Wei Y. Research on the Influence of Digital Economy on Technological Innovation: Evidence from Manufacturing Enterprises in China. *Sustainability*. 2023;15(6):4995. DOI: 10.3390/su15064995
31. Zhang C. Measuring the Development Level of Digital Industrialization and Industrial Digitization using the SBM–Malmquist Model: Evidence from prefecture-level cities in China. *Advances in Economics and Management Research*. 2023;6(1):311-311.

Информация об авторах

Е. В. Шкарупета — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности»; профессор кафедры цифровой и отраслевой экономики.

А. В. Бабкин — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности»; профессор Высшей инженерно-экономической школы.

Е. А. Ильина — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры управления.

Information about the authors

Elena V. Shkarupeta — Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher of the Research Laboratory “Center for Complex Study of Regional Security Problems”; Professor of the Department of Digital and Sectoral Economics.

Aleksandr V. Babkin — Doctor of of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Laboratory “Center for Complex Study of Regional Security Problems”; Professor of the Higher School of Engineering and Economics.

Ekaterina A. Ilyina — Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of Management.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 11.04.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-58-72

ЭКСПРЕСС-ОЦЕНКА ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА КАК ИНСТРУМЕНТ ОПЕРАТИВНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Артём Аркадьевич Саламатов¹, Геннадий Николаевич Пряхин²,
Никита Валерьевич Малыгин³

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, salamatov79@mail.ru, 0000-0002-3070-9753

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pgn248@csu.ru, 0000-0003-1998-046X

³ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, malygin_97@mail.ru, 0000-0001-8542-9233

Аннотация. Вопрос повышения качества жизни населения регионов России актуален в силу ряда причин: необходимости достижения достойного уровня жизни населения, сопоставимого с уровнем развитых стран и регионов-лидеров РФ; учёта особенностей развития регионов; объективных ограничений в жизнедеятельности людей, вызываемых кризисными факторами развития, в том числе эпидемическими волнами, санкционным давлением недружественных стран и др. Для оперативного управленческого воздействия необходим инструмент, который обеспечивал бы постоянный мониторинг качества жизни населения, уровень и динамику его изменений. Однако на сегодняшний день существующие методики оценки качества жизни — трудоёмкая и длительная по времени научная задача с большим количеством показателей и индикаторов. Целью данного исследования является обоснование эколого-экономической безопасности как предиктора качества жизни населения региона и разработка экспресс-методики для оценки уровня её обеспечения. В работе авторами применялись такие методы как анализ и синтез научной информации, индексный метод оценки ключевых компонентов эколого-экономической безопасности региона на основе субиндексов. В результатах исследования обоснована сущность эколого-экономической безопасности региона как предиктора качества жизни населения, представляющая собой способность региональной эколого-экономической системы сохранять текущее состояние и возможность развития под влиянием внешних или внутренних воздействий, в том числе техногенного характера, а также функционировать, не изменяя собственную структуру и находиться в равновесии для обеспечения нормальной жизнедеятельности населения региона. На основе индексного метода оценки ключевых компонентов эколого-экономической безопасности региона определены значения по трём субиндексам (устойчивость, стабильность и техногенность), а также интегральный индекс эколого-экономической безопасности регионов Уральского федерального округа, которые были распределены на две группы для корректного сравнения, с 2017 по 2021 гг., определены регионы-лидеры (ЯНАО, ИИ (2021) = 0,743; Курганская область, ИИ (2021) = 0,508) и регионы-аутсайдеры (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, ИИ (2021) = 0,475; Свердловская область, ИИ (2021) = 0,391).

Ключевые слова: эколого-экономическая безопасность, качество жизни, население региона, экспресс-методика, устойчивость, стабильность, техногенность

Для цитирования: Саламатов А. А., Пряхин Г. Н., Малыгин Н. В. Экспресс-оценка эколого-экономической безопасности региона как инструмент оперативного прогнозирования качества жизни населения // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 58–72. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-58-72

Original article

EXPRESS ASSESSMENT OF ECOLOGICAL AND ECONOMIC SECURITY OF THE REGION AS A TOOL FOR OPERATIONAL FORECASTING OF THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

Artyom A. Salamatov¹, Gennady N. Pryakhin², Nikita V. Malygin³

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, salamatov79@mail.ru, 0000-0002-3070-9753

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pgn248@csu.ru, 0000-0003-1998-046X

³ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, malygin_97@mail.ru, 0000-0001-8542-9233

Abstract. The issue of improving the quality of life of the population of Russian regions is relevant for a number of reasons: the need to achieve a decent standard of living of the population, comparable to the level of developed countries and leading regions of the Russian Federation; taking into account the peculiarities of regional development; objective restrictions in people's lives caused by crisis development factors, including epidemic waves, sanctions pressure from unfriendly countries, etc. For operational management influence, a tool is needed that would ensure constant monitoring of the quality of life of the population, the level and dynamics of its changes. However, today, existing methods for assessing the quality of life are a labor-intensive and time-consuming scientific task with a large number of indicators. The purpose of this study is to substantiate environmental and economic security as a predictor of the quality of life of the population of the region and to develop an express method for assessing the level of its provision. In the work, the authors used such methods as analysis and synthesis of scientific information, an index method for assessing the key components of the environmental and economic security of the region based on subindices. The results of the study substantiate the essence of the ecological and economic security of the region as a predictor of the quality of life of the population, which is the ability of the regional ecological and economic system to maintain its current state and the possibility of development under the influence of external or internal influences, including man-made ones, and also to function without changing its own structure and be in balance to ensure the normal functioning of the population of the region. Based on the index method for assessing the key components of the region's environmental and economic security, the values for three subindices (sustainability, stability and technogenicity) were determined, as well as the integral index of environmental and economic security of the regions of the Ural Federal District, which were divided into two groups for correct comparison, from 2017 to 2021, the leading regions were identified (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, II (2021) = 0.743; Kurgan region, II (2021) = 0.508) and outsider regions (Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra, II (2021) = 0.475; Sverdlovsk Region, II (2021) = 0.391).

Keywords: ecological and economic security, quality of life, the population of the region, express methodology, sustainability, stability, technogenicity

For citation: Salamatov AA, Pryakhin GN, Malygin NV. Express assessment of ecological and economic security of the region as a tool for operational forecasting of the quality of life of the population. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):58-72. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-58-72

Введение

Качество жизни населения — понятие комплексное, отражающее многообразие и развитие потребностей и условий жизни людей. Следовательно, возникает вопрос, каким образом можно оценить качество жизни населения региона, чтобы оценка наиболее точно характеризовала уровень его текущего развития и коррелировала с ним?

Сущность понятия «качество жизни населения» включает в себе характеристики экономические, экологические, социальные, психологические, криминогенные и многие другие. Также не следует забывать о том, что качество жизни населения неразрывно связано с безопасностью государства, региона, общества. То есть качество жизни населения включает в себе экономическую, экологическую, социальную и другие виды безопасности.

По нашему мнению, наиболее существенными являются экономическая и экологическая безопасность, так как именно они лежат в основе благосостояния и благополучия населения, а значения всех остальных видов безопасности являются следствием экономической и экологической безопасности.

В настоящее время получило широкое распространение в науке такое течение, как «эколого-экономические системы», которые включают в себе экономические и экологические характеристики. В связи с этим, сформировалось понятие «эколого-экономическая безопасность», которая включает в себя составляющие и экономической, и экологической безопасности, а характеризующие её показатели имеют черты как экономических, так и экологических значений.

Материалы и методы исследования

Угрозы эколого-экономической безопасности региона, накапливающиеся как в течение длительного времени, так и возникающие спонтанно за относительно короткое время в основном ухудшают условия и качество жизни населения и их благополучие, а также наносят ущерб территории проживания. Поэтому, на наш взгляд, эколого-экономическая безопасность региона является предиктором, определяющим компонентом качества жизни населения. Научное подтверждение и обоснование этому мы находим в работах ученых, посвященных данной [11; 18; 20; 21].

Так, И. С. Белик и Л. В. Камдина отмечают, что «низкое качество атмосферного воздуха, питьевой воды, продуктов питания влияет не только на состояние здоровья и продолжительность жизни населения, но и на его реальные доходы, поскольку увеличиваются расходы на лекарственные препараты, продукты питания...» [5]. Кроме того, повышение уровня заболеваемости населения вследствие плохого качества окружающей природной среды влияет на макроэкономические составляющие, такие как объем ВВП, снижение налоговых доходов бюджета государства вследствие увеличения дней заболеваемости и снижения продолжительности рабочего периода, увеличение социальных расходов на выплату пособий по временной нетрудоспособности, пенсий по инвалидности и т. п.». То есть, по их мнению, ухудшение экологической ситуации негативно сказывается на экономических и социальных показателях. При этом авторы утверждают, что ухудшение экологической ситуации является следствием экономической деятельности страны, в частности ресурсодобывающей промышленности, что привело к тому, что «многие территории, города и целые регионы оказались в зоне экологического бедствия».

Таким образом, первичная экономическая составляющая, связанная с добычей и производством, оказывает влияние на экологическую составляющую, которая затем оказывает влияние на вторичную экономическую составляющую, связанную непосредственно с показателями уровня жизни населения — уровень доходов, состояние здоровья и трудоспособности и т. п.

Следовательно, «обеспечение уровня эколого-экономической безопасности, которое заключается в поддержании необходимого для самосохранения и саморазвития региона тех или иных свойств и характеристик — качественных и количественных, позволяет сохранять качество жизни...

ни...» населения на достаточном для нормальной жизнедеятельности уровне [5].

Учитывая, что в настоящее время растёт взаимозависимость экологических и экономических процессов, устойчивое развитие любого региона заключается в устранении дисбаланса между экономической и экологической деятельностью, при этом не нанося ущерба экономическому потенциалу региона при постановке государством задачи регионам сохранения окружающей среды наряду с экономическим ростом [9; 13; 12; 16; 24]. Поэтому мы выделили первую группу показателей, назвав её «устойчивость», то есть способность эколого-экономической системы региона сохранять текущее состояние и возможность развития под влиянием внешних или внутренних воздействий.

С нашей точки зрения, устойчивое развитие региона означает достижение запланированных целевых показателей развития в условиях нестабильности эколого-экономических процессов, которые могут привести к изменению доступности экономических, социальных и экологических ресурсов.

В современных условиях, приведших мир к глобальным вызовам и угрозам (санкционное давление, разделение государств на дружественные и недружественные и т. д.), оказывается не только внешнее, но и внутреннее давление на эколого-экономические процессы в регионе, изменяющие его текущую деятельность или возможность его развития, вызывающие дестабилизирующее негативное воздействие, поэтому поддержка стабильности, устойчивости и целостности эколого-экономической системы региона важна и приоритетна и направлена для поддержания благополучия его населения [6; 7; 22;]. Исходя из вышеизложенного мы считаем, что следующая группа показателей должна характеризовать стабильность — способность эколого-экономической системы региона функционировать, не изменяя собственную структуру и находиться в равновесии. Выбирая показатели в группу «стабильность», мы полагали, что для обеспечения стабильности необходимо защищать природную среду «...и, как следствие, экологических интересов личности от любых негативных воздействий со стороны хозяйственной деятельности либо вследствие чрезвычайных ситуаций» [21]. Динамика же показателя «ожидаемая продолжительность жизни населения» указывает на величину дисбаланса между хозяйственной деятельностью и состоянием природной среды

региона, а следовательно, на изменение качества жизни его населения.

Данные две группы эколого-экономических показателей, а именно устойчивость и стабильность развития, являются основными характеристиками управления регионом. Управление ими особенно актуально в условиях нестабильности и изменчивости эколого-экономических процессов.

Третья группа показателей — техногенность — приемлемость техногенных условий проживания (уровень техногенного воздействия на объекты природной среды). Данные показатели — это характеристика тех основных угроз эколого-экономической безопасности, которые прежде всего являются опасными для здоровья человека и, как следствие, ухудшают качество жизни населения региона. Они достаточно подробно описаны в научной литературе [14; 17; 25].

Важнейшим аспектом обеспечения эколого-экономической безопасности является защита территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. К основным угрозам эколого-экономической безопасности региона, да и национальной безопасности страны, техногенного характера могут быть отнесены стихийные бедствия, аварии и катастрофы, в том числе связанные с глобальным изменением климата, ухудшением технического состояния объектов инфраструктуры и возникновением пожаров и др.

Все три, предложенные нами группы показателей эколого-экономической безопасности в совокупности указывают на уровень благополучия того или иного региона, в основе которого лежит концепция качества жизни как главного приоритета развития, то есть благополучия проживания населения в данном регионе (территории) с учётом баланса интересов при возможном воздействии различных рисков и угроз.

Исходя из вышеизложенного, под эколого-экономической безопасностью региона как предикторе качества жизни населения мы понимаем способность региональной эколого-экономической системы сохранять текущее состояние и возможность развития под влиянием внешних или внутренних воздействий, в том числе техногенного характера, а также функционировать, не изменяя собственную структуру и находиться в равновесии для обеспечения нормальной жизнедеятельности населения региона.

В качестве отправной точки для разработки методики экспресс-оценки эколого-экономической

безопасности региона в данном исследовании нами была взята методика, предложенная А. А. Куклиным и его коллегами [10]. Они группируют индикаторы оценки благосостояния личности и территории проживания в несколько модулей, каждый из которых состоит из показателей, характеризующих ту или иную сферу жизни населения. Для этого используется свыше 40 показателей, которые разделены на 8 групп.

Для нашего исследования подобное количество индикаторов избыточно, так как одной из целей исследования является повышение оперативности ввода данных, их автоматизированной обработки и проведения расчётов. Вследствие этого на основе экспертной оценки были выделены 10 показателей, распределённых по трём группам обобщённых показателей, которые характеризуют эколого-экономическую безопасность региона: устойчивость, стабильность и техногенность (рис. 1).

Учитывая, что безопасность — это способность системы поддерживать текущее состояние, сохраняя при этом возможность развиваться и не изменять кардинально свою структуру под влиянием внешних и внутренних факторов, таким образом обобщённые показатели устойчивости, стабильности и техногенности в полной мере удовлетворяют требованиям системности и объективности к оценке эколого-экономической безопасности. При этом для проведения экспресс-оценки важно, что значения всех выбранных показателей имеются в открытом доступе на сайте Федеральной службы государственной статистики России.

После того, как были определены показатели, которые будут использоваться в экспресс-оценке, необходимо определиться с методами их обработки и анализа.

Научно-практической задачей данного исследования является разработка или адаптация существующих методик для экспресс-оценки эколого-экономической безопасности как предиктора качества жизни населения региона.

Суть большинства существующих методик оценки заключается в сборе, группировке и анализе как статистических данных, так и данных, полученных в результате проведённого исследования, преобразовании их в сопоставимые показатели, которые затем используются для расчётов интегральных показателей, либо расчёт интегрального показателя игнорируется и на основе собранных результатов делаются выводы. Другие

авторы проводят эколого-экономическую оценку, используя методы углублённого декаплинга-анализа [1], методы динамических нормативов [23] или проводя эксплораторный факторно-кластерный анализ, путём построения мультипликативной модели, основанной на расширенной функции А. Сена [8].

В настоящее время существует разнообразное количество методов оценки эколого-экономической безопасности или её составляющих. Некоторые из них предполагают качественную оценку на основе анализа значений ряда показателей, другие — используют интегральные индексы для того, чтобы получить наиболее объективные результаты.

Рис. 1. Показатели эколого-экономической безопасности региона как предиктора качества жизни населения

Fig. 1. Indicators of ecological and economic security of the region as a predictor of the quality of life of the population

Источник: разработано авторами

Таблица 1

Table 1

Методы анализа эколого-экономической безопасности и её компонентов
Methods of analysis of ecological and economic security and its components

№	Авторы	Название статьи	Метод оценки
1	Забелина И. А.	Оценка социо-эколого-экономического благополучия регионов востока России с использованием расширенной функции А. Сена (Забелина, 2022) [8]	Мультипликативная модель, основанная на расширенной функции А. Сена: $S_i = \frac{Y_i}{N_i} * \frac{D_i}{Y_i} * \frac{T}{CH} (1 - G_i),$ где $\frac{Y_i}{N_i}$ — ВРП в расчёте на душу населения в i-м регионе;

Продолжение таблицы 1
Continuation of the table 1

№	Авторы	Название статьи	Метод оценки
			$\frac{Di}{Yi}$ — доля доходов населения в ВРП в i-м регионе; $\frac{CI}{Cn}$ — индекс, учитывающий уровень цен в i-м регионе (представляет собой отношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в стране к стоимости аналогичного набора в регионе); $(1 - Gi)$ — показатель, учитывающий уровень дифференциации доходов населения в i-м регионе (Gi – внутрирегиональный коэффициент Джини)
2	Цветков В. А., Дудин М. Н., Лясиных Н. В.	Аналитические подходы к оценке экономической безопасности региона (Цветков, 2019) [26]	Расчёт результирующих индикаторов экономической безопасности региона: – индикатор качества экономического роста (ИКЭР); – индикатор качества предпринимательской активности (ИКПА); – индикатор диверсификации экономики (ИДЭ); – индикатор благосостояния населения (ИБН)
3	Аникина И.Д., Аникин А. А.	Эколого-экономическое состояние регионов: совершенствование методологии и методики оценки (Аникина, 2019) [1]	Метод углублённого декаплинг-анализа: $DI = TR / TY$, где TR — относительное изменение (коэффициент роста) потребляемого ресурса или выброса загрязнения за определённый период; TY — относительное изменение (коэффициент роста) результирующего показателя (как правило ВВП, ВРП и т. п.) за аналогичный период; DI — индекс декаплинга, выраженный в относительных единицах
4	Третьякова Е. А.	Оценка устойчивости развития эколого-экономических систем: динамический метод (Третьякова, 2014) [23]	Метод динамических нормативов. Оценка сбалансированности динамики основных показателей экономической составляющей может быть проведена на основе следующей системы неравенств: $\left\{ \begin{array}{l} tCФР > tВВП > tОФ > 1.0 \\ tДУ < 1.0 \\ tКн < 1.0 \\ tПТ > tЗП > tЗ > 1.0 \\ tИТ > tЗИ > 1.0 \\ tПП > 1.0 \end{array} \right.$ где $tCФР$ — темп изменения сальдированного финансового результата; $tВВП$ — темп изменения валового внутреннего продукта; $tОФ$ — темп изменения объёма основных фондов в экономике по полной учётной стоимости; $tПТ$ — темп изменения производительности труда; $tЗП$ — темп изменения средней реальной начисленной заработной платы; $tЗ$ — темп изменения среднегодовой численности занятых в экономике;

№	Авторы	Название статьи	Метод оценки
			tИТ — темп изменения стоимости произведённых инновационных товаров, работ, услуг; tЗИ — темп изменения суммы внутренних затрат на научные исследования и разработки; tПП — темп изменения объёма промышленного производства; tdУ — темп изменения удельного веса (доли) убыточных организаций; tКи — темп изменения коэффициента износа
5	Куклин А. А., Чичканов В. П., Чистова Е. В., Печеркина М. С., и др.	Комплексная методика диагностики благосостояния личности и территории проживания (Куклин, 2017) [10]	Индикаторы оценки благосостояния личности и территории проживания группируются по следующим восьми модулям: 1) духовный; 2) витальный; 3) социальный; 4) модуль благополучия (I); 5) ресурсный; 6) экономико-политический; 7) инфраструктурный; 8) модуль благополучия (II).

Для проведения экспресс-оценки важнейшими факторами являются доступность данных по каждому региону Российской Федерации и относительная простота расчёта и определения искомого результата без значительной потери уровня объективности и с сохранением научной обоснованности и достоверности. В связи с этим для оценки эколого-экономической безопасности региона нами в качестве базового был взят индексный метод оценки качества жизни населения, предложенный Челябинским филиалом Института экономики УрО РАН [2; 3; 4; 19]. На основе индексного метода проводилась оценка ключевых компонентов эколого-экономической безопасности региона на основе субиндексов. Расчёт субиндексов проводился в два этапа. На первом этапе осуществлялось нормирование значений показателей для обеспечения их сопоставимости по формуле 1:

$$x_{ni} = \frac{x_i - x_{i \min}}{x_{i \max} - x_{i \min}} \quad (1),$$

где:

x_i — значение i -го статистического показателя регионов.

x_{ni} — нормированное значение i -го показателя для региона страны в определённый год.

$x_{i \max}$, $x_{i \min}$ — соответственно, наибольшее и наименьшее значения i -го показателя среди всех регионов страны за исследуемый год.

Для оценки индексным методом были определены следующие показатели, составляющие три группы:

1. Первая группа — показатели устойчивости, включающие в себя:

X_1 — энергоёмкость валового регионального продукта (ВРП), кг усл. топлива / 1 млн рублей;

X_2 — степень износа основных фондов, %;

X_3 — инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, млн руб.;

X_4 — текущие затраты на охрану окружающей среды в % от ВРП, %.

2. Вторая группа — показатели стабильности:

X_5 — ожидаемая продолжительность жизни населения, лет;

X_6 — площади особо охраняемых природных территорий, тыс. га;

X_7 — затраты на содержание особо охраняемых природных территорий, млн руб.;

X_8 — доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников, %.

3. Третья группа — показатели техногенности:

X_9 — удельные сбросы загрязнённых сточных вод на территории, млн куб. м / тыс. кв. км;

X_{10} — выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников, тыс. т.

Практически все необходимые статистические данные за изучаемый промежуток времени существуют в открытом доступе, лишь только несколько из них отсутствовали за некоторые года. Так, в частности, значение показателя инвестиций

в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, публикуются не как обычно — ежегодно, а один раз в два года, вследствие чего было принято решение на основе динамики считать значения за недостающие годы на основе среднего арифметического значения между предыдущим и последующим за искомыми годами.

Источниками данных выступили статистические сборники, публикуемые Федеральной службой государственной статистики: «Российский статистический ежегодник» и «Регионы России. Социально-экономические показатели» (2019–2022 гг.).

Результаты и их обсуждение

На втором этапе исследования на основе нормированных показателей проводился расчёт субиндексов по каждому ключевому компоненту эколого-экономической безопасности определённого региона.

Расчёт субиндексов осуществляется по формуле 2 на основе средней арифметической. Авторы придерживались подхода исследователей, полагающих целесообразным определение агрегированного показателя в условиях равнозначности индикаторов (Овчинников, 2016) [15].

$$СИ_j = \frac{\sum x_{ni}}{n} \quad (2),$$

где:

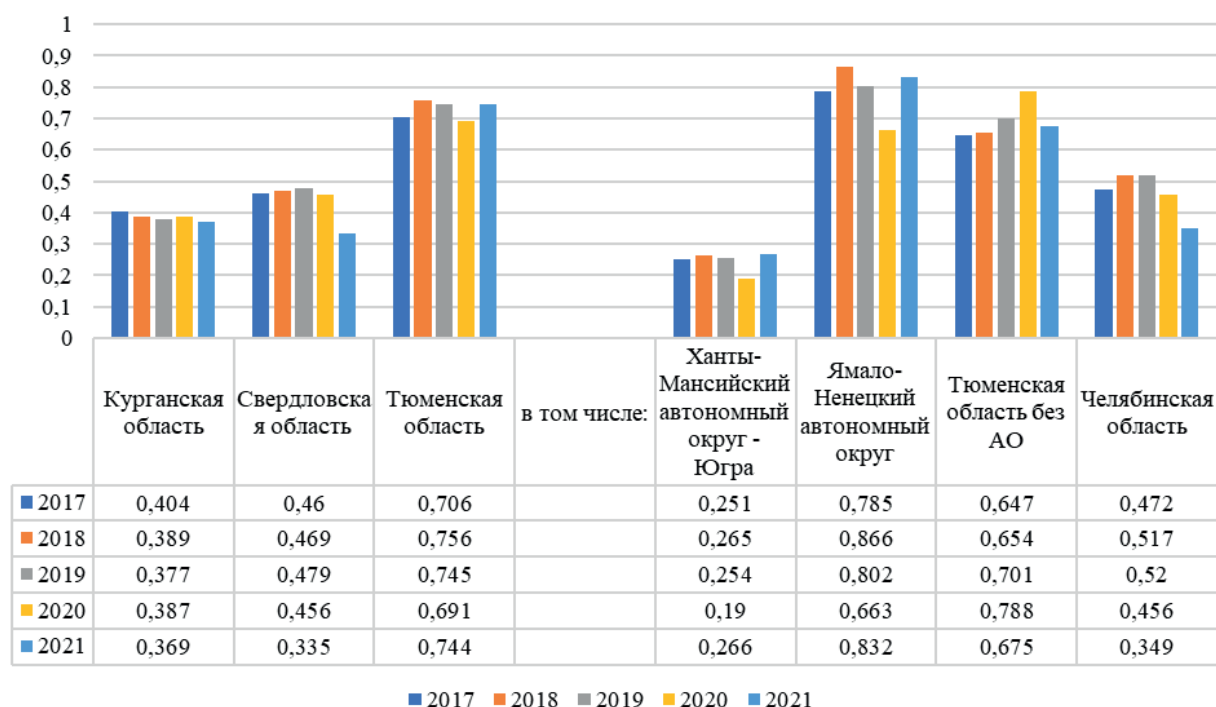
$СИ_j$ — субиндекс соответствующего ключевого компонента эколого-экономической безопасности региона;

x_{ni} — нормированный статистический показатель, входящий в соответствующий субиндекс;

n — число соответствующих нормированных показателей.

Субиндекс устойчивости является числовым выражением способности системы сохранять текущее состояние и возможность развития при влиянии различных факторов (рис. 2).

Устойчивость

Источник: рассчитано авторами на основе нормированных показателей по данным: Российский статистический ежегодник. 2019: стат. сб. // Росстат. М., 2019. 708 с.; Российский статистический ежегодник. 2020: стат. сб. // Росстат. М., 2020. 700 с.; Российский статистический ежегодник. 2021: стат. сб. // Росстат. М., 2021. 692 с.; Российский статистический ежегодник. 2022: стат. сб. // Росстат. М., 2022. 691 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. // Росстат. М., 2019. 1204 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. // Росстат. М., 2020. 1242 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. // Росстат. М., 2021. 1112 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. // Росстат. М., 2022. 1122 с.

Рис. 2. Значения субиндекса устойчивости для регионов
Fig. 2. Values of the sustainability sub-index for the regions

Субиндекс стабильности отображает способность системы функционировать, не изменяя свою структуру и находиться в равновесии, способствуя поддержанию эколого-экономического благополучия (рис. 3).

Субиндекс техногенности характеризует приемлемость техногенных условий проживания. Чем меньше уровень техногенного воздействия на объекты природной среды, тем выше значение данного показателя (рис. 4).

На третьем этапе исследования проводился расчёт интегрального индекса по формуле 3 (рис. 5):

$$ИИ = \frac{\sum СИ_j}{m} \quad (3),$$

где:

ИИ — интегральный индекс эколого-экономической безопасности региона;

СИ_j — соответствующий ключевому компоненту субиндекс;

m — число субиндексов.

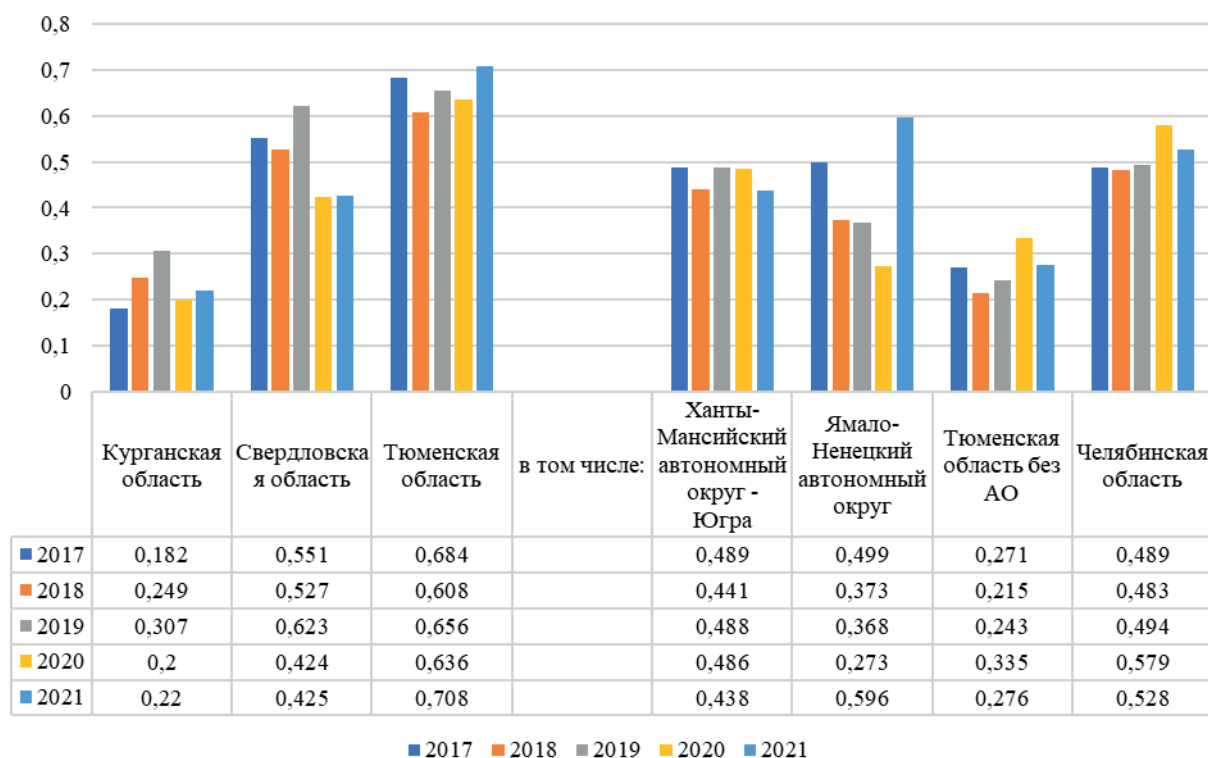
Иначе, в динамике по годам для шести территорий можно увидеть на графике рисунка 6.

Как видно из данных, представленных в таблицах 2–5 и на рисунках 2–5, на протяжении всего исследуемого периода лидером по уровню эколого-экономической безопасности, за исключением 2020 года, являлся ЯНАО. Данный регион характеризуется преобладанием добывающей промышленности в структуре экономики (более 60 % ВРП — добыча полезных ископаемых), низкой плотностью населения и суровыми климатическими условиями.

В то же время самые низкие показатели уровня эколого-экономической безопасности в изучаемом периоде у Челябинской области (2017–2018 гг.) и Свердловской области (2019–2021 гг.). Данные области характеризуются преобладанием в структуре экономики обрабатывающей промышленности и высокой плотностью населения.

Принимая во внимание все вышесказанное, а также учитывая тот факт, что территории

Стабильность

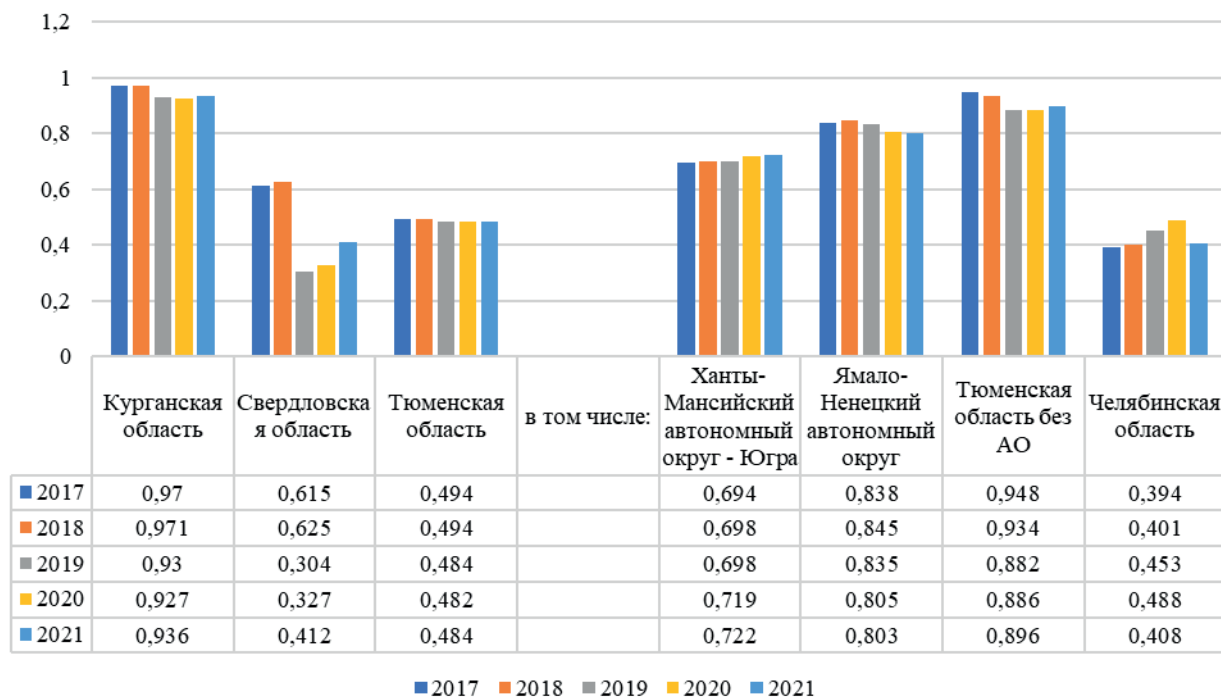

Источник: рассчитано авторами на основе нормированных показателей по данным: Российский статистический ежегодник. 2019: стат. сб. // Росстат. М., 2019. 708 с.; Российский статистический ежегодник. 2020: стат. сб. // Росстат. М., 2020. 700 с.; Российский статистический ежегодник. 2021: стат. сб. // Росстат. М., 2021. 692 с.; Российский статистический ежегодник. 2022: стат. сб. // Росстат. М., 2022. 691 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. // Росстат. М., 2019. 1204 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. // Росстат. М., 2020. 1242 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. // Росстат. М., 2021. 1112 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. // Росстат. М., 2022. 1122 с.

Рис. 3. Значения субиндекса стабильности для регионов

Fig. 3. Values of the stability sub-index for the regions

Техногенность

Источник: рассчитано авторами на основе нормированных показателей по данным: Российский статистический ежегодник. 2019: стат. сб. // Росстат. М., 2019. 708 с.; Российский статистический ежегодник. 2020: стат. сб. // Росстат. М., 2020. 700 с.; Российский статистический ежегодник. 2021: стат. сб. // Росстат. М., 2021. 692 с.; Российский статистический ежегодник. 2022: стат. сб. // Росстат. М., 2022. 691 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. // Росстат. М., 2019. 1204 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. // Росстат. М., 2020. 1242 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. // Росстат. М., 2021. 1112 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. // Росстат. М., 2022. 1122 с.

Рис. 4. Значения субиндекса техногенности для регионов

Fig. 4. Values of the technogenicity sub-index for the regions

в рамках рассматриваемого региона несопоставимы ни по количественным характеристикам (площадь территории, плотность населения и т. п.), ни по качественным (структура экономики, расходы, связанные с обеспечением жизнедеятельности на требуемом уровне), то необходимо разделить регионы УрФО на группы, сравнимые между собой. Для этого предлагается использовать методику, разработанную А. А. Куклиным, «Комплексная методика диагностики благосостояния личности и территории проживания (второе издание)» [10].

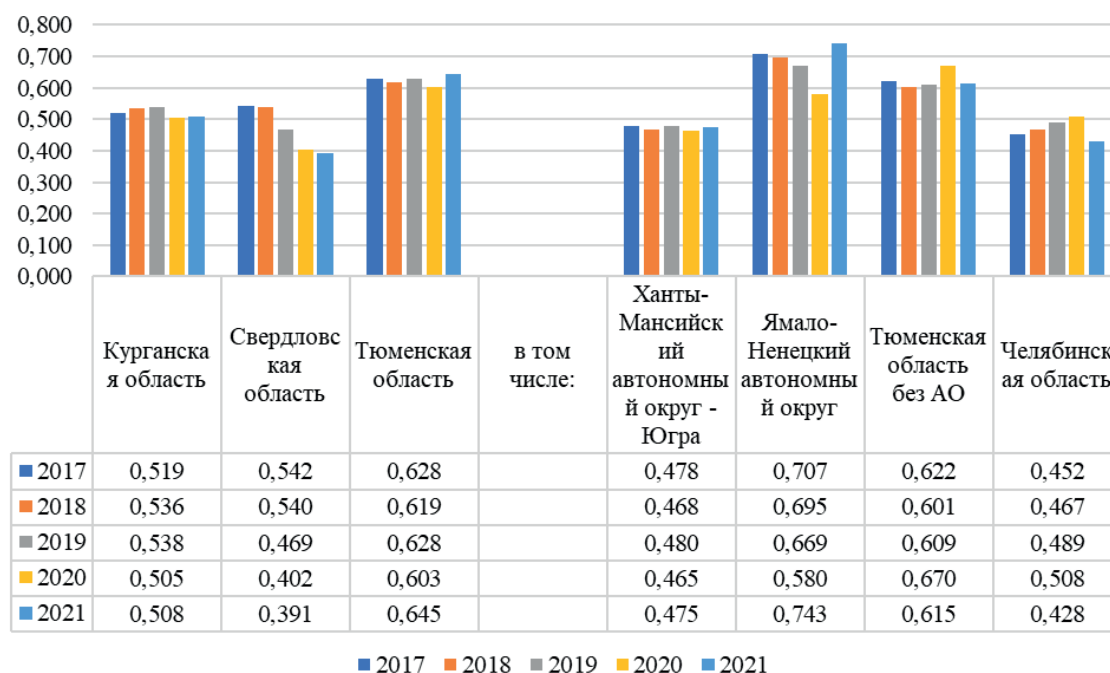
Полученные данные по УрФО можно условно разделить на 2 части:

- первая группа состоит из Тюменской области (вместе с ХМАО и ЯНАО) и характеризуется холодным климатом, слабой заселённостью территории с развивающейся промышленностью, а также преобладанием в структуре экономики добывающей промышленности, и высоким среднедушевым ВРП;
- вторая группа включает в себя Челябинскую, Свердловскую и Курганскую области, которые характеризуются умеренным климатом, с развитым

или развивающимся производством, с преобладанием обрабатывающей промышленности в структуре ВРП, вследствие чего для данных территорий допускаются более высокие пороговые уровни выбросов загрязняющих веществ в атмосферу.

Вследствие подобного разделения на группы пороговые значения для индикаторов эколого-экономической безопасности также различаются. В частности, нормальным уровнем ожидаемой продолжительности жизни для ХМАО, ЯНАО и Тюменской области признается возраст не менее 68 лет, а для остальных областей региона — не менее 70 лет. То же касается и других показателей, например, удельные выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, для первой группы нормальным значением является не более 3 тонн на кв. км, в то время как для второй группы это значение не должно превышать 5 тонн на кв. км, а пороговое значение для расходов на охрану окружающей среды для первой группы не должно быть меньше 2,2 % от ВРП, а для второй группы — не менее 2,3 % от ВРП.

Интегральный индекс в 2017-2021 гг.

Источник: рассчитано авторами на основе нормированных показателей по данным: Российский статистический ежегодник. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 708 с.; Российский статистический ежегодник. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 700 с.; Российский статистический ежегодник. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. 692 с.; Российский статистический ежегодник. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 691 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

Рис. 5. Интегральный индекс эколого-экономической безопасности для регионов
Fig. 5. Integral index of environmental and economic security for regions

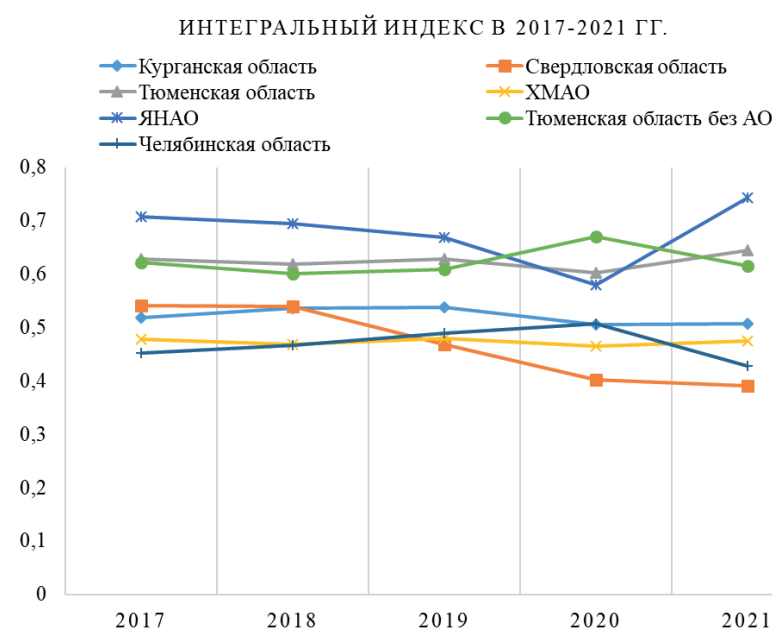

Рис. 6. Интегральный индекс эколого-экономической безопасности для регионов в динамике по годам

Fig. 6. Integral index of environmental and economic security for regions over the years

Исходя из этого, можно заметить, что требования к регионам, входящим во вторую группу, выше, чем к регионам, входящим в первую группу. Следовательно, и рассматриваться итоговые значения оценки эколого-экономической безопасности будут по группам.

В первой группе, согласно интегральному индексу, рассчитанному авторами, на протяжении всего рассматриваемого периода лидером является ЯНАО, за исключением 2020 года (Тюменская область без АО), в то время как у ХМАО самые низкие показатели в данной группе.

Во второй группе значения интегрального индекса варьируются. Так, самые низкие значения были у Челябинской области с 2017 по 2019 год, однако Челябинская область в период с 2017 по 2020 год демонстрировала устойчивый рост данного значения и в 2020 году стала первой по данному показателю. Свердловская область, наоборот, занимая первое место по итоговому значению показателя эколого-экономической безопасности в период с 2017 по 2019 год, демонстрировала тенденцию к снижению, что привело к тому, что в 2021 году область опустилась на последнее место в группе.

Оптимальным значением для индекса эколого-экономической безопасности является значение равное 1. Однако, как видно из полученных нами значений, конечные результаты значительно ниже рекомендуемого. Одной из причин этого является несоответствие реальных значений выбранных показателей для оценки рекомендуемым пороговым значениям. Например, если рассматривать расходы на охрану окружающей среды, то можно заметить, что затраты гораздо ниже рекомендуемых значений — только 3 региона тратят более 1 % от ВРП — Челябинская и Свердловская области, а также ЯНАО, в то время как нормальным является значение равное 2,2 % от ВРП для регионов первой группы, и 2,3 % для второй группы.

Таким образом, на основе индексного метода оценки ключевых компонентов эколого-экономической безопасности региона определены значения по трём субиндексам (устойчи-

вость, стабильность и техногенность), а также интегральный индекс эколого-экономической безопасности регионов Уральского федерального округа, которые были распределены на две группы для корректного сравнения, с 2017 по 2021 гг., определены регионы-лидеры [ЯНАО, ИИ (2021) = 0,743; Курганская область, ИИ (2021) = 0,508] и регионы-аутсайдеры [Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, ИИ (2021) = 0,475; Свердловская область, ИИ (2021) = 0,391].

Выводы

В исследовании обоснован феномен эколого-экономической безопасности региона как предиктора качества жизни населения и в соответствии с этим разработана экспресс-методика для оценки уровня её обеспечения. Обоснована сущность эколого-экономической безопасности региона как предиктора качества жизни населения, представляющая собой способность региональной эколого-экономической системы сохранять текущее состояние и возможность развития под влиянием внешних или внутренних воздействий, в том числе техногенного характера, а также функционировать, не изменяя собственную структуру и находиться в равновесии для обеспечения нормальной жизнедеятельности населения региона.

На основе индексного метода оценки ключевых компонентов эколого-экономической безопасности региона определены значения по трём субиндексам (устойчивость, стабильность и техногенность), а также интегральный индекс эколого-экономической безопасности регионов Уральского федерального округа с 2017 по 2021 гг., определены регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по уровню эколого-экономической безопасности.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка рекомендаций по повышению уровня эколого-экономической безопасности регионов как предиктора качества жизни населения, учитывающих хозяйственно-технологические и психолого-педагогические факторы её обеспечения.

Список источников

1. Аникина И. Д., Аникин А. А. Эколого-экономическое состояние регионов: совершенствование методологии и методики оценки // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2019. № 4 (21). С. 141–151. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2019.4.14
2. Артемова О. В., Меленькина С. А., Савченко А. Н. Основные подходы и методический инструмент оценки качества жизни населения // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). С. 10–20. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10402

3. Качество жизни и региональная трансформация экономики: региональный аспект / О. В. Артемова, А. Ю. Даванков, Н. М. Логачёва и др. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2021. 210 с.
4. Отчёт о научно-исследовательской работе: теоретико-методологические подходы к управлению уровнем и качеством жизни населения регионов в условиях технологической трансформации российской экономики (промежуточный, этап 2) / О. В. Артемова, Н. М. Логачева, А. А. Саламатов и др. — Екатеринбург, 2022. 186 с.
5. Белик И. С., Камдина Л. В. Взаимосвязь антропогенного воздействия и качества жизни населения в Свердловской и Челябинской областях // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 7 (417). С. 39–48. DOI 10.24411/1994-2796-2018-10705
6. Белик И. С., Камдина Л. В., Стародубец Н. В. Влияние антропогенных факторов промышленного производства на качество жизни населения в регионе // Экономика региона. 2019. № 4 (15). С. 1156–1168. DOI: 10.17059/2019-4-15
7. Бухвальд Е. М., Кольчугина А. В. Стратегия пространственного развития и приоритеты национальной безопасности Российской Федерации // Экономика региона. 2019. № 3 (15). С. 631–643. DOI: 10.17059/2019-3-1
8. Забелина И. А. Оценка социо-эколого-экономического благополучия регионов востока России с использованием расширенной функции А. Сена // Экономика региона. 2022. № 2 (18). С. 398–412. DOI: 10.30680/ESCO131-7652-2020-9-24-45
9. Караева А. П., Чашин М. Р., Магарил Е. Р. Внедрение принципов устойчивого развития в университетах как фактор повышения эколого-экономической безопасности // Journal of Applied Economic Research. 2021. № 4 (20). С. 701–725. DOI: 10.15826/vestnik.2021.20.4.027
10. Комплексная методика диагностики благосостояния личности и территории проживания / А. А. Куклин, В. П. Чичканов, Е. В. Чистова и др. ; под ред. А. А. Куклина и В. П. Чичканова. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017. 164 с.
11. Малкина М. Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика региона. 2017. № 1 (13). С. 49–62. DOI: 10.17059/2017-1-5
12. Мантаева Э. И., Слободчикова И. В., Авадаева И. В. Факторы устойчивого развития региональной эколого-экономической системы // Вестник экспертного совета. 2017. № 2. С. 44–48.
13. Мингалева Ж. А., Гершанок Г. А. Устойчивое развитие региона: инновации, экономическая безопасность, конкурентоспособность // Экономика региона. 2012. № 3. С. 68–77.
14. Никулина Н. Л. Влияние экологических факторов на качество жизни населения // Фундаментальные исследования. 2014. № 5–4. С. 830–833.
15. Овчинников В. Н. Системодополняющий эффект взаимодействия инновационного потенциала и институциональной среды региона // Экономика региона. 2016. № 2. С. 537–546.
16. Пропп О. В., Онопченко И. В. К вопросу об эколого-экономической безопасности региона // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 1 (42). С. 144–148.
17. Романова О. А., Сиротин Д. В. Методы определения эколого-экономической эффективности переработки техногенных образований Урала // Экономика региона. 2021. № 1 (17). С. 59–71. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-5
18. Рюмина Е. В. Экологические аспекты качества жизни // Экономика региона. 2016. № 2 (4). С. 1113–1122. DOI: 10.17059/2016-4-13
19. Саламатов А. А. Экосистемный базис методического инструментария оценки качества жизни населения региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 42–51. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10605
20. Татаркин А. И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. 2016. № 12 (1). С. 9–27. DOI: 10.17059/2016-1-1
21. Татаркин А. И., Куклин А. А., Черепанова А. В. Социально-демографическая безопасность регионов России: текущее состояние и проблемы диагностики // Экономика региона. 2008. № 3 (15). С. 153–161.
22. Тернавченко К. О., Малашенко Н. Л., Остапенко О. А. Процессы дезинтеграции и дифференциации развития регионов как угроза экономической безопасности РФ // Фундаментальные исследования. 2018. № 10. С. 107–111.

23. Третьякова Е. А. Оценка устойчивости развития эколого-экономических систем: динамический метод // Проблемы прогнозирования. 2014. № 4 (145). С. 143–154.
24. Уткова М. А., Утков П. Ю. Эколого-экономическая безопасность в системе регионального управления : практико-ориентированная монография. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та управления и экономики, 2014. 116 с.
25. Хильченко Н. В., Атаманова Е. А., Славиковская Ю. О. Диагностика эколого-социальных угроз развития территории // Экономика региона. 2020. № 16 (1). С. 43–58. DOI: 10.17059/2020-1-4
26. Цветков В. А., Дудин М. Н., Лясников Н. В. Аналитические подходы и методы оценки экономической безопасности региона // Экономика региона. 2019. № 15 (1). С. 1–12. DOI: 10.17059/2019-1-1

References

1. Anikina ID, Anikin AA. The ecological and economic state of the regions: improving the methodology and methodology of assessment. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of the Volgograd State University. Economy*. 2019;(4(21):141-151. DOI: 10.15688/ek.jvolsu. 2019.4.14 (In Russ.).
2. Artemova OV, Melenkina SA, Savchenko AN. Basic approaches and methodological tools for assessing the quality of life of the population. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):10-20. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10402 (In Russ.).
3. Artemova OV, Davankov AYU, Logacheva NM et al. Quality of life and regional economic transformation: regional aspect. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2021. 210 p. (In Russ.).
4. Artemova OV, Logacheva NM, Salamatov AA et al. Report on research work: theoretical and methodological approaches to managing the level and quality of life of the population of regions in the context of technological transformation of the Russian economy (intermediate, stage 2). Yekaterinburg; 2022. 186 p. (In Russ.).
5. Belik IS, Kamdina LV. The relationship between anthropogenic impact and the quality of life of the population in the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2018;(7(417):39-48. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-10705 (In Russ.).
6. Belik IS, Kamdina LV, Starodubets NV. Influence of anthropogenic factors of industrial production on the quality of life of the population in the region. *Ekonomika regiona = Economics of the region*. 2019;(4(15):1156-1168. DOI: 10.17059/2019-4-15 (In Russ.).
7. Bukhwalld EM, Kolchugina AV. Spatial development strategy and national security priorities of the Russian Federation. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2019;(3(15):631-643. DOI: 10.17059/2019-3-1 (In Russ.).
8. Zabelina IA. Assessment of socio-ecological and economic well-being of the regions of the East of Russia using the extended function of A. Sena. *Ekonomika regiona = Economics of the region*. 2022;(2(18):398-412. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-24-45 (In Russ.).
9. Karaeva AP, Chashchin MR, Magaril ER. Implementation of the principles of sustainable development in universities as a factor in improving environmental and economic security. *Journal of Applied Economic Research*. 2021;(4(20):701-725. DOI: 10.15826/vestnik.2021.20.4.027 (In Russ.).
10. Kuklin AA, Chichkanov VP, Chistova EV et al. A comprehensive methodology for diagnosing the well-being of an individual and the territory of residence. 2nd ed., reprint. and add. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2017. 164 p. (In Russ.).
11. Malkina MY. Social well-being of the regions of the Russian Federation. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2017;(1(13):49-62. DOI: 10.17059/2017-1-5 (In Russ.).
12. Mantayeva EI, Slobodchikova IV, Avadaeva IV. Factors of sustainable development of the regional ecological and economic system. *Vestnik ekspertnogo soveta = Bulletin of the Expert Council*. 2017;(2):44-48. (In Russ.).
13. Mingaleva ZhA, Gershanok GA. Sustainable development of the region: innovation, economic security, competitiveness. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2012;(3):68-77. (In Russ.).
14. Nikulina NL. The influence of environmental factors on the quality of life of the population. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental research*. 2014;(5–4):830-833. (In Russ.).
15. Ovchinnikov B. H. The system-complementary effect of interaction between innovative potential and the institutional environment of the region. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2016;(2):537-546. (In Russ.).
16. Propp OV, Onopchenko IV. On the issue of ecological and economic security of the region. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. The right*. 2018;(1(42):144-148. (In Russ.).

17. Romanova OA, Sirotin DV. Methods for determining the ecological and economic efficiency of processing man-made formations of the Urals. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2021;(1(17):59-71. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-5 (In Russ.).
18. Ryumina EV. Environmental aspects of quality of life. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2016;(2(4):1113-1122. DOI: 10.17059/2016-4-13 (In Russ.).
19. Salamatov AA. Ecosystem basis of methodological tools for assessing the quality of life of the population of the region. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):42-51. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10605 (In Russ.).
20. Tatarkin AI. Regional orientation of the economic policy of the Russian Federation as an institution of spatial arrangement of territories. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2016;(12(1):9-27. DOI: 10.17059/2016-1-1 (In Russ.).
21. Tatarkin AI, Kuklin AA, Cherepanova AV. Socio-demographic security of Russian regions: current status and diagnostic problems. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2008;(3(15):153-161. (In Russ.).
22. Ternavshchenko KO, Malashenko NL, Ostapenko OA. The processes of disintegration and differentiation of regional development as a threat to economic security of the Russian Federation. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental research*. 2018;(10):107-111. (In Russ.).
23. Tretyakova EA. Assessment of the sustainability of the development of ecological and economic systems: a dynamic method. *Problemy prognozirovaniya = Problems of forecasting*. 2014;(4(145):143-154. (In Russ.).
24. Utkova MA, Utkov PYu. Ecological and economic security in the system of regional management: a practice-oriented monograph. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of Management and Economics; 2014. 116 p. (In Russ.).
25. Khilchenko NV, Atamanova EA, Slavikovskaya YuO. Diagnostics of ecological and social threats to the development of the territory. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2020;(16(1):43-58. DOI: 10.17059/2020-1-4. (In Russ.).
26. Tsvetkov VA, Dudin MN, Lyasnikov NV. Analytical approaches and methods for assessing the economic security of the region. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2019;(15(1):1-12. DOI: 10.17059/2019-1-1 (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Саламатов — доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой экономической теории и регионального развития.

Г. Н. Пряхин — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и регионального развития.

Н. В. Малыгин — аспирант кафедры экономической теории и регионального развития.

Information about the authors

Artyom A. Salamatov — Doctor of Pedagogy Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Economic Theory and Regional Development.

Gennady N. Pryakhin — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and regional development.

Nikita V. Malygin — Postgraduate Student of the Department of Economic Theory and Regional Development.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-73-83

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА (КЕЙС ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)

Юлия Валентиновна Румянцева¹, Екатерина Сергеевна Маркова²,
Ольга Николаевна Митрофанова³

¹ Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия, katerina_lesnih@mail.ru, 0000-0001-9097-9176

² Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия, rum.uv@mail.ru, 0000-0002-7951-253X

³ Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия, olga-mitrof@yandex.ru, 0000-0001-7540-3347

Аннотация. Статья посвящена вопросам экономической безопасности российского региона на примере Липецкой области. В исследовании актуализируется роль экономической безопасности регионов на основе глубокого анализа теоретических концепций учёных за последние 20 лет. Опираясь на труды отечественного экономиста С. Ю. Глазьева, в которых он использует свои авторские, интегральные подходы к показателям воспроизводства человеческого и экономического потенциала исследователи проводят оценку состояния экономической безопасности в Липецкой области. Авторами сделан вывод о том, основной тенденцией на данный момент является «вынужденный» рост производства, не обеспеченный достаточными трудовыми ресурсами на перспективу, сопровождаемый низкими социально-экономическими показателями воспроизводства. Обладая достаточно выгодными географическими, климатическими и природными ресурсами, Липецкая область не имеет высокого потенциала развития на данный момент времени вследствие низкого уровня самосознания населения. Уровень преступности, алкоголизма или рождаемости зачастую не связан с экономическим уровнем жизни населения, а больше зависит от уровня развития личности и социума. Отсутствие капиталовложений в основные фонды на перспективу показывает отсутствие стратегических целей производителей и желание получить краткосрочную выгоду. Одно из направлений для улучшения показателей воспроизводства человеческого и экономического потенциала в регионе авторы видят в развитии патриотического, духовно-нравственного воспитания.

Ключевые слова: экономическая безопасность, экономический потенциал, прожиточный минимум, естественная убыль населения, население, экономическая безопасность региона, регион, санкции, воспроизводство человеческого потенциала

Для цитирования: Румянцева Ю. В., Маркова Е. С., Митрофанова О. Н. Ключевые аспекты экономической безопасности российского региона (кейс Липецкой области) // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 73–83. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-73-83

Original article

KEY ASPECTS OF ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN REGION (CASE OF LIPETSK REGION)

Yulia V. Rumyantseva¹, Ekaterina S. Markova², Olga N. Mitrofanova³

¹ Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia, katerina_lesnih@mail.ru, 0000-0001-9097-9176

² Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia, rum.uv@mail.ru, 0000-0002-7951-253X

³ Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia, olga-mitrof@yandex.ru, 0000-0001-7540-3347

Abstract. The article is devoted to the issues of economic security of the Russian region using the example of the Lipetsk region. The study updates the role of regional economic security based on an in-depth analysis of the theoretical concepts of scientists over the past 20 years. Based on the works of the Russian economist S. Y. Glazyev, in which he uses his author's, integral approaches to indicators of reproduction of human and economic potential, researchers assess the state of economic security in the Lipetsk region. The authors conclude that the main trend at the moment is the “forced” growth of production, not provided with sufficient labor resources for the future,

accompanied by low socio-economic indicators of reproduction. Having sufficiently advantageous geographical, climatic and natural resources, the Lipetsk region does not have a high development potential at this point in time due to the low level of self-awareness of the population. The level of crime, alcoholism or fertility is often not related to the economic standard of living of the population, but rather depends on the level of development of the individual and society. The lack of capital investments in fixed assets for the future shows the lack of strategic goals of producers and the desire to obtain short-term benefits. The authors see the development of patriotic, spiritual and moral education as one of the directions for improving the indicators of reproduction of human and economic potential in the region.

Keywords: economic security, economic potential, living wage, natural population decline, population, economic security of the region, region, sanctions, reproduction of human potential

For citation: Rumyantseva YuV, Markova ES, Mitrofanova ON. Key aspects of economic security of the Russian region (case of Lipetsk region). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):73-83. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-73-83

Введение

«Эскалация санкционного давления со стороны стран „коллективного Запада“, начавшаяся с февраля 2022 года, резко изменила условия функционирования российской экономики» [14]. Это не могло не отразиться на состоянии экономической безопасности каждого субъекта Российской Федерации.

Многие исследователи предупреждали и предвидели наступление кризиса. Так В. К. Сенчагов определяет экономическую безопасность как «...состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внешних и внутренних процессов» [16].

Особую актуальность приобретает в настоящее время экономическая безопасность Российской Федерации в разрезе её субъектов [11]. Экономическая уязвимость регионов обусловлена изменениями следующих факторов: снижение инвестиционных потоков, нарушение логистических цепочек, приостановка деятельности предприятий с иностранным участием, вплоть до окончательного ухода с российского рынка. Также одним из вызовов в данный период является отток квалифицированных кадров из регионов по причине задействования этих ресурсов в решении задач специальной военной операции. В связи с этой назревает необходимость эффективных мер по устранению данных уязвимостей.

Достаточно у многих исследователей область научных интересов затрагивает вопросы безопасности регионов России, среди них особенно можно выделить следующих: Ж. А. Мингалева и Г. А. Гершанок [10], С. Н. Митяков и соавторы [12], И. В. Новикова и Н. В. Красников [13],

Т. В. Ускова и И. А. Кондаков [20], А. И. Татаркин и А. А. Куклин [19], В. А. Цветков, М. Н. Дудин и Н. В. Лясников [21], Ю. Б. Кострова и В. Н. Минат [8], М. З. Алиева [2], Т. И. Грицкевич, Т. А. Лавина, А. Н. Захарова и соавторы [17], О. В. Каурова, А. В. Ткач и А. Н. Малолетко [7], С. М. Сапожникова и Н. В. Рейхерт [15], И. В. Караваяева и М. Ю. Лев [6], Я. А. Долганова [4], А. М. Танков и Ю. А. Кузнецова [18], Н. М. Калинина [5], Е. А. Авдеевская [1], А. В. Феоктистов и И. В. Зернов¹.

«Под экономической безопасностью территориального образования (области, республики, федерального округа) понимается совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательность её развития, степень её самостоятельности в процессах интеграции с экономикой Федерации», — отмечает А. А. Куклин [9].

Неравные условия развития субъектов Российской Федерации «создают дополнительные угрозы и вызовы для экономической безопасности страны» [12]. Кроме объективных факторов, — отмечают С. Н. Митяков и соавторы, — «влияющих на неравномерное социально-экономическое развитие регионов, вызывают опасение факторы субъективного характера, связанные с региональными особенностями управления на федеральном и региональном уровне» [12].

Главную роль в повышении экономической безопасности регионов Н. М. Калинина видит в том, чтобы федеральные органы осуществляли «государственную поддержку регионального развития через реализацию комплекса федеральных программ, размещения федеральных заказов на

¹ Феоктистов А. В., Зернов И. В. Эволюция развития законодательства о национальной безопасности в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2023. № 1 (41). С. 68–76.

поставку продукции предприятиями региона для общегосударственных нужд, паритетного участия в крупных региональных инвестиционных проектах» [5].

Т. В. Ускова и И. А. Кондаков отмечают, что «региональный уровень экономической безопасности является одним из важнейших, так как именно здесь реализуются цели и задачи государственной политики в сфере безопасности» [20].

Несмотря на определённый интерес разных авторов к вопросам экономической безопасности регионов, данная тема всё ещё остаётся недостаточно изучена.

Цель исследования заключается в оценке состояния экономической безопасности Липецкой области на основе интегральной авторской методики показателей воспроизводства человеческого и экономического потенциала региона.

Материалы и методы исследования

Методами исследования выступили авторские, интегральные подходы к показателям воспроизводства человеческого и экономического потенциала, характеризующие экономическую безопасность, представленные в трудах отечественного экономиста С. Ю. Глазьева [3].

Исследование основано на данных, представленных в открытых источниках, а также справочных и аналитических материалах Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области, Федеральной таможенной службы и информационно-аналитического портала Администрации Липецкой области.

Обсуждение и результаты

Опираясь на труды отечественного экономиста С. Ю. Глазьева, в которых он использует свои авторские, интегральные подходы к показателям воспроизводства человеческого и экономического потенциала [3], рассмотрим экономическую безопасность Липецкого региона в динамике за 2020–2023 гг. (табл. 1).

Сначала проанализируем данные по рождаемости, смертности, естественному приросту (убыли) населения в регионе и сопоставим их с данными по стране.

В 2022 г. «Росстат констатировал обвал рождаемости в России. Как сообщило ведомство, спад рождаемости — на 10,7 % год к году — стал сильнейшим с 2020 г. Всего за 2022 г. в России родились 1,092 млн детей, что на 77,8 тыс. чел. меньше, чем в 2021 г. При этом относительный

уровень рождаемости — 9 детей на 100 тысяч населения — стал минимальным с 2001 г.»¹.

С точки зрения показателя рождаемости нижним предельно-критическим уровнем является значение 22 чел. на 1000 чел. населения, в то время как в липецком регионе значение втрое ниже и продолжает снижаться в 2020–2023 гг. Несмотря на государственную политику поддержки рождаемости, социальные льготы и материальные выплаты, уровень рождаемости продолжает падать и сказывается на экономической безопасности региона и страны.

Для нормального воспроизводства населения минимальный уровень рождаемости в расчёте на количество женщин в фертильном возрасте должен превышать критическое значение 2,15, однако в 2020 г. этот показатель составлял всего 1,38 и продолжает снижаться в дальнейшем.

Показатель смертности имеет высшее предельное значение — 12,5 чел. на 1000 чел. населения, т. е. показатель 2023 г. — 14,3 чел. — превышает допустимое значение. Значения 2020–2021 гг. отражают уровень смертности в период пандемии, что обуславливает их высокие оценки, тем не менее за весь рассмотренный период показатель смертности в Липецкой области является недопустимо высоким, с точки зрения экономической безопасности региона и страны.

Результатом соотношения показателей рождаемости и смертности является естественный прирост или убыль населения. Естественная убыль населения в 2021 году впервые в истории современной РФ достигла 1,04 млн чел. (рис. 1). Основной причиной такого явления стала пандемия коронавируса, уровень летальности которой считается высоким, т. е. превышает 0,5 %. Превышение числа умерших над числом родившихся в 2021 г. в целом по стране оказалось на 34 % больше, чем в 2020 году, когда, по данным Росстата, естественная убыль населения составила около 688 700 человек. «В 2021 году показатель естественной убыли населения стал максимальным за всю новую историю России — последний рекорд фиксировался в 2000 году, когда естественная убыль составила более 958 тыс. чел.»².

¹ Батыров Т. Естественная убыль населения России стала максимальной в современной истории. URL: <https://www.forbes.ru/society/454029-estestvennaa-ubyl-naselenia-rossii-stala-maksimal-noj-v-sovremennoj-istorii> (дата обращения 20.02.2024).

² Там же.

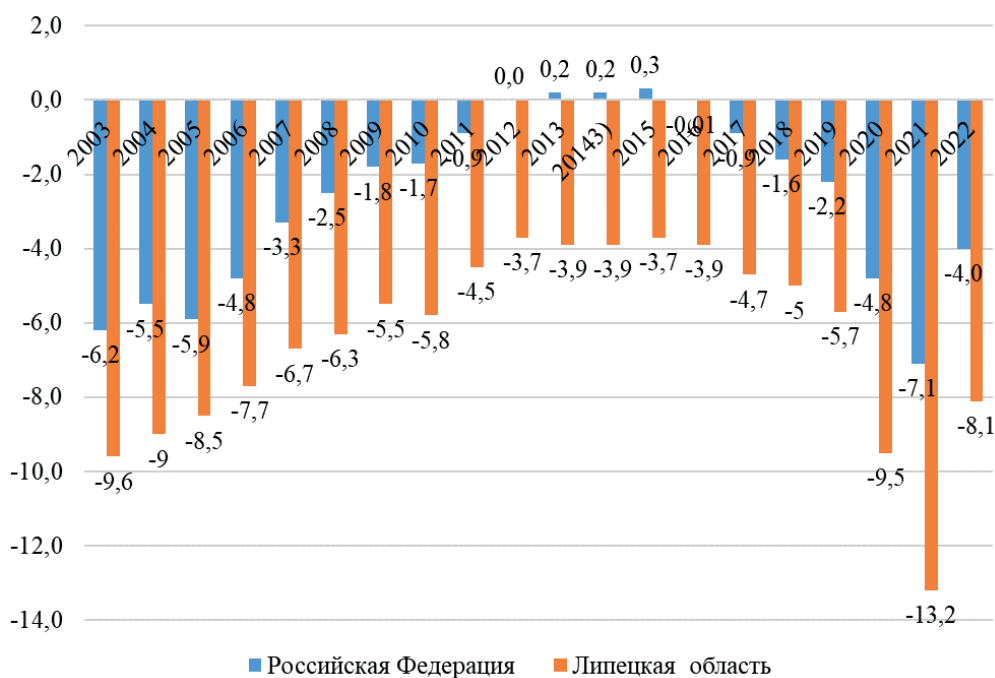

Рис. 1. Динамика естественного прироста (убыли) населения (на 1000 человек населения)

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 02.03.2024)

Как мы видим из статистических данных по Липецкой области, уровень смертности вдвое превышает уровень рождаемости, таким образом мы имеем дело с естественной убылью населения в регионе. Всего за четыре года естественная убыль населения составила суммарно 38 386 чел. Такие потери трудоспособного населения для области можно считать катастрофическими, с точки зрения экономической безопасности региона.

Специалисты отмечают, что в целом в России изменилась главная причина убыли населения. Если в 2020–2021 гг. основной причиной была смертность, то в 2022–2023 гг. — снова стала причина снижения рождаемости.

С 2022 г. стала увеличиваться продолжительность жизни населения липецкого региона, однако она по-прежнему ниже критического значения.

«Экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса, особенно серьезно ударил по благосостоянию уязвимых слоёв населения. Есть масса индикаторов и методик, позволяющих оценить степень социального расслоения с учётом целого ряда влияющих факторов или отдельных показателей, однако наиболее популярным является коэффициент Джини, который считается универсальным и в наименьшей степени зависи-

мым от политического и социального устройства исследуемого общества. Он располагается в диапазоне $[0; 1]$, где 0 означает, что все жители страны имеют абсолютно равные доходы, а 1 — что всё принадлежит одному человеку, а остальные не имеют ничего»¹.

Для сравнения, в 2021 г. коэффициент Джини для России был равен 0,375 (0,38 — по липецкому региону), для США — 0,415, для ЮАР — 0,63, для Германии — 0,319, Китай характеризовался уровнем в 0,385. К сожалению, пока отсутствуют данные за 2023 г., но, по нашему мнению, ситуация изменилась не в пользу европейских стран. При критическом значении показателя — 0,3 — в 2021 г. наименее расслоёнными по доходам населения считались такие страны, как Финляндия (0,274), Швеция (0,282), Норвегия (0,27), Дания (0,287), Австрия (0,297) и др. Одним из показателей развития страны считается снижение коэффициента Джини, т. е. более равномерное распределение доходов граждан страны. Исключение

¹ Поздеева Е. Исчезнет ли проблема социального неравенства? // АО «Инвестиционная компания «ФИНАМ»: сайт. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/ischeznet-li-problema-socialnogo-neravenstva-20211022-19300/> (дата обращения: 01.02.2024).

Таблица 1
Table 1

**Динамика показателей, характеризующих воспроизводство
человеческого потенциала в Липецкой области**
**Dynamics of indicators characterizing the reproduction of human potential
in the Lipetsk region**

Показатель	Предельно-критическое значение	2020	2021	2022	2023
Рождаемость (чел. на 1000 населения)	22	8,3	8,1	7,2	7,1
Смертность (чел. на 1000 населения)	12,5	17,2	21,2	15,3	14,3
Естественный прирост (убыль) населения (чел. на 1000 населения)	12,5	-8,9	-13,2	-8,1	-7,2
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рождённых женщиной в фертильном возрасте)	2,15	1,38	1,34	1,20	н/д
Продолжительность жизни (лет)	78	70,59	68,58	72,12	н/д
Коэффициент старения населения (доля лиц старше трудоспособного к общей численности населения, %)*	10	28,1	28,3	26,4	27,0
Коэффициент Джини	0,3	0,38	0,38	0,37	н/д
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (%)	7	8,4	8,1	7,2	н/д
Уровень безработицы (%)	5	1,10	0,40	0,40	0,30
Среднедушевые денежные доходы населения (руб.)		32534	35231	38918	н/д
Величина прожиточного минимума (руб.)		9762	9945	11931	12826
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума (раз)	3,5	3,3	3,5	3,3	н/д
Уровень потребления алкогольной продукции на душу населения (в литрах этанола)	8	5,51	5,64	5,63	н/д
Число суицидов (на 100 тыс. человек населения)	20	2,2	2,1	1,9	н/д
Уровень преступности (количество зарегистрированных преступлений) (на 1000 человек населения)	10	11,75	11,61	12,38	12,59

* старше трудоспособного — мужчины в возрасте 62 года и более, женщины в возрасте 57 лет и более

Источник: составлено авторами в ходе исследования по:

1. Информационно-аналитический портал Администрации Липецкой области. URL: https://prognoz48.admlr.lipetsk.ru/Ia_portal/Reports/Olap/687?key=300067716 (дата обращения: 31.01.2024).

2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области (Липецкстат). URL: <https://48.rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения: 31.01.2024).

3. ФБУЗ «Центр гигиенического образования населения» Роспотребнадзора. URL: <https://cgon.rospotrebnadzor.ru/naseleniyu/zdorovyy-obraz-zhizni/trezvaya-rossiya/?ysclid=Irykusdrv0570524244> (дата обращения: 31.01.2024).

4. Рейтинг российских регионов по отсутствию вредных привычек. URL: https://ria.ru/20231204/vrednye_privychki-1912947239.html?in=t (дата обращения: 29.02.2024).

составляют пока лишь США: «богатейшая страна мира характеризуется тем, что незначительная часть населения обладает абсолютным большинством богатств, в то время как в государстве присутствует действительно большое количество нуждающихся»¹. В скандинавских странах коэффициент Джини долгое время оставался достаточно стабильным, система социального обеспечения и действующие законы не допускали несо-

мого расслоения общества. Несмотря на высокий уровень этого коэффициента в Липецкой области, намечается тенденция к его снижению. В сравнении с уровнем показателя по стране можно отметить близкие значения и тенденции.

Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в Липецком регионе также по-прежнему превышает допустимое значение, но имеет тенденцию к снижению. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума

¹ Поздеева Е. Исчезнет ли проблема социального неравенства?

составляет 3,3–3,5 при критическом значении 3,5. Положительным является факт низкого уровня безработицы в регионе — 0,3 % в 2023 году при критически высоком — 5 %. Уровень потребления алкогольной продукции в Липецкой области (в виде абсолютного алкоголя, или этанола) также ниже предельно допустимого. Отмечается низкая статистика суицидов, и есть тенденция к снижению.

Основной проблемой экономической безопасности региона можно считать высокий коэффициент старения населения, который в 2–3 раза превышает критический уровень. Следствием этого показателя является высокое значение смертности населения. Эти проблемы решаются только путём повышения коэффициента рождаемости или иммиграции населения. Ещё одной проблемой региона является достаточно высокий уровень преступности среди населения, который вырос с 11,75 зарегистрированных преступлений на 1000 чел. населения в 2020 году до 12,59 зарегистрированных преступлений на 1000 чел. населения в 2023 году.

Одним из комплексных показателей воспроизводства человеческого потенциала в регионе считаем необходимым рассмотреть рейтинг по отсутствию вредных привычек. Данный рейтинг «построен на основе агрегирования различных показателей, характеризующих распространение вредных привычек среди населения российских регионов. При расчётах учтены продажи алкоголя и табачных изделий, число преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, смертность от причин, вызванных употреблением спиртного. Использованы данные за последние три года, усреднённые со взвешиванием. Более высокий рейтинговый балл свидетельствует о меньшей распространённости вредных привычек в конкретном регионе»¹. Согласно данному рейтингу в Липецкой области этот показатель в 2022 году увеличился на 5 % по отношению к 2021 году и составил 60,8 вместо 57,9 баллов. Уровень присутствия вредных привычек в жизни липецких жителей имеет тенденцию к сокращению. Запрет на продажу

Таблица 2
Table 2

**Динамика показателей, характеризующих воспроизводство
экономического потенциала Липецкой области**
Dynamics of indicators characterizing reproduction economic potential of the Lipetsk region

Показатель	Предельно-критическое значение	2020	2021	2022	2023
Объёмы инвестиций в основной капитал (% к ВРП)	25	27,8	21,3	н/д	н/д
Инвестиции в основной капитал, млн руб.		171804	179400	166200	118240
Валовой региональный продукт (в текущих основных ценах), млн руб.		618273	843982	н/д	н/д
Износ основных фондов (%)	40	46,8	47,4	н/д	н/д
Индекс промышленного производства (в процентах к предыдущему году)	>100	102,5	106	94,5	н/д
Доля обрабатывающих отраслей в промышленности (%)	70	81,1	85,7	90,7	н/д
Удельный вес убыточных организаций (% от общего количества действующих организаций)	25	33	27,3	28,4	26
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) (%)	15	13	23,4	24,4	н/д
Рентабельность активов организаций (%)	12	7,1	9,9	16,4	н/д
Уровень инфляции (%)	15	6,1	9,1	13	н/д
Индексы производства продукции сельского хозяйства — животноводство	>100	103,20	96,10	101,60	н/д

Источник: составлено авторами в ходе исследования по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области (Липецкстат). URL: <https://48.rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения: 28.02.2024).

¹Рейтинг российских регионов по отсутствию вредных привычек. URL: https://ria.ru/20231204/vrednye_privychki-1912947239.html?in=t (дата обращения: 20.02.2024).

региональными властями алкоголя до 9-00 и после 21-00 в розничной торговле, а также запрет продажи в праздничные дни даёт свой положительный результат.

Согласно данным Национального рейтинга трезвости субъектов Российской Федерации — 2016, Липецкая область заняла 45 место. Позиция, которую занял регион в данном рейтинге, свидетельствует о том, что область не относится к «трезвым» регионам. Скорее Липецкая область относится к группе регионов, набравших «от 130 до 250 баллов, где «антиалкогольную кампанию нельзя назвать удовлетворительной», и эффект от злоупотребления спиртным «ставит под угрозу здоровье и безопасность граждан»¹.

Таким образом, в целом непревышение показателями критического значения ещё не означает отсутствия проблемы в регионе, а превышение показателями критического значения может оцениваться как катастрофические изменения, которые приводят к необратимым процессам деградации.

Второй составляющей интегральной оценки по методике С. Ю. Глазьева [3] является оценка воспроизводства экономического потенциала (табл. 2). К сожалению, часть данных пока отсутствует в источниках официальной статистики по 2022–23 гг., но в целом ситуацию нельзя назвать утешительной.

Инвестиции в основной капитал сокращаются со 171,8 млрд руб. в 2020 году до 118,2 млрд руб. в 2023 году. Доля инвестиций в основной капитал в процентах к реальному ВВП региона становится ниже критической уже в 2021 году. При

этом доля изношенных основных фондов давно превышает критический уровень. Индекс промышленного производства снизился в 2022 году, но есть предположение, что в 2023 году индекс снова стал выше 100 % по данным общей тенденции производства в России. Положительным является рост доли обрабатывающих отраслей в промышленности в Липецком регионе, но совершенно не радует число убыточных организаций. Их удельный вес сократился с 33 % в 2020 году до 26 %.

Более или менее позитивной тенденцией обладают показатели рентабельности — в 2022 году они стали выше критических значений. Уровень инфляции пока не превысил критического уровня, но в 2022 году стал приближаться к нему более высокими темпами. Индекс производства продукции сельского хозяйства по животноводству показал снижение только в постпандемный период. В целом можно говорить о наращивании собственного производства региона, но пока без активизации капиталовложений в основные фонды и без замены изношенных основных средств. Налицо тенденции роста производства и экономики региона, но этот рост должен основываться на поддержании имеющихся основных фондов и вложении в новые средства.

Для подтверждения данных о росте экономики региона приведём итоги внешней торговли Липецкой области (табл. 3).

Несмотря на сложную обстановку в стране, показатели, характеризующие внешнюю торговлю в Липецкой области за 2018–2021 гг., имеют положительную динамику. Имеются тенденции

Таблица 3
Table 3

Итоги внешней торговли Липецкой области за 2018–2021 гг., млн долл. США
Results of foreign trade of the Lipetsk region for 2018–2021, million US dollars

Годы	ЭКСПОРТ				ИМПОРТ				САЛДО
	Дальнее зарубежье	Страны СНГ	ВСЕГО	В % к итогу	Дальнее зарубежье	Страны СНГ	ВСЕГО	В % к итогу	
2021	6 383,9	440,1	6 824,0	1,4	1 207,2	167,4	1 374,6	0,5	5 449,4
2020	2 841,5	353,4	3 194,9	1,0	1 023,4	151,3	1 174,7	0,5	2 020,2
2019	3 369,5	396,7	3 766,2	0,9	1 029,5	196,2	1 225,8	0,5	2 540,5
2018	5 187,7	342,1	5 529,8	1,2	1 016,7	112,1	1 128,8	0,5	4 401,0

Источник: составлено авторами в ходе исследования по данным Федеральной таможенной службы. Справочные и аналитические материалы. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 28.02.2024).

¹ФБУЗ «Центр гигиенического образования населения» Роспотребнадзора. URL: <https://cgon.rospotrebnadzor.ru/naseleniyu/zdorovyy-obraz-zhizni/trezvaya-rossiya/?ysclid=lrykusdrv0570524244> (дата обращения: 20.02.2024).

повышения покупательской способности региона и роста сальдо экспорта — импорта в 2021 году.

Выводы

В результате анализа состояния экономической безопасности на тенденции воспроизводства человеческого и экономического потенциала Липецкой области по авторской интегральной методике оценки С. Ю. Глазьева было выявлено:

— показатель рождаемости втрое ниже критического уровня и продолжает падать; смертность замедляется, но её уровень также выше критического и вдвое выше уровня рождаемости; из-за чего происходит естественная убыль населения, по тенденции сравнимая с общероссийской, но вдвое выше в относительном плане — в расчёте на 1000 чел. населения;

— продолжительность жизни выросла за рассматриваемый период с 70,5 лет до 72,1 года, но повысилась тенденция к старению населения; доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума превышает критический уровень; уровень потребления алкогольной продукции на душу населения ниже критического, но сам регион не относится к «благополучным» по этому показателю; уровень преступности также значительно выше допустимых значений и продолжает расти;

— снижается объём инвестиций в основные фонды — как в абсолютном, так и в относитель-

ном значении; рост промышленного производства и сельского хозяйства (в частности, животноводства) сопровождается увеличением износа основных средств, из-за чего рентабельность производства может расти номинально, а в какой-то момент будет достигнут её предел, поскольку изношенные основные фонды могут не только перестать эксплуатироваться, но и привести к травмам, несчастным случаям и потерям ресурсов.

Основной тенденцией на данный момент является «вынужденный» рост производства, не обеспеченный достаточными трудовыми ресурсами на перспективу, сопровождаемый низкими социально-экономическими показателями воспроизводства. Обладая достаточно выгодными географическими, климатическими и природными ресурсами, регион не имеет высокого потенциала развития на данный момент времени вследствие низкого уровня самосознания населения. Уровень преступности, алкоголизма или рождаемости зачастую не связан с экономическим уровнем жизни населения, а больше зависит от уровня развития личности и социума. Отсутствие капиталовложений в основные фонды на перспективу показывает отсутствие стратегических целей производителей и желание получить краткосрочную выгоду. Для улучшения показателей воспроизводства человеческого и экономического потенциала в регионе необходимо развитие патриотического, духовно-нравственного воспитания.

Список источников

1. Авдеевская Е. А. Воспроизводство человеческого капитала в целях обеспечения экономической безопасности региона в контексте цифровой трансформации // Естественнo-гуманитарные исследования. 2023. № 4 (48). С. 18–21.
2. Алиева М. З. Экономическая безопасность региона: подходы к определению // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 3–1. С. 11–18. DOI: 10.17513/vaael.1009
3. Глазьев С. Ю. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? («Коллекция Изборского клуба»). М. : Книжный мир. 2015. 352 с.
4. Долганова Я. А. Условия улучшения продовольственной безопасности как фактора обеспечения экономической безопасности региона // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 2. С. 569–594. DOI: 10.18334/ecsec.6.2.117855
5. Калинина Н. М. Экономическая безопасность региона: сущность, угрозы и меры обеспечения // Сибирский торгово-экономический журнал. 2010. № 10. С. 17–23.
6. Караваева И. В., Лев М. Ю. Приоритеты государственного регулирования экономической безопасности России в условиях новых глобальных вызовов // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 2. С. 453–466. DOI: 10.18334/ecsec.6.2.117953
7. Каурова О. В., Ткач А. В., Малолетко А. Н. Место и роль потребительской кооперации в обеспечении продовольственной безопасности регионов России // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 2 (40). С. 51–61.
8. Кострова Ю. Б., Минат В. Н. Региональная экономическая безопасность и антикоррупционная политика: оценка, управление, совершенствование. Рязань : Концепция. 2014. 312 с.

9. Куклин А. А. Экономическая безопасность регионов: теоретико-методологические подходы и сравнительный анализ // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 6–1. С. 142–145.
10. Мингалева Ж. А., Гершанок Г. А. Устойчивое развитие региона: инновации, экономическая безопасность, конкурентоспособность // *Экономика региона*. 2012. № 3 (31). С. 68–77. DOI: 10.17059/2012-3-6
11. Митрофанова О. Н. Перспективы развития промышленного туризма в регионе // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2023. № 11 (481). С. 128–137. DOI 10.47475/1994-2796-2023-481-11-128-137
12. Митяков С. Н., Романова Н. А., Митяков Е. С. Экономическая безопасность регионов Приволжского федерального округа // *Экономика региона*. 2013. № 3 (35). С. 81–91. DOI: 10.17059/2013-3-6
13. Новикова И. В., Красников Н. И. Индикаторы экономической безопасности региона // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 330. С. 132–138.
14. Развитие экономического и промышленного потенциала российского государства в условиях технологической блокады и санкций Запада: советский опыт и современные решения / С. В. Чуев, В. Я. Афанасьев, С. Ю. Белоконев [и др.]. М. : Гос. ун-т управл., 2023. 258 с.
15. Сапожникова С. М., Рейхерт Н. В. Экономическая безопасность: теоретические и практические подходы. Чебоксары : Изд. дом «Среда», 2021. 120 с. DOI: 10.31483/a-10305
16. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России // *ЭКО*. 2007. № 5 (395). С. 1–21.
17. Стратегические направления развития экономики регионов РФ: вопросы экономики, учёта, налогообложения, экономической безопасности, теоретические и прикладные финансы / Т. И. Грицкевич, Т. А. Лавина, А. Н. Захарова [и др.]; Казанский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации». Чебоксары : Изд. дом «Среда», 2022. 172 с. DOI: 10.31483/a-10370
18. Танков А. М., Кузнецова Ю. А. Экономическая безопасность региона: классификация определений и влияющих факторов // *Общество: политика, экономика, право*. 2023. № 3 (116). С. 70–75. DOI: 10.24158/пер.2023.3.9
19. Татаркин А. И., Куклин А. А. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // *Экономика региона*. 2012. № 2 (30). С. 25–39. DOI: 10.17059/2012-2-2
20. Ускова Т. В., Кондаков И. А. Угрозы экономической безопасности региона и пути их преодоления // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2011. № 2 (14). С. 37–50.
21. Цветков В. А., Дудин М. Н., Лясников Н. В. Аналитические подходы к оценке экономической безопасности региона // *Экономика региона*. 2019. Т. 15, № 1. С. 1–12. DOI: 10.17059/2019-1-1

References

1. Avduevskaya EA. Reproduction of human capital in order to ensure the economic security of the region in the context of digital transformation. *Estestvenno-gumanitarny'e issledovaniya = Natural sciences and humanities research*. 2023;(4(48):18-21. (In Russ.).
2. Aliyeva MZ. Economic security of the region: approaches to definition. *Vestnik Altajskoj akademii e'konomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;3(1):11-18. DOI: 10.17513/vaael.1009 (In Russ.).
3. Glazyev SY. Ukrainskaya katastrofa: ot amerikanskoy agressii k mirovoy voyne? («Kollektsiya Izborskogo kluba») = The Ukrainian catastrophe: from American aggression to World War? («Collection of the Izborsky Club»). Moscow: Publishing house “Book World”; 2015. 352 p. (In Russ.).
4. Dolganova YaA. Conditions for improving food security as a factor in ensuring the economic security of the region. *E'konomicheskaya bezopasnost' = Economic security*. 2023;6(2):569-594. DOI: 10.18334/ec-sec.6.2.117855 (In Russ.).
5. Kalinina NM. Economic security of the region: essence, threats and security measures. *Sibirskij trgovoe'konomicheskij zhurnal = Siberian Trade and Economic Journal*. 2010;(10):17-23. (In Russ.).
6. Karavaeva IV, Lev MYu. Priorities of state regulation of Russia's economic security in the context of new global challenges. *E'konomicheskaya bezopasnost' = Economic security*. 2023;6(2):453-466. DOI: 10.18334/ec-sec.6.2.117953 (In Russ.).
7. Kaurova OV, Tkach AV, Maloletko AN. The place and role of consumer cooperation in ensuring food se-

curity in the regions of Russia. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2020;2(40):51-61. (In Russ.).

8. Kostrova YuB, Minat VN. Regional'naya ekonomicheskaya bezopasnost' i antikorrupsionnaya politika: otsenka, upravleniye, sovershenstvovaniye = Regional economic security and anti-corruption policy: assessment, management, improvement. Ryazan: Publishing House "Concept"; 2014. 312 p. (In Russ.).

9. Kuklin AA. Economic security of regions: theoretical and methodological approaches and comparative analysis. *Fundamental'ny'e issledovaniya = Fundamental research*. 2014;(6-1):142-145. (In Russ.).

10. Mingaleva JA, Gershanok GA. Sustainable development of the region: innovations, economic security, competitiveness. *E'konomika regiona = Economics of the region*. 2012;(3(31):68-77. DOI 10.17059/2012-3-6 (In Russ.).

11. Mitrofanova ON. Prospects for the development of industrial tourism in the region. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):128-137. DOI 10.47475/1994-2796-2023-481-11-128-137 (In Russ.).

12. Mityakov SN, Romanova NA, Mityakov ES. Economic security of the regions of the Volga Federal District. *E'konomika regiona = The economy of the region*. 2013;(3(35):81-91. DOI 10.17059/2013-3-6 (In Russ.).

13. Novikova IV, Krasnikov NI. Indicators of economic security of the region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2010;(33):132-138. (In Russ.).

14. Chuev SV, Afanasyev VYa, Belokonev SYu [et al.]. Razvitiye ekonomicheskogo i promyshlennogo potentsiala rossiyskogo gosudarstva v usloviyakh tekhnologicheskoy blokady i sanktsiy Zapada: sovetskiy opyt i sovremennyye resheniya = Development of the economic and industrial potential of the Russian state in the conditions of technological blockade and sanctions of the West: Soviet experience and modern solutions. Moscow: State University of Management; 2023. 258 p. (In Russ.).

15. Sapozhnikova SM, Reichert NV. Ekonomicheskaya bezopasnost': teoreticheskiye i prakticheskiye podkhody = Economic security: theoretical and practical approaches. Cheboksary: Publishing House "Wednesday"; 2021. 120 p. (In Russ.).

16. Senchagov VK. Economic security of Russia. *E'KO = ECO*. 2007;(5(395):1-21. (In Russ.).

17. Gritskevich TI, Lavina TA, Zakharova AN [et al.]. Strategicheskkiye napravleniya razvitiya ekonomiki regionov RF: voprosy ekonomiki, uchota, nalogooblozheniya, ekonomicheskoy bezopasnosti, teoreticheskiye i prikladnyye finansy = Strategic directions for the development of the economy of the regions of the Russian Federation: issues of economics, accounting, taxation, economic security, theoretical and applied finance. Cheboksary: Publishing House "Wednesday"; 2022. 172 p. (In Russ.).

18. Tankov AM, Kuznetsova YuA. Economic security of the region: classification of definitions and influencing factors. *Obshchestvo: politika, e'konomika, pravo = Society: politics, economics, law*. 2023;(3(116):70-75. DOI 10.24158/pep.2023.3.9 (In Russ.).

19. Tatarkin AI, Kuklin AA. Changing the paradigm of economic security research in the region. *E'konomika regiona = The economy of the region*. 2012;(2(30):25-39. DOI 10.17059/2012-2-2 (In Russ.).

20. Uskova TV, Kondakov IA. Threats to the economic security of the region and ways to overcome them. *E'konomicheskkiye i social'ny'e peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2011;(2(14):37-50. (In Russ.).

21. Tsvetkov VA, Dudin MN, Lysanikov NV. Analytical approaches to assessing the economic security of the region. *E'konomika regiona = The economy of the region*. 2019;15(1):1-12. DOI 10.17059/2019-1-1 (In Russ.).

Информация об авторах

Ю. В. Румянцева — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления и менеджмента.

Е. С. Маркова — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления и менеджмента.

О. Н. Митрофанова — старший преподаватель кафедры государственного управления и менеджмента.

Information about the authors

Yulia V. Rumyantseva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and Management.

Ekaterina S. Markova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and Management.

Olga N. Mitrofanova — Senior Lecturer of the Department of Public Administration and Management.

Статья поступила в редакцию 02.03.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 02.03.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.35; 332.12

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-84-96

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В РЕЙТИНГАХ ДОЛГОСРОЧНОГО И СРЕДНЕСРОЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Дарья Сергеевна Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, 0000-0003-1257-248X

Аннотация. Статья посвящена формированию рейтингов российских регионов по двум критериям — долгосрочному и среднесрочному реальному экономическому росту. Показателем экономического роста выступает индекс физического объема валового регионального продукта. Под долгосрочным периодом понимаем период с 1997 по 2021 годы, под среднесрочным — с 2016 по 2021 годы. Цель исследования: провести ранжирование регионов согласно двум указанным периодам. Задачи исследования: провести сравнительный анализ результатов построения двух рейтингов; показать пространственное размещение регионов с позиции долгосрочного экономического роста; показать специализацию регионов-лидеров. Конкретными методами исследования выступили метод ранжирования, сравнительный и корреляционный анализы, метод графической иллюстрации. К лидерам как долгосрочного, так и среднесрочного экономического роста отнесены три региона — это г. Санкт-Петербург, Московская область и Республика Адыгея. Абсолютным аутсайдером — в двух рейтингах — выступила Республика Коми. Получена отраслевая специфика регионов-лидеров: для всех регионов характерна специализация на обрабатывающих производствах. Регионы-лидеры долгосрочного и среднесрочного роста специализируются также на непроемственных видах деятельности — оптовая и розничная торговля, деятельность по операциям с недвижимым имуществом. Регионы-лидеры среднесрочного роста специализируются как на добывающей промышленности, так и на сферах транспорта и связи.

Ключевые слова: ранжирование регионов, долгосрочный реальный экономический рост, среднесрочный реальный экономический рост, индекс физического объема ВРП, карта регионов, виды экономической деятельности

Для цитирования: Бенц Д. С. Позиционирование российских регионов в рейтингах долгосрочного и среднесрочного экономического роста // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 84–96. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-84-96

Original article

POSITIONING OF RUSSIAN REGIONS IN LONG-TERM AND MEDIUM-TERM ECONOMIC GROWTH RATINGS

Daria S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru, 0000-0003-1257-248X

Abstract. In the article the author creates ratings of Russian regions according to criteria — long-term and medium-term real economic growth. An indicator of economic growth is the index of the physical volume of gross regional product. By the long-term period we mean the period from 1997 to 2021, by the medium-term period — the period from 2016 to 2021. The purpose of the study is to rank the regions according to these periods. Objectives of the study are following: to conduct a comparative analysis of the results of building two ratings; to show the spatial location of regions from the standpoint of long-term economic growth; to show the specialization of the leading regions. Specific research methods are the ranking method, comparative and correlation analyses, and the graphical illustration method. The leaders of both long-term and medium-term economic growth are three regions. These are St. Petersburg, the Moscow region and the Republic of Adygea. The absolute outsider according to both ratings is the Komi Republic. The industry specificity of the leading regions was obtained: all regions are characterized by specialization in manufacturing. Regions leading long-term and medium-term growth also specialize in non-production

activities — wholesale and retail trade, real estate operations. The leading regions of medium-term growth specialize both in the extractive industry and in the fields of transport and communications.

Keywords: ranking of regions, long-term real economic growth, medium-term real economic growth, GRP volume index, map of regions, types of economic activity

For citation: Benz DS. Positioning of Russian regions in long-term and medium-term economic growth ratings. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):84-96. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-84-96

Введение

Экономический рост обусловлен множеством разнородных факторов. Учёные структурируют эти факторы и в соответствии с классическим подходом — трудовые, преимущественно человеческие [1], капитальные [2–4], и по инвестиционным признакам — инвестиционный потенциал, климат и проч. [5; 6], и в соответствии с группой инновационных и/или же технологических факторов [7; 8]. Некоторыми авторами предложены и иные подходы к оценке уровня развития региона — когда сам по себе экономический рост не является самоцелью, а целью выступает некая сбалансированность региона [9]. Другие авторы, проводя факторно-кластерный анализ регионального развития, выделили группу факторов, не способствующих экономическому росту, то есть факторы сдерживания [10]. Ряд авторов ранжируют российские регионы с точки зрения

их устойчивости, выделяя при этом три группы переменных: финансово-экономические, социальные и экологические [11].

Среди исследований, посвящённых изучению региональной экономики, существуют публикации, в которых авторы пробуют увязать отраслевой фактор (фактор специализации региона) с его экономическим ростом [12; 13]. Это побудило нас сделать некий региональный обзор, целями которого являются: во-первых, провести ранжирование всех российских регионов с точки зрения их реального долгосрочного роста, во-вторых, определить регионы-лидеры среднесрочного (пятилетнего) роста, и наконец, провести сравнительный анализ специализации регионов-лидеров.

Методы и материалы

Методика исследования приведена в таблице 1.

Таблица 1
Table 1

Методика исследования Research methodology

№	Задача исследования	Выборка и методы исследования
1	Определить темпы экономического роста регионов за период 1997–2021 гг.	В выборку включаем те российские регионы, статистические данные по которым доступны на сайте Росстата. Временной период: 1997–2021 годы. Показатель, характеризующий экономический рост: индекс физического объёма валового регионального продукта накопительным итогом (к базе — к 1997 году). Росстат приводит цепные индексы, на основании которых мультипликативным методом производим расчёт накопительного итога: $iВРП_{2021/1997} = iВРП_{1998/1997} \cdot iВРП_{1999/1998} \cdot \dots \cdot iВРП_{2021/2020}$
2	Провести ранжирование регионов по критерию долгосрочного роста	За исследуемый период данные доступны по 79 регионам. Архангельская область включает данные по Ненецкому автономному округу, Пермский край — по Коми-Пермяцкому округу, Тюменская область — по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Данные отсутствуют по следующим субъектам: Чеченская Республика, Республика Крым, г. Севастополь. В связи с этим они исключены из выборки
3	Определить темпы экономического роста регионов за период 2016–2021 гг. Показать лидеров и аутсайдеров среднесрочного роста	Под среднесрочным периодом будем понимать пятилетний период. В качестве темпов экономического роста примем пятилетний индекс физического объёма ВРП (к базе — к 2016 году)

Окончание таблицы 1
End of the table 1

№	Задача исследования	Выборка и методы исследования
4	Показать пространственное размещение регионов	Полученный по итогам ранжирования по критерию долгосрочного роста перечень регионов распределён на четыре квартиля. Каждому квартилю присвоен определённый цвет, которым на карте России будет окрашен регион.
5	Провести корреляционный анализ	Коэффициенты корреляции будут рассчитаны между двумя парами показателей: 1) площадью региона и темпами долгосрочного экономического роста; 2) темпами долгосрочного и среднесрочного экономического роста.
6	Показать специализацию регионов-лидеров	Автором будет показано доминирующее значение одного (или в случае, если разбег не превышает 2 %, то двух) вида экономической деятельности в % от общего объёма валовой добавленной стоимости соответствующего субъекта РФ. Специализация будет показана в соответствии с действующим классификатором. На период 2004–2016 гг. это процент к итогу в текущих ценах. На период 2017–2021 гг. доля доминирующего вида деятельности рассчитана путём деления соответствующего раздела ОКВЭД2 на общий объём валовой добавленной стоимости в ценах 2016 года.

Источник: составлено автором.

Результаты исследования

Ориентируясь на показатель «индекс физического объёма валового регионального продукта», приводимый Росстатом по отношению к предыдущему году, можно получить фактический рост за период с 1997 по 2021 год. Если принять в качестве базового года 1997 год, то за исследуемые 14 лет будет получена следующая картина (табл. 2). Самый высокий рост показала Республика Дагестан (в 4,778 раза). Аутсайдером долгосрочного роста выступила Республика Коми (рост всего на 24,9 %). Средний рост по стране составил 128,2 %. Это 31-е место в перечне всех регионов. Медианное значение составило 116,2 % и пришлось на 40-е место, которое заняла Владимирская область. Медианное значение по рейтингу занимает более низкую ступень, нежели среднее арифметическое. Экономический рост меньшего числа регионов составил значение выше среднего по стране. А большее число регионов показало более низкий рост. Это говорит о том, что арифметическую среднюю вверх подтягивают регионы-лидеры.

Общее число исследуемых регионов составляет 79. Восьмидесятое наблюдение — это среднее значение по стране. Так как общее число наблюдений в нашем случае составляет 80, это позволяет распределить все регионы по условным квартилям. Распределение регионов по квартилям также показано в таблице 2.

Для визуального анализа результаты долгосрочного экономического роста регионов перенесём на карту России и покажем территориальное

размещение регионов. Цветная заливка регионов символизирует принадлежность региона к одному из четырёх квартилей (рис. 1). Невооружённым глазом видно, что доминирующий цвет на карте — жёлтый. Это площадь регионов третьего квартиля. И действительно, на долю третьего квартиля приходится 59,67 % территории страны. Регионы второго и четвёртого квартилей занимают примерно равные территории — 15,45 % и 16,23 %. Самая малая площадь приходится на долю регионов первого квартиля — лишь 8,65 %. Такое пространственное размещение регионов наводит на мысль, что есть некая обратная связь между площадью территории региона и темпами его долгосрочного экономического роста. Но корреляционный анализ показал практически отсутствие таковой: коэффициент корреляции между площадью территории региона и темпом его четырнадцатилетнего роста составил $-0,13$. Связь обратная, но крайне незначительна.

Далее проведём оценку темпов экономического роста за пятилетний период (2016–2021 гг.). Опять же для расчёта индекса физического объёма ВРП в качестве базового периода примем стартовый год — в данном случае это 2016 год. Десять процентов регионов-лидеров и десять процентов регионов-аутсайдеров приведены на рисунке 2.

Разброс пятилетнего экономического роста регионов-лидеров составил диапазон [18,6 %; 28 %]. Регионы-аутсайдеры показали либо отсутствие реального экономического роста либо даже падение ВРП в фиксированных ценах.

Таблица 2

Table 2

**Ранжирование российских регионов по экономическому росту
за период 1997–2021 гг.
Ranking of Russian regions by economic growth for the period 1997–2021**

№	Регион	Индекс ВРП	№	Регион	Индекс ВРП
1 квартиль: лидеры			3 квартиль		
1	Республика Дагестан	4,778	40	Владимирская область	2,162
2	Ленинградская область	3,703	41	Забайкальский край	2,115
3	Белгородская область	3,670	42	Алтайский край	2,107
4	г. Санкт-Петербург	3,415	43	Нижегородская область	2,104
5	Ростовская область	3,325	44	Тюменская область	2,103
6	Московская область	3,179	45	Республика Саха (Якутия)	2,097
7	Калининградская область	3,120	46	Рязанская область	1,971
8	Республика Адыгея	3,0884	47	Республика Марий Эл	1,948
9	Астраханская область	3,0875	48	Оренбургская область	1,947
10	Кабардино-Балкарская Республика	3,027	49	Еврейская автономная область	1,915
11	Сахалинская область	2,993	50	Хабаровский край	1,913
12	Тамбовская область	2,907	51	Тверская область	1,904
13	Новосибирская область	2,887	52	Амурская область	1,860
14	Калужская область	2,805	53	Приморский край	1,859
15	Курская область	2,770	54	Красноярский край	1,852
16	Краснодарский край	2,722	55	Пермский край	1,800
17	Архангельская область	2,650	56	Челябинская область	1,762
18	Республика Мордовия	2,623	57	Ульяновская область	1,742
19	Тульская область	2,584	58	Республика Бурятия	1,731
20	Республика Северная Осетия-Алания	2,580	59	Томская область	1,707
2 квартиль			4 квартиль: аутсайдеры		
21	Ставропольский край	2,571	60	Республика Тыва	1,671
22	Брянская область	2,478	61	Вологодская область	1,664
23	г. Москва	2,467	62	Псковская область	1,655
24	Воронежская область	2,420	63	Республика Ингушетия	1,640
25	Свердловская область	2,391	64	Чувашская Республика	1,624
26	Республика Татарстан	2,377	65	Удмуртская Республика	1,602
27	Пензенская область	2,352	66	Костромская область	1,591
28	Новгородская область	2,332	67	Самарская область	1,534
29	Саратовская область	2,286	68	Кемеровская область — Кузбасс	1,527
30	Иркутская область	2,283	69	Республика Хакасия	1,519
31	В среднем по стране	2,282	70	Республика Карелия	1,515
31	Чукотский автономный округ	2,261	71	Кировская область	1,501
32	Смоленская область	2,234	72	Курганская область	1,483
33	Республика Алтай	2,228	73	Волгоградская область	1,425
34	Карачаево-Черкесская Республика	2,225	74	Камчатский край	1,377
35	Омская область	2,209	75	Мурманская область	1,366
36	Республика Башкортостан	2,208	76	Ивановская область	1,359
37	Ярославская область	2,183	77	Республика Калмыкия	1,349
38	Липецкая область	2,172	78	Магаданская область	1,276
39	Орловская область	2,165	79	Республика Коми	1,249

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

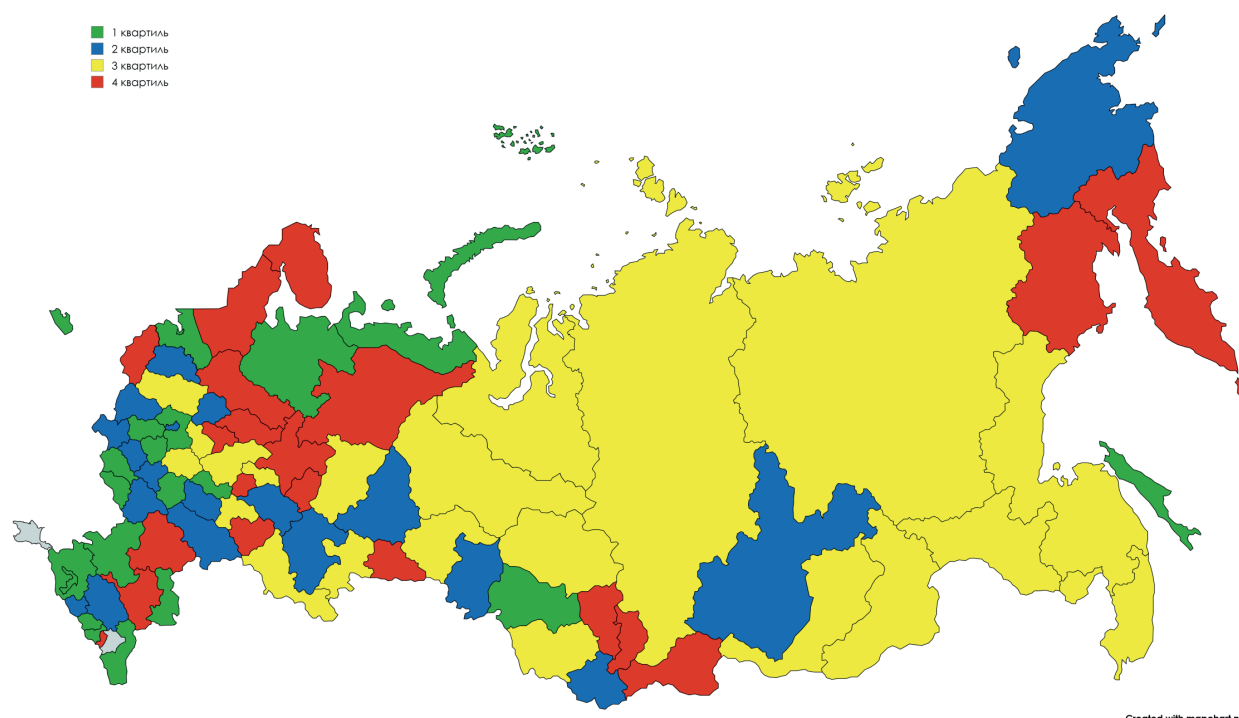

Рис. 1. Ранжирование регионов по темпам экономического роста (1997–2021 гг.)

Fig. 1. Ranking of regions by economic growth rates (1997–2021)

Источник: составлено автором при помощи ресурса <https://www.mapchart.net/russia>.

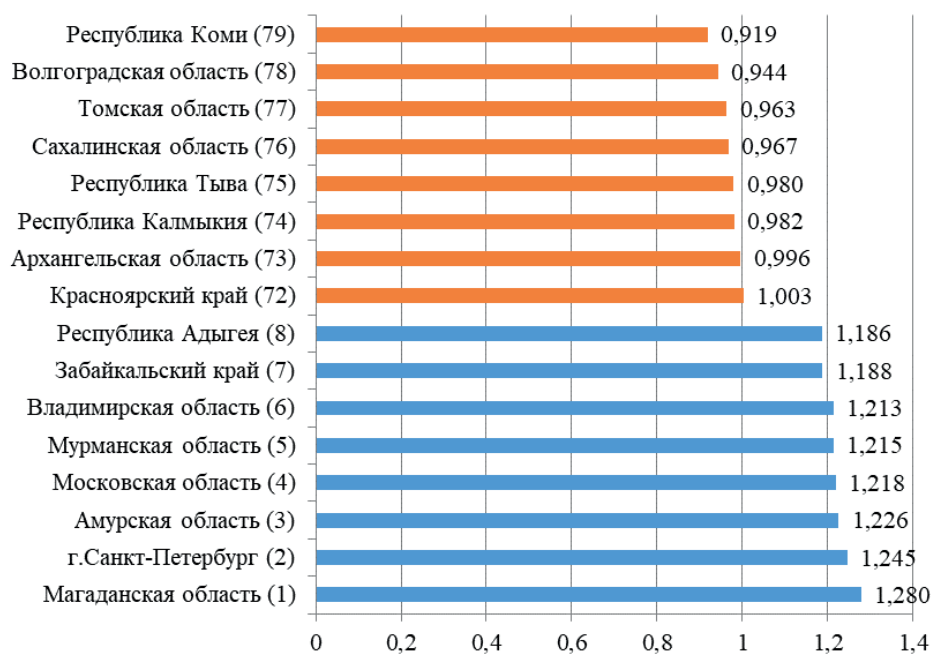

Рис. 2. Регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры пятилетнего экономического роста (2016–2021 гг.)

Fig. 2. Leading regions and outsider regions of five-year economic growth (2016–2021)

Источник: рассчитано автором по данным Росстата

Если провести сравнительный анализ результатов долгосрочного и среднесрочного экономического роста, то, с одной стороны, можно найти

некую общность. Например, и в первом, и во втором рейтингах последнее место занимает один и тот же регион — это Республика Коми. В целом,

смотря на регионы-аутсайдеры, надо сказать, что те регионы, которые попали в среднесрочном периоде в 10 % аутсайдеров, эти же регионы в долгосрочном периоде попали в третий и четвёртый квартили. Из общего тренда выбиваются лишь два региона — это Архангельская и Сахалинская области. Оба региона показали падение реального объёма ВРП за последние пять лет (0,4 % и 3,3 % соответственно) — однако, в долгосрочном периоде оба региона попали в первый квартиль. Архангельская область заняла 17-е место в рейтинге, Сахалинская — и того выше — 11-е.

Если же смотреть на группу среднесрочных лидеров, то здесь исключений куда больше. Пять регионов из восьми, будучи лидерами среднесрочного роста, не показали больших темпов экономического роста в длительном периоде. Амурская, Владимирская области и Забайкальский край в рейтинге по долгосрочному критерию находятся в третьем квартиле. Магаданская и Мурманская области — и вовсе в четвёртом квартиле. Между тем Магаданская область стала абсолютным лидером пятилетнего роста.

Таким образом, констатируем: тесной связи между долгосрочным и среднесрочным ростом нет. Это показал и корреляционный анализ. Коэффициент корреляции между темпами пятилетнего и темпами четырнадцатилетнего роста составил лишь 0,3.

Далее проанализируем отраслевую принадлежность регионов-лидеров. Выше было упомянуто, что на сегодняшний день в экономической литературе существуют исследования, связывающие фактор специализации региона с его социально-экономическим развитием и/или экономическим ростом. Покажем согласно ОКВЭД (до 2015 года включительно) и ОКЭВД 2 (с 2016 по 2021 годы) доминирующий вид деятельности регионов-лидеров. В таблице 3 показана специализация этих регионов; регионы распределены по трём блокам: сначала приведены те регионы, которые попали в категорию лидеров как в долгосрочной перспективе (в первый квартиль), так и в среднесрочной (в первые десять процентов); далее показаны отдельно две группы регионов. В том случае, если наибольший удельный вес приходится на долю двух видов экономической деятельности (разность между процентами составляет до 2 % включительно), показаны оба вида деятельности.

Три региона, попавшие в качестве лидеров в обе группы, показывают некую общность с точки зрения преобладающих видов деятельности.

До 2015 года г. Санкт-Петербург создавал наибольший объём валовой добавленной стоимости в разделе G (оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования). Чуть реже, но тоже часто преобладающий раздел — это раздел D (обрабатывающие производства). После 2016 года акцент смещён в сторону раздела L (деятельность по операциям с недвижимым имуществом). Раздел G (торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов) также продолжает оставаться одним из основных видов деятельности и с 2016 года. До 2015 года Московская область также показывает чередование доминирующих разделов — D и G. Начиная с 2016 года Московская область полностью сосредотачивается на сфере торговли (раздел G). В Республике Адыгея максимальный удельный вес продукта также был создан в торговой сфере — преобладает раздел G. За редким исключением доминировали иные виды деятельности — либо «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (раздел A в 2004 году), либо «обрабатывающие производства» (раздел D в 2014 и 2015 годы). Начиная с 2016 года в республике, главным образом, преобладает раздел L (деятельность по операциям с недвижимым имуществом). Однако в 2021 году наибольший удельный вес созданного продукта пришёлся на торговую сферу.

Для регионов второй группы — лидеров долгосрочного экономического роста — до 2015 года опять же характерны два ключевых вида деятельности — разделы G и D. И в этом смысле тоже можно акцентировать внимание на некой общности видов деятельности. С другой стороны, если, например, Республика Дагестан, за исключением буквально пары лет, полностью сосредоточена на торговой сфере, то Ленинградская область, полностью сосредоточена на обрабатывающих производствах. Белгородская область также в большинстве случаев показывает доминирование обрабатывающих производств. Две оставшиеся области (Ростовская и Калининградская) чередуют свою специализацию — между этими двумя видами деятельности (разделами G и D). Начиная с 2012 года для Белгородской области становится характерной двойная специализация — наряду с обрабатывающими производствами это ещё и сельское хозяйство. Калининградская же область, начиная с 2011 года, сосредотачивает свой продукт опять же в обрабатывающих производствах.

Специфичной отраслевой особенностью для третьей группы — лидеров среднесрочного экономического роста — является присутствие добывающей промышленности, чего практически не наблюдается в регионах первых двух групп за исключением некоторых лет, когда этот вид деятельности преобладал в Белгородской области — и то, как правило, наряду со второй специализацией. До 2014 года добывающая промышленность (раздел С «добыча полезных ископаемых») характерна лишь для двух исследуемых регионов — Магаданской и Мурманской областей. Начиная с 2015 года эта специализация становится характерной в некоторые периоды также для Амурской области и Забайкальского края. Обработывающая промышленность также характерна для регионов — лидеров пятилетнего роста. Ещё одной специфической особенностью для этих регионов является появление разделов I («транспорт и связь» согласно первому ОКЭВД) и H («транспортировка и хранение» согласно ОКЭВД 2).

Итак, по итогам проведённого анализа мы видим несколько различную ситуацию в отношении ранжирования регионов. Регионы-лидеры пятилетнего роста не являются регионами — лидерами длительного роста. Логично предположить, что факторы, влияющие на экономический рост, могут быть разделены на две группы — сугубо региональные и надрегиональные. И вероятно, здесь не последнюю роль играет выравнивающая политика регионов, которая и представляет собой один из ключевых надрегиональных факторов, факторов экономической (в т. ч. фискальной) политики государства.

На рисунке 3 показан размах вариации цепных индексов физического ВРП.

Рисунок 3 может косвенно указывать на политику выравнивания регионов, стартовавшую как раз в начале 2000-х годов [14]. Как результат, межрегиональная дифференциация сократилась [15]. Сама по себе реакция экономических процессов на такую политику не может проявиться быстро — более мобильна в этом случае социальная конвергенция, нежели экономическая [16]. Если говорить о длительности реакции — то рисунок 2 как раз демонстрирует долгосрочный период — мы видим явный нисходящий тренд с 2000 по 2018 гг.

Заключение

Результаты проведённого исследования получились следующими. Во-первых, был определён темп реального экономического роста накопительным итогом для 79 регионов, которые по данному показателю (индекс физического объёма ВРП в ценах 1997 года) были проранжированы по степени убывания темпов долгосрочного экономического роста и разделены на четыре квартиля. Двадцать регионов, попавших в первый квартиль, показывают большую глубину дифференциации, нежели регионы двух срединных квартилей. Для регионов четвёртого квартиля также характерен высокий размах темпов роста. Соотношение темпов долгосрочного роста региона-лидера к региону-аутсайдеру внутри **четвёртого** квартиля составило 1,34. Внутри первого квартиля данное соотношение выше — 1,85. Для второго и третьего квартилей характерны более сглаженные соотношения — 1,19 и 1,27 соответственно.

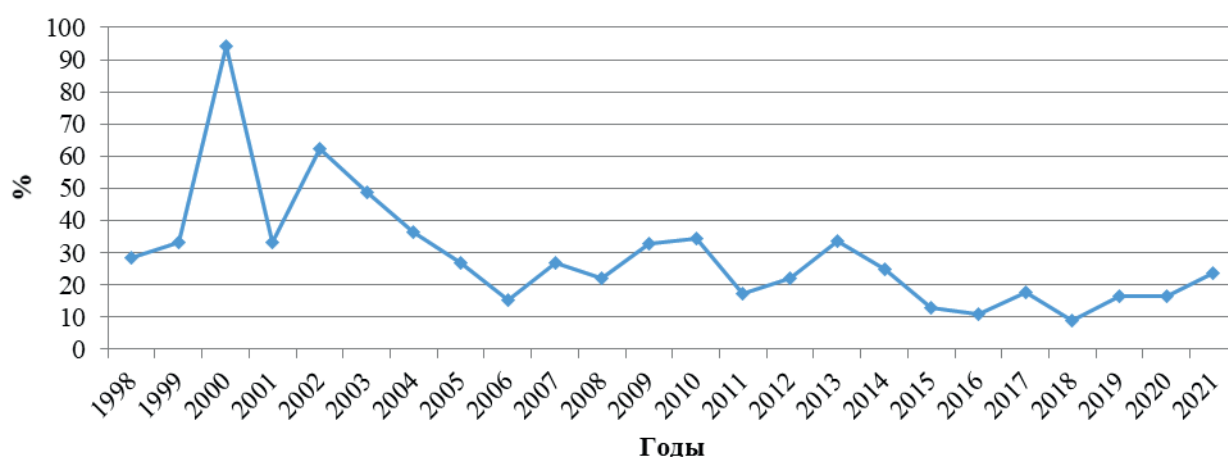

Рис. 3. Размах вариации цепных темпов экономического роста (max — min)

Fig. 3. Range of variation in chain rates of economic growth (max — min)

Источник: рассчитано автором по данным Росстата

Таблица 3
Table 3

Специализация исследуемых регионов
Specialization of the regions under study

Год	Лидеры долгосрочного и среднесрочного экономического роста										Лидеры долгосрочного экономического роста									
	Раздел ОКВЭД	Доля, %	Раздел ОКВЭД	Доля, %	Раздел ОКВЭД	Доля, %	Республика Адыгея	Республика Дагестан		Ленинградская область	Белгородская область		Ростовская область	Калининградская область						
2004	G	28,0	D	27,4	A	16,7	G	23,0	D	31,9	D	23,0	G	23,8	D	22,1				
								22,0	A		C	21,1	C							
2005	G	24,8	D	25,2	G	18,2	A	23,5	D	29,1	D	23,1	G	23,2	D	17,3				
												C	21,8		C					
2006	G	23,7	D	27,0	G	20,9	G	21,3	D	28,5	D	25,4	G	22,1	G	19,5				
																	22,0			
2007	G	24,0	D	25,4	G	19,6	G	25,3	D	27,6	D	23,0	G	21,4	G	17,8				
2008	G	22,1	G	25,4	G	19,3	G	23,5	D	26,4	D	22,9	D	20,6	G	19,6				
2009	D	22,6	D	21,7	G	20,5	G	26,6	D	29,7	D	20,8	D	18,0	G	20,8				
2010	D	23,8	G	24,1	G	17,3	G	27,0	D	24,6	D	19,4	D	19,1	G	21,4				
2011	D	24,0	G	23,6	G	21,2	G	27,2	D	25,2	C	20,9	D	19,3	D	20,9				
2012	D	24,0	G	25,6	G	23,1	G	25,7	D	22,9	D	18,2	G	19,7	D	22,2				
2013	G	20,8	G	21,7	G	19,8	G	25,6	D	24,6	A	16,9	G	19,9	D	23,1				
																	D	20,7	D	16,8
2014	G	21,3	G	22,5	D	16,5	G	26,1	D	27,8	A	20,2	G	19,4	D	26,8				
2015	K	24,6	G	26,6	D	18,2	G	28,3	D	30,6	A	20,7	G	18,7	D	24,4				
2016	G	18,2	G	21,8	L	17,1	G	28,3	C	30,6	C	19,4	C	18,5	C	21,0				
																	L	16,5	A	18,1
2017	L	18,5	G	22,0	L	17,8	G	25,6	C	29,1	C	19,4	C	19,2	C	20,9				
																			A	17,7

92

Окончание таблицы 3
 End of the table 3

Год	Лидеры среднесрочного экономического роста									
	Раздел ОКВЭД	Доля, %	Раздел ОКВЭД	Доля, %	Раздел ОКВЭД	Доля, %	Раздел ОКВЭД	Доля, %	Раздел ОКВЭД	Доля, %
	Магаданская область	Амурская область	Мурманская область	Владимирская область	Забайкальский край					
2015	C	28,6	C	17,2	C	14,4	D	34,7	I	21,0
2016	B	38,9	B	13,4	B	14,4	C	33,0	H	19,3
			H	13,4						
2017	B	39,7	H	15,1	B	14,7	C	31,5	H	19,4
2018	B	40,7	H	14,7	B	14,3	C	32,4	H	19,1
2019	B	45,4	H	13,3	C	14,1	C	34,4	H	18,5
			B	11,5					B	17,5
2020	B	48,6	H	12,8	C	19,2	C	36,4	B	23,2
2021	B	49,0	H	12,6	C	18,4	C	41,6	B	25,1
			G	12,3						
			B	11,2						

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Во-вторых, показано пространственное размещение регионов по критерию долгосрочного экономического роста. Абсолютное большинство территории России — почти 60 % — занимают регионы третьего квартиля. Для таких регионов разбег темпов роста составил диапазон [170,7 %; 216,2 %]. Для сравнения лидеры выросли в диапазоне 258,0–477,8 %. На долю двадцати регионов лидеров приходится менее 9 % территории страны. Аутсайдеры — регионы четвертого квартиля — занимают чуть больше 16 % территории. Связи между площадью территории и темпом долгосрочного экономического роста не найдено.

В-третьих, согласно децильному подходу показаны регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры пятилетнего экономического роста. Регионы, являющиеся лидерами среднесрочного (пятилетнего) роста, в большинстве своём не показали высоких значений в долгом периоде. Пять регионов из восьми, будучи лидерами в среднем периоде,

занимали места в третьем и даже четвертом квартилях долгосрочного рейтинга.

И наконец, на последнем этапе исследования показана отраслевая (согласно ОКВЭД и ОКВЭД 2) специализация регионов. Общей чертой среди лидеров как среднесрочного, так и долгосрочного роста является специализация на обрабатывающих производствах. Но, скорее всего, такая специализация не означает обязательного наличия факторов ускоренного роста — в том числе в силу разнородности обрабатывающих производств и их разного уровня технологичности. Регионы, являющиеся лидерами как среднесрочного, так и долгосрочного периода, наряду с обрабатывающими производствами специализируются на непроемственной сфере — торговой сфере, сфере услуг, операциях с недвижимым имуществом и т. п. Регионы-лидеры среднесрочного роста добились своих результатов, в том числе, благодаря добывающей промышленности.

Список источников

1. Аганбегян А. Г. Опыт зарубежных стран по ускоренному социально-экономическому росту и его возможное использование для России // Стратегирование: теория и практика. 2024. Т. 4, № 1 (11). С. 1–26. DOI: 10.21603/2782-2435-2024-4-1-1-26
2. Амирова Т. Ф., Бенц Д. С., Мишина В. Д., Резепин А. В. Выявление факторов экономического роста региона на основе оценки производственных функций промышленных предприятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 7 (429). С. 80–90.
3. Бенц Д. С. Моделирование факторов экономического роста регионов Урала и РФ // Journal of New Economy. 2020. Т. 21, № 3. С. 112–131. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-3-6
4. Япарова-Абдулхаликова Г. И. Инвестиции в основной капитал в анализе социально-экономического развития региона // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 4 (166). С. 53–58. DOI: 10.34773/EU.2022.4.9
5. Былинская А. А. Улучшение инвестиционного климата региона как важнейшая стратегическая задача регионального экономического развития (на примере Нижегородской области) // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2020. № 6 (85). С. 120–133.
6. Дерзаева Г. Г. Анализ рисков, препятствующих привлечению инвестиций в регион в условиях пандемии и глобальной нестабильности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Том 12, № 2А. С. 210–221. DOI: 10.34670/AR.2022.21.15.027
7. Новиков А. Ю. Инновационные и ресурсные факторы развития регионов России // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2021. Т. 2, № 4. С. 316–321. DOI: 10.33764/2618-981X-2021-2-4-316-321
8. Силин Я. П., Анимца Е. Г., Новикова Н. В. Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. 2019. 371 с.
9. Клейнер Г. Б., Рыбачук М. А. Системная сбалансированность экономики России. Региональный разрез // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 2. С. 309–323.
10. Пискун Е. И., Хохлов В. В. Экономическое развитие регионов Российской Федерации. Факторно-кластерный анализ // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 2. С. 363–376. DOI: 10.17059/2019-2-5.
11. Фаттахов Р. В., Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Оценка устойчивости социально-экономического развития регионов России // Мир новой экономики. 2019. Т. 13, № 2. С. 97–110. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-97-110
12. Зюкин Д. А., Яковлев Н. А., Зюкин Д. В., Болычева Е. А., Ронжина М. А. Влияние развития ведущих отраслей экономики на уровень жизни в регионах // Международный сельскохозяйственный журнал. 2024. Т. 67, № 1 (397). С. 48–52. DOI: 10.55186/25876740_2024_67_1_48

13. Сергеева Н. М., Золотарёва Е. Л., Головин А. А., Уварова М. Н., Зюкин Д. А. Влияние отраслевой специализации регионов на их экономическое развитие // Международный сельскохозяйственный журнал. 2022. Т. 65, № 2 (386). С. 137–141. DOI: 10.55186/25876740_2022_65_2_137
14. Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 57–70. DOI:10.31857/S086904990005814-7
15. Бухвальд Е. М. «Саморазвитие» регионов и приоритеты регулирования пространственной структуры российской экономики // Федерализм. 2018. № 2 (90). С. 32–45.
16. Минакир П. А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 4. С. 967–980.

References

1. Aganbegyan AG. Foreign Experience in Strategizing Accelerated Socio-Economic Development and Options for Its Application in Russia. *Strategirovanie: teoriya i praktika = Strategizing: Theory and Practice*. 2024;4(1):1-26. DOI: 10.21603/2782-2435-2024-4-1-1-26 (In Russ.).
2. Amirova TF, Benz DS, Mishina VD, Rezepin AV. Identification of regional economic growth factors based on the assessment of production functions of industrial enterprises. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;7(429):80-90. (In Russ.).
3. Benz DS. Modelling of the economic growth factors: The case of the Ural regions and the Russian Federation. *Journal of New Economy*. 2020;21(3):112-131. DOI: 10.29141/2658-50812020-21-3-6 (In Russ.).
4. Yaparova-Abdulhalikova GI. Investments in Fixed Assets in the Analysis of Socio-Economic Development of the Region. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal = Economics and Management: Scientific and Practical Journal*. 2022;4(166):53-58. DOI: 10.34773/EU.2022.4.9 (In Russ.).
5. Bylinskaya AA. Improving the investment climate of the region as the most important strategic task of regional economic development (the experience of the Nizhny Novgorod region). *Vestnik Belgorodskogo Universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2020;6(85):120-133. (In Russ.).
6. Derzaeva GG. Analysis of risks hindering investment attraction to the region in the conditions of pandemic and global instability. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2022;12(2A):210-221. DOI: 10.34670/AR.2022.21.15.027 (In Russ.).
7. Novikov AYu. Innovative and resource factors of development in Russian regions. *Interesko Geo-Sibir*. 2021;2(4):316-321. DOI: 10.33764/2618-981X-2021-2-4-316-321. (In Russ.).
8. Silin YaP, Animitsa EG, Novikova NV. Ural'skiy makroregion: bol'shiye tsikly industrializatsii = Ural macroregion: Large cycles of industrialization. Ekaterinburg: Ural State University of Economics; 2019. 371 p. (In Russ.).
9. Kleiner GB, Rybachuk MA. System Balance of the Russian Economy: Regional Perspective. *Ekonomika Regiona = Economy of Region*. 2019;15(2):309-323. (In Russ.).
10. Piskun EI, Khokhlov VV. Economic development of the Russian Federation's regions: factor-cluster analysis. *Ekonomika regiona = Economy of region*. 2019;15(2):363-376. DOI 10.17059/2019-2-5 (In Russ.).
11. Fattakhov RV, Nizamutdinov MM, Oreshnikov VV. Assessment of the sustainability of the socio-economic development of the regions in Russia. *Mir novoy ekonomiki = World of the New Economy*. 2019;13(2):97-110. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-97-110 (In Russ.).
12. Zyukin DA, Yakovlev NA, Zyukin DV, Bolycheva EA, Ronzhina MA. The impact of the development of the leading sectors of the economy on the standard of living in the regions. *Mezhdunarodnyy sel'skohozyajstvennyy zhurnal = International Agricultural Journal*. 2024;67(1(379):48-52. DOI: 10.55186/25876740_2024_67_1_48 (In Russ.).
13. Sergeeva NM, Zolotareva EL, Golovin AA, Uvarova MN, Zyukin DA. Influence of agricultural specialization of regions on their economic development. *Mezhdunarodnyy sel'skohozyajstvennyy zhurnal = International Agricultural Journal*. 2022;2(386):137-141. DOI: 10.55186/25876740_2022_65_2_137 (In Russ.).
14. Zubarevich NV. Inequality of regions and large cities of Russia: what was changed in the 2010s? *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*. 2019;(4):57-70. DOI:10.31857/S086904990005814-7 (In Russ.).

15. Bukhvald E. «Self-development» of regions and the regulation priorities of the spatial structure of the economy of Russia. *Federalizm = Federalism*. 2018;(2):32-45. (In Russ.).
16. Minakir PA. Russian Economic Space: Strategic Impasses. *Ekonomika regiona = Economy of region*. 2019;15(4):967-980. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

Darya S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

*Статья поступила в редакцию 24.03.2024;
одобрена после рецензирования 29.04.2024; при-
нята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 24.03.2024; approved
after reviewing 29.04.2024; accepted for publication
17.06.2024.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

УДК 334

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-107-115

Original article

OPPORTUNITIES FOR INTEGRATION OF DIGITAL BUSINESS MODELS IN INTERGENERATIONAL BUSINESSES

Daniel Pavlov¹✉, Ana Todorova²

¹ University of Ruse „Angel Kanchev“, Ruse, Bulgaria, dpavlov@uni-ruse.bg, 0000-0002-4515-2206

² University of Ruse „Angel Kanchev“, Ruse, Bulgaria, attodorova@uni-ruse.bg, 0009-0007-2993-077X

Abstract. In today's hyper-digitalised world, continuity and collaboration between digital and traditional business models becomes a necessary and even mandatory condition for achieving competitiveness and success. This key emphasis also applies to intergenerational business initiatives, which have the potential to bring together the knowledge, experience and creativity of different generations in a win-win way for all stakeholders. The main objective of the present research is to analyse the benefits of integrating digital business models in the context of intergenerational entrepreneurial initiatives. In order to achieve the goal formulated in this way, fundamental definitions and characteristics of the concept of „digital business model“ have been derived, supported by the existing theoretical knowledge and practical experience of the authors of the report. In addition, basic types of business models developed primarily in a digital environment have been identified, and current examples from the field of digital entrepreneurship have been synthesised. The scope of the research includes the results of a survey conducted in 2023 at the University of Ruse „Angel Kanchev“ (Bulgaria), covering 581 students. This aspect of the study aims to illuminate students' readiness to engage in intergenerational entrepreneurial initiatives. The discussion is enriched with reduced potential opportunities for the capacity of digital business models to improve the performance of individual family business ventures innovatively. In this way, by combining traditional with digital, it is possible to construct a solid and integrated intergenerational entrepreneurial chain capable of preserving and building on existing values and experiences in a positive way.

Keywords: digital business models, intergenerational business, business model, entrepreneurship, family business

For citation: Pavlov D, Todorova A. Opportunities for integration of digital business models in intergenerational businesses. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488)):107-115. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-107-115

Научная статья

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ЦИФРОВЫХ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ В МЕЖДУПОКОЛЕНЧЕСКИЕ БИЗНЕСЫ

Даниел Павлов¹✉, Ана Тодорова²

¹ Русенский университет «Ангел Кънчев», Русе, Болгария, 0000-0002-4515-2206, dpavlov@uni-ruse.bg

² Русенский университет «Ангел Кънчев», Русе, Болгария, 0009-0007-2993-077X, attodorova@uni-ruse.bg

Аннотация. В современном гиперцифровом мире преемственность и сотрудничество между цифровыми и традиционными бизнес-моделями становятся необходимым и даже обязательным условием достижения конкурентоспособности и успеха. Этот ключевой акцент также применим к бизнес-инициативам между поколениями, которые потенциально могут объединить знания, опыт и творчество разных поколений взаимовыгодным образом для всех заинтересованных сторон. Основная цель настоящего исследования направлена на анализ преимуществ интеграции цифровых бизнес-моделей в контексте предпринимательских инициатив между поколениями. Для достижения сформулированной таким образом цели выведены фундаментальные определения и характеристики понятия «цифровая бизнес-модель», подкреплённые имеющимися теоретическими знаниями и практическим опытом авторов отчёта. Кроме того, выявлены ключевые типы бизнес-моделей, разрабатываемые преимущественно в цифровой среде, и синтезированы актуальные примеры из сферы цифрового предпринимательства. В объём исследования вошли результаты опроса, проведённого в 2023 году в Русенском университете «Ангел Канчев» (Болгария), охватившего 581 студента.

Этот аспект исследования направлен на то, чтобы осветить готовность студентов участвовать в предпринимательских инициативах между поколениями. Обсуждение обогащается сокращением потенциальных возможностей потенциала цифровых бизнес-моделей для инновационного улучшения эффективности отдельных семейных предприятий. Таким образом, сочетая традиционное с цифровым, происходит построение прочной и интегрированной предпринимательской цепочки между поколениями, способной сохранять и развивать в позитивном ключе существующие ценности и опыт.

Ключевые слова: цифровые бизнес-модели, бизнес между поколениями, бизнес-модель, предпринимательство, семейный бизнес

Для цитирования: Pavlov D., Todorova A. Opportunities for integration of digital business models in intergenerational businesses // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 107–115. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-107-115

Introduction

At the beginning of the 21st century, digital entrepreneurs began to change traditional business models, taking advantage of the advent of information technology and seeking new ways to serve customers and generate revenue [1]. That has led to increased interest in the development and design of business models, particularly in the economics literature. In this context, business models are perceived as key to the competitive advantage and success of corporate activities. This growing importance of the business model is due to the significant changes in the competitive environment in the last two decades, especially in digital markets [2].

On the other hand, global economic opportunities are accompanied by a number of challenges related to changes in the social and demographic structure of the population. Young people are increasingly migrating from the countryside to the big cities, while the rural population is ageing. That leads to the breakdown of families, raising children without parents, and abandoned homes and villages [3].

The negative trajectory can be changed with the more active inclusion of digital business models (DBMs), which do not simply take advantage of the opportunities of the digital age but deliberately seek a way to build a bridge between generations. The development of family firms at the global level shows their strategic importance in terms of job creation and prosperity in the areas in which they operate [4]. For the most part, they all face the inevitable challenges that come with the change of generations (a challenge to which other types of organisations are immune) and inevitably undergo significant transformations based on the profile of each successive generation [5].

Harmony between different generations is not easy to maintain. Still, it can be achieved by emphasising the universal qualities that all generations share and respecting the specific characteristics of each successive generation [6]. If, on the one hand, we have a tra-

ditional company built and managed by the older generations, on the other hand, the younger generation of the same family can start a new, digital business project. Joint compromises and shared goals will allow the two ventures to work in synergy, generating significant economic and social impact for all stakeholders. Continuity and succession between firms in the context of an established intergenerational entrepreneurial chain are likely to occur much more effectively than the currently observed upheaval in family firms [3].

This article aims to identify the benefits of implementing DBMs within entrepreneurial initiatives that involve representatives of different generations. The object of research is DBMs, and the subject under consideration is their applicability in the context of intergenerational businesses. In accordance with the set goal, the authors first analyse the essence of the concept of the digital business model and derive its fundamental characteristics. Main obstacles to the digitisation and sustainability of family businesses, which are directly related to intergenerational entrepreneurial chains, are also examined. Second, a survey was conducted among students at Ruse University “Angel Kanchev” (Bulgaria), which aims to determine the readiness of the respondents to participate in intergenerational business. Third, the survey results are extended with a discussion of the potential opportunities for DBMs to improve the performance of family businesses by helping them to be more innovative and competitive. The concluding part summarises the results of the study.

Theoretical background

Digitalisation is one of the most radical changes in the modern world. Studying digital transformation in the context of family firms is important because the latter, with their unique characteristics, constitute a significant part of business worldwide [7]. Increasing globalisation, deregulation of entire market

sectors, faster innovation cycles, digital transformation of business transactions, and accelerating economic integration have made markets more dynamic and competitive. Companies striving for sustainability are obliged to continuously adapt to changing market conditions [8].

Digital transformation has a significant impact on operations, competitiveness and continuity in family firms as well [4]. Understanding how digital technologies affect these processes can help these types of firms plan for the future and ensure their long-term viability and success [7; 10]. At the same time, the effective creation and transfer of knowledge and experience is imperative as a tool for increasing competitiveness in a strategic and long-term horizon [9], and this applies with particular weight to intergenerational businesses.

The surge of digitalisation throughout businesses has fueled dramatic shifts in how companies strategise and manage [10]. The Internet's infiltration into every corner of business operations and the rise of online marketplaces have spawned countless new business models, forming the foundation of today's tech titans [2]. This transformation was propelled by successive waves of technology, from desktop computers to the internet, mobile devices, and the cloud. The future promises even more groundbreaking advancements, like artificial intelligence, poised to reshape how we shop, work, and even exist [1].

Digital Business Models thrive on innovations that use technology to create value for customers, ultimately enhancing an organisation's image. These solutions offer significant benefits, from customer acquisition to product offerings, that entice customers to pay [11; 19].

DBMs use and rely on technologies that not only deliver better products and services but also deliver personalised and meaningful user experiences [12].

They stand out with the following main characteristics [4; 11]:

- they are how businesses create, deliver and capture value in the digital economy;
- are characterised by digital business innovations — DBMs are based on services new to the market;
- the customer must use a digital channel to request or receive the relevant product or service;
- the barriers to start-up and development are much lower than those of traditional business models; they do not need as much physical infrastructure, and at the same time, their scope (potential market) is much larger.

DBMs are easy to understand when presented in the context of the most widespread and established of them to date (Table 1):

Recognising the importance of digital business models goes beyond mere relevance — it is a strategic necessity for organisations across sectors and scales [12]. However, as Ren *et al.* [7] point out, integrating digital technologies and processes into traditional business structures presents a multifaceted and complex challenge for family firms. They are forced to adapt to new technologies but at the same time maintain their unique family asset. The question of intergenerational succession adds an additional layer of complexity, as succession must be effectively executed to ensure the continued success and survival of the family business in the digital age. Together, these challenges pose a significant threat to the sustainability and competitiveness of family firms [4].

A significant problem with intergenerational family businesses is that usually, the first generation starts the business, while the second generation is not interested in developing it or even maintaining it. Pavlov *et al.* [3] report that only 30 % of family firms are

Table 1

Types of digital business models

Type	Definition
Free Offer	Free products or services attract users, with revenue coming from ads, upgrades, or data use, not upfront costs (Facebook)
E-commerce	E-commerce lets businesses sell directly online through platforms like Shopify, offering B2C or B2B models (Amazon)
Digital Advertising	Generating revenue by showing ads to users (Google Ads)
Marketplace Platforms	Connecting buyers and sellers, taking a percentage of completed transactions (Airbnb, eBay)
Subscription Model	Offering tiered plans with varying features, focusing on keeping subscribers happy and engaged with continuous value creation (Netflix, Spotify)
Digital Marketing	Providing services like PPC ads, SEO, and social media management, earning fees from clients (PwC Digital Services)

Source: Authors own development.

expected to survive the first generation, about 15 % are expected to survive the third generation, and less than 3 % are expected to survive the fourth generation. Vistage [13] also indicates that one-third of 100,000 family businesses passed on to the next generation fail. These data show the unsustainability that family businesses face.

On the other hand, Ogliastri [5] is of the opinion that by taking over the family business, younger generations can make new strategic decisions to address the common challenge facing this sector — preserving the entrepreneurial spirit of the founder while updating processes, partners, technologies and the company's products. These types of solutions can rejuvenate an organisation so that it can successfully adapt to today's business realities.

A recent study [7] found that in terms of intergenerational inheritance, both entrepreneurs' willingness to hand over power and their children's willingness to take over the firm have a moderating effect on the relationships between entrepreneurial characteristics and the digital transformations of companies. To some extent, this delay is due to the conservatism of previous generations towards digital options. Therefore, the more active party should be the younger generations, as business models can serve for more effective communication between members of a family. Business models updated to the current economic environment will help family companies develop new sustainable business ideas, examine existing business activities and change their strategies and structures [2].

Nor should it be underestimated that family firms are organised around a set of emotionally charged interpersonal relationships that can lead to positive or negative consequences [4]. Therefore, an effective succession process is vital to ensure the sustainability of family businesses [3]. The most significant advantage of intergenerational companies is that people of different ages can work together in collaboration and learn from each other while leveraging their specific strengths and work styles [6].

Focusing on what unites rather than what divides people is an excellent strategy in both leadership and life [6]. Ultimately, only a holistic and nuanced business approach that works for everyone can lead to sustainability and socially meaningful impact in intergenerational businesses [14]. Ogliastri [5] opines that although defined by the legacy of the founders, family businesses are being handed over to a new breed of leaders who often have a different vision than their forebears. These younger entrepreneurs are known for their strong desire to achieve and the ambi-

tion to prove themselves as successful entrepreneurs. They rely on their ability to innovate, their knowledge of digital opportunities and their drive for significant growth, including the implementation of ISO standards for sustainable company development [15]. At the same time, they are expected to bring new ideas and approaches without destroying the existing infrastructure, and their efforts are aimed at fundamentally revising production processes in order to increase competitiveness and sustainability. A trend that expands the possibilities for integrating DBMs into intergenerational business ventures.

Methodology

The study was implemented in two parts: 1) examined the attitudes of a group of respondents to start an intergenerational business; 2) identified opportunities for integrating digital business models in the context of intergenerational business relationships.

For the implementation of the first stage of the research, a quantitative methodology based on a survey under the international academic community INTERGEN was developed in advance. The target group is active students and graduates of the University of Ruse „Angel Kanchev“ without restrictions on gender, age, ethnicity, religion, *etc.* Responses were collected via a Google Form and processed in a spreadsheet. The instrument used for the survey is an online questionnaire with a Likert scale for responses where 1 means „No“ and 5 means „Yes“. In total, the questionnaire consists of 57 statements, and for the purposes of this particular study, the authors apply the answers to the following questions:

Q26. A well-ordered business relationship with my parents will help me deal with stress.

Q27. If I start a neoclassical intergenerational family business (INTERGEN), I will feel more relaxed than with a completely independent business.

Q28. I want to build an intergenerational business with my parents.

Q29. I would like to have joint business activities with my closest relatives.

Q31. I would involve my parents as subcontractors of my business.

The *first stage* aims to examine the attitudes of students towards starting intergenerational business ventures. In the *second stage* of the study, correlations were made between traditional business models and digital ones, aiming to present more opportunities for building a healthy and integrated entrepreneurial chain between generations. Based on the objectives, the main *research questions (RQ)* are formulated:

RQ1: Do the respondents have an interest in starting intergenerational business ventures?

RQ2: Is the synergy between traditional and digital business models possible in the context of intergenerational business?

Results and discussion

The first part of this section examines the results of a survey conducted among students on their attitudes towards engaging in intergenerational business. The survey covered 581 respondents from various undergraduate and graduate programs.

Of those who took part in the survey, 195 (26 %) people shared that their families are developing their own business, and 45 (8 %) of them said it is not functioning. The remaining 386 (66 %) do not build family business initiatives. These data do not directly relate to the assessment of students' attitudes towards starting a business but are indicative of the potential that digitised intergenerational businesses can have from at least three perspectives: 1) improving existing business ventures; 2) restarting a non-functioning family business with the help of the DBMs; 3) starting a new venture — a start-up based on DBMs, which will include representatives of different generations in one family.

Of particular relevance to the study are the results of Question #26 of the questionnaire: *A well-ordered business relationship with my parents will help me cope with stress* (Fig. 1). A little over 51 % (298 people) of the respondents in a different step believe that well-arranged business relations in the family will help them preserve their mental health. In times when, in addition to digitisation, there is also widespread talk of burnout, social isolation, dehumanisation, etc. [18], respondents confirm that good family ties are a valuable resource.

The answers to Question #27 of the survey: *If I start a neoclassical intergenerational family business (INTERGEN), I will feel more comfortable than with a completely independent business* (Fig. 2), revealing another significant advantage of family businesses — the supportive environment. Over 43 % (251) said to varying degrees that they would feel at ease running a business with family members instead of on their own. Almost twice less — 22.3 % (130) — is the share of students who disagree with the statement.

For Question #28 — *I want to build an intergenerational business with my parents* (Fig. 3), and for Question #29 — *I would like to have joint business activities with my closest relatives* (Fig. 4), a slight

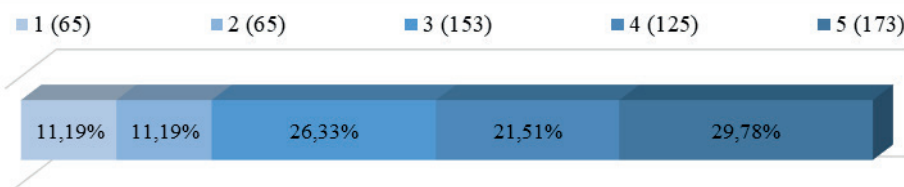

Fig. 1. Responses to Q26: *A well-ordered business relationship with my parents will help me cope with stress.* (1=No; 5=Yes)
Source: INTERGEN'2023

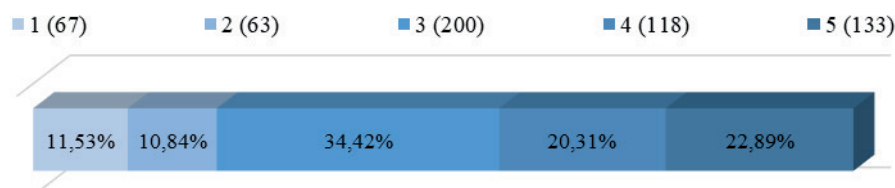

Fig. 2. Responses to Q27: *If I start a neoclassical intergenerational family business (INTERGEN), I will feel more relaxed than with a completely independent business.* (1 = No; 5 = Yes)
Source: INTERGEN'2023

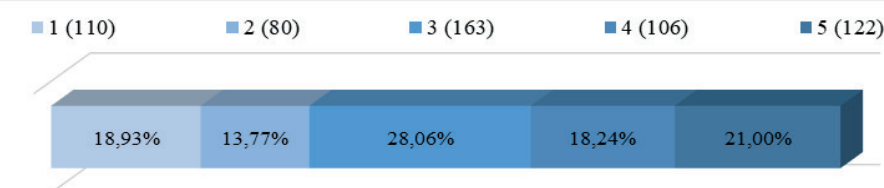

Fig. 3. Responses to Q28: *I want to build an intergenerational business with my parents.* (1=No; 5=Yes)
Source: INTERGEN'2023

decrease in positive attitudes is observed. For both statements, „Yes“ and „Rather Yes“ were answered by just under 40 % (228 for the first question and 219 for the second question, respectively) of the respondents. The share of those who disagreed to varying degrees was 33 % (190 for the first question, respectively, and 192 for the second question). The reasons for this result can be sought in different directions.

On the one hand, society does not talk enough about the benefits of developing intergenerational businesses — benefits that were outlined in the analysis of the previous questions as a supportive environment and shared experience. On the other hand, the possibilities for young people to digitise family businesses or to upgrade them through new DBMs are also discussed too mediocrely. It is as if public opinion still perceives traditional family structures as conservative and binding. No society benefits from such stereotypes: neither the youth abandoning their native places, nor their families sinking into oblivion and isolation, nor the economy of any country after failing to integrate one of its most significant resources — the experience of the generations.

The results of Question #31 — *I would subcontract my parents to my business* (Fig. 5) allow several findings to be made: 1) younger generations are open to cooperation with their parents; 2) younger generations are most likely to realise the benefits (experience, supportive environment) of subcontracting their parents; and 3) younger generations are most likely to recognise the need for their older parents to be engaged in joint projects, with the potential to strengthen family relationships and sustainably build

on what has already been achieved. A little less than half of the respondents — 49.74 % (289 people) expressed readiness to develop an intergenerational business with their parents. Two times less — 152 (26.16 %) are the students who answered „No“ and „Rather not“.

When comparing the answers to the individual questions, it is noticeable that, on average, about a third of the respondents indicate „*I have no opinion/Can't answer*“ — their share varies from 26 % to 34 %, and this can be perceived as a positive result. Negative attitudes are difficult to turn into positive ones — the personal position is most likely formed on the basis of previous experiences, stereotypes, unique qualities and values, which, to be successfully reformulated, require much more than a training course or shared knowledge. However, neutral respondents are potentially positive ones, and it is to them that educational programs aimed at better awareness of the main benefits — a supportive environment and shared experience — of intergenerational businesses should be directed. The purpose of the present report is precisely to highlight these advantages and, in addition, to offer opportunities for the integration of DBMs, which are primarily preferred and understood to a greater extent by the younger generations. The aspiration is to upgrade intergenerational businesses, the foundation of which has already been laid by the older representatives of a family.

In many family businesses, succession between generations is predetermined by personal factors. The question is not who will be the best CEO but how to identify and address succession issues. Miller and

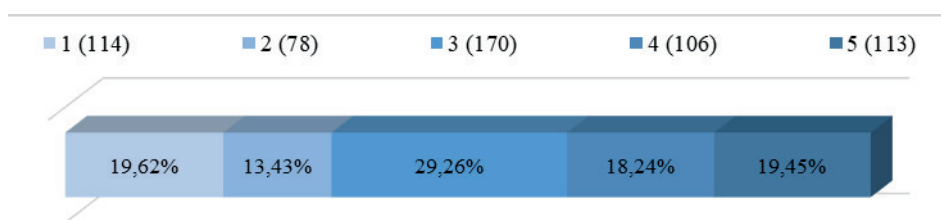

Fig. 4. Responses to Q29: *I would like to have joint business activities with my closest relatives. (1=No; 5=Yes)*

Source: INTERGEN'2023

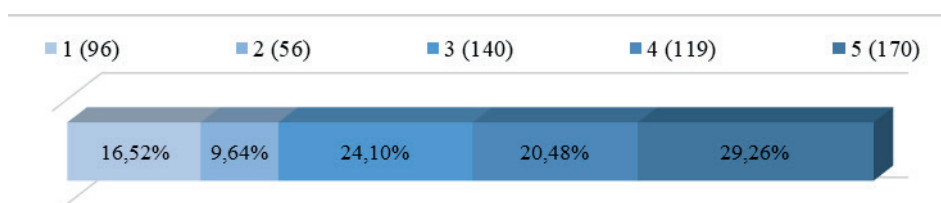

Fig. 5. Responses to Q31: *I would involve my parents as subcontractors of my business. (1=No; 5=Yes)*

Source: INTERGEN'2023

Breton-Miller [16] observed three patterns in family businesses: attachment to the past (*conservative* pattern), total rejection of it (*rebellious* pattern), or incongruous blending of past and present (*hesitant* pattern). The authors of this report propose a fourth model — a *synergistic* one, which does not deny either traditional or modern strategies and methods for creating and developing business initiatives. On the contrary, it seeks to develop them as a holistic process where the effect is greater than the sum of individual efforts. The synergistic model does not assume by default heredity or continuity of power (respectively ownership) but achieves them naturally as a result of the successful collaboration between new and old. The DBMs proposed below, expanding the chain of intergenerational businesses, are formulated based on the search for synergy and benefits for all stakeholders. In the developed sample possibilities, a conditional intergenerational chain between three generations is considered: first-generation entrepreneur — grandfather/grandmother (father/mother); second-generation — father/mother (son/daughter); third-generation — son/daughter (grandson/granddaughter). Intergenerational business models can include up to two generations of entrepreneurs [14], depending on the specific case for which the DBM is being developed:

1) *E-commerce*: the most common business model. For first-generation entrepreneurs and, to some extent, second-generation entrepreneurs, Internet-based platforms for selling goods and services are challenging to understand. For a third-generation entrepreneur who grew up with digital technology, building and administering an online sales platform is literally a click away. *Example*: In a generational chain, if the grandfather has acres of arable land, he can grow strawberries, blueberries. The second-generation entrepreneur can create a workshop for the production of sweets or frozen products, and the third-generation — will develop an online store and reach a larger market compared to the local and physical one;

2) *Subscription*: easily applicable and scalable. *Example*: If first- and second-generation entrepreneurs raise bees and package the honey in transportable containers, the third-generation entrepreneur can create an online platform through which individuals and legal entities will be able to request a subscription for a certain number of jars of honey per month. The subscription is specific in that payments are automatic, and it is the merchant's responsibility to ship the desired item on a predetermined schedule. This business model is applicable to many types

of products that, as a rule, are purchased regularly (weekly or monthly) and that can be produced by first and second-generation entrepreneurs: dairy products, vegetables, canned goods;

3) *Marketplace Sales*: a business model adequate to the new realities. *Example*: A first-generation entrepreneur produces wooden toys in his small workshop, and a third-generation entrepreneur opens his e-shop on the marketplace platform Etsy — exclusively focused on mediation in the sale of handmade products;

4) *Virtual walks*: an innovative way to attract customers. *Example*: If the first-generation entrepreneur owns vineyards, the second-generation entrepreneur produces wine, and the third-generation entrepreneur can offer the „Virtual Tour of the Family Cellar“ service. Based on the new technologies, it is possible for the user to feel the aroma and taste of the drink and, based on this, to have the opportunity to declare his taste of the drink — with impurities and additives of his choice. Payment for such products and services is expected to be high. If this business model is developed correctly, it can ensure sustainability and profit for the entire intergenerational business chain. The virtual walk can be combined with online orders of wine, not through a traditional electronic store, but in virtual reality itself;

5) *Online training*: in the context of the previous example, the third-generation entrepreneur can create an online platform with paid video training of the type: „How to make wine?“, „How to grow quality grapes?“, „How do you choose wine?“

In the presented synergistic business models, most examples include activities from the food industry as well. This suggests that entrepreneurs turn more to their organic origins to form competitive advantages [17].

The proposed opportunities are a small part of the potential of synergistic business models based on traditional entrepreneurial initiatives and upgraded with the possibilities of digitalisation. Like the universe, entrepreneurial possibilities are limited only by human imagination.

In summary, the study positively answers the first research question: *Do the respondents have an interest in starting intergenerational business ventures?* Respondents recognise the advantages of intergenerational businesses, and the majority would like to continue or develop such an entrepreneurial chain. At the same time, the extended discussion of the possibilities presented by the authors for integrating DBMs in intergenerational businesses gives a positive answer to the second research question: *Is the synergy between*

traditional and digital business models possible in the context of intergenerational business? Synergy is not only possible but also mandatory to achieve sustainability and preserve significant assets such as *family values and the experience of generations*.

Conclusions

In today's world, the Internet has become so crucial that if something is not presented online, it is as if it does not exist. The digital era has forced organisations to change their business models to adapt to new realities successfully. Digitalization has created the prerequisites for the development of new business models that help customers with quick and convenient access to every product and service online. This allows companies to stay relevant and deliver value in an agile way.

To succeed in the digital age, a company must rethink the way it works. It must use the Internet and modern software solutions to create a connection between the needs of customers and its products. This will allow it to meet customer needs better and compete effectively in the market.

The analysis shows that digital business models are ways of creating value by integrating digital technologies. They are characterised by offering new benefits to customers that cannot be achieved with traditional

business models. The goal of digital business models is to generate a significant benefit for customers that they are willing to pay for. Therefore, integrating digital business models into intergenerational businesses can have a number of benefits, including automating processes through digital technologies and improving communication between different generations; entering new markets and reaching new customers; increasing competitiveness compared to traditional businesses, but also to non-family digital companies that do not have the emotional and value resources of family and intergenerational businesses.

In conclusion, incorporating digital business models into intergenerational businesses has the potential to lead to the creation of healthy and sustainable intergenerational entrepreneurial chains. Family businesses are a significant driver of economic growth in many countries as they provide jobs and income for families and communities. At the same time, they create prerequisites for overcoming significant social problems such as the isolation of older people and the migration of the younger generations. This turns them into strategic economic units for which it is crucial to create prerequisites for development and sustainability. Intergenerational entrepreneurial chains integrating digital business models are such an opportunity.

References

1. Marr B. The 7 Most Successful Business Models Of The Digital Era. Forbes; 2023.
2. Wirtz B. Digital Business Models — Concepts, Models, and the Alphabet Case Study. Springer Cham; 2019. ISBN 978-3-030-13005-3. DOI: 10.1007/978-3-030-13005-3
3. Pavlov D, Sheresheva M, Perello M. The Intergenerational Small Family Enterprises as Strategic Entities for the Future of the European Civilization — A Point of View. *Journal of Entrepreneurship & Innovation*. 2017;(9):26-38.
4. Islam N, Wang Q, Marinakis Y, Walsh S. Family enterprise and technological innovation. *Journal of Business Research*. 2022;(147):208-221. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.04.004
5. Ogliastri E. *Intergenerational Entrepreneurship: Rejuvenating Family Business*. Insights; 2018.
6. Landau J. *Intergenerational Business Doesn't Just Mean Catering To Millennials*. Forbes; 2019.
7. Ren T, Liu X, Ding J. Intergenerational dynamics of digital transformation in family firms. *Technology in Society*. 2023;(74):102261. DOI: 10.1016/j.techsoc.2023.102261
8. Laudien S, Reuter U, Sendra Garcia F, Botella-Carrubi D. Digital advancement and its effect on business model design: Qualitative-empirical insights. *Technological Forecasting and Social Change*. 2024;(200):123103. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.123103
9. Antonova D, Kunev S, Kostadinova I. Knowledge Sharing Model for Integrated Development of Products in Machine-building (Results of the Exploratory Study). In: Proceedings of the 13th International Joint Conference on Knowledge Discovery, Knowledge Engineering and Knowledge Management. KMIS; 2021. Vol. 3. Pp. 126-132. DOI: 10.5220/0010657900003064
10. Abbas J, Balsalobre-Lorente D, Amjid M, Al-Sulaiti K, Al-Sulaiti I, Aldereai O. Financial innovation and digitalisation promote business growth: The interplay of green technology innovation, product market competition and firm performance. *Innovation and Green Development*. 2024;(3)1:100111. DOI: 10.1016/j.igd.2023.100111

11. Talin B. 11 Digital Business Models you should know incl. examples. Medium; 2023.
12. Dieffenbacher S. Digital Business Models: All You Need To Know. Digital Leadership; 2023.
13. Vistage. The Advantages and Disadvantages of a Family Business; 2020.
14. Pavlov D, Ruskova S. The Role of Entrepreneurial Universities in Supporting Intergenerational Family Businesses. *International Journal of Euro-Mediterranean Studies*. 2023;16(1):51-72.
15. Gueorguiev T, Kostadinova I. ISO Standards Do Good: A New Perspective on Sustainable Development Goals. In: Proceedings of the 13th International Joint Conference on Knowledge Discovery, Knowledge Engineering and Knowledge Management. KMIS; 2021. Vol. 3. Pp. 133–137. ISBN 978-989-758-533-3
16. Miller D, Breton-Miller I. Lost in Time: Intergenerational Succession, Change, and Failure in Family Business. *Journal of Business Venturing*. 2023;18(4):513-531. DOI: 10.1016/S0883-9026(03)00058-2
17. Todorova M, Ruskova S, Kunev S. Research of Bulgarian consumers' reactions to organic foods as a new product. In: The 6th International Conference Innovation Management, Entrepreneurship and Sustainability (IMES 2018). Praha; 2018. Pp. 1057–1070. ISBN 978-80-245-2274-6. DOI: 10.18267/pr.2018.dvo.2274.0
18. Szegedi K, Györi Z, Juhász T. Factors affecting quality of life and learning-life balance of university students in business higher education. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024;1(11):113. DOI: 10.1057/s41599-024-02603-7
19. Simplilearn. *11 of the Most Popular Digital Business Models and Strategies in 2024*, 2023.

Information about the authors

Daniel Pavlov — Doctor of Economics, Assistant Professor.

Ana Todorova — postgraduate student.

Информация об авторах

Д. Павлов — доктор экономических наук, доцент.

А. Тодорова — аспирант.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 106–116.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(6(488):106-116.

Научная статья

УДК 334.02

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-106-116

ОСОБЕННОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ УСЛУГ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИЙ ДИДЖИТАЛ-МАРКЕТИНГА

Юлия Павловна Соболева

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, soboleva-yp@mail.ru,
0000-0002-0569-8866

Аннотация. В настоящее время развитие социально-культурной жизни страны осуществляется достаточно быстрыми темпами. Пандемия 2020 года стала переломным моментом в этом процессе: многие учреждения культуры, не желая потери своей аудитории, начали использовать разнообразные формы интернет-продвижения своих услуг. Они стали активно овладевать интерактивными формами проведения мероприятий, онлайн-общением с посетителями. Данный тренд не потерял своей актуальности и после выхода организаций и учреждений с дистанционной работы. Особую актуальность приобретает вопрос продвижения продуктов и услуг креативных индустрий. Креативные направления деятельности сочетают в себе творчество с новаторством. Целью исследования является разработка практических рекомендаций по продвижению услуг креативных индустрий на основе технологий интернет-маркетинга. Для достижения поставленной цели в работе проведена систематизация знаний о специфике развития креативных индустрий, дана оценка их экономическому потенциалу, разработаны этапы, направленные на продвижение организацией своих услуг, адаптированы известные теории и практики технологии диджитал-маркетинга применительно к исследуемой отрасли. Объектом исследования выступает отечественная креативная индустрия, предметом является система взаимоотношений между основными заинтересованными сторонами в процессе продвижения креативной индустрии. В процессе выполнения работы использованы следующие научные методы: описательный, аналитический, статистический. В исследовании разработана и апробирована система критериев, позволяющих оценить эффективность функционирования современных креативных индустрий. Разработан механизм продвижения услуг в сфере культурных индустрий с применением технологий интернет-маркетинга, включающий элементы коммуникативной стратегии, наиболее целесообразные к внедрению диджитал-каналы и инструменты продвижения культурных благ.

Ключевые слова: креативные индустрии, сфера культуры, продвижение, диджитал-маркетинг

Для цитирования: Соболева Ю. П. Особенности продвижения услуг креативных индустрий на основе технологий диджитал-маркетинга // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 106–116. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-106-116

Original article

FEATURES OF PROMOTION OF CREATIVE INDUSTRIES SERVICES BASED ON DIGITAL MARKETING TECHNOLOGIES

Yuliya P. Soboleva

Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, Moscow, Russia, soboleva-yp@mail.ru, 0000-0002-0569-8866

Abstract. Currently, the development of the socio-cultural life of the country is carried out at a fairly rapid pace. The 2020 pandemic was a turning point in this process: many cultural institutions, not wanting to lose their audience, began to use various forms of online promotion of their services. They began to actively master interactive forms of events, online communication with visitors. This trend has not lost its relevance even after organizations and institutions quit remote work. The issue of promoting products and services of creative industries is of particular relevance. Creative activities combine

creativity with innovation. The purpose of the study is to develop practical recommendations for the promotion of creative industries services based on Internet marketing technologies. To achieve this goal, the work systematizes knowledge about the specifics of the development of creative industries, assesses their economic potential, develops stages aimed at promoting the organization of its services, adapts well-known theories and practices of digital marketing technology in relation to the industry under study. The object of the study is the domestic creative industry, the subject is the system of relationships between the main stakeholders in the process of promoting the creative industry. The following scientific methods were used in the course of the work: descriptive, analytical, statistical. The study has developed and tested a system of criteria to assess the effectiveness of the functioning of modern creative industries. A mechanism for promoting services in the field of cultural industries using Internet marketing technologies has been developed, including elements of a communication strategy, the most appropriate digital channels and tools for promoting cultural goods.

Keywords: creative industries, cultural sphere, promotion, digital marketing

For citation: Soboleva YuP. Features of promotion of creative industries services based on digital marketing technologies. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):106-116. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-106-116

Креативные индустрии — движущий фактор устойчивого роста

Термин «креативные индустрии» впервые получил политическое и отраслевое значение благодаря инициативам, предпринятым в 1997 году новым лейбористским правительством Великобритании. В 1998 году исследовательская группа по творческим отраслям опубликовала «Картографический документ по творческим отраслям». Это установило основополагающее определение: творческие индустрии — это «те отрасли, которые берут своё начало в индивидуальном творчестве, навыках и талантах, которые имеют потенциал для создания рабочих мест и богатства за счёт создания и эксплуатации интеллектуальной собственности» [12]. Креативные индустрии в их первоначальном виде включали тринадцать секторов («видов») деятельности: реклама, архитектура, искусство и антиквариат, программное обеспечение для компьютерных игр / досуга, ремёсла, дизайн, дизайнерская мода, кино и видео, музыка, исполнительское искусство, издательское дело, программное обеспечение, телевидение и радио» [9].

«Дебаты о творческих индустриях часто сводились к значимости и вкладу их творческих работников в продвижение инноваций и создание богатства во всей экономике» [15]. Утверждалось, что творческий талант и способности, развиваемые в этих отраслях, имеют решающее значение для успеха более широкой национальной деятельности. Креативность и инновации жизненно важны для поддержания «конкурентного преимущества» в глобальной среде, в которой производство и услуги «передаются на аутсорсинг» в страны с более низкой заработной платой. Творческий человеческий капитал, характеризующий творческих работников, может также предложить воз-

можности для смягчения последствий «технологической безработицы и неравенства». Помимо своих социальных функций и идентификации личности, креативные индустрии привлекают особый интерес в результате потенциала роста входящих в неё отраслей [5].

Концепция креативных индустрий родилась в результате изменений в государственных приоритетах и политике, которые сами по себе были вызваны технологическими и культурными изменениями¹. Концепция креативных индустрий была попыткой объединить то, что ранее называлось культурной политикой и промышленной политикой, приведя искусство в соприкосновение с крупными отраслями промышленности, такими как развлечения в средствах массовой информации и сектор информационных технологий [1].

«Креативные индустрии» могут потерять свою актуальность и значение в новых, изменившихся обстоятельствах. В 1990-х годах слияние творческих искусств с промышленностью привело к глубоким изменениям в финансировании искусства. Вместо того, чтобы рассматриваться как расход, финансирование искусства стало рассматриваться как инвестиция в область, которая прямо или косвенно способствует коммерции и поддерживает инновации, рабочие места и инвестиции за пределами «мира искусства». Рассматриваемая таким образом сама идея креативных

¹ Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года : распоряж. Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613. URL: http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIXBCjIAAtAya8FAVDUfP.pdf?roistat_visit=9797498 (дата обращения: 18.12.2023).

индустрий представляет собой крушение различия между искусством и коммерцией, столь ценимого художественным авангардом. В результате, если креативные индустрии, включая изобразительное искусство, начнут рассматриваться как общий источник инноваций и креативности, питающий другие секторы, такие как сфера услуг и производство, то, возможно, их будет не так легко отличить от остальной экономики на основе «креативности» или выразительной ценности.

Создание чего-то нового в коммерческом плане — это изначально рискованный бизнес. С одной стороны, зрителям легко наскучить, они хотят увидеть, услышать и испытать что-то интересное или необычное; за исключением тех случаев, когда они этого не делают. Знать заранее, что будет работать, продаваться, привлекать аудиторию, становиться популярным — лучшие маркетинговые исследования в мире ничего не могут сказать с уверенностью. Именно этот неотъемлемый риск оказывает давление на предприятия творческих индустрий, если они успешны, чтобы попытаться сохранить этот успех и увеличить отдачу от инвестиций, застраховавшись от будущих рисков за счёт диверсификации, увеличения размера, новых партнёрских отношений и расширенных сетей [3]. Даже когда речь идёт о государственном финансировании, например, субсидируемого искусства, существует риск: использование государственных денег может вызвать общественное неодобрение, ограничения на то, что с ними можно сделать, и сокращение государственного кошелька в трудные времена [14].

Риски, которые берёт на себя бизнес, как правило, перекадываются на всех, кто в них заинтересован, не в последнюю очередь на сотрудников, фрилансеров и портфолио-работников. «В целях обеспечения поступательного развития креативных индустрий в России» [7] было издано распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года», в рамках которого приводится определение креативной индустрии, под которой предлагается понимать «тип экономики, основанный на капитализации интеллектуальной собственности во всех областях человеческой деятельности: научной, научно-технической, культурной и в целом творческой деятельности. Ядром креативной экономики являются творческие (креативные) индустрии».

Применяется два основных возможных подхода к выделению креативных индустрий — «Аналитический подход» [по численности специалистов креативных профессий (creative occupations)] и «Виды экономической деятельности». Каждая страна самостоятельно формирует свой перечень видов деятельности, относимых к креативным. Для России наиболее актуальным является применение второго подхода. Используемые в рамках международной практики показатели для оценки итогов развития креативных индустрий могут быть применены и в России для формирования «витрин данных», однако для каждого направления креативной индустрии также представляется целесообразным сформировать свои группы показателей («уникальные»), характеризующих результаты творческой деятельности.

Аналитический подход к оценке развития креативных индустрий

Социально-культурная сфера оказалась в новой парадигме творчества. Основные тренды её развития систематизированы на рисунке 1.

Рис. 1. Основные тренды развития социально-культурной сферы

Fig. 1. Main development trends socio-cultural sphere

Источник: составлено автором

На сегодняшний день сводных, систематизированных отчётов о развитии креативных индустрий в нашей стране практически нет. Имеются отдельные исследования, проводимые, к примеру, Высшей школой экономики, но они обновляются нечасто, ввиду чего можем утверждать, что систематизированные актуальные данные по вопросу практического продвижения услуг креативных индустрий отсутствуют. Данное обстоятельство вызывает сложности с проведением аналитических процедур, необходимых для выработки практических рекомендаций по интернет-продвижению проектов креативных индустрий.

В указанном выше распоряжении Правительства Российской Федерации № 2613-р не выделены виды экономической деятельности, связанные с направлениями креативных индустрий, а целевые показатели, их характеризующие, представлены «косвенно».

В настоящее время в России не определены статистические показатели оценки деятельности креативных индустрий. Единство взглядов на сущность креативных индустрий, состав входящих в неё отраслей и направлений, а также набор индикаторов, характеризующих эффективность их функционирования, к настоящему времени в России не сложились. Исследователи НИИ Росстата предлагают следующие «базовые» показатели для оценки креативных индустрий: численность занятых в креативной индустрии; численность самозанятых в креативных индустриях; ВВП креативных индустрий; показатели, отражающие результаты финансовой деятельности организаций креативных индустрий (выручка, инвестиции); стоимость оказанных креативными индустриями услуг; стоимость импорта/экспорта продукции / услуг креативных индустрий [7].

В рамках выполнения настоящего исследования нами была предпринята попытка оценить деятельность креативных индустрий страны, используя предложенный набор показателей. Однако открытые статистические данные по некоторым из критериев оценки отсутствуют. Более того, финансовый результат деятельности (рост выручки) для организаций указанной сферы деятельности рост выручки не является основной целью деятельности. У организаций исследуемой сферы, несмотря на их креативность, на первом месте — удовлетворение культурных благ. А оценить численность самозанятых или экспорт/импорт в сфере креативных индустрий пока не представляется реальным ввиду отсутствия актуальных статистических данных. С учётом изложенного в рамках данного исследования предлагаем определённую систему критериев (рис. 2).

Опираясь на данные Росстата, нами были исследованы основные экономические показатели деятельности творческих отраслей экономики. Для анализа первого показателя рассмотрена динамика доли основных секторов экономики в общем объёме валового внутреннего продукта (рис. 3).

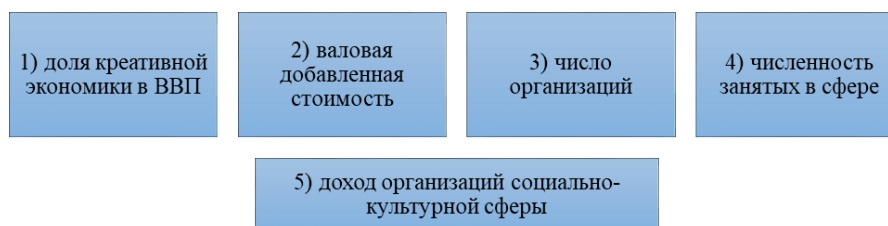

Рис. 2. Критерии оценки эффективности развития креативных индустрий
 Fig. 2. Criteria for assessing the effectiveness of the development of creative industries
 Источник: составлено автором на основе [6]

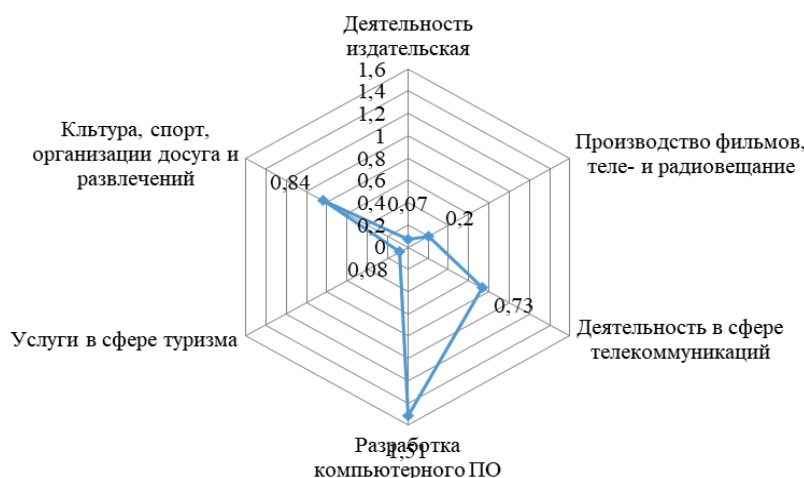

Рис. 3. Оценка доли валовой добавленной стоимости креативных секторов экономики в общем объёме ВВП в 2022 году, %
 Fig. 3. Estimation of the share of gross value added of creative sectors of the economy in total GDP in 2022, %
 Источник: составлено автором по данным Росстата РФ

Наибольший удельный вес имеет деятельность, связанная с информатизацией и цифровизацией. На втором месте — телевидение. На третьем — творческая деятельность, в том числе в области искусства. В целом доля творческой деятельности в области культуры и искусства в общей величине валового внутреннего продукта остаётся незначительной — всего 0,5 %.

Оценку развития творческих отраслей экономики по второму показателю — величине валовой добавленной стоимости — представим на рисунке 4.

Третий показатель — оценка динамики числа организаций по видам учреждений культуры — представлен в таблице 1. Его мы проанализировали в разрезе музеев, библиотек, концертных организаций и театров, выделив среди них те, которые не находятся в ведении Министерства культуры, а являются частными или находятся в ведении других министерств и ведомств. Анализ динамики количества учреждений культуры проведён по основным направлениям развития креативных индустрий в социально-культурной сфере. Для сопоставимости данных анализ выполнен за три года — 2020–2022 гг.

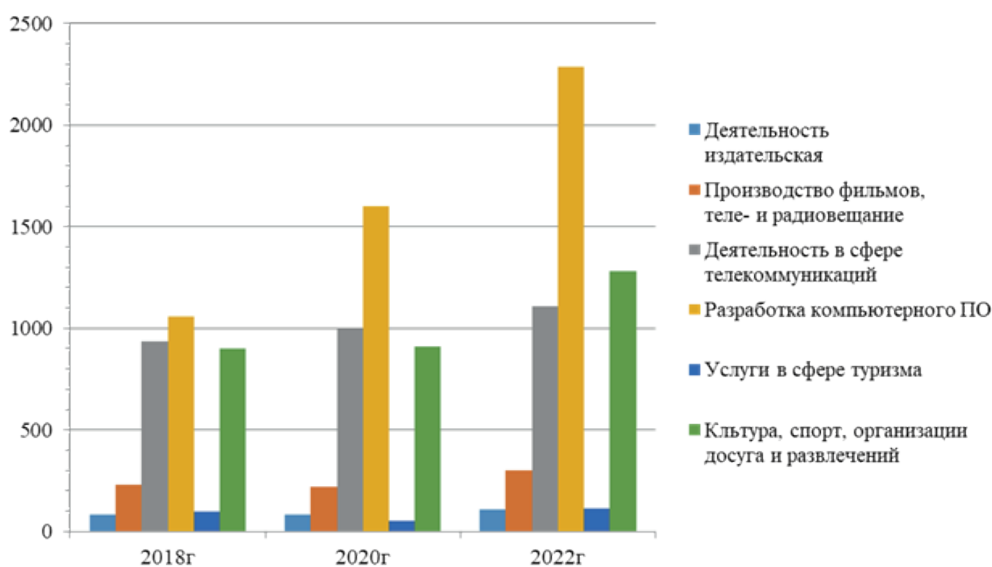

Рис. 4. Динамика валовой добавленной стоимости по отраслям экономики (выборочно), млрд руб.

Fig. 4. Dynamics of gross value added by economic sectors (selectively), billion rubles.

Источник: составлено автором по данным Росстата РФ

Таблица 1

Table 1

Динамика количества организаций в сфере креативных отраслей экономики, ед.
Dynamics of the number of organizations in the field of creative industries, units

Вид деятельности	2020	2021	2022	Отклонения	
				Абсолютные	Темп роста, %
Музеи	2920	2981	3036	116	104.0
в т. ч. не находящиеся в ведении Минкультуры РФ	147	155	159	12	108.2
Библиотеки	85	85	85	0	100.0
в т. ч. не находящиеся в ведении Минкультуры РФ	33	30	28	-5	84.8
Концертные организации	372	375	376	4	101.1
в т. ч. не находящиеся в ведении Минкультуры РФ	13	13	14	1	107.7
Театры	669	679	666	-3	99.6
в т. ч. не находящиеся в ведении Минкультуры РФ	31	34	28	-3	90.3
Организации культурно-досугового типа	42408	42176	41822	-586	98.6
в т. ч. не находящиеся в ведении Минкультуры РФ	781	716	642	-139	82.2

Источник: составлено автором по данным АИС «Статистика» ГИВЦ Минкультуры России. URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators/>

Четвёртый показатель — численность занятых по состоянию на конец года — проанализирован в таблице 2.

Прирост численности наблюдается только в музеях, причём относящихся к ведению Министерства культуры РФ. По остальным видам деятельности имеет место сокращение численности работающих. Такой показатель, как численность самозанятых в данной отрасли, тоже очень сложно вычислить. Мы можем получить информацию только о количестве зарегистрированных самозанятых в той или иной сфере деятельности, но являются ли они активными или пассивными, статистика не отражает.

Анализ дохода учреждений социально-культурной сферы от предпринимательской и иной приносящей деятельности приведён в таблице 3.

По всем видам деятельности имеет место рост дохода от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности. Наибольший прирост — по театрам (+23 млрд руб. или более чем в 2 раза), по музеям — на 15 млрд руб. или в 2,4 раза). По концертным залам прирост составил 239 % или на 5,6 млрд руб.

Согласно данным аналитического обзора краудсорсинговой платформы «100 городских лидеров» [8], функционирующей при поддержке Агентства стратегических инициатив и Росатом, вклад креативных индустрий в развитие экономики страны составляет от 0,6 % (Чеченская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Ингушетия, Еврейская автономная область) до 18,5 % (г. Москва)

Таблица 2
Table 2

**Численность занятых в творческих секторах экономики
по состоянию на конец года, чел.
Number of people employed in creative sectors of the economy as of the end of the year, people**

Вид деятельности	2020	2021	2022	Отклонения	
				Абсолютные	Относительные
Музеи	77186	77228	77730	544	100.7
в т. ч. не находящиеся в ведении Минкультуры РФ	3665	3333	2972	-693	81.1
Библиотеки	127248	124865	124260	-2988	97.7
в т. ч. не находящиеся в ведении Минкультуры РФ	751	658	641	-110	85.4
Концертные организации	41225	41047	41066	-159	99.6
в т. ч. не находящиеся в ведении Минкультуры РФ	1972	1951	1934	-38	98.1
Театры	85711	85331	85603	-108	99.9
в т. ч. не находящиеся в ведении Минкультуры РФ	676	696	594	-82	87.9
Организации культурно-досугового типа	267400	262751	261725	-5675	97.9
в т. ч. не находящиеся в ведении Минкультуры РФ	15381	13935	13525	-1856	87.9

Источник: составлено автором по данным АИС «Статистика» ГИВЦ Минкультуры России. URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators/>

Таблица 3
Table 3

**Доход учреждений социально-культурной сферы от предпринимательской
и иной приносящей доход деятельности, млн руб.
Income of social and cultural institutions from entrepreneurial
and other income-generating activities, RUB million**

Вид деятельности	2020	2021	2022	Отклонения	
				Абсолютные	Относительные
Музеи	10977,4	19644,3	26417,9	15440.5	240.7
Библиотеки	876,4	1222,8	1491,6	615.2	170.2
Концертные организации	4043,8	6504,2	9682,8	5639,0	239.4
Театры	14198,6	26486,5	37390,3	23191.7	263.3
Организации культурно-досугового типа	7014,0	10250,0	13079.9	6065.9	186.5

Источник: составлено автором по данным АИС «Статистика» ГИВЦ Минкультуры России. URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators/>

в различных регионах. Все регионы мы сгруппировали по 6 группам в зависимости от их вклада в валовый региональный продукт (табл. 4). Города Москва и Санкт-Петербург в аналитическую таблицу не включали, так как они являются несомненными лидерами в области создания креативных услуг.

Исследователи Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Института национальных проектов убеждены, что «модель экономического развития России через креативную экономику с использованием человеческого капитала может стать успешной альтернативой предыдущим попыткам инновационного развития России» [2].

Формирование системы интернет-продвижения креативных индустрий

«Продвижение как один из элементов комплекса маркетинга играет важную роль в успешном функционировании творческой сферы» [11]. Как

было отмечено, услуги креативных индустрий сочетают в себе, с одной стороны, искусство, с другой стороны, коммерческую составляющую. Особенно актуально современным учреждениям культуры продвигать свои креативные услуги в условиях ограниченного бюджетного финансирования, а также расширяющихся потребностей населения в получении нестандартных, качественных, соответствующих требованию времени услуг. Учреждения социально-культурной сферы в большинстве своём при продвижении услуг ориентируются на веб-сайт, носящий чаще всего информационный характер, и на социальные сети. В рамках выполнения настоящего исследования нами сформулированы основные этапы процесса управления деятельностью современного учреждения культуры на основе маркетингового подхода (рис. 5).

Новым проектам целесообразно для начала сфокусироваться на диджитал-маркетинге, так как использование традиционных форм продвижения креативных услуг, во-первых, сопряжено

Таблица 4
Table 4

**Вклад креативных индустрий в развитие экономики страны
в разрезе регионов (выборочно), %**
**Contribution of creative industries to the development
of the country's economy by region (selected), %**

Группа	Количество входящих регионов	Вклад креативных индустрий в ВРП
1	2	7,0–8,9
2	8	4,1–5,4
3	14	3,0–3,8
4	20	2,0–2,8
5	28	1,0–1,9
6	9	0,6–0,9

Источник: составлено автором на основе [8].

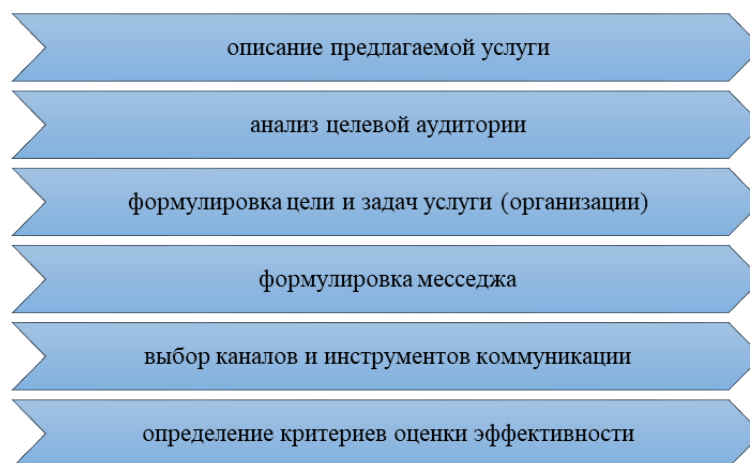

Рис. 5. Элементы коммуникативной стратегии развития организации творческой индустрии
Fig. 5. Elements of a communication strategy for the development of a creative industry organization

Источник: составлено автором

со значительно большими затратами, а также современная целевая аудитория активно использует каналы интернет-маркетинга в своей повседневной жизни (рис. 6).

Когда выбраны подходящие каналы, следует изучить их форматы и возможности: что нужно, что подходит, что может заинтересовать аудиторию [4]. Нужно понять, какие инструменты будут лучше всего работать на раскрытие месседжа (рис. 7). Рассмотреть нужно и печатные издания, и радио, и телевидение, и информационные агентства, и онлайн-медиа, и наружную рекламу [13].

Главное в работе по продвижению креативного продукта — комплексность и ориентация на продукт и целевую аудиторию.

В рамках выполнения настоящего исследования мы сформировали основные рекомендации, которые могут быть использованы организацией творческой индустрии с целью продвижения её креативного продукта.

1. Доступ к закрытой информации, наблюдение за жизнью организации «изнутри».

2. Сотрудничество с интернет-ресурсами для загрузки на их базу фотографий с мероприятий учреждения (организации) культуры с предоставлением свободного доступа к ним [10].

3. Ведение раздела на сайте для размещения интересных записей о жизни организации (блога), к примеру, запись лекции, онлайн-экскурсии.

Рис. 6. Digital-каналы для продвижения культурного продукта

Fig. 6. Digital channels for promoting cultural products

Источник: составлено автором

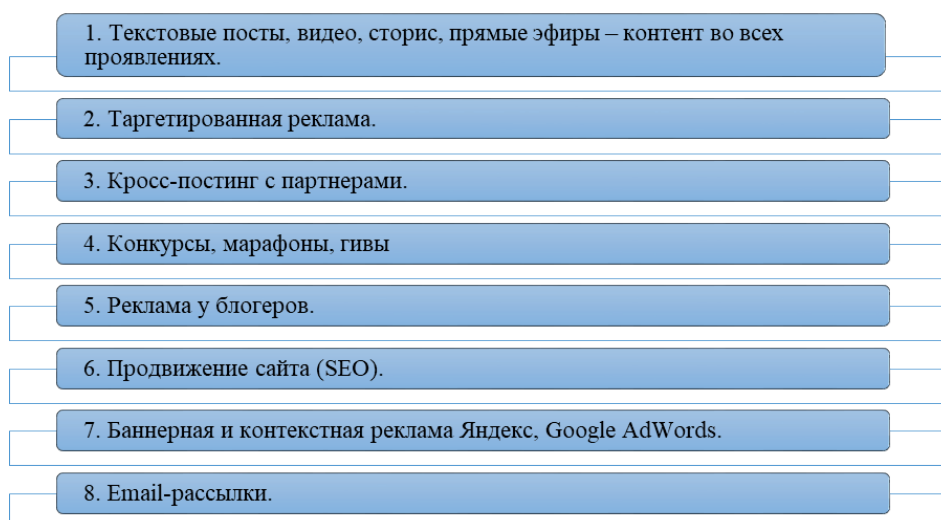

Рис. 7. Инструменты продвижения культурного продукта

Fig. 7. Tools for promoting cultural products

Источник: составлено автором

4. Включение раздела, где в режиме реального времени посетитель сможет получить общее представление об объекте посещения (интерактивный сайт).

5. Создание мобильного приложения с навигаторами, уведомлениями, новостями и т. п.

6. Включение в стратегию образовательных курсов, стажировок, конференций от специалистов в онлайн-доступе.

7. Взаимодействие с аудиторией, например, посредством конкурсов фотографий, сделанных во время посещения туристского объекта. Аудитория становится лояльной, если её поощрять.

8. Комплекс интернет-маркетинга (промо-сайты, тризерная реклама и т. д.).

Заключение

Сфера культуры в настоящее время динамично развивается, формируя особое направление — креативную индустрию. Оценка развития креативных индустрий, в частности, их вклад в величину ВВП, динамика их дохода, численность занятых, — позволила сделать вывод, что творческие индустрии имеют незначительный вклад в ВВП, прежде всего, в силу своих особенностей, так как их основная цель — не получение прибыли, а удовлетворение потребностей населения в культурных благах. Вместе с тем их рост, оцениваемый количеством организаций, численностью занятых, вкладом в ВВП страны, величиной выручки, — несомненно, должен иметь место в условиях рыночной экономики. Более того, положительная динамика предложенных в работе показателей позволит расширить возможности сферы культуры, в значительной степени находящейся в зависимости от бюджетного финансирования.

В рамках выполнения настоящего исследования нами была обследована деятельность организаций социально-культурной сферы, расположенных в Орловской и близлежащих областях. Был проведён устный опрос руководителей этих учреждений. Также анализу подверглись веб-сайты учреждений сферы культуры. В результате были сделаны выводы: несмотря на то, что руководители всех учреждений знают о существовании диджитал-технологий в области продвижения креативных услуг, они их не используют по разным причинам. Одна из них — отсутствие понимания, как это сделать. Ввиду этого в рамках выполнения настоящего исследования разработаны этапы процесса управления учреждением культуры по продвижению им своих услуг.

Предложенные каналы и инструменты продвижения креативных услуг не являются инновационными в практической деятельности диджитал-маркетолога, однако в данной статье мы сформировали их перечень применительно к сфере культуры. Новизна работы заключается в разработке предложенного процесса и адаптации существующих диджитал-технологий к конкретной сфере деятельности.

В работе отмечено, что для более эффективного достижения рассмотренных показателей необходимо работать над продвижением услуг рассматриваемой сферы. С целью реализации своих функций организации данной сферы должны обращаться к маркетинговым инструментам, в частности, продвижению своих услуг с использованием диджитал-технологий. Внедрение предлагаемых направлений продвижения позволит организациям более эффективно достигать поставленные цели, наиболее полно удовлетворять потребности населения в качественных услугах.

Список источников

1. Абанкина Т. В. Креативная экономика в России: новые тренды // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 2 (54). С. 221–228.
2. Аузан А. А., Бахтигараева А. И., Брызгалин В. А. Развитие креативной экономики России в контексте современных вызовов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 2 (54). С. 213–220. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-12
3. Боровинская Д. Н., Залевская М. А., Морданов М. А. Креативность как ключевой принцип успешного брендинга в регионе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 62–73. DOI 10.47475/1994-2796-2022-10607
4. Варлыгина З. В. Особенности продвижения культурных проектов в социальных сетях // Интернет-маркетинг. 2020. № 4. С. 318–330.
5. Гамбеева Ю. Н., Смей В. М. Роль креативных индустрий в социально-экономическом развитии территории // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 6 (452). С. 89–96. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10610

6. Губанов А. Ю. Актуальные вопросы организации статистического наблюдения за развитием креативной индустрии в России // Методология и экспертиза статистических исследований на тему «Особенности статистического измерения творческой (креативной) экономики : материалы науч. семинара (Москва, 7 декабря 2022 г.). URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=91755&p=attachment> (дата обращения: 18.12.2023).
7. Губанов А. Ю. Анализ опыта программного регулирования развития креативной экономики на региональном уровне // Наука в инновационном процессе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М. : ИПРАН РАН, 2021. С. 174–180.
8. Атлас креативных индустрий Российской Федерации / Т. Журавлёва, И. Токарев. М. : АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов», 2021. 553 с.
9. Культура и культурные индустрии в РФ: аналитика 2018–2020. Результаты комплексного исследования / под ред. Е. Сафронова // Информационное агентство InterMedia. 6-е изд., испр. и доп. М., 2020. 88 с.
10. Кхам Т. Краткий обзор эволюции компьютерных симуляций в экономических исследованиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 2 (54). С. 189–207.
11. Острикова М. В., Цинцзин Я. Дигитализация как инновационный подход в современных глобальных условиях (на примере галерей) // Экономика и бизнес: цифровая трансформация и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М. : Изд-во АНО ВО «Институт бизнеса и дизайна», 2022. Т. 1. С. 180–188.
12. Скобелев В. Л. Анализ состояния российского рынка кинопродукции // Петербургский экономический журнал. 2020. № 4. С. 104–117.
13. Смирнова Е. А. Тенденции развития маркетинговых коммуникаций в 2020–2022 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 10 (444). С. 203–209. DOI 10.47475/1994-2796-2020-11025
14. Федотова Н. Г. Креативные индустрии (Creative industries): теория и практика // Культурное обозрение. 2012. № 4. С. 51–72.
15. Huang X., Wei J. Genre innovation and modularization in creative industry // International Symposium on Management of Technology (ISMOT). China: Hangzhou. 2012. Pp. 92–96. DOI: 10.1109/ISMOT.2012.6679435

References

1. Abankina TV. Creative economy in Russia: new trends. *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii = Journal of the New Economic Association*. 2022;2(54):221-228. (In Russ.).
2. Auzan AA, Bakhtigaraeva AI, Bryzgalin VA. The development of the creative economy of Russia in the context of modern challenges. *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii = Journal of the New Economic Association*. 2022; 2(54):213–220. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-12 (In Russ.).
3. Borovinskaya DN. Creativity as a key principle of successful branding in the region. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;6(464):62-73. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10607 (In Russ.).
4. Varlygina ZV. Features of the promotion of cultural projects in social networks. *Internet-marketing = Internet marketing*. 2020;(4):318-330. (In Russ.).
5. Gambeeva YuN, Smey VM. The role of creative industries in the socio-economic development of the territory. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;6(452):89-96. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10610 (In Russ.).
6. Gubanov AYU. Current issues of the organization of statistical monitoring of the development of the creative industry in Russia. In: *Metodologiya i ekspertiza statisticheskikh issledovaniy na temu «Osobennosti statisticheskogo izmereniya tvorcheskoy (kreativnoy) ekonomiki = Methodology and examination of statistical research on the topic “Features of statistical measurement of the creative (creative) economy”*. Available from: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=91755&p=attachment> (accessed: 18.12.2023). (In Russ.).
7. Gubanov AYU. Analysis of the experience of program regulation of the development of the creative economy at the regional level. In: *Nauka v innovatsionnom protsesse = Science in the innovation process: materials of the international scientific and practical conference*. Moscow: IPRAN RAS; 2021. Pp. 174-180. (In Russ.).
8. Zhuravleva T, Tokarev I. Atlas of Creative Industries of the Russian Federation. Moscow: Agency for Strategic Initiatives for the Promotion of New Projects; 2021. 553 p. (In Russ.).

9. Safronov E. Culture and cultural industries in the Russian Federation: analytics 2018–2020. The results of a comprehensive study. InterMedia News Agency. Moscow; 2020. 88 p. (In Russ.).
10. Kham T. A brief overview of the evolution of computer simulations in economic research. *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii = Journal of the New Economic Association*. 2022;2(54):189-207. (In Russ.).
11. Ostrikova MV, Jingjing Ya. Digitalization as an innovative approach in modern global conditions (using the example of galleries). In: *Ekonomika i biznes: tsifrovaya transformatsiya i perspektivy razvitiya = Economics and Business: digital transformation and development prospects*. Moscow; 2022. Pp. 180-188. (In Russ.).
12. Skobelev VL. Analysis of the state of the Russian film production market. *Peterburgskiy ekonomicheskij zhurnal = St. Petersburg Economic Journal*. 2020;(4):104-117. (In Russ.).
13. Smirnova EA. Trends in the development of marketing communications in 2020–2022. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2020;10(444):203-209. DOI:10.47475/1994-2796-2020-11025 (In Russ.).
14. Fedotova NG. Creative industries: theory and practice. *Kul'turnoye obozreniye = Cultural Review*. 2012;(4):51-72. (In Russ.).
15. Huang X, Wei J. Genre innovation and modularization in creative industry. *International Symposium on Management of Technology (ISMOT)*. China. 2012; 92–96. DOI:10.1109/ISMOT.2012.6679435

Информация об авторе

Ю. П. Соболева — кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

Yulya P. Soboleva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 22.12.2023; approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-117-124

НАПРАВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВА ЗЕРНА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Иван Георгиевич Генералов

Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, Княгинино, Россия, ivan.generalov.91@bk.ru,
0000-0003-2195-8640

Аннотация. Стратегическое развитие производства зерна является весьма актуальным направлением, т. к. для сохранения конкурентоспособности в долгосрочной перспективе оно должно трансформироваться в высокотехнологичную отрасль народного хозяйства. Цель исследования: обоснование направлений и разработка механизма стратегического развития производства зерна в Нижегородской области. В рамках поставленной цели был проведён критический анализ исследований, посвящённых данной проблеме. На основе использования таких методических инструментов, как SWOT-анализ и метод BSC были научно обоснованы направления стратегического развития производства зерна в Нижегородской области, а благодаря методу эмпирического моделирования был разработан механизм управления стратегическим развитием производства зерна в данном регионе. В результате автором были выделены и конкретизированы следующие направления стратегического развития производства зерна: стратегия прорыва, стратегии, направленные на качественное обновление производственных технологий в условия нестабильности производства, и стратегия выживания. Направления были оформлены в виде карты стратегического развития производства зерна в Нижегородской области. Предложенный автором механизм управления стратегическим развитием производства зерна в регионе, включает такие подсистемы, как целеполагание, стратегирование, контроль и исполнение реализации разработанных направлений стратегического развития. В итоге реализация предложенных направлений на основе механизма стратегического развития производства зерна будет способствовать превращению его в высокотехнологичную отрасль.

Ключевые слова: зерно, Нижегородская область, механизм стратегического развития, приоритетные направления, производство зерна, стратегическое развитие, цифровая трансформация

Для цитирования: Генералов И. Г. Направления и механизм стратегического развития производства зерна в Нижегородской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 117–124. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-117-124

Original article

DIRECTIONS AND MECHANISM FOR STRATEGIC DEVELOPMENT OF GRAIN PRODUCTION IN NIZHNY NOVGOROD REGION

Ivan G. Generalov

Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino, Russia, ivan.generalov.91@bk.ru,
0000-0003-2195-8640

Abstract. The strategic development of grain production is a very relevant area, since in order to remain competitive in the long term, it must be transformed into a high-tech branch of the national economy. The purpose of the study: justification of directions and development of a mechanism for strategic development of grain production in the Nizhny Novgorod region. Within the framework of this goal, a critical analysis of studies on this problem was carried out. Based on the use of methodological tools such as SWOT analysis and the BSC method, the directions of strategic development of grain production in the Lower Rod region were scientifically substantiated, and thanks to the empirical modeling method, the Ministry of Management of Strategic Development of Grain Production in this region was developed. As a result, the author highlighted and specified the following areas of strategic development of grain production: a breakthrough strategy, strategies aimed at qualitative renewal of production technologies in conditions of production instability and a survival strategy. The directions were drawn up in the form of a map of the strategic development of grain production in the Nizhny Novgorod region. The mechanism proposed

by the author to manage the strategic development of grain production in the region includes such subsystems as goal setting, strategy, control and implementation of the developed areas of strategic development. As a result, the implementation of the proposed directions on the basis of the mechanism for strategic development of grain production will contribute to its transformation into a high-tech industry.

Keywords: grain, Nizhny Novgorod region, strategic development mechanism, priority areas, grain production, strategic development, digital transformation

For citation: Generalov IG. Directions and mechanism for strategic development of grain production in Nizhny Novgorod region. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488)):117-124. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-117-124

Введение

В первые 15 лет XXI века в Российской Федерации уровень продовольственной безопасности был низким, и по некоторым продовольственным категориям мы были абсолютно зависимы, но в последние годы отечественное сельское хозяйство не только вывело страну на уровень самообеспеченности, но и даже проводит политику уверенной зерновой экспансии за рубежом. Вопреки беспрецедентному санкционному давлению со стороны западных стран Российская Федерация вышла в мировые лидеры по торговле зерном.

Сейчас становится необходимым в долгосрочной перспективе сохранение текущих производственных показателей зерновой отрасли и обеспечение трансформации её в высокотехнологичную отрасль на основе цифровых технологий, через активное внедрение элементов точного земледелия в агротехнологические процессы. Здесь важное значение будет иметь региональная аграрная политика.

Стратегическое развитие производства зерна в Нижегородской области, как и в любом регионе нашей страны, должно в долгосрочной перспективе опираться на планомерную реализацию научно обоснованных мероприятий, которые помогут решить актуальные проблемы в отрасли. Вместе с тем немаловажным является и создание механизмов, позволяющих решать обозначенные проблемы, что свидетельствует об актуальности темы данного исследования.

Цель научного исследования заключается в обосновании направлений и разработке механизма стратегического развития производства зерна в Нижегородской области.

Материалы и методы исследования

Данное исследование опирается на результаты критического анализа научных работ А. И. Алтухова [1], где автором даётся обоснование формирования специализированных высокотехнологичных зон развития зерновой отрасли, что, на

наш взгляд, должно быть начальной стадией для будущего трансформации отрасли; Э. Ф. Амировой [2; 3], где автором детально рассмотрена структура зерновой отрасли (применительно к стратегическому развитию производства зерна важен подход к структурированию отрасли как сложной системы) и предложены перспективные направления повышения эффективности (ценность для нашего исследования заключается в том, что многие проблемы, связанные с этим вопросом, в условиях сохраняющейся высокой зависимости аграриев от государственной поддержки носят стратегический характер). Ввиду того, что научная категория стратегического развития производства зерна тесно переплетена с категорией устойчивого развития, то важным будет учитывать и результаты исследований С. А. Суслова и А. Е. Шамина [4; 5]. На производство зерна накладывают серьёзные рыночные ограничения, которые проявляются с нескольких сторон: развитие сопряжённых отраслей народного хозяйства, проблемы ценообразования на зерновом рынке, развитие рыночной инфраструктуры и др., что делает необходимым для нашего исследования учитывать основные положения работ таких учёных, как О. Г. Чарыкова [6], Е. В. Стомба [7], а также И. Н. Сафиуллин [8]. Стратегическое развитие производства в долгосрочной перспективе будет сопряжено с цифровой трансформацией, где применительно к данной проблеме вызывают практический интерес работы Е. К. Антиповой [9], С. А. Банникова [10] и М. Н. Дудина [11].

В ходе исследования автором использовался следующий методический инструментарий: SWOT-анализ, позволивший научно обосновать направления стратегического развития производства зерна; метод BSC, с использованием которого была построена карта стратегического развития производства зерна в Нижегородской области, отражающая взаимосвязь предложенных направлений. На основе сочетания методов критического анализа и эмпирического моделирования был разработан механизм управления

стратегическим развитием производства зерна в Нижегородской области.

Практическая реализация мер по управлению рисками в условиях стратегического развития производства зерна сводится к разработке перечня мероприятий, основу которого составляет рациональное использование ресурсного потенциала [12]. При этом, как отмечает О. Н. Кусакина, область принятия стратегических решений в зерновой отрасли достаточно обширна, ввиду чего, кроме приоритета использования ресурсного потенциала для решения проблемы по управлению рисками в условиях стратегического развития производства зерна, ограничениями также будут выступать и возможности использования сильных сторон отрасли, сглаживание негативных последствий его слабых сторон и угроз внешней среды [13]. Сформированные в конечном итоге альтернативные траектории стратегического развития производства зерна применительно к выявленным проблемам будут в первую очередь ограничиваться развитием рынка зерна и масштабами цифровой трансформации агротехнологических процессов [14].

Широкую популярность для оценки перспектив стратегического развития предприятий и отраслей получил SWOT-анализ и его различные модификации (внутренние факторы — сильные (S) и слабые (W) стороны; внешние факторы — возможности (O) и угрозы (T)), в основе которых лежит построение дихонометрических пар, достоинством чего является развернутое описание складывающихся в отрасли ситуаций [15]. Кроме того, как справедливо подметил А. С. Фролов [16], исследуя механизмы и инструменты инновационного развития региональной экономики, SWOT-анализ не противоречит принципам, заложенным в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

В основу матрицы SWOT-анализа стратегического развития производства зерна в Нижегородской области легли выявленные ранее автором тенденции развития отрасли, а также научно обоснованные выводы таких известных авторитетных учёных, как А. И. Алтухова [1], Э. Ф. Амирова [2], С. А. Суслов [4], О. Г. Чарыкова [6], О. В. Сидоренко [17] и др. (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

Матрица SWOT-анализа стратегического развития производства зерна в Нижегородской области
Matrix of SWOT analysis of strategic development of grain production in the Nizhny Novgorod region

Внутренние факторы	
<i>Сильные стороны (S):</i> 1. Рост уровня урожайности зерновых культур в длительной ретроспективе. 2. Рост валового сбора зерна. 3. В регионе сформировалось два крупных производственных центра: Пригородный и Юго-Восточный агрорайоны. 4. Формируются периферийные центры развития цифровой зрелости производства зерна	<i>Слабые стороны (W):</i> 1. Значительное сокращение посевной площади зерновых культур в длительной перспективе. 2. Усиление влияния на формирование валового сбора экстенсивного фактора производства. 3. Снижение уровня отдачи от внесения органических удобрений. 4. Недостаточные темпы обновления машинно-тракторного парка в регионе и высокая нагрузка на сельскохозяйственную технику. 5. Внедрение элементов точного земледелия в агротехнологические процессы осуществляется бессистемно. 6. Уровень зрелости производителей зерна в регионе находится на базовом и бессистемном уровне цифровой зрелости
Внешние факторы	
<i>Возможности (O):</i> 1. Рост энергообеспеченности производства зерна. 2. Увеличение финансирования растениеводства в регионе. 3. Выход РФ на лидирующие позиции по экспорту зерна в мире. 4. Рост производственных показателей в животноводстве	<i>Угрозы (T):</i> 1. Избыточное предложение на рынке зерна. 2. Усиление влияния изменения погодных условий на урожайность зерновых культур. 3. Рост стоимости ресурсов для производства зерна. 4. Низкий уровень селекции высокопродуктивных засухоустойчивых семян зерновых культур, ориентированный на погодные особенности. 5. Субсидирование производства зерна в большей степени осуществляется за счёт регионального бюджета. 6. Недостаток квалифицированных кадров

Источник: составлено автором.

Результаты исследования и их обсуждение

По результатам SWOT-анализа стратегического развития производства зерна для Нижегородской области считаем целесообразным предложить четыре направления.

Первое направление — стратегия прорыва (SO), направленная на максимальное сочетание сильных сторон производства зерна в регионе и существующих возможностей, и включает в себя четыре ключевых мероприятия:

- корректировка финансирования растениеводства в регионе с ориентацией на мероприятия, связанные с повышением уровня урожайности зерновых культур, а также цифровой зрелости производителей зерна (SO₁);

- ввиду того, что страна является лидером среди экспортёров зерна, дальнейший рост валового сбора следует обеспечивать за счёт продовольственного зерна (SO₂);

- в Пригородном и Юго-Восточном агрорайонах следует развивать инфраструктуру переработки зерна, включая кормопроизводство (SO₃).

На наш взгляд, наиболее конкретными следует считать стратегии переходного периода (ST и WO), которые на данном этапе стратегического развития производства зерна, связанного с качественным обновлением производственных технологий в условиях нестабильности производства, являются более актуальными:

1. ST-стратегия развития производства зерна включает следующие мероприятия:

- стимулирование повышения уровня спроса на зерно в регионе, через развитие перерабатывающей промышленности на территории Пригородного и Юго-Восточного агрорайонов (ST₁);

- разработка комплекса мероприятий по повышению уровня цифровой зрелости производителей зерна и расширению системного внедрения элементов точного земледелия, что позволит экономить на производственных ресурсах и нивелировать негативное влияние погодных условий (ST₂);

- развитие и позиционирование производства зерна, как высокотехнологичной отрасли (ST₃);

- создание и субсидирование федеральных программ по цифровизации производства зерна в регионах (ST₄);

- в крупных производственных центрах должны быть сформированы научно-образовательные кластеры, занимающиеся проблемами развития производства зерна, в т. ч. выведением высокопродуктивных засухоустойчивых сортов зерновых культур (ST₅).

2. WO-стратегия развития производства зерна включает мероприятия, не противоречащие либо взаимосвязанные с ST-стратегией:

- формирование оптимальной структуры посевных площадей, ориентированной на максимум производства зерна (WO₁);

- корректировка финансирования растениеводства в регионе с ориентацией на мероприятия, направленные на повышение уровня интенсификации производства зерна (WO₂);

- приоритет в обновлении машинно-тракторного парка в пользу высокопроизводительной и энергообеспеченной сельскохозяйственной техники (WO₃);

- разработка методических рекомендаций для производителей зерна по эффективному внедрению элементов точного земледелия, а также повышению уровня цифровой зрелости (WO₄).

Целевым состоянием по данным направлениям следует считать достижение 100 % уровня к 2035 г. (последнему году долгосрочного прогноза). При этом целесообразно выделить индикаторы их реализации на 2025 и 2030 гг., что значительно упростит их мониторинг.

Стратегия выживания (WT) характеризуется схожим содержанием с предыдущей группой, но отличается большей радикальностью мероприятий, смысл которых заключается в недопущении в зерновой отрасли следующих ситуаций:

- избыточное предложение на рынке зерна в сочетании со значительным сокращением посевной площади зерновых культур в длительной перспективе может привести к убыточности производителей зерна и отказу от их возделывания в пользу более высокорентабельных;

- усиление влияния экстенсивного фактора производства в совокупности с усилением влияния изменения погодных условий на урожайность зерновых культур негативно влияет на устойчивость валового сбора зерна;

- снижение уровня отдачи от использования производственных ресурсов (в т. ч. органических удобрений, машинно-тракторного парка и др.) в перспективе приведёт к снижению экономической эффективности производства зерна;

- низкий уровень цифровой зрелости производителей зерна и бессистемное внедрение элементов точного земледелия в агротехнологические процессы на фоне недостатка квалифицированных кадров на сельских территориях приведёт к низкой эффективности использования цифровых технологий;

— высокая нагрузка на региональный бюджет по субсидированию производства зерна делает затруднительной разработку эффективных целевых программ, направленных на цифровизацию производства зерна в регионе.

Стратегическое развитие производства зерна в Нижегородской области должно осуществляться на основе сочетания ST- и WO-стратегий, успешная реализация которых в дальнейшей перспективе обеспечит переход к стратегии прорыва.

Ответственными за реализацию стратегических мероприятий, на наш взгляд, следует считать:

1) профильные региональные министерства и ведомства (ключевым, из общего перечня, следует считать развитие и позиционирование производства зерна как высокотехнологичной отрасли, что в приведёт к переходу к стратегии прорыва);

2) отрасли потребления (стимулирование повышения уровня спроса на зерно в регионе через развитие перерабатывающей промышленности на территории Пригородного и Юго-Восточного агрорайонов);

3) отрасли, обеспечивающие производство зерна ресурсами (приоритетное обновление машинно-тракторного парка в пользу высокопро-

изводительной и энергообеспеченной сельскохозяйственной техники);

4) научно-образовательные учреждения (формирование в крупных производственных центрах региона научно-образовательных кластеров, занимающихся проблемами развития производства зерна, в т. ч. выведением высокопродуктивных засухоустойчивых сортов зерновых культур; разработка методических рекомендаций для производителей зерна по эффективному внедрению элементов точного земледелия, а также повышению уровню цифровой зрелости);

5) производителей зерна (формирование оптимальной структуры посевных площадей, ориентированной на максимум производства зерна).

В механизме управления стратегическим развитием производства зерна в Нижегородской области наибольшее значение имеют подсистемы контроля и исполнения реализации разработанных направлений (рис. 1):

1. Подсистема ресурсного обеспечения является источником всех производственных ресурсов для производственной подсистемы.

2. Производственная подсистема связана с агротехнологическим процессами в конкретных хозяйствах. Её эффективное функционирование

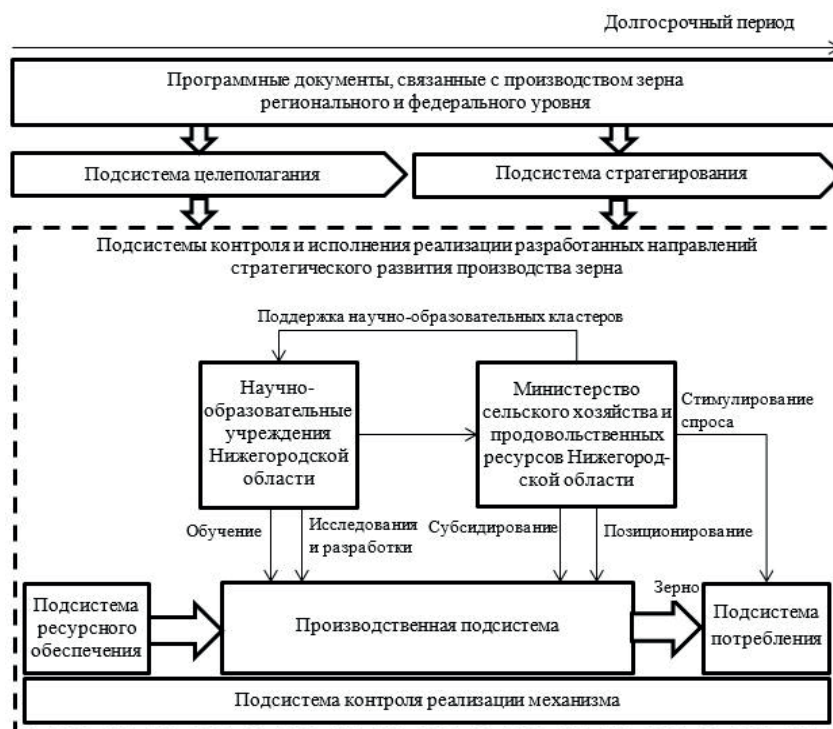

Рис. 1. Механизм управления стратегическим развитием производства зерна в Нижегородской области

Fig. 1. Mechanism for managing the strategic development of grain production in the Nizhny Novgorod region

Источник: составлено автором

в контексте стратегического развития обеспечивается сильной связью с научно-образовательными учреждениями Нижегородской области и Министерством сельского хозяйства и продовольственных ресурсов региона. Научно-образовательные учреждения влияют на производственную подсистему через обучение кадров и практическую апробацию результатов исследований и разработок в реальном производственном процессе, что ускоряет доработку и выход технических новинок на рынки. Министерство сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Нижегородской области субсидирует стратегически значимые направления (в т. ч. и системное внедрение цифровых технологий), параллельно способствуя развитию и позиционированию производства зерна, как высокотехнологичной отрасли. С другой стороны ускорение технологического развития будет достигаться и при тесном взаимодействии Министерства сельского хозяйства и продовольственных ресурсов и научно-образовательных учреждений, где первое выступает гарантом поддержки научно-образовательных кластеров, а вторые ведут разработку методического обеспечения для эффективного использования цифровых технологий в производстве зерна.

3. Подсистема потребления использует произведённое зерно. При этом, чтобы не возникало перепроизводства, Министерство сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Нижегородской области, должно проводить мероприятия, поддерживающие постоянство спроса в необходимом для производственной системы объёме.

Важное значение в механизме управления стратегическим развитием производства зерна в Нижегородской области имеет и подсистема контроля реализации механизма, которая осуществляет мониторинг и сигнализирует о необходимости корректирующих мероприятий во всех подсистемах механизма. Это позволяет механизму быть гибким и своевременно реагировать,

перестраиваясь под условия непрерывно меняющейся внешней и внутренней среды.

Выводы

В итоге автором обоснованы направления стратегического развития производства зерна в Нижегородской области: стратегия прорыва, стратегии, направленные на качественное обновление производственных технологий в условиях нестабильности производства, которые должны быть базисными, и стратегия выживания, связанная с нивелированием влияния рисков развития зерновой отрасли. Данные направления были оформлены в виде карты стратегического развития производства зерна в Нижегородской области. Использование авторских направлений стратегического развития производства зерна в агропродовольственной политике региона может быть основой для формирования перечня мероприятий для технологического рывка в развитии зерновой отрасли Нижегородской области.

Важное научно-практическое значение имеет предложенный нами механизм управления стратегическим развитием производства зерна в Нижегородской области, включающий в себя подсистемы целеполагания, стратегирования, контроля и исполнения реализации разработанных направлений стратегического развития. Его достоинство заключается в гибкости, а также в том, что взаимодействие всех структурных элементов механизма в перспективе приведёт к превращению производства зерна в высокотехнологичную отрасль в регионе.

Считаем, что при дальнейшем развитии вопросов, связанных с разработкой направлений и механизмов стратегического развития производства зерна на региональном уровне, следует акцентировать внимание на разработке конкретных целевых индикаторов состояния зерновой отрасли к определённым периодам времени и системе мониторинга их достижения.

Список источников

1. Алтухов А. И. Формирование специализированных высокотехнологичных зон — основа пространственного развития зернового хозяйства страны // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 4. С. 93–103.
2. Амирова Э. Ф. Теоретические вопросы сущности и структуры зернопродуктового подкомплекса АПК // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2015. Т. 10, № 4 (38). С. 5–9.
3. Амирова Э. Ф. Перспективные направления повышения эффективности зернопродуктового подкомплекса // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2008. Т. 3, № 2 (8). С. 9–12.
4. Суслов С. А. Теоретические аспекты устойчивого производства зерна // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2022. Т. 18, № 1 (68). С. 24–27.

5. Суслов С. А., Шамин А. Е. Обеспечение устойчивого производства зерна: монография. Княгинино : НГИЭУ, 2022. 242 с.
6. Чарыкова О. Г., Латынин Д. С. Развитие инфраструктуры зернового рынка — важное условие реализации экспортного потенциала России // Современная экономика: проблемы и решения. 2015. № 4 (64). С. 138–144.
7. Стомба Е. В., Лукьянова М. Т. Стратегический анализ и оценка экспортного потенциала продукции регионального АПК на основе использования форсайт-технологий // Аграрный вестник Урала. 2021. № 9 (212). С. 93–102.
8. Амирова Э. Ф., Сафиуллин И. Н., Губанова Е. В., Ханнанов М. М. Особенности ценообразования на рынке зерна // Аграрная наука. 2023. № 7. С. 163–167.
9. Антипова Е. К., Самохвалов Д. М., Суслов С. А. Факторы, определяющие эффективность использования сельскохозяйственных угодий в условиях цифровой трансформации экономики // Вестник НГИЭИ. 2023. № 4 (143). С. 79–87.
10. Банников С. А., Гарбузова Т. Г., Ковалёва Т. Н. Сущность и этапы цифровой трансформация в АПК // Вестник НГИЭИ. 2023. № 11 (150). С. 65–76.
11. Алтухов А. И., Дудин М. Н., Анищенко А. Н. Глобальная цифровизация как организационно-экономическая основа инновационного развития агропромышленного комплекса РФ // Проблемы рыночной экономики. 2019. № 2. С. 17–27.
12. Баранова Н. А., Абдикадирова А. А. Стратегический анализ в управлении предприятием сферы АПК // Проблемы агрорынка. 2018. № 1. С. 45–52.
13. Кусакина О. Н. Концептуальные подходы к стратегическому управлению предприятиями агробизнеса // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 3, № 9 (117). С. 106–111.
14. Кузичева Н. Ю., Карамнова Н. В. Стратегическое развитие зернопродуктового подкомплекса АПК Тамбовской области // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 9-2 (111). С. 166–174.
15. Серебрякова Н. А., Ульченко Т. Ю., Панкова Н. М. Управление рисками на макро- и микроуровнях // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2015. № 2 (64). С. 237–242.
16. Фролов А. С. Механизмы и инструменты инновационного развития региональной экономики // Modern Economy Success. 2019. № 2. С. 95–104.
17. Сидоренко О. В. Экономическое обоснование зонального размещения производства зерновых культур в зависимости от природно-климатических условий региона // Вестник аграрной науки. 2018. № 1 (70). С. 81–87.

References

1. Altuhov AI. Formation of specialized high-tech zones — the new spatial development of the country's grain economy. *Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skhozjajstvennoj akademii = Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2022;(4):93-103. (In Russ.).
2. Amirova JeF. Theoretical issues of the essence and structure of the grain product subcommittee of the agro-industrial complex. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of Kazan State Agrarian University*. 2015;10(4(38):5-9. (In Russ.).
3. Amirova JeF. Promising directions for increasing the efficiency of the grain-producing subcommittee. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of Kazan State Agrarian University*. 2008;3(2(8):9-12. (In Russ.).
4. Suslov SA. Theoretical aspects of sustainable grain production. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Serija: Jekonomika = Bulletin of the Volga State Service University. Series: Economics*. 2022;18(1(68):24-27. (In Russ.).
5. Suslov SA, Shamin AE. Obespecheniye ustoychivogo proizvodstva zerna = Ensuring sustainable grain production: monograph. Knyaginino; 2022. 242 p. (In Russ.).
6. Charykova OG, Latynin DS. The development of the grain market infrastructure is an important condition for the realization of Russia's export potential. *Sovremennaja jekonomika: problemy i reshenija = Modern economy: glimpses and solutions*. 2015;(4(64):138-144. (In Russ.).

7. Stovba EV, Luk'janova MT. Strategic analysis and assessment of the export potential of regional agro-industrial complex products based on the use of forsyte technologies. *Agrarnyj vestnik Urala = Agricultural Bulletin of the Urals*. 2021;(9(212):93-102. (In Russ.).
8. Amirova JeF, Safiullin IN, Gubanova EV, Hannanov MM. Features of pricing in the grain market. *Agrarnaja nauka = Agrarian science*. 2023;(7):163-167. (In Russ.).
9. Antipova EK, Samohvalov DM, Suslov SA. Factors determining the efficiency of the use of agricultural land in the context of digital transformation of the economy. *Vestnik NGIJeI = Bulletin of the NGIEI*. 2023;(4(143):79-87. (In Russ.).
10. Bannikov SA, Garbuzova TG, Kovaleva TN. Essence and stages of digital transformation in the agro-industrial complex *Vestnik NGIJeI = Bulletin of the NGIEI*. 2023;(11(150):65-76. (In Russ.).
11. Altuhov AI, Dudin MN, Anishhenko AN. Global digitalization as the organizational and economic basis for the innovative development of the agro-industrial complex of the Russian Federation. *Problemy rynochnoj jekonomiki = Problems of the market economy*. 2019;(2):17-27. (In Russ.).
12. Baranova NA, Abdikadirova AA. Strategic analysis in the management of an agro-industrial complex enterprise. *Problemy agrorynka = Problems of the agricultural market*. 2018;(1):45-52. (In Russ.).
13. Kusakina ON. Conceptual approaches to strategic management of agribusiness enterprises. *Jekonomika i upravlenie: problemy, reshenija = Economics and management: problems, solutions*. 2021;3(9(117):106-111. (In Russ.).
14. Kuzicheva NJu, Karamnova NV. Strategic Development of the Grain Product Subcommittee of the Agro-Industrial Complex of the Tambov Region. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Research Department*. 2021;(9-2(111):166-174. (In Russ.).
15. Serebrjakova NA, Ul'chenko TJu, Pankova NM. Risk management at macro and micro levels. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernyh tehnologij = Bulletin of Voronezh State University of Engineering Technologies*. 2015;(2(64):237-242. (In Russ.).
16. Frolov AS. Mechanisms and tools for innovative development of the regional economy. *Modern Economy Success*. 2019;(2):95-104. (In Russ.).
17. Sidorenko O. V. Economic justification for the zonal placement of grain production depending on the natural and climatic conditions of the region. *Vestnik agrarnoj nauki = Bulletin of Agrarian Science*. 2018;(1(70):81-87. (In Russ.).

Информация об авторе

И. Г. Генералов — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Сервис».

Information about the author

Ivan G. Generalov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department «Service».

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.001.36

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-125-137

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ В ИНТЕРЕСАХ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Владимир Геннадьевич Гурлев¹, Татьяна Сергеевна Хомякова²,
Светлана Вячеславовна Слива³

¹ Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, gurlevvg@susu.ru

² Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, khomiakovats@susu.ru

³ Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, slivasv@susu.ru

Аннотация. Технологический суверенитет определён целью стратегического развития российской экономики. В условиях необходимости снижения технологической зависимости, структурных сдвигов в экономике актуально решение проблемы обеспечения технологического суверенитета за счёт интенсификации инновационной деятельности предприятий, роста инновационной активности в разрезе отраслей и регионов. Обобщены теоретико-методологические подходы исследований инноваций, инновационной деятельности предприятия. Обоснована целесообразность выделения инновационной активности как оценочного результата деятельности предприятия. В работе выявлен комплекс факторов, определены функциональные зависимости их влияния на инновационную деятельность предприятий; разработаны, определены, формализованы и классифицированы группы индикаторов-показателей, характеризующих инновационную деятельность предприятий. Разработана методика оценки результатов инновационной деятельности предприятия, учитывающая уровневое устройство национальной экономики. Выявлены регионы РФ, обладающие наибольшим финансово-экономическим потенциалом, обеспечивающим предпосылки для расширения инновационной активности предприятий региона. Оценка результатов инновационной деятельности предприятия связана с группировкой показателей инновационной деятельности на основе полученного математического обобщённого показателя. Проведена верификация факторов, оказывающих положительное влияние на результаты инновационной деятельности предприятия. Выделены отрасли — точки инновационного роста региональной экономики. Дана оценка связи инновационной деятельности предприятия в обеспечение технологического суверенитета национальной экономики.

Ключевые слова: технологический суверенитет, государственная технологическая политика, инновационная деятельность предприятия, показатели — индикаторы оценки инновационной деятельности предприятия, инновационная активность отрасли, региона, эффект инноваций

Для цитирования: Гурлев В. Г., Хомякова Т. С., Слива С. В. Оценка результатов инновационной деятельности предприятий в интересах достижения технологического суверенитета российской экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 125–137. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-125-137

Original article

ASSESSING THE RESULTS OF INNOVATIVE ACTIVITIES OF ENTERPRISES IN THE INTERESTS OF ACHIEVING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN ECONOMY

Vladimir G. Gurlev¹, Tatiana S. Khomiakova², Svetlana V. Sliva³

¹ South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, gurlevvg@susu.ru

² South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, khomiakovats@susu.ru

³ South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, slivasv@susu.ru

Abstract. In the context of the need to reduce technological dependence and structural changes in the economy, it is important to solve the problems of ensuring technological sovereignty by enhancing the innovative activity of enterprises and the growth of innovative activity in the context of industries and regions. The expediency of identifying innovative activities is justified by the opportunity to evaluate the activity of the enterprise as a result. In this work, a complex of factors has been identified and the functional dependencies of their influence on the innovative activities of enterprises have been determined. Groups of indicators characterizing the innovative activities of enterprises have been developed, defined, formalized and classified. A methodology and methods for assessing the influence of factors on the results of an enterprise's innovative activities have been developed. The assessment of the results of an enterprise's innovative activity in the presented work is associated with the grouping of indicators of innovative activity based on the obtained mathematical generalized indicator. An assessment is made of the contribution of the enterprise's innovative activities to ensuring the technological sovereignty of the national economy.

Keywords: technological sovereignty; state technology policy; innovative activity of the enterprise; indicators for assessing the innovative activity of an enterprise; innovative activity of the industry, region; innovation effect

For citation: Gurlev VG, Khomiakova T. S., Sliva S. V. Assessing the results of innovative activities of enterprises in the interests of achieving technological sovereignty of the Russian economy. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):125-137. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-125-137

Введение

Императивом современной российской экономики является формирование и укрепление технологического суверенитета. Для обеспечения технологического суверенитета требуется выполнение ряда условий: достижение высокой инновационной активности бизнеса; проведение структурной политики, ориентированной на расширение высокотехнологичных производственных мощностей предприятий и развёртывания современных производственных систем; модернизация имеющихся производственных мощностей и технологий.

Целевые показатели достижения технологического суверенитета увязаны с прогнозом долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года¹. Определены приоритетные направления технологического суверенитета, отражающие необходимые структурные сдвиги российской экономики в стратегических отраслях промышленности². Разрабатывается Концеп-

ция технологического развития РФ на период до 2030 года, обосновывающая взаимодействие процессов развития науки и производства, продуктом и результатом которых являются технологии.

Деятельность по укреплению технологического суверенитета в части производственных, финансовых, трудовых процессов сопряжена с существенными ресурсными ограничениями [1; 2]. Инновации — неограниченный ресурс, обеспечивающий гибкость и адаптацию, конкурентоспособность и устойчивость, прибыльность и эффективность предприятия, способствующего переходу к технологической независимости национальной экономики [3; 4]. Актуальной исследовательской задачей представляется решение проблемы достижения национального технологического суверенитета посредством интенсификации инновационной деятельности, за счёт генерации и внедрения инноваций на предприятиях.

Обзор методологии и методов исследования инноваций и инновационной деятельности

Анализ современных научно-практических работ, посвящённых вопросам инноваций, инновационной деятельности предприятия, показал широкое распространение управленческого, экономического, институционального, производственно-

¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения 10.01.2024).

² Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов,

а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации : постановл. Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_444820/ (дата обращения 10.01.2024).

технологического аспектов [5; 6]. Управленческая концепция базируется на видении инноваций не только в качестве эндогенного фактора экономического роста предприятия, но и стратегического тренда его развития [2; 3]. Актуальным направлением исследования можно считать анализ связи жизненного цикла инноваций и масштаба их потребления. Не вызывают сомнения результаты опубликованных исследований, показавших, что научно-практические разработки представляют воплощённый результат исследовательской деятельности в созданных новаторских торах, новаторских организационных, управленческих, производственных процессах [1; 7].

В исследованиях предприятия как самоорганизующейся и саморазвивающейся системы показано, что его устойчивое и безопасное развитие зависит от конструктивно организованной и эффективно функционирующей инновационной подсистемы, включающей в себя процессы генерации, использования и коммерциализации новаций.

Экономический подход широко представлен в научных публикациях и привлекается для определения признаков инноваций в критериях степени новизны, способах генерации, сроков разработки и внедрения в производство, глубины и масштаба изменений, величины затрат, оценки эффективности и результативности применения, характера влияния на стратегию предприятия. Получает распространение экосистемный подход в исследовании инноваций и инновационной активности предприятия [8]. Практический интерес составляет изучение вклада инноваций в укрепление экономической безопасности предприятия, устранение рисков событий, нивелирование возникающих рисков и угроз [9; 10].

Институциональный концепт исследований инноваций сконцентрирован на выделении агентов инноваций, институциональных механизмов генерации и применения предприятиями инноваций. Генерация новаций, их практическое использование возможны при условии наличия запроса со стороны покупателей, посредников, государства, высокотехнологичных государственных корпораций. В ряде научных работ обосновывается зависимость степени интенсивности инновационной деятельности от величины и условий государственной поддержки [11].

Развитие производственно-технологического подхода связано с расширением инструментов оценки эффективности инноваций. В частности, обоснована целесообразность применения индикаторов оценки технологической безопас-

ности, учитывающих долю НИР в НИОКР, долю НИОКР в общем объёме работ [12]; освоение затрат на НИОКР, интенсивность инновационного процесса [13]; оценка эффективности инноваций с глубокой детализацией всех отдельных операций НИОКР [14].

Сформирован конструктивный математический и программный аппарат исследования инноваций и инновационной активности предприятия. Так, для описания и оценки инновационных проектов и процессов обосновано использование моделей с малым количеством параметров, что даёт сопоставимую во времени динамику процессов с учётом существенных качественных изменений [15; 16]. Цели поиска факторов, содействующих повышению эффективности инновационной деятельности, соответствует потенциал модели бинарной логистической регрессии, независимыми переменными которой являются в т. ч. инвестиции в инновационную деятельность, финансирование НИОКР, применение цифровых технологий [16; 17]. Для планирования устойчивого развития предприятия предложена модель прогнозной системы ProRosEc, позволяющая скорректировать направления и объёмы инновационной деятельности предприятия [18].

При наличии большого разнообразия подходов следует отметить ограниченное число исследований, в которых комплексно рассматриваются факторы, обеспечивающие инновационный потенциал предприятия, отрасли, региона в интересах достижения технологического суверенитета национальной экономики.

Цель данного исследования состоит в разработке методики оценки инновационной деятельности предприятия, отрасли, региона в интересах обеспечения технологического суверенитета национальной экономики. Объектом исследования выступила хозяйственно-экономическая деятельность предприятия, связанная с различными формами его инновационной активности. Предмет исследования — процессы инновационной деятельности, включающие совокупность инноваций, создаваемых и осваиваемых предприятиями.

Методология, методы и материалы исследования

Методика оценки результатов инновационной деятельности предприятия учитывает уровневое устройство экономики и включает следующие этапы:

1. При помощи метода оценки вклада ВРП в ВВП выявлены регионы РФ, обладающие наибольшим

экономическим потенциалом, обеспечивающим предпосылки для расширения инновационной активности предприятий региона.

2. Оценивание инновационно значимых результатов деятельности предприятий по следующим группам индикаторов: эффективность инноваций, эффективность интеллектуальной деятельности персонала, эффективность инновационной активности предприятия, уровень инновационности производства, повышение квалификации персонала.

3. Верифицирование факторов, оказывающих положительное влияние на результаты инновационной деятельности предприятий, по разработанным математическим моделям в виде аналитических выражений и соответствующих им графических интерпретаций (гистограмм и номограмм), полученных по разработанной авторами программе "Plan-Ex" [19].

4. Выделение отраслей (видов экономической деятельности) — точек роста региональной экономики на основе агрегирования результатов инновационной деятельности предприятий, входящих в них.

Первый этап методики составляет анализ финансово-экономических возможностей региональных экономик как предпосылок расширения инновационной активности предприятий. Выявление закономерностей влияния факторов на эффективность инновационной деятельности предприятий основан на применении метода получения функциональной зависимости, описываемой функцией, представляющей собой

систему показателей-индикаторов в виде полинома второй степени соответствующих параметров оценки.

В разрезе видов экономической деятельности и в критерии уровня инновационной активности предприятий выбраны регионы, которые характеризуются наибольшим вкладом в ВВП на душу населения РФ за 10-летний период: Ненецкий АО — ВРП составляет 107 600 \$/чел.; Ямало-Ненецкий АО — 78 500 \$/чел.; Ханты-Мансийский АО — 56 380 \$/чел. Минимальный вклад в ВВП России характерен для следующих регионов: Сахалинская область — 27 000 \$/чел.; Карачаево-Черкесия — 2750 \$/чел.; а также Свердловская и Челябинская области — 15 900 и 14 900 \$/чел. соответственно. Дифференциация регионов соответствует методу статистической обработки данных по выборочной совокупности. Исходные данные для выявления закономерности в виде математической модели представлены на рисунке 1.

Разработанные авторами индикаторы — параметры оптимизации по номенклатуре исследуемых факторов классифицированы по функциональным признакам. На микроуровне инновации оцениваются по следующим группам индикаторов: инновационная эффективность, инновационная активность, повышение квалификации персонала, наличие объектов интеллектуальной собственности, оценка размера интеллектуальной собственности. На мезоуровне инновации оцениваются с учётом величины ВВП и ВРП регионов по относительным показателям с выявлением критичного индикатора.

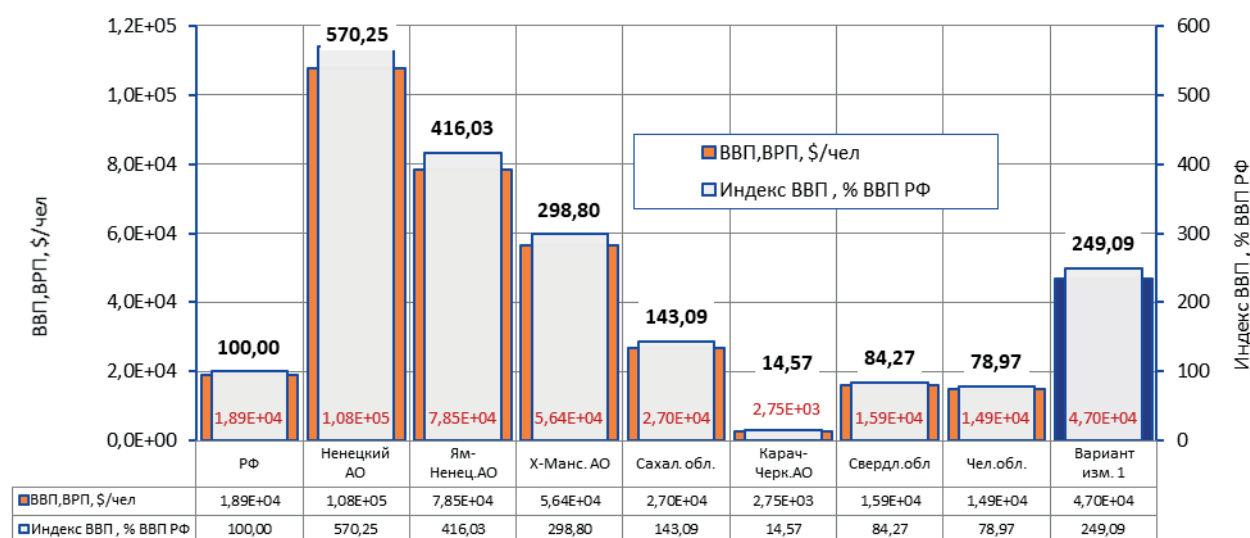

Рис. 1. Гистограмма распределения ВВП, ВРП регионов РФ

Fig. 1. Histogram of distribution of GDP, GRP by regions of the Russian Federation

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Для оценки инновационной активности предприятий используется модель, представленная в виде регрессионного ряда как функции от исследуемых факторов. Коэффициент эластичности определяет степень влияния количественного изменения каждого фактора на единицу по величине исследуемого показателя (индикатора по ОП_{Yi}).

Для выбранной нелинейной модели оцениваемых параметров коэффициент эластичности Э — эластичность замещения для многофакторных функций, будет иметь вид:

$$\mathcal{E} = \frac{(\hat{Y}'_{i(x)}) \cdot x}{\hat{Y}_i} = \frac{(b_i + 2 \cdot b_{ii} \cdot x_i) \cdot x_i}{b_0 + b_i \cdot x_i + b_{ii} \cdot x_i^2},$$

где $\hat{Y}_i$ — расчётное значение (модель) оцениваемого *i*-го параметра (ОП _{$\hat{Y}_i$});
 x — фактор (ы) ($x_1, x_2, x_3, \dots, x_n$), влияющий на исследуемый параметр;

$\hat{Y}'_{i(x)}$ — первая производная по фактору исследования (x) модели оцениваемого параметра;

$b_0, b_1, \dots, b_3, \dots$ — коэффициенты значимости факторов (определены при получении параметрических моделей).

Второй этап методики — оценка инновационно значимых результатов деятельности предприятий при помощи укрупнённых групп показателей, объединённых по функциональному признаку: эффективность инноваций, эффективность интеллектуальной деятельности персонала, эффективность инновационной активности предприятия, уровень инновационности производства, повышение квалификации персонала.

Фрагмент комплексной оценки инновационной активности предприятия представлен в таблице 1.

Таблица 1
Table 1

Оценочные показатели (индикаторы) инновационной активности предприятия и факторы, на них влияющие
Estimated indicators (indicators) of innovative activity of an enterprise and factors influencing them

№	Функциональная принадлежность	Группа показателей	Наименование показателя (индикатора) в группе (код).	Наименование и код факторов
2	Эффективность инноваций	Стоимость нематериальных активов (НМА) и затраты НИОКР	Y1.2-ИНМА — индикатор эффективности затрат НМА или НИОКР $И_{НМА} = \left(\frac{В_{Инз}}{З_{НИОКР_{нез}}} \right) \cdot \lg \frac{ОбРх_{НИОКР}}{[В_{ИПр} [min]]}$ или $И_{НМА} = \left(\frac{В_{Инз}}{З_{НИОКР_{нез}}} \right) \cdot \lg \frac{З_{НИОКР} + З_{ООб} + З_{Тх}}{[В_{ИПр} [min]]},$ $ОбРх_{НИОКР} = З_{НИОКР} + З_{Об} + З_{Тх}$	ОбРх _{НИОКР} — общие расходы на НИОКР, тыс.руб.; $N_{ОбщОб}$ — общее количество производственного оборудования, тыс.руб.; $В_{ИПр}$ — выручка от реализации инновационной продукции, тыс.руб.; $N_{ПТх}$ — количество передовых технологических процессов (технологий), ед. $N_{Р(п)}$ — количество патентных разработок на 1000 передовых технологических процессов, ед.; $З_{НИОКР}$ — затраты на НИОКР, тыс. руб.; $ОС_{Об}$ — среднегодовая стоимость основных производственных фондов, тыс. руб.; $ОС_{ПрОб}$ — стоимость основных средств, участвующих в производстве инновационной продукции, тыс. руб.; $В$ — выручка от реализации продукции, тыс. руб.
...	...	...	...	...
14	Инновационность производства	Степень инновационности ресурсов производства	Y-4.3-И _{ПрОб} — индикатор надёжности обеспечения основных средств, участвующих в производстве инновационной продукции $И_{уО} = \lg \frac{ОС_{Об}}{[ОС_{Об} [min]]} \cdot \left(1 - \frac{N_{ПрОб}}{N_{ОбщОб}} \right)$ или $И_{уО} = \lg \frac{ОС_{По}}{ОС_{Об} [min]} \cdot \left(\frac{N_{ОбщОб} - N_{ПрОб}}{N_{ОбщОб}} \right).$ $ОС_{Об} [min] = 10^{\lg(Об_{max}) - 1}$ $И_{ПрОб} = \lg \frac{ОС_{По}}{ОС_{Об} [min]} \cdot \left(\frac{N_{ПрОб}}{N_{ОбщОб}} \right)$	

Источник: разработано авторами

По соответствующей системе относительных показателей (ОП) с использованием результатов динамического анализа регионов по индексу ВВП ВРП представляется возможным провести оценку инновационной активности предприятий в разрезе территориально локализованной подсистемы региона по соответствующим коэффициентам. В результате реализации математических моделей и планов многофакторных экспериментов степень изменения показателей оценки выражены обобщёнными относительными показателями в пределах единицы

$$ОП_i = \frac{Y_i}{Y_{max}} \text{ или } ОП_i = \frac{Y_{min}}{Y_i},$$

При «идеальных» условиях функционирования предприятий относительная величина показателя будет удовлетворять условию $ОП_i \leq 1,0$.

При определении граничных значений изучаемых экономических факторов учитывалась соразмерность величин отчётных показателей предприятий РФ. При этом принимались во внимание показатели статистической оценки на однородность по G_{max} — критерию Кохрена и выбранного уровня значимости $\alpha = 0,05$. Для расчёта оцениваемых показателей и их статистической обработки установлены граничные значения, которые выбраны и оценены по системе критериев однородности и адекватности. Анализ факторов произведён в натуральных значениях и в кодированных величинах. Стабильное функционирование предприятий будет достигнуто при соблюдении требований эффективности, когда фактические значения показателей сравниваются с «нормативными» величинами критериев. При условии соблюдения адекватности математических моделей-показателей, определяющих инновационное состояние предприятий, представляется возможность произвести анализ их деятельности. Оценка и оптимизация показателей (как критериев оценки) производилась по разработанным математическим моделям в виде аналитических выражений и соответствующих им графических интерпретаций (номограмм), полученных по разработанной авторами программе «Plan ex» [8].

Третий этап методики — верификация факторов, оказывающих положительное влияние на инновационную деятельность предприятия.

Расчёт и оптимизация величин по критичным показателям (табл. 2, 3; рис. 2) производился по математическим моделям при условии, когда $ОП_i > 0$, но $ОП_i < 1$. Оценка результатов по «критичному показателю» является услови-

ем минимума, предполагая, что все остальные индикаторы по величине будут превосходить наименьшую критичную величину. По двумерным сечениям модели (рис. 2) выбраны наиболее целесообразные сочетания факторов, влияющих на инновационную активность предприятий РФ.

Например, для отрасли, осуществляющей финансовую деятельность — НлФД и оценку недвижимого имущества — ОцНДув (вклад в ВВП 16 %, табл. 2) критичным показателем будет $Y-4.3-ИПрОб$ — индикатор надёжности обеспечения прогрессивного производственного оборудования с величиной 0,149...0,152. При этом величины факторов будут такие (рис. 2): $X-1.1-ОС_{ПрОб} = 1585\,000,0$ тыс. руб.; $X-2.4-N_{ПрОб} = 13\,500,0$; $X-3.6-B_{Рез} = 232\,20,7$ тыс. руб.; $X-4-ОбРх_{НИОКР} = 1\,240\,322,9$ тыс. руб.

В то же время, рекомендованными показателями будут являться $Y-1.2-И_{НМА}$ индикатор принятых к учёту затрат в качестве НМА или НИОКР с величиной ОП = 0,217 и $Y-1.5-ИО_{ИП}$ — индикатор частоты освоения выпуска инновационной продукции с величиной ОП=0,206. В данном случае (рис. 2) величины факторов влияющих на эти показатели будут равны: $X-1.8-B_{ИлПр} = 1\,060\,000,0...10\,800\,000,0$ тыс. руб.; $X-2.4-N_{ПрОб} = 14\,000,0$; $X-2.2-NЗв(n) = 5801,0$; $X-3.6-B_{Рез} = 17038,9$ тыс. руб.; $X-3.6-NПТх = 1355,0$; $X-4.10-3_{НИОКР} = 1165000,0$ тыс.руб.; $X-4.1-ОРх = 1\,650\,000,0$ тыс.руб.

Четвёртый этап методики — выявление отраслей, характеризующихся наибольшим инновационным потенциалом. Фрагмент результатов расчёта инновационной активности предприятий по видам экономической деятельности представлен в таблице 2. Подобный анализ по математическим моделям, возможен и для остальных сочетаний факторов и индикаторов по соответствующим отраслям.

При качественной оценке по коэффициенту эластичности — Э, влияния факторов на показатели инновационной активности предприятий выявлено: для предприятий, осуществляющих финансовую деятельность, предприятий оценивающих недвижимое имущество, наибольшее влияние на инновационную деятельность имеют факторы с положительной величиной коэффициентов эластичности: $ОС_{ПО}$ — стоимость основных средств в части прогрессивного оборудования, тыс. руб.; $N_{ПрОб}$ — общее количество прогрессивного производственного оборудования; $B_{Рез}$ — стоимость принятых к учёту с результатом в качестве НМА или НИОКР инновационных

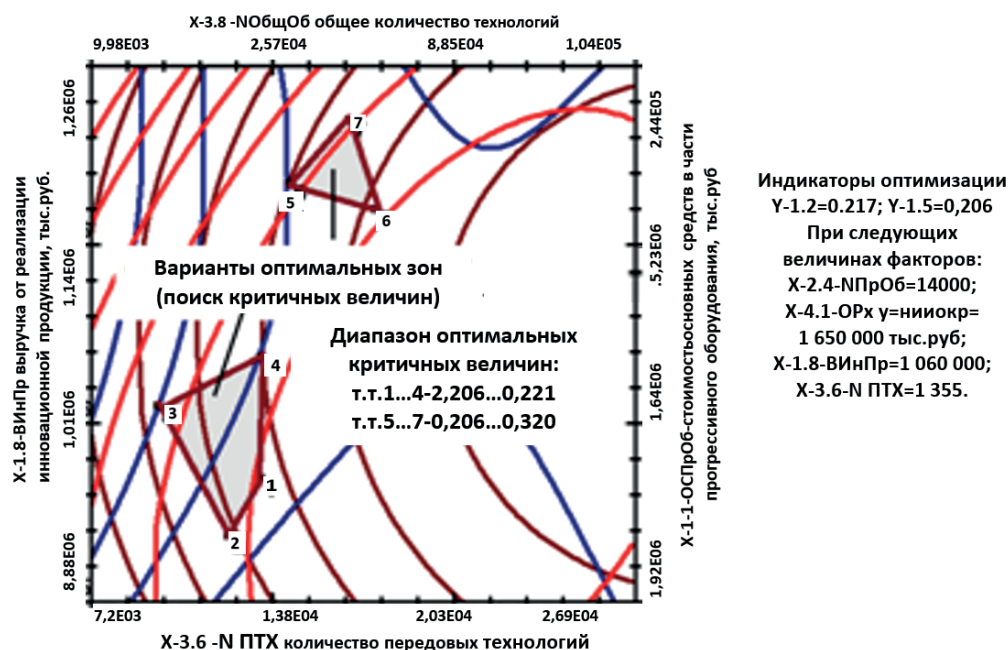

Рис. 2. Вариант номограммы оптимизации поиска оптимальных решений (заштрихованные области — фрагмент компьютерной проработки)

Fig. 2. Version of the nomogram for optimizing the search for optimal solutions (hatched areas — a fragment of computer processing)

Источник: составлено авторами

Таблица 2

Table 2

Расчётные индикаторы по величинам показателей, относительные величины
Calculated indicators based on indicator values, relative values

Вид деятельности	Вклад в ВВП, %	Y-4.3-И _{ПрОб} Наименование функции и соответствующие значения									Индивидуальная оценка оптимизации Y-»Opt»	Выбор ¹ критичного индикатора Y-»Opt»
		Y-4.2 ИУСтОб	Y-4.3 ИПрОб	Y-3.1-ИПр	Y-2.8-ИР	Y-5.1-ППкв	Y-2.9-ИЗПт	Y-3.2-ИИза	Y-1.5-ИО _{ИП}	Y-1.2-И-НМА		
Финансовая деятельность; Оценка недвижимого имущества — НлФ Д. ОцНдув	16	0,246	0,149	0,774	0,801	0,563	0,839	0,181	0,153	0,198	«no-optim»	Y-4.3-ИПрОб
Обрабатывающая промышленность — ОбПр	14	0,216	0,106	0,794	0,804	0,560	0,850	0,294	0,166	0,237	«no-optim»	Y-4.3-ИПрОб
Добыча полезных ископаемых — ДПИск	9	0,243	0,113	0,803	0,822	0,547	0,864	0,269	0,185	0,258	«no-optim»	Y-4.3- ИПрОб
Транспорт и связь — Тр и Св	8	0,280	0,288	0,804	0,884	0,562	0,876	0,180	0,193	0,214	«no-optim»	Y-3.2-ИИза
Образование, здравоохранение — Обр, ЗДрОх	6	0,251	0,229	0,876	0,875	0,636	0,822	0,193	0,162	0,218	«no-optim»	Y1.5-ИО _{ИП}
Торговля и ремонт авто-транспорта (бытовой техники) — ТрмАТ, РБТх	19	0,315	0,241	0,794	0,807	0,494	0,738	0,495	0,197	0,199	«no-optim»	Y1.5-ИО _{ИП}

¹«Критичные» показатели индикаторов.

Вид деятельности	Вклад в ВВП, %	Y-4.3-И _{ПрОб} Наименование функции и соответствующие значения									Индивидуальная оценка оптимизации Y-«Opt»	Выбор критичного индикатора Y-«Opt»
		Y-4.2 ИУСтОб	Y-4.3 ИПрОб	Y-3.1-ИПр	Y2.8-ИР	Y-5.1-ППКв	Y2.9-ИЗПт	Y-3.2-ИИза	Y-1.5-ИО _{Ип}	Y-1.2-И-НМА		
Вариант прогноза		0,278	0,321	805	0,815	0,501	0,890	252	0,220	0,217	«optim»	Y-1.2-И-НМА
Вариант-рекомендация		0,302	0,400	0,799	0,811	0,522	0,821	0,275	0,206	0,217	«optim»	Y1.5-ИО _{Ип}

Y-4.2 ИУСтОб — индикатор наличия устаревшего производственного оборудования;

Y-4.3 ИПрОб — индикатор надёжности обеспечения оборудования, участвующего в производстве инновационной продукции;

Y-3.1-ИПр — индикатор обеспеченности ресурсами инновационной активности предприятия;

Y2.8-ИР — индикатор риска затрат на НИОКР;

Y-5.1-ППКв — индикатор частоты повышения квалификации персонала;

Y2.9-ИрЗПт — индикатор риска затрат на разработку полезных моделей, патентирования изобретений;

Y-3.2-ИИза — индикатор частоты изобретательской активности персонала (число патентных разработки на 1000 заявок);

Y-1.5-ИО Ипр — индикатор освоения выпуска инновационной продукции (характеристика частоты выпуска инновационной продукции);

Y-1.2-И-НМА — индикатор эффективности затрат НМА или НИОКР.

Источник: составлено авторами.

затрат, тыс.руб.; $O_{\text{БРХНИОКР}}$ — общие расходы на НИОКР, тыс.руб. При этом суммарная величина коэффициентов составила 4,055, т. е. все перечисленные факторы оказывают «абсолютное» влияние на критичный показатель Y-4.3-И_{ПрОб} — индикатор надёжности обеспечения прогрессивно-го производственного оборудования (табл. 3).

Очевидно, что фактор $N_{\text{ПрОб}}$ в наибольшей степени влияет на надёжность обеспечения производственного оборудования (коэффициент эластичности равен $\varepsilon_{X-2.4 \text{ Y-4.3-ИПрОб}}=2,029$). Данный факт подтверждён и величиной коэффициента регрессионной модели (табл. 2 и 3, рис. 2), который равен 0,0749. Наименьшее влияние на инновационный показатель оказывает фактор $B_{\text{Рез}}$ с величиной коэффициента эластичности $\varepsilon_{X-3.6 \text{ Y-4.3-ИПрОб}}=0,1759$.

Анализ рекомендованных вариантов оценки (вариант оптимизации) свидетельствует о том, что критичным индикатором является Y-4.3-ИПрОб — индикатор надёжности производственного оборудования, участвующего в производстве инновационной продукции с величиной показателя 0,400. Величины факторов, при этом равны: X-1.8-ВинПр=1 060 000 тыс.руб.; X-2.4-N-ПрОб=14000; X-3.6-ВРез=17 038,9 тыс. руб.; X-4.10-ЗНИОКР=1 165 000 тыс.руб.

Качественная и количественная оценка данных факторов показала: факторы X-1.8-ВинПр

и X-3.6-ВРез; X-4.10-ЗНИОКР, не эластичны, т. е. слабо влияют на показатель (коэффициенты эластичности, соответственно, составили: 0,031; 0,0009; 0,018. Основным значимым фактором является X-2.4-N-ПрОб с величиной коэффициента 0,3965.

Данные утверждения подтверждены коэффициентами регрессионной модели индикатора Y-1.2-И-НМА — затраты по НМА или НИОКР.

Для всех остальных индикаторов можно проводить подобный анализ.

Заключение

Для оценки результатов инновационной деятельности предприятия предложена методика, учитывающая связь: предприятие — отрасль — регион — национальная экономика. Её основными этапами являются, во-первых, выявление российских регионов, обладающих наибольшим экономическим потенциалом, обеспечивающим расширение инновационной активности предприятий региона. Во-вторых, оценка инновационно значимых результатов деятельности предприятий. В-третьих, верификация факторов, оказывающих положительное влияние на результаты инновационной деятельности предприятий. В-четвёртых, выделение отраслей (видов экономической деятельности) — точек инновационного роста региональной экономики.

Таблица 3
Table 3Оценка эластичности по критическим показателям (фрагмент)*
Elasticity assessment based on critical indicators (fragment)*

Вид деятельности (наименование и аббревиатура)	Наименование и величина фактора		Оценка эластичности по факторам X-1.1...X-1-n.		Суммарная оценка значимости факторов по коэффициентам эластичности				
	Наименование, ед. измерения	Величина	Наименование и величина коэффициента эластичности по факторам	Дифференцированная оценка фактора по эластичности	Величина	Оценка	Величина индикатора	Оценка оптимизации	
Модель критичного индикатора, отн. исчисление									
ОП-Y-2,4-ИИза = 2,1458Е-01+1,8695Е-02 * X-1.2+6,8403Е-02 * X-2,4-1,6892Е-01 * X-3,6-5,1081Е-02 * X-1,2^2-4,8643Е-02 * X-2,2^2+ +1,5143Е-01 * X-3,6^2-4,8643Е-02 * X-4-(4,5 ₁₀)^2-4,4656Е-02 * X-2,4 * X-3,6									
Транспорт и связь (ТрСв)	X-1.2-3 _{ПКв} , тыс.руб.	6012206,0	Э _{X-1-2} Y-2-4-И _{Иза}	-0,0626	Не эластичен	-0,521	Не эластичны	0,1795	«no-optimum»
	X-2.2-N _{3в(п)}	605,9	Э _{X-2-2} Y-2-4-И _{Иза}	-0,0546	Не эластичен				
	X-3.6-N _{ПТх}	1805,7	Э _{X-3-6} Y-2-4-И _{Иза}	-0,2529	Не эластичен				
	X-4-Об _{рхНИОКр} тыс.руб	1189646,5	Э _{X-4-10} Y-2-4-И _{Иза}	-0,1513	Не эластичен				
Модель критичного индикатора, отн. исчисление									
Y-3-4-ИПрОб — индикатор надёжности оборудования для производства инновационной продукции									
Y-4-3-ИПрОб= -5,515Е-02+1,1395Е-01*X-1.1+7,49Е-02*X-2.4-1,9349Е-01*X3.6+6,58Е-02*X-1.1^2+1,955Е-01*X-2.4^2+1,174Е-01*X-3.6^2+ +7,191Е-02*X-4-(4,5 ₁₀)^2+2,65Е-02*X-1.1*X-2.4-7,54Е-02 * X-1.1*X3.6-4,32Е-02*X-2.4* X-3,6									
Образование. Здравоохранение (Обр. ЗдрОх)	X-1.1-ОС _{ПрОб} , тыс.руб.	1425809,5	Э _{X-1-1} Y-3-4-И _{ПрОб}	0,7847	Эластичен	2,995	Абсолютно эластичны	0,1529	«no-optimum»
	X-2.4-N _{ПрОб}	13641,3	Э _{X-2-4} Y-3-4-И _{ПрОб}	2,2618	Абсолютно эластичен				
	X-3.6-В _{Рез} , тыс. руб.	64622,9	Э _{X-3-6} Y-3-4-И _{ПрОб}	-0,1618	Не эластичен				
	X-4-О _{брхНИОКр} тыс.руб	1150726,5	Э _{X-4-10} Y-3-4-И _{ПрОб}	0,1100	Эластичен				
Модель критичного индикатора, отн. исчисление									
Y-1-2-И-НМА — Индикатор затрат по НМА или НИОКР									
ОП-Y-1-2-И-НМА = 2,7093Е-01-1,9512Е-01 * X-2-4+1,1275Е-01 * X*3-6-В*+1,5206Е-02 * X-4-(4.5.10)-3,2461Е-02 * X-1-8^2+ +1,3924Е-01 * X-2-4^2-3,2461Е-02 * X*3-6-В*^2-3,3149Е-02 * X-4-(4.5.10)^2-6,4656Е-02 * X-2-4 * X*3-6-В*									
Прогноз или Рекомендация 1*	X-1.8-В _{инПр} , тыс. руб.	1060000,0	Э _{X-1,8} Y-1.2-И _{НМА}	-0,031	Не эластичен	0,381	Эластичны	0,2170	«optimum»
	X-2.4-N-ПрОб	14000,0	Э _{X-2,4} Y-1.2-И _{НМА}	0,3965	Эластичен				
	X-3.6-В _{Рез} , тыс. руб.	17038,9	Э _{X-3,6-В8} Y-1.2-И _{НМА}	-0,0009	Не эластичен				
	X-4.10 -3- _{НИОКр} тыс.руб.	1165000,0	Э _{X-4,10} Y-1.2-И _{НМА}	-0,0118	Не эластичен				

*Источники: разработано авторами.

Разработанный методический аппарат позволяет уточнить механизм инновационной деятельности предприятий, обосновать влияние отдельных факторов на уровень и качество их инновационной активности. По результатам исследования выделены факторы, оказывающие значимое положительное влияние на инновационную активность предприятия: выручка от реализации инновационной продукции, стоимость производственного оборудования, участвующего в производстве инновационной продукции, количество патентных разработок персонала, затраты на НИОКР, среднегодовая стоимость основных средств, производящих средства производства.

Проведённые исследования показали, что наибольшая инновационная активность наблю-

дается в следующих видах экономической деятельности: финансовая, оценка недвижимого имущества, обрабатывающая промышленность, добыча полезных ископаемых, транспорт и связь, торговля и ремонт автотранспорта и бытовой техники. Имея высокий уровень инновационной активности предприятия данных видов деятельности, обеспечивают собственное технологическое лидерство, составляют точки роста региональной экономики, формируют предпосылки технологического суверенитета российской экономики. Интересам достижения технологического суверенитета российской экономики соответствуют изменения уровня и качества инновационной активности на микро- и мезоуровнях.

Список источников

1. Стрекалова А. С. Восприятие инноваций в маркетинге территорий // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 2. С. 293–304.
2. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями. М. : Экономика, 1989. 272 с.
3. Саудер У. Е., Нашар А. С. Руководство по наилучшим методам трансфера технологий. М. : Дело-ЛТД, 1995. 194 с.
4. Ивинская Е. А., Абдрахманова Д. Р. Взаимосвязь технологических и организационных новаций в условиях цифровой трансформации // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, № 2. С. 431–443.
5. Бабинова А. В., Ханина А. В. Ориентиры инновационного развития организаций в контексте глобальных трендов информационной экономики // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, № 2. С. 717–728.
6. Власов М. В., Шардина М. О. Инновационная деятельность в контексте международных экономических отношений // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18, № 2. С. 300–307.
7. Bacon E., Williams M. D., Davies G. H. Recipes for success: Conditions for knowledge transfer across open innovation ecosystems // International Journal of Information Management. 2019. Vol. 49. P. 377–387.
8. Корчагина И. В., Корчагин Р. Л. Влияние инновационной экосистемы на диверсификацию экономики региона // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17, № 1. С. 79–90.
9. Гурлев В. Г., Хомякова Т. С. Статистический инструментарий оценки гипотез экономической безопасности предприятий. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2020. 78 с.
10. Трошин Д. В. Методика организации мероприятий по нейтрализации источников рисков и угроз экономической безопасности с использованием концептуальной модели источников рисков и угроз // Проблемы анализа риска. 2020. Т. 17, № 1. С. 90–99.
11. Земцов С. П., Чернов А. В. Какие высокотехнологичные компании растут быстрее и почему // Журнал новой экономической ассоциации. 2019. № 1 (41). С. 68–99.
12. Высиканцев А. П., Клеев И. В., Акиншин Р. Н., Калачев В. В., Лапушкина Е. А. Методы управления экономической безопасностью на высокотехнологичных предприятиях авиастроительной отрасли // Инновации и инвестиции. 2021. № 11. С. 38–40.
13. Выгузов В. Э., Гуменова Г. Н. К вопросу об индикаторах инновационной активности отечественных предприятий // Инновации и инвестиции. 2021. № 5. С. 4–6.
14. Андреев Е. С. Методика совершенствования системы управления инновационной деятельностью российского научно-производственного предприятия // Инновации и инвестиции. 2021. № 4. С. 4–7.
15. Кузнецова М. В. Роль индикаторов инновационной деятельности в оценке уровня экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2019. Т. 2, № 2. С. 131–137.
16. Гурлев В. Г., Слива С. В., Хомякова Т. С. Финансово-экономические аспекты безопасности домашних хозяйств // Аудит и финансовый анализ. 2022. № 4. С. 19–26.

17. Полушин Ю. А., Юданов А. Ю. Метод анализа экономических процессов в условиях нестабильности // *Экономический журнал ВШЭ*. 2020. № 4. С. 622–649.
18. Андрукович П. Ф. Заметки о принципах построения моделей прогноза экономических показателей (на примере прогнозной системы ProRosEc) // *Экономика и математические методы*. 2020. № 2. С. 66–76.
19. Гурлев В. Г., Хомякова Т. С., Атаманченко Т. И. Программный комплекс управления и регистрации жилого фонда — House record for Windows // *Свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2015660576*. 2015.

References

1. Strekalova AS. Perception of innovations in territorial marketing. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of Economic Theory*. 2019;16(2):293-304. (In Russ.).
2. Twiss B. Upravleniye nauchno-tekhnicheskimi novovvedeniyami = Management of scientific and technical innovations. Moscow: Economics; 1989. 272 p. (In Russ.).
3. Sauder UE, Nashar AS. Rukovodstvo po nailuchshim metodam transfera tekhnologiy = Guide to the best methods of technology transfer. Moscow: Delo-LTD; 1995. 194 p. (In Russ.).
4. Ivinskaya EA, Abdrakhmanova DR. Interrelation of technological and organizational innovations in the conditions of digital transformation. *Voprosy innovacionnoy ekonomiki = Issues of innovative economics*. 2021;11(2):431-443. (In Russ.).
5. Babikova AV, Khanina AV. Landmarks for innovative development of organizations in the context of global trends in the information economy. *Voprosy innovacionnoy ekonomiki = Issues of innovative economics*. 2021;11(2):717-728. (In Russ.).
6. Vlasov MV, Shardina MO. Innovative activity in the context of international economic relations. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of Economic Theory*. 2021;18(2):300-307. (In Russ.).
7. Bacon E, Williams MD, Davies GH. Recipes for success: Conditions for knowledge transfer across open innovation ecosystems. *International Journal of Information Management*. 2019;(49):377-387.
8. Korchagina IV, Korchagin RL. The influence of the innovation ecosystem on the diversification of the regional economy. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of Economic Theory*. 2020;17(1):79-90. (In Russ.).
9. Gurlev VG, Khomyakova TS. Statisticheskii instrumentariy otsenki gipotez ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiy = Statistical processing of expert studies of economic security of enterprises. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center; 2019. 103 p. (In Russ.).
10. Troshin DV. Methodology for organizing measures to neutralize sources of risks and threats to economic security using a conceptual model of sources of risks and threats. *Problemy analiza riska = Problems of risk analysis*. 2020;17(1):90-99. (In Russ.).
11. Zemtsov SP, Chernov AV. Which high — tech companies disclose faster and why. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy associacii = Journal of the New Economic Association*. 2019;1(41):68-99. (In Russ.).
12. Vysikantsev AP, Kleev IV, Akinshin RN, Kalachev VV, Lapushkina EA. Methods for managing economic safety at high — tech enterprises in the aircraft industry. *Innovacii i investicii = Innovations and investments*. 2021;(11):38-40. (In Russ.).
13. Vyguzev VE, Gumerova GN. On the issue of indicators of innovative activity of domestic enterprises. *Innovacii i investicii = Innovations and investments*. 2021;(5):4-6. (In Russ.).
14. Andreev ES. Methodology for improving the management system of innovation activities of a Russian research and production enterprise. *Innovacii i investicii = Innovations and investments*. 2021;(4):4-7. (In Russ.).
15. Kuznetsova MV. The role of indicators of innovation activity in assessing the level of economic security. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic security*. 2019;(2):131-137. (In Russ.).
16. Gurlev VG, Sliva SV, Khomyakova TS. Financial and economic aspects of household security. *Audit i finansovyy analiz = Audit and financial analysis*. 2022;(4):19-26. (In Russ.).
17. Polushin YA, Yudanov AY. Method of analysis of economic processes in conditions of instability. *Ekonomicheskij zhurnal VShE = HSE Economic Journal*. 2020;(4):622-649. (In Russ.).
18. Andrukovich PF. Notes on the principles of constructing models for forecasting economic indicators (using the example of the ProRosEc forecast system). *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and mathematical methods*. 2020;(2):66-76. (In Russ.).

19. Gurlev VG, Khomyakova TS, Atamanchenko TI. Software complex for management and registration of housing stock — House record for Windows. Certificate of state registration of computer programs; 2015.

Информация об авторах

В. Г. Гурлев — доктор технических наук, профессор кафедры экономической безопасности.

С. В. Слива — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности.

Т. С. Хомякова — старший преподаватель кафедры цифровой экономика и информационные технологии.

Information about the authors

Vladimir G. Gurlev — Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Economic Security.

Tatiana S. Khomiakova — Senior Lecturer of the Department of the Department of Economic Security.

Svetlana V. Sliva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security.

Статья поступила в редакцию 17.03.2024; одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 17.03.2024; approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 334.024

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-138-147

ЦИФРОВЫЕ КАНАЛЫ КОММУНИКАЦИИ В ЭКОСИСТЕМЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Евгений Васильевич Попов¹, Виктория Львовна Симонова^{2✉},
Анастасия Александровна Шадрина³

¹Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Россия, epopov@mail.ru, 0000-0002-5513-5020

²Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Россия, simonova4@yandex.ru,
0000-0003-2814-464X

³Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Россия, nastia-shadrina@yandex.ru

Аннотация. Цифровые каналы коммуникации стали важным фактором в современной бизнес-экосистеме предприятия. Эта научная статья представляет системный анализ цифровых каналов, их роль и значимость в контексте экосистемы предприятия. Целью настоящего исследования является систематизация цифровых каналов коммуникации стейкхолдеров экосистемы предприятия. Основываясь на разработанной авторской типологии, исследование анализирует разнообразные цифровые каналы, используемые различными стейкхолдерами для продвижения товаров и достижения своих целей. Анализ выявляет преимущества и недостатки каждого типа канала и подчёркивает их роль в обеспечении эффективной коммуникации в экосистеме предприятия. Научная новизна полученного результата заключается в интеграции структурированного анализа стейкхолдеров, цифровых каналов, целей и инструментов взаимодействия. Исследование призывает к дальнейшему исследованию в области цифровой коммуникации с целью более глубокого понимания её влияния на предприятия и развитие современного бизнеса. Эта статья представляет собой важный вклад в изучение вопросов цифровой коммуникации в контексте экосистемы предприятия.

Ключевые слова: экосистема предприятия, стейкхолдеры, каналы коммуникации

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-20036.

Для цитирования: Попов Е. В., Симонова В. Л., Шадрина А. А. Цифровые каналы коммуникации в экосистеме предприятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 138–147. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-138-147

Original article

DIGITAL COMMUNICATION CHANNELS IN THE ENTERPRISE ECOSYSTEM

Evgeny V. Popov¹, Victoria L. Simonova^{2✉}, Anastasia A. Shadrina³

¹The Ural Institute of Management — Branch of the RANEPA, Yekaterinburg, Russia, epopov@mail.ru, 0000-0002-5513-5020

²The Ural Institute of Management — Branch of the RANEPA, Yekaterinburg, Russia, simonova4@yandex.ru,
0000-0003-2814-464X

³The Ural Institute of Management — Branch of the RANEPA, Yekaterinburg, Russia, nastia-shadrina@yandex.ru

Abstract. Digital communication channels have become a crucial factor in the modern business ecosystem of enterprises. This scientific article provides a systematic analysis of digital channels, their role, and significance within the context of the enterprise ecosystem. Based on a developed proprietary typology, the research scrutinizes diverse digital channels employed by various stakeholders to promote products and achieve their objectives. The analysis unveils the advantages and disadvantages of each channel type, emphasizing their role in ensuring effective communication within the enterprise ecosystem. The article also highlights an element of scientific novelty that can enrich the understanding of digital communication processes. The research calls for further exploration in the field of digital communication to gain a deeper understanding of its impact on enterprises and the development of contemporary business. This article represents a significant contribution to the study of digital communication issues in the context of the enterprise ecosystem.

Keywords: enterprise ecosystem, stakeholder, communication channel

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-18-20036.

For citation: Popov EV, Simonova VL, Shadrina AA. Digital Communication Channels in the Enterprise Ecosystem. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):138-147. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-138-147

Введение

Современная бизнес-среда подвергается постоянным изменениям, и важность эффективной коммуникации в экосистеме предприятия становится критически важной для его успеха. Цифровые технологии стали неотъемлемой частью этой экосистемы, предоставляя множество каналов для взаимодействия с различными стейкхолдерами. В современном мире цифровизация и технологические инновации революционизировали бизнес-среду, и предприятия столкнулись с необходимостью адаптироваться к новым условиям. Однако, несмотря на широкое использование цифровых каналов коммуникации, исследования в области их роли и влияния на экосистему предприятия остаются важными и актуальными. В этом контексте данная тема становится критической, поскольку цифровые каналы коммуникации стали основой для взаимодействия с различными стейкхолдерами, включая потребителей, поставщиков, государственные органы и других участников экосистемы предприятия.

Проблемой, требующей дальнейшего исследования, является не только идентификация эффективных цифровых каналов, но и понимание того, как они взаимодействуют в рамках всей экосистемы предприятия. Кроме того, необходимо учитывать разнообразие стейкхолдеров, каждый из которых может иметь свои уникальные потребности и предпочтения в коммуникации. Исследование в этой области позволит выявить лучшие практики использования цифровых каналов и разработать стратегии, способствующие оптимизации взаимодействия в экосистеме предприятия, что крайне важно в условиях быстро меняющегося бизнес-ландшафта.

В данной научной статье мы проводим исследование цифровых каналов коммуникации, анализируя их роль и значимость в экосистеме предприятия. Для укрупнённого представления всех элементов экосистемы предприятия использован стейкхолдерский подход. Отсюда целью настоящего исследования является систематизация цифровых каналов коммуникации стейкхолдеров экосистемы предприятия.

Экосистема предприятия как внешняя среда для продвижения товара

В современной бизнес-среде концепция экосистемы предприятия привлекает всё больше внимания исследователей и практиков. *Экосистема предприятия* представляет собой сложную и взаимосвязанную сеть организаций, клиентов, партнёров и других участников, которые сотрудничают для достижения общих целей. В этой статье мы проведём обзор научной литературы по концепции экосистемы предприятия, рассмотрим её структуру, взаимодействие между участниками и сфокусируемся на проблеме отсутствия типологии цифровых каналов коммуникации в рамках данной экосистемы [1].

Понятие экосистемы предприятия имеет множество определений, однако оно обычно описывает сеть взаимодействующих субъектов, включая само предприятие, его клиентов, поставщиков, конкурентов и других партнёров. Основной целью экосистемы является обеспечение эффективного функционирования и развития предприятия путём сотрудничества и координации действий всех её компонентов. Понимание экосистемы предприятия позволяет увидеть, как взаимосвязи между участниками способствуют развитию и успешности предприятия [2].

Экосистема предприятия представляет собой концепцию, которая описывает сложную и взаимосвязанную среду, в которой функционирует предприятие. Эта концепция внедряется в современный бизнес для более глубокого понимания окружающей среды и успешного взаимодействия с ней.

Экосистема предприятия включает в себя множество элементов и акторов, таких как клиенты, поставщики, конкуренты, партнёры, регуляторы и другие участники рынка. Все они находятся в постоянном взаимодействии и взаимозависимости друг от друга, что создаёт сложные отношения и динамику внутри данной экосистемы [3].

Ключевым аспектом экосистемы предприятия является не только внутреннее взаимодействие компонентов, но и их воздействие на стратегию, инновации и успех предприятия в целом. В этой среде предприятия строят сотрудничество

с партнёрами, адаптируются к конкуренции, удовлетворяют потребности клиентов и соблюдают нормы и законы регулирования бизнеса.

С точки зрения продвижения товаров и услуг экосистема предприятия предоставляет множество возможностей и вызовов. Она стимулирует компании разрабатывать инновационные продукты и услуги, оптимизировать свои бизнес-процессы и строить долгосрочные отношения с клиентами и партнёрами.

Важно отметить, что успешное продвижение товаров в экосистеме предприятия требует не только понимания внешних факторов, но и умения адаптироваться и использовать современные средства коммуникации, включая цифровые каналы. Эффективное взаимодействие с разными участниками и оптимальное использование цифровых ресурсов становятся ключевыми аспектами успешного продвижения в этой динамичной экосистеме [4].

В итоге экосистема предприятия представляет собой сложное и интерактивное сообщество участников, играющих важную роль в продвижении товаров и развитии предприятия. Она требует от бизнеса гибкости, адаптации и инноваций для успешного выживания и процветания в современном бизнес-мире.

Содержание экосистемы предприятия может варьироваться в зависимости от отрасли и контекста. Включение клиентов, партнёров, поставщиков и конкурентов создаёт сложное взаимодействие, стимулирующее инновации и развитие [1].

1. Клиенты и потребители. Клиенты и потребители являются одними из самых важных элементов экосистемы предприятия. Они определяют спрос на товары и услуги предприятия и влияют на его прибыль. Понимание и удовлетворение потребностей клиентов становятся приоритетными задачами предприятия. Взаимодействие с клиентами может происходить через различные каналы, включая онлайн-платформы, социальные сети и традиционные методы коммуникации [5].

2. Поставщики. Поставщики представляют собой важный элемент снабжения предприятия. Качество и своевременная поставка сырья и компонентов оказывают влияние на производственный процесс и конечное качество товаров. Стратегические партнёрства с надёжными поставщиками могут повысить эффективность предприятия.

3. Конкуренты. Конкуренты в экосистеме предприятия могут стать как вызовом, так и источником вдохновения. Анализ конкурентной среды

позволяет предприятию выявить свои конкурентные преимущества, а также слабые стороны, что помогает разработать стратегии продвижения товаров и укрепить свою позицию на рынке.

4. Партнёры. Партнёрские отношения в экосистеме предприятия могут охватывать совместные маркетинговые и продажные кампании, совместную разработку продуктов и услуг, а также обмен ресурсами и знаниями. Партнёры способствуют расширению возможностей предприятия и увеличению его конкурентоспособности.

5. Регуляторы и законодательство. В экосистеме предприятия также присутствуют регуляторы и законодательные органы, которые устанавливают правила и нормы, регулирующие деятельность предприятия. Соблюдение законодательства и нормативов является неотъемлемой частью функционирования предприятия.

6. Технологии и инновации. Современные технологии и инновации оказывают влияние на производственные процессы, способы продвижения товаров и взаимодействие с клиентами. Кроме того, научные и образовательные учреждения играют важную роль в исследованиях и разработках, которые могут затем применяться предприятиями. Сотрудничество с академическим миром позволяет предприятиям оставаться на переднем крае технологических инноваций.

7. Социальные сети и онлайн-платформы: Социальные сети и онлайн-платформы остаются важными каналами коммуникации и продвижения товаров. Кроме того, они используются и образовательными учреждениями для привлечения студентов и предоставления образовательных ресурсов. СМИ также являются ключевыми игроками в распространении информации о продуктах и услугах предприятия.

Таким образом, современные предприятия взаимодействуют с различными стейкхолдерами, включая науку, образование и СМИ, чтобы эффективно адаптироваться к переменчивым условиям бизнеса и расширить свои возможности продвижения товаров и услуг. Эти составляющие формируют сложную и взаимозависимую экосистему предприятия. Понимание этой экосистемы и её элементов является важным для разработки стратегий продвижения товаров и управления бизнесом в современном мире, где взаимодействие и адаптация играют ключевую роль в успехе предприятия [6].

Взаимодействие между участниками экосистемы предприятия является ключевым элементом для её функционирования и развития. Эта

взаимосвязь охватывает разнообразные аспекты и формы взаимодействия, которые оказывают влияние на бизнес-процессы, стратегии и успех предприятия. Рассмотрим подробнее важные аспекты взаимодействия между участниками экосистемы предприятия:

1. Сотрудничество и партнёрство. предприятия могут устанавливать стратегические партнёрства с другими организациями в рамках экосистемы. Эти партнёрства могут быть направлены на совместную разработку продуктов, совместное производство, распределение или маркетинг. Сотрудничество позволяет участникам экосистемы объединять ресурсы и навыки, что приводит к взаимной выгоде.

2. Конкуренция. Конкуренция также является важным аспектом в экосистеме предприятия. Конкуренты могут стимулировать инновации и улучшение продуктов и услуг. В то же время конкуренция может быть вызовом, и предприятия должны разрабатывать стратегии для сохранения или расширения своей доли на рынке.

3. Обмен ресурсами. Участники экосистемы предприятия могут обмениваться ресурсами, такими как информация, технологии, финансы и знания. Этот обмен может способствовать развитию и росту предприятия, а также укреплению партнёрских отношений.

4. Информационное взаимодействие. Обмен информацией в экосистеме предприятия играет важную роль. Цифровые технологии позволяют участникам обмениваться данными и аналитикой, что помогает в принятии более обоснованных решений и лучше понимании рынка.

5. Влияние регуляторов. Государственные органы также участвуют в экосистеме предприятия. Они устанавливают правила и нормы, регулирующие деятельность предприятий. Взаимодействие с регуляторами может включать соблюдение законодательства и нормативов, а также участие в диалоге с органами власти.

6. Обратная связь от клиентов. Клиенты и потребители взаимодействуют с предприятием через обратную связь. Эта обратная связь может быть важным источником информации о потребительских предпочтениях, что позволяет предприятию адаптировать свои продукты и услуги.

7. Адаптация к рыночным изменениям. Экосистема предприятия также включает в себя способность предприятий адаптироваться к изменениям на рынке. Это может включать в себя реакцию на новые технологии, изменение требований клиентов или регулирование.

Интеграция всех этих аспектов взаимодействия между участниками экосистемы предприятия определяет её динамику и успех. Эффективное взаимодействие позволяет участникам совместно создавать ценность и адаптироваться к переменам, что является ключевым фактором для долгосрочного успеха предприятия [7].

Цифровые каналы коммуникации играют ключевую роль в современном бизнесе и обществе. Они представляют собой разнообразные средства передачи информации и взаимодействия между стейкхолдерами. В литературе существует обширный набор понятий и терминов, связанных с цифровыми каналами коммуникации [8].

Каналы коммуникации: Каналы коммуникации включают в себя разнообразные средства передачи информации, включая веб-сайты, электронную почту, социальные медиа, мобильные приложения, чат-боты, вебинары и многое другое. Они предоставляют предприятиям средства для взаимодействия с разными стейкхолдерами.

Интерактивные каналы. С развитием цифровых технологий стали доступными интерактивные каналы коммуникации, которые позволяют более глубокое взаимодействие с клиентами и другими участниками экосистемы. Эти каналы позволяют проводить опросы, чаты в реальном времени, интерактивные вебинары и другие формы взаимодействия.

Многоканальность и кроссканалы. Подход многоканальности предполагает наличие нескольких каналов для взаимодействия с клиентами, и они могут быть интегрированы в единую систему, что называется кроссканалами. Это позволяет обеспечивать более согласованное и эффективное общение.

Автоматизация и искусственный интеллект. С развитием технологий, автоматизация и искусственный интеллект стали неотъемлемой частью цифровых каналов. Это включает в себя чат-ботов, персонализацию контента, анализ данных и другие методы, позволяющие оптимизировать взаимодействие.

Цифровые каналы коммуникации становятся всё более важными в современном мире, и литературный обзор поможет читателям лучше понять, как эти каналы меняются с развитием технологий и какие возможности они предоставляют для взаимодействия в экосистеме предприятия [9].

В эпоху цифровой коммуникации и онлайн-платформ, взаимодействие между участниками экосистемы предприятия становится более

активным и динамичным. Увеличение коммуникационных взаимодействий позволяет эффективнее адаптироваться к изменяющимся условиям рынка и лучше понимать потребности клиентов. Однако, несмотря на рост цифровых коммуникаций, существует проблема отсутствия чёткой типологии и стратегии использования цифровых каналов коммуникации внутри экосистемы предприятия. Отсутствие систематизации цифровых каналов может привести к нерациональному использованию ресурсов и упущению возможностей для эффективного продвижения товара [10].

Следовательно, возникает проблема необходимости систематизации цифровых каналов коммуникации в экосистеме предприятия. Решим данную проблему в рамках настоящего исследования.

Процедура исследования

Объектом настоящего исследования выступили экосистемы предприятий. Предмет исследования — экономические отношения стейкхолдеров экосистемы по формированию коммуникационных взаимодействий. В настоящем исследовании все элементы экосистемы предприятия агрегировали в рамках стейкхолдерского подхода [Попов Е. В., Симонова В. Л., Челак И. П. Экосистема фирмы : монография. М. : ИНФРА-М, 2022. 311 с.]. Информационной базой послужили научные статьи по данной тематике, проиндексированные в БД РИНЦ за 2015–2023 гг. Алгоритм исследования: критика предшествующих исследований, формулирование проблемы, разработка авторской типологии коммуникационного взаимодействия стейкхолдеров экосистемы организации, определение достоинств и недостатков авторской типологии, формулирование элемента научной новизны.

Цифровые каналы коммуникации стейкхолдеров экосистемы предприятия

В данной таблице представлена сводная информация о цифровых каналах коммуникации, которые используются предприятием для взаимодействия с различными стейкхолдерами в его экосистеме. Каждый стейкхолдер (Потребители, Поставщики, Государственные органы, Образовательные учреждения, СМИ) имеет свой набор цифровых каналов, которые используются для продвижения товаров и достижения уникальных целей [11].

Для формирования таблицы сопоставлены результаты четырёх различных исследований по стейкхолдерам [12], цифровым каналам [13], це-

лям взаимодействий [13] и инструментам взаимодействий [14]. Новизна результата заключается в сопоставлении данных, полученных различными авторами.

Эта таблица предоставляет важную информацию для исследования взаимодействия предприятия с его экосистемой и подчёркивает, как различные каналы могут варьироваться в зависимости от стейкхолдера. Анализ этих данных позволяет выявить наилучшие практики коммуникации и оптимизации взаимодействия в рамках экосистемы предприятия.

Данная таблица представляет разнообразие стейкхолдеров и цифровых каналов, которые они используют для взаимодействия в контексте продвижения товара. Выбор конкретных типов стейкхолдеров и цифровых каналов зависит от целей бизнеса, целевой аудитории и характера продукта или услуги [15]. Вот почему выбраны именно эти типы стейкхолдеров и каналы:

1. Потребители

Социальные сети — это широко используемый канал для привлечения внимания потребителей, особенно если товар имеет широкий рынок. Социальные медиа позволяют создать визуальные и текстовые контенты для продвижения.

Онлайн-магазины и платформы: очевидный выбор для продажи товаров напрямую потребителям.

Подписка на электронную рассылку: электронная почта — надёжный способ отправлять персонализированные предложения и информацию о товаре.

2. Поставщики

Корпоративные веб-сайты: официальный источник информации о продукте или услуге для потенциальных партнёров и поставщиков.

Бизнес-платформы для B2B коммуникаций: используются для установления и поддержания партнёрских отношений.

3. Государственные органы

Официальные веб-порталы — эффективный способ соблюдать правила и требования государственных органов и поддерживать соответствие с законами.

Электронные государственные услуги: для облегчения процедур получения разрешений и сертификаций.

4. Образовательные учреждения

Виртуальные учебные платформы: образовательные материалы могут быть полезными для обучения персонала или распространения знаний о продукте.

Цифровые каналы коммуникации стейкхолдеров экосистемы предприятия
Digital communication channels for enterprise ecosystem stakeholders

Стейкхолдеры	Цифровые каналы	Цели взаимодействия	Инструменты взаимодействия
Потребители	Социальные сети (ВК, Одноклассники, Телеграм, Яндекс Дзен, Instagram, Facebook, Twitter) и чат-бот	Получение информации о продукте, акциях, новинках	Рекламные и информационные посты, сторис, комментарии, общение в личных сообщениях (директ)
	Онлайн-магазины, платформы, маркетплейсы	Покупка продукта	Поиск, оформление заказа
	Подписка на электронную рассылку	Получение новостей о продуктах, новинках и специальных предложений	Сервисы электронных рассылок
Поставщики	Корпоративные веб-сайты и социальные сети (TenChat, Телеграм-канал, ЯндексДзен, ВК)	Предоставление информации о компании и продукте, поиск потенциальных партнёров	Новости компании, описание товара, обмен сообщениями, предложения
	Электронные бизнес-СМИ и их страницы в социальных сетях	Повышение узнаваемости у существующих партнёров и поиск новых	Новости компании, описание товара
Государственные органы	Официальные веб-порталы	Регулирование деятельности, поддержка	Публикации, электронные формы
	Электронные государственные услуги	Предоставление сертификатов, разрешений	Онлайн-заявки, документы
Образовательные учреждения	Виртуальные учебные платформы	Предоставление образовательных материалов	Онлайн-курсы, видеолекции
	Социальные сети для образовательных целей	Продвижение образовательных программ	Посты, объявления
СМИ	Новостные веб-сайты, онлайн-издания	Распространение информации о новостях компании и продукте	Статьи, обзоры, интервью
	Социальные сети для медиа	Публикация новостей и статей	Посты, фотографии и видеоролики

Источник: разработано авторами.

Социальные сети для образовательных целей: могут использоваться для продвижения образовательных программ.

5. СМИ

Новостные веб-сайты, онлайн-издания: СМИ могут помочь распространить информацию о продукте через статьи, новости и обзоры.

Социальные сети для медиа: позволяют СМИ активно обсуждать и публиковать контент о продукте.

Выбор каналов и стейкхолдеров также может зависеть от бюджета, доступных ресурсов и целевой аудитории. Важно подходить к этому вопросу стратегически и выбирать те каналы, которые наиболее эффективно достигнут поставленных целей продвижения товара.

Обсуждение полученных результатов

Данная таблица представляет собой анализ важных стейкхолдеров в контексте продвиже-

ния товара через цифровые каналы. Она помогает определить, какие каналы коммуникации наиболее подходят для каждого стейкхолдера и какие цели они могут достичь через такие взаимодействия. Главные достоинства авторской типологии в том, что она учитывает разные потребности и цели каждого стейкхолдера в продвижении товара, что позволяет компаниям более точно настраивать свои маркетинговые стратегии. А также таблица представляет информацию в легко читаемом формате, что делает её доступной для широкой аудитории. Главный недостаток такой типологии в том, что реальные сценарии могут быть более сложными, и в реальной жизни стейкхолдеры могут иметь разные предпочтения по каналам и способам коммуникации, и это может не всегда укладываться в предложенные категории.

Научная новизна полученного результата заключается в интеграции структурированного анализа стейкхолдеров, цифровых каналов, целей

и инструментов взаимодействия. Это предоставляет более системный и комплексный подход к разработке маркетинговых стратегий, что может быть полезно для исследователей и практиков в области рыночной деятельности предприятий.

Цифровые каналы коммуникации представляют собой ключевой аспект взаимодействия предприятия с его окружением. На основе разработанной типологии, представленной в данной статье, мы выявили разнообразие цифровых каналов, используемых различными стейкхолдерами для продвижения товара и достижения своих целей в экосистеме предприятия.

Несмотря на некоторые упрощения в предложенной типологии, она обладает высокой практической ценностью для разработки маркетинговых стратегий и оптимизации коммуникаций внутри предприятия и за его пределами. Она также предоставляет новый уровень понимания процессов цифровой коммуникации в экосистеме предприятия.

Заключение

В настоящем исследовании с целью систематизации цифровых каналов коммуникации стейкхолдеров экосистемы предприятия полу-

чены следующие теоретические и практические результаты.

Во-первых, проанализированы предшествующие исследования по экосистеме предприятия как внешней среды для продвижения товаров и сформулирована проблема о необходимости систематизации цифровых каналов коммуникации между элементами данной экосистемы.

Во-вторых, в рамках стейкхолдерского представления экосистемы сопоставлены результаты различных исследований по цифровым каналам, целям и инструментам взаимодействий стейкхолдеров экосистемы предприятия.

В-третьих, показана применимость разнообразных цифровых каналов коммуникации для проведения успешной политики продвижения товаров предприятия в рыночных условиях.

Теоретическая значимость полученного результата заключается в развитии теоретического описания цифровых взаимодействий стейкхолдеров экосистемы предприятия. Практическая значимость полученного результата состоит в разработке прикладного аппарата планирования применения разнообразных инструментов цифрового взаимодействия в политике продвижения товаров предприятия.

Список источников

1. Абросимова А. А., Климова Е. З., Формирование и развитие цифровой экосистемы современного предприятия // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 7 (65). С. 6–10.
2. Абузарова М. И. Знаниевые экосистемы как доминирующий подход формирования новых моделей управления // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11, № 12. С. 2659–2670.
3. Берёзова Т. Г. Методологический анализ в специфике экосистемного подхода // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 3, ч. 2. С. 275–290.
4. Володина Н. Л. Преимущества создания цифровой экосистемы // Организатор производства. 2021. № 4 (29). С. 104–111.
5. Плотников А. В. Сравнение содержания стейкхолдерских подходов в управлении // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11, № 12. С. 2695–2707.
6. Зильберштейн О. Б., Невструев К. В., Семенюк Д. Д., Шкляр Т. Л., Юрковский А. В. Цифровые каналы анализ стейкхолдеров на примере российских предприятий // Интернет-журнал Науковедение. 2016. Т. 8, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-steykholderov-na-primere-rossiyskih-predpriyatiy> (дата обращения: 15.02.2024).
7. Куркова М. А. Определение ключевых стейкхолдеров стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). 2021. № 2 (13). С. 236–259.
8. Бушманский А. Ю. Классификация каналов коммуникации каналов интернет-магазинов // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2018. № 19 (34). С. 27–37.
9. Крылов А. Н., Кузина Г. П., Голышкова И. Н., Язинцев Р. А. Повышение эффективности бизнес-коммуникаций на основе использования digital-каналов // Вестник университета. 2019. № 6. С. 19–26.
10. Ефремов А. А. Динамика потенциала современных каналов коммуникации в электронном маркетинге // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. № 1 (26). С. 67–77.

11. Макаренко М. В., Чмель С. Ю. Реструктуризация как способ достижения гармонизированных целей стейкхолдеров корпорации на евразийском пространстве: массовость или уникальность // Организатор производства. 2011. № 30. С. 134–140.
12. Ярыгина Н. С. Определение стратегических целей финансовой деятельности // Вестник поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2014. № 6 (38). С. 145–152.
13. Осетрова Е. В. Устный канал как канал массовой коммуникации // Язык и социальная динамика. 2011. Т. 1, № 11. С. 35–42.
14. Плешивцева Д. Н. Персональный бренд руководителя как канал коммуникации компании // Державинский форум. 2022. № 1 (6). С. 133–142.
15. Лебедев А. Н. Функции и структура механизма взаимодействия стейкхолдеров // Управленческие науки в современном мире. 2018. № 1 (1). С. 220–227.
16. Воронин И. С., Ахмедова А. А. Инновационные маркетинговые коммуникации как инструмент продвижения товаров или услуг // Актуальные проблемы развития экономики и управления. 2022. № 1. С. 83–89.
17. Ермолина А. А., Тимшин В. А. Исследование эффективности онлайн-каналов коммуникации // Общество. Наука. Инновации. 2018. № 1. С. 1233–1249.
18. Воронин И. С., Ахмедова А. А. Инновационные маркетинговые коммуникации как инструмент продвижения товаров или услуг // Актуальные проблемы развития экономики и управления. 2022. № 1. С. 83–89.
19. Имаева Г. Р., Сушко Е. Ю., Гильдебрандт И. А., Спиридонова Л. В., Аймалетдинов Т. А. Вклад цифровых платформ в развитие креативных индустрий и поддержку креативного предпринимательства. М. : Изд-во НАФИ, 2021. 84 с.
20. Карпинская В. А. Экосистема как единица экономического анализа // Материалы Второй конференции Отделения моделирования производственных объектов и комплексов ЦЭМИ РАН. Вып. 2. М., 2018. С. 125–141.
21. Клейнер Г. Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40–45.
22. Ковалёва Н. Л., Ковалёв А. П. Влияние современных цифровых каналов коммуникации на поведение потребителей // Управление в социальных и экономических системах. 2021. № 30. С. 27–28.
23. Порфирьев А. Е. Инноватизация каналов коммуникации в российской экономике предприятия // Вестник Университета управления «ТИСБИ». 2014. № 1. С. 208–211.
24. Раменская Л. А. Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях // Управленец. 2020. № 4 (11). С. 16–28.
25. Сазанова Л. А. Внутренние стейкхолдеры и их роль в достижении стратегических целей компании // Теоретический и практический потенциал современной науки. 2019. № 1. С. 129–131.
26. Смирнов В. А. Каналы внутренних коммуникаций и воздействие внутренних коммуникаций на мотивацию социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Вопросы науки и образования. 2018. № 13 (25). С. 53–57.
27. Урсу Н. С. Манипулирование в политике: новые каналы коммуникации в интернете // Вестник российской нации. 2011. № 3 (17). С. 148–160.
28. Федулова Е. А. Каналы коммуникации в современном обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2020. № 12. С. 268–271.
29. Хлебович Д. И. Трансформация каналов коммуникации университета // Baikal Research Journal. 2018. № 4 (9). С. 10.

References

1. Abramova AA, Klimova EZ. Formation and development of the digital ecosystem of modern enterprise. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and business: theory and practice*. 2020;(7(65):6-10. (In Russ.).
2. Abuzyarova MI. Knowledge ecosystems as the dominant approach to the formation of new management models. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economy, entrepreneurship and law*. 2021;11(12):2659-2670. (In Russ.).

3. Berezova TG. Methodological analysis in the specificity of the ecosystem approach. *Idei i idealy = Ideas and ideals*. 2022;(3(14)):275-290. (In Russ.).
4. Volodina NL. Advantages of creation of digital ecosystem. *Organizator proizvodstva = Organizer of production*. 2021;(4(29)):104-111. (In Russ.).
5. Plotnikov AV. Comparison of Content of Stakeholder Approaches in Management. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economy, Entrepreneurship and Law*. 2021;11(12):2695-2707. (In Russ.).
6. Zilberstein OB, Nevstroyev KV, Semenyuk DD, Shklyar T. L., Yurkovsky A. V. Digital channels analysis of stakeholders using the example of Russian enterprises. *Internet-zhurnal Naukovedeniye = Internet Journal Science*. 2016;8(3). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-steykholderov-na-primere-rossiyskih-predpriyatiy> (accessed: 15.02.2024). (In Russ.).
7. Kurkova MA. Identification of key stakeholders strategies of socio-economic development of the subjects of the Russian Federation. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya) = Ars Administrandi (Art of management)*. 2021;(2(13)):236-259. (In Russ.).
8. Bushmanskoy AY. Classification of communication channels of Internet shops. *PR i reklama v izmenyayushhemsya mire: regional'nyj aspekt = PR and advertising in a changing world: regional aspect*. 2018;(19(34)):27-37. (In Russ.).
9. Krylov AN, Kuzina GP, Golyshkova IN, Yazintsev RA. Improving the efficiency of business communications through the use of digital channels. *Vestnik universiteta = University Bulletin*. 2019;(6):19-26. (In Russ.).
10. Efremov AA. Dynamics of the potential of modern communication channels in electronic marketing. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye = Azimut scientific research: economics and management*. 2019;(1(26)):67-77. (In Russ.).
11. Makarenko MV, Chmel SY. Restructuring as a way to achieve the harmonized goals of stakeholders of the corporation in the Eurasian space: mass or uniqueness. *Organizator proizvodstva = Production organizer*. 2011;(30):134-140. (In Russ.).
12. Yarygina NS. Definition of strategic objectives of financial activity. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Volga State University of Service. Series: Economy*. 2014;(6(38)):145-152. (In Russ.).
13. Osetrova EV. Oral channel as a channel of mass communication. *Yazyk i sotsial'naya dinamika = Language and social dynamics*. 2011;1(11):35-42. (In Russ.).
14. Pleshivtseva DN. Personal brand of the head as a communication channel of the company. *Derzhavinskiy forum = Derzhavinsky forum*. 2022;(1(6)):133-142. (In Russ.).
15. Lebedev AN. Functions and structure of the mechanism of interaction of stakeholders. *Upravlencheskiye nauki v sovremennom mire = Management Sciences in the modern world*. 2018;(1(1)):220-227. (In Russ.).
16. Voronin IS, Akhmedova AA. Innovative marketing communications as a tool to promote goods or services. *Aktual'nye problemy razvitiya ekonomiki i upravleniya = Actual problems of economic development and management*. 2022;(1):83-89. (In Russ.).
17. Yermolina AA, Timshin VA. Study of the Effectiveness of Online Communication Channels. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii = Society. Science. Innovation*. 2018;(1):1233-1249. (In Russ.).
18. Voronin IS, Akhmedova AA. Innovative marketing communications as a tool to promote goods or services. *Aktual'nye problemy razvitiya ekonomiki i upravleniya = Actual problems of economic development and management*. 2022;(1):83-89. (In Russ.).
19. Imaeva GR, Sushko EY, Hildebrandt IA, Spiridonova LV, Aimaletdinov TA. Vklad tsifrovyykh platform v razvitiye kreativnykh industriy i podderzhku kreativnogo predprinimatel'stva = Contribution of digital platforms to the development of creative industries and support of creative entrepreneurship. Moscow: NAFI Publishing House; 2021. 84 p. (In Russ.).
20. Karpinskaya VA. Ecosystem as unit of economic analysis. In: Materialy Vtoroy konferentsii Otdeleniya modelirovaniya proizvodstvennykh ob"ektov i kompleksov TSEMI RAN = Proceedings of the Second Conference of the Department of Modeling of Industrial Facilities and Complexes of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences. Issue 2. Moscow; 2018. Pp. 125-141. (In Russ.).
21. Kleyner G. B. Economics of Ecosystems: a step into the future. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii = Economic Revival of Russia*. 2019;(1(59)):40-45. (In Russ.).

22. Kovaleva NL, Kovalev AP. Influence of modern digital communication channels on the behavior of consumers. *Upravleniye v sotsial'nykh i ekonomicheskikh sistemakh = Management in social and economic systems*. 2021;(30):27-28. (In Russ.).
23. Porfiriev AE. Innovatization of communication channels in the Russian economy of the enterprise. *Vestnik Universiteta upravleniya «TISBI» = Bulletin of the University of Management «TISBI»*. 2014;(1):208-211. (In Russ.).
24. Ramenskaya LA. Application of the Concept of Ecosystems in Economic Management Research. *Upravlenets = Manager*. 2020;(4(11):16-28. (In Russ.).
25. Sasanova LA. Internal stakeholders and their role in achieving the strategic goals of the company. *Teoreticheskiy i prakticheskiy potentsial sovremennoy nauki = Theoretical and practical potential of modern science*. 2019;(1):129-131. (In Russ.).
26. Smirnov VA. Channels of internal communications and impact of internal communications on motivation of socio-economic development of subjects of the Russian Federation. *Voprosy nauki i obrazovaniya = Issues of science and education*. 2018;(13(25):53-57. (In Russ.).
27. Ursu NS. Manipulation in Politics: New Channels of Communication on the Internet. *Vestnik rossiyskoy natsii = Bulletin of the Russian Nation*. 2011;(3(17):148-160. (In Russ.).
28. Fedulova EA. Channels of communication in modern society. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovaniye, tvorchestvo = Sociology in the modern world: science, education, creativity*. 2020;(12):268-271. (In Russ.).
29. Khlebovich DI. Transformation of communication channels of the University. *Baikal Research Journal*. 2018;(4(9):10. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Попов — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Центра социально-экономических исследований.

В. Л. Симонова — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований.

А. А. Шадрина — стажер-исследователь.

Information about the authors

Evgeny V. Popov — Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Socio-Economic Research.

Victoria L. Simonova — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of the Center for Socio-Economic Research.

Anastasia A. Shadrina — research intern.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.43

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-148-156

ФОРМИРОВАНИЕ ГИБРИДНЫХ ОРГАНИЧЕСКИХ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ НА ОСНОВЕ КОНСОРЦИУМОВ

Денис Геннадьевич Галкин

Алтайский государственный аграрный университет, Барнаул, Россия, gennadichu@mail.ru, 0000-0001-5701-0734

Аннотация. В статье рассматривается гипотеза объединения мелких и крупных товаропроизводителей органических продуктов питания в ассоциации и консорциумы, где каждый хозяйствующий субъект получит определённые преимущества. В ходе исследования автором учитывались особенности типов и опыт государственной поддержки существующих органических агропродовольственных систем, основные бенефициары прогрессивного развития данных систем. Исследование основано на синтезе типов современных, традиционных и смешанных органических агропродовольственных систем, который позволил выявить возможность формирования систем нового типа — гибридных органических агропродовольственных систем. Результаты исследования показали, что наиболее приемлемыми формами гибридных систем на начальном этапе их формирования могут стать кооперативы и ассоциации. Добавление в систему агропромышленного холдинга позволит формировать консорциумы, которые предлагается рассматривать в качестве основной формы гибридных органических агропродовольственных систем и механизма их масштабирования для создания экспортных секторов на базе малого и среднего предпринимательства. С целью выявления интересов основных бенефициаров консорциумов использован метод анализа заинтересованных сторон, который показывает, что именно государство является главным получателем положительных эффектов от развития гибридных органических агропродовольственных систем. К таким эффектам относятся: сохранение природного капитала, снижение уровня безработицы в сельской местности, замедление темпа сельской миграции, вовлечение в оборот неиспользуемых земель, укрепление здоровья нации и увеличение доходов фермеров. При этом необходимым условием формирования и масштабирования органических консорциумов являются меры государственной поддержки, которые могут быть направлены на стимулирование взаимодействия хозяйствующих субъектов и защиту интересов малых фермеров.

Ключевые слова: агропродовольственные системы, агропромышленный холдинг, государственная поддержка, заинтересованные стороны, органическое сельское хозяйство, консорциум, фермеры

Для цитирования: Галкин Д. Г. Формирование гибридных органических агропродовольственных систем на основе консорциумов // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 148–156. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-148-156.

Original article

FORMATION OF HYBRID ORGANIC AGRI-FOOD SYSTEMS BASED ON CONSORTIUMS

Denis G. Galkin

Altai State Agricultural University, Barnaul, Russia, gennadichu@mail.ru, 0000-0001-5701-0734

Abstract. The article discusses the hypothesis of combining small and large producers of organic food into associations and consortiums, where each business entity will receive certain advantages. In the course of the study, the author took into account the features of the types and experience of state support for existing organic agro-food systems, the main beneficiaries of the progressive development of these systems. The study is based on the synthesis of types of modern, traditional and mixed organic agro-food systems, which made it possible to identify the possibility of forming a new type of system — hybrid organic agri-food systems. The results of the study showed that cooperatives and associations can become the most acceptable forms of hybrid systems at the initial stage of their formation. The addition of an agro-industrial holding to the system will allow the formation of consortiums, which

are proposed to be considered as the main form of hybrid organic agri-food systems and a mechanism for scaling them up to create export sectors based on small and medium-sized businesses. In order to identify the interests of the main beneficiaries of the consortiums, the stakeholder analysis method was used, which shows that it is the state that is the main recipient of the positive effects from the development of hybrid organic agro-food systems. These effects include: preservation of natural capital, reduction of unemployment in rural areas, slowing down the rate of rural migration, involvement in the circulation of unused land, strengthening the health of the nation and increasing farmers' incomes. At the same time, a necessary condition for the formation and scaling of organic consortiums are state support measures that can be aimed at stimulating the interaction of business entities and protecting the interests of small farmers.

Keywords: agro-food systems, agro-industrial holding, government support, stakeholders, organic agriculture, consortium, farmers

For citation: Galkin D. G. Formation of hybrid organic agro-food systems based on consortiums. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):148-156. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-148-156.

Введение

Органические агропродовольственные системы включают первичное сельскохозяйственное производство органических продовольственных и непродовольственных товаров, их распределение, а также потребление домашними хозяйствами [1]. Основными участниками таких систем являются: сельскохозяйственные организации и фермеры, поставщики ресурсов, организации по хранению, переработке и транспортировке, оптовые и розничные продавцы, конечные потребители. Жизнестойкие органические агропродовольственные системы должны обладать потенциалом адаптации в условиях меняющейся внешней среды при этом обеспечивая (1) справедливые доходы участников и (2) минимальное негативное воздействие на окружающую среду. Однако, как показывает практика, многие органические агропродовольственные системы не являются жизнестойкими [2; 3].

Основные ресурсы и технологии производства органического продовольствия известны, но нет понимания: (1) как повысить жизнестойкость органических агропродовольственных систем в условиях отдельных национальных экономик, (2) как распределить функции управления между бенефициарами данных систем и (3) какие формы хозяйствования приемлемы для данных систем. Цель исследования состоит в разработке рекомендаций по обеспечению жизнестойкости органических агропродовольственных систем на основе поиска баланса взаимодействия между крупными агропромышленными холдингами и мелкими фермерами. Гипотеза объединения малых и крупных производителей органического продовольствия нашла отражение в наших предыдущих трудах [4] и обусловлена определёнными преимуществами каждого хозяйствующего субъекта, а также тем, что в России ресурсы для про-

изводства и реализации продовольствия сосредоточены преимущественно у агропромышленных холдингов. По нашему мнению, баланс взаимодействия хозяйствующих субъектов требует дополнительного исследования и открывает резервы повышения жизнестойкости органических агропродовольственных систем за счёт встраивания сельских районов в лице мелких фермеров в международные или внутренние цепочки создания стоимости органического продовольствия.

С учётом вышеизложенного мы раскрываем понятие органической агропродовольственной системы и даём характеристику её типам, вводим понятие гибридной органической агропродовольственной системы. Далее мы обосновываем приемлемые формы гибридных органических агропродовольственных систем и определяем заинтересованные стороны в их развитии.

Методы и материалы исследования

Основу исследования представляет системный подход, который позволяет представить реальную действительность как взаимодействие двух элементов. При этом интересующий нас элемент — исследуемая органическая агропродовольственная система, а другой — внешняя среда. Особенностью органической агропродовольственной системы является то, что её целеустремлённые и нецелеустремлённые элементы интегрируются не только для получения из внешней среды ресурсов, но и для предпринимательской деятельности, которая обеспечивает системе дополнительный доход. Отраслевая система нужна внешней среде как источник удовлетворения её потребностей в конечных продуктах. То есть система является средством, с помощью которого находится решение проблемы. Таким образом, концептуальные основы развития органической агропродовольственной системы

направлены на снижение издержек производства и реализации продукции, в том числе транзакционных, и максимальное получение выгод для всех заинтересованных сторон.

Для выявления заинтересованных сторон и оценки их выгод использован метод «анализ заинтересованных сторон». Анализ заинтересованных сторон можно рассматривать как подход к идентификации ключевых сторон, участвующих в функционировании системы, и оценки их интересов [5]. Анализ заинтересованных сторон полезен для понимания позиции каждой стороны, их взаимоотношений, а также разработки политики, перераспределения затрат и выгод между заинтересованными сторонами [6]. В статье метод использован для оценки важности участия каждого участника в развитии гибридных органических агропродовольственных систем. Метод позволил взвесить интересы основных сторон, оценить их влияние на развитие исследуемых систем.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятие и типы органических агропродовольственных систем

Наиболее распространёнными типами агропродовольственных систем являются: современная, традиционная и смешанная [7]. Переход к устойчивому развитию способствовал повышению роли экологических принципов, разработке государственных концепций органического сельского хозяйства, определению объёмов и инструментов государственной поддержки производителей органического продовольствия. Государственная стимулирующая политика и растущий спрос на органическую продукцию способствовали постепенному увеличению числа органических фермеров, изменению специализации некоторых сельскохозяйственных организаций. Таким образом, в современной, традиционной и смешанной агропродовольственных системах сформировались одноимённые подсистемы — органические. Рассмотрим их особенности и проявление в экономике.

1. *Современная органическая агропродовольственная система*, в которой ресурсы для производства и реализации органического продовольствия сосредоточены преимущественно у агропромышленных холдингов. Особенности данной системы: (1) преимущественно вертикальная форма интеграции, объединяющая производство, переработку и реализацию через крупные торговые сети; (2) эффективное производство за

счёт высокой производительности труда, эффекта масштаба, точного планирования денежных потоков, контроля различных видов риска, обладания рыночной властью; (3) длинные цепочки поставок [8]. Агропромышленные холдинги в производстве органического продовольствия представляют альтернативу малым формам хозяйствования, их сообществам.

Наибольшая концентрация производства наблюдается в органическом секторе США и Китая [9; 10]. На рынке США в производстве конечной органической продукции лидирует компания Danone, на которую приходится 4,2 % розничных продаж. В Китае по данным USDA FAS основными производителями органического молока являются Yili Industrial Group (доля рынка 28 %) и Chinga Mengniu Dairy Co (доля рынка 13 %) [10]. Типичным примером системы в национальной экономике является агропромышленный холдинг ООО «ЭкоНива-АПК». С 2019 года ООО «ЭкоНива-АПК Холдинг» реализует несколько проектов в области органического сельского хозяйства. В состав холдинга входят участники рынка органической продукции: ООО «Савинская Нива» (Калужская область), ООО «Смоленская Нива Органик» (Смоленская область), ООО «Северная Нива Органик» (Оренбургская область), ООО «Ступинская Нива Органик» (Московская область), ООО «Сибирская Нива Органик» (Новосибирская область) [2]. Основное направление деятельности организаций: мясное и молочное животноводство, растениеводство. Преобладание холдингов в органическом сельском хозяйстве соответствует общим тенденциям крупного товарного производства в стране.

2. *Традиционные органические агропродовольственные системы* — это системы, основанные на малых формах хозяйствования: личных подсобных и фермерских хозяйствах. Для системы характерны (1) близость производителя и потребителя, (2) ориентация производителя преимущественно на локальный рынок, (3) короткие цепочки поставок, (4) низкий уровень использования ресурсов внешней среды, (5) унаследованные формы производства [11]. Традиционные органические агропродовольственные системы наиболее распространены в Латинской Америке и Азии [7].

3. *Смешанные органические агропродовольственные системы* сочетают элементы современной и традиционной систем. Фермеры могут использовать ресурсы внешней среды, но

придерживаются традиционной технологии производства. Переработка сельскохозяйственной органической продукции и цепочки поставок не ограничиваются местными рынками [11]. К данному виду органических агропродовольственных систем можно отнести европейские биорайоны, которые в 2017 году признаны законодательством Италии. Это территории, на которых фермеры, переработчики, ассоциации потребителей и администрация заключают официальные соглашения о продвижении органического сельского хозяйства и управлении местными ресурсами. В биорайонах наблюдается сотрудничество между всеми местными акторами, которые рассматривают органическое сельское хозяйство как основу устойчивого развития [12]. В Европе увеличение числа биорайонов обусловлено повышением устойчивости местных фермеров и уровня доверия потребителей к органической продукции. Развитие концепции биорайонов в Италии направлено на (1) повышение доходности сельского хозяйства за счёт создания возможностей реализации органической продукции; (2) повышение устойчивости сельского хозяйства за счёт снижения воздействия отрасли на окружающую среду; (3) стабилизацию миграционных процессов и создание рабочих мест; (4) повышение качества местной органической продукции [13].

В России, по данным Министерства сельского хозяйства РФ, выдано 159 сертификатов соответствия национальным органическим стандартам. Многие производители органической продукции являются представителями малого бизнеса и размещены в центральной части России (Москва, Московская область, Ярославская область, Республика Мордовия, Саратовская область, Калужская область, Тверская область, Санкт-Петербург, Вологодская область, Смоленская область и другие) [2; 14]. Можно предположить, что одним из факторов размещения производства органической продукции в России является близость к рынку сбыта продукции.

Пространственное размещение органического сельского хозяйства в России обосновано нами ранее с помощью теории пространственной диффузии инноваций Хэгерстранда [2]. Был сделан вывод о применении для органического сельского хозяйства России принципов и стадий теории пространственной диффузии инноваций. Наблюдалось (1) сближение между центром и периферией по числу производителей, (2) размещение акцепторов органической

продукции в Москве, Московской и Томской областях, а также концентрация вокруг этих регионов последователей. Согласно теории Хэгерстранда, можно ожидать увеличение производителей органической продукции в будущем. В России созданы базовые предпосылки развития производства органической продукции, а именно сформированы минимально необходимая правовая база и общественные инициативы. Однако органическое сельское хозяйство продолжает развиваться инерционно. Для повышения интенсивности и пространственной однородности развития органических агропродовольственных систем возникает необходимость определения (1) форм взаимодействия участников данных систем и (2) возможностей государственной поддержки.

Современная, традиционная и смешанная органические агропродовольственные системы обладают определёнными недостатками. В современном типе отсутствует связь с сельскими районами, поскольку агропромышленные холдинги не заинтересованы в их развитии в отличие от малых и средних предпринимателей. В традиционном и смешанном типах, наоборот, наблюдается значительная доля малых фермеров, которые заинтересованы в развитии сельских районов, но не могут конкурировать с агропромышленными холдингами на национальном и мировом рынках органического продовольствия. Ограничения каждого из типов создают предпосылки для создания альтернативной концепции развития органических агропродовольственных систем, учитывающей баланс интересов и возможностей крупных и малых товаропроизводителей. Наша концепция развития органических агропродовольственных систем требует рассмотрения четвёртого типа — гибридной органической агропродовольственной системы. Данный тип уже проявился в национальной экономике на примере взаимодействия агропромышленного холдинга ООО «ТДС-Групп» (Томская область) с фермерами и сельскохозяйственными организациями желающими начать производство органической продукции. Особенностью ООО «ТДС-Групп» является оказание услуг по организации производства органической продукции. Услуги консалтинга заключаются в (1) подборе биопрепаратов, (2) оплате сертификации, (3) подборе покупателей органической продукции, (4) согласовании сельскохозяйственных культур и цен [2]. Однако данный пример не нашёл широкого распространения.

Формы гибридных органических агропродовольственных систем

Ранее мы акцентировали внимание на том, что в России ресурсы для производства и реализации продовольствия сосредоточены преимущественно у агропромышленных холдингов. По нашему мнению, этот факт нельзя игнорировать и при формировании концептуальных основ развития органических агропродовольственных систем. В свою очередь малые и средние производители органического продовольствия с трудом завоёвывают долю на зарубежном и национальном рынках из-за недостатка опыта производства и реализации продукции, постоянно меняющихся условий внешней среды и высокой цены заёмных средств. С учётом преобладания агропромышленных холдингов в отрасли и наличия органических фермеров актуален поиск баланса их взаимодействия [4].

Возможность объединения крупных и малых субъектов является одной из альтернатив прогрессивного развития органических агропродовольственных систем [15]. Объединение предполагается не только с учётом интересов субъектов, обладающих рыночной властью, но и фермеров. Формы объединений организаций можно условно разделить на «жёсткие» и «мягкие». По нашему мнению к основному условию партнёрства следует отнести юридическую самостоятельность субъектов, поэтому далее акцентируется внимание на «мягких» формах объединений. К наиболее распространённым в производстве продовольствия «мягким» структурам относят: (1) кооператив, (2) ассоциацию и (3) консорциум. Стоит также учитывать, что для усиления своей позиции малые формы хозяйствования могут объединяться в сообщества (кооперативы, ассоциации) без участия крупного интегратора (агропромышленного холдинга). В свою очередь кооперативы и ассоциации подходят для начального объединения малых и средних фермеров. Такие сообщества позволяют (1) усиливать переговорные позиции, (2) отстаивать интересы, (3) обменяться опытом, (4) применять единые стандарты, (5) производить значительные объёмы органического продовольствия. Главная функция малых и средних субъектов в органической агропродовольственной системе — производственная.

Появление консорциумов возможно при наличии лидирующего хозяйствующего субъекта способного управлять проектом. В консорциуме агропромышленные холдинги могут стать интеграторами малых фермеров, поскольку об-

ладают: (1) значительным ресурсным потенциалом и управленческим опытом, (2) возможностью переработки и сбыта органического продовольствия. Консорциум не привязан к конкретной территории и подразумевает форму совместной реализации проектов, а также механизм масштабирования органических агропродовольственных систем и создания экспортных секторов на базе малого и среднего предпринимательства. Также в основе консорциума прослеживается идеология коллективного обучения, которая даёт возможность малым субъектам получить необходимый опыт и после распада консорциума продолжить свою деятельность независимо или в рамках кооператива. Таким образом, главная функция агропромышленных холдингов в гибридной органической агропродовольственной системе — управленческая.

Мерами поддержки органического агропродовольственного консорциума могут быть: (1) гранты на научные исследования и разработки, (2) субсидии на покупку оборудования, (3) субсидии на образовательные программы, (4) субсидии на выставочную деятельность. Участие государства в развитии органического продовольственного консорциума может быть выражено в (1) проведении стимулирующей политики, направленной на сближение экономических субъектов, (2) защите интересов малых форм хозяйствования относительно интересов агропромышленных холдингов. Таким образом, главная функция государства как внешнего элемента гибридной органической агропродовольственной системы — стимулирующая.

Анализ заинтересованности сторон в развитии гибридных агропродовольственных систем

Для выявления основных бенефициаров в развитии гибридных органических агропродовольственных систем целесообразно использование метода «анализ заинтересованных сторон». Проведённое ранее исследование о том кто должен платить за выгоды от функционирования органических агропродовольственных систем показывает, что данные системы создают общественные и частные блага. От этих благ преимущества получают как первичные, так и вторичные бенефициары [16]. Таким образом, подчёркивается важность государственно-частного партнёрства при развитии таких систем.

Бенефициарами развития гибридных органических агропродовольственных систем являются: фермеры, агропромышленные холдинги, государство и потребители. В таблице 1 представлены

эффекты функционирования гибридных органических агропродовольственных систем. Совокупность эффектов выгодна для каждого элемента системы и внешней среды. В таблице 1 указан только первичный бенефициар от проявления того или иного эффекта гибридной органической агропродовольственной системы. Однако это не означает, что у эффекта не может быть вторичных бенефициаров.

Выгода фермера, прежде всего, проявляется в увеличении дохода и возможности его капитализации, а также повышении уровня жизни. Основным мотивом производства органической продукции является ценовой фактор. Высокие ценовые надбавки обеспечивают высокую доходность и компенсируют более низкую продуктивность органического сельского хозяйства. Ценовые надбавки являются инструментом защиты от волатильности цен на продукцию сельского хозяйства. Также высокие цены объяснимы более высокими затратами на производство органической продукции [17]. Однако это не означает, что фермер не получит выгод от сохранения качества сельскохозяйственных земель и возможности привлечь более квалифицированный труд вследствие снижения миграции из сельских районов.

Явный эффект для агропромышленного холдинга заключается в возможности диверсификации капитала. Высокие ценовые надбавки на органическое продовольствие также могут обеспечить рост доходов холдинга. Для оценки возможности увеличения дохода агропромышленного холдинга необходимо дополнительное исследование.

Потребители конечного органического продовольствия получают полезный для здоровья продукт. При покупке органической продукции потребители ожидают положительное влияние на состояние здоровья. Ещё одной причиной покупки органической продукции может являться её вкус. Исследования показывают, что фактор здоровья значительно влияет на готовность потребителей покупать органические продукты [18]. Таким образом, потребители могут рассматривать покупки органической продукции как инвестиции в здоровье. При этом государству не обязательно обеспечивать доступность органического продовольствия, рынок органического продовольствия может оставаться сегментированным. В этом случае гибридная органическая агропродовольственная система является автоматическим перераспределением доходов от городских жителей к сельским.

Государство является бенефициаром (1) сохранения природного капитала, (2) снижения уровня безработицы в сельских районах, (3) снижения темпа сельской миграции и (4) вовлечения в оборот неиспользуемых земель. При этом государство может выступать и вторичным бенефициаром здоровой нации и увеличения доходов фермеров. Именно государство является главным получателем эффектов от развития гибридных органических агропродовольственных систем. Всё это свидетельствует о необходимости более активного участия государства в поддержке гибридных органических агропродовольственных систем. Масштабирование гибридных органических агропродовольственных систем

Таблица 1
Table 1

**Первичные бенефициары основных эффектов
гибридных органических агропродовольственных систем
Primary beneficiaries of the main effects of hybrid organic agri-food systems**

Эффект	Фермер	Агропромышленный холдинг	Потребитель	Государство
Увеличение доходов собственников	+			
Возможность диверсификации капитала		+		
Сохранение природного капитала				+
Снижение уровня безработицы в сельских районах				+
Снижение темпа миграции из сельских районов				+
Увеличение потребительского спроса в сельских районах				+
Забота о здоровье			+	
Вовлечение в оборот неиспользуемых земель				+

Источник: составлено автором по материалам исследования.

в форме консорциумов требует применения инструментов стимулирующей государственной политики. Создание условий для экспорта может быть связано с выводом органического продовольствия из общего механизма экспорта. Также требуется защита малых фермеров от агропромышленных холдингов, обладающих рыночной властью. Это может быть обеспечено за счёт повышения прозрачности информации, например, условия контрактов между холдингами и фермерами могут быть общедоступными.

Заключение

Исследования агропродовольственных систем сосредоточены на таких видах, как: (1) современная, (2) традиционная и (3) смешанная. С учётом мирового опыта в каждом из трёх видов можно выявить одноимённые подсистемы — органические. Современная органическая агропродовольственная система представлена агропромышленными холдингами, сосредоточившими ресурсы для производства и реализации органического продовольствия. Традиционные органические агропродовольственные системы представлены малыми фермерами и сельскохозяйственными организациями, которые ориентированы на локальный рынок органического продовольствия. Смешанные органические агропродовольственные системы придерживаются традиционных технологий производства, применяя ресурсы внешней среды. Каждая органическая агропродовольственная система обладает ограничениями. Современный тип ориентирован исключительно на масштабы производства и минимизацию издержек, однако такое производство не создаёт положительных эффектов в сельских райо-

нах. Традиционные и смешанные типы, наоборот, не могут соперничать с современным типом на национальном и мировом рынках органического продовольствия, при этом в большей степени положительно влияют на районы размещения. Устранение недостатков и ограничений каждого типа органических агропродовольственных систем связано с появлением четвёртого типа — гибридной органической агропродовольственной системы.

Согласно проведённому нами исследованию в России наблюдается начало сближения между центром и периферией по числу производителей органического продовольствия, и, согласно теории Хэгерстранда, можно ожидать увеличения производителей органической продукции в будущем. Развитие гибридных органических агропродовольственных систем связано с необходимостью поиска баланса интересов участников производственно-сбытовых цепочек, а именно, баланса интересов крупных и малых производителей. Такой баланс интересов может быть обеспечен при формировании гибридных органических агропродовольственных систем в форме консорциумов. Анализ заинтересованных сторон показывает зависимость жизнестойкости гибридных органических агропродовольственных систем от политики государства. Важность государственной поддержки консорциумов обусловлена ещё и тем, что именно государство является главным бенефициаром эффектов функционирования гибридных органических агропродовольственных систем. Выбор политики государственного невмешательства, по нашему мнению, предполагает инерционный путь развития органических агропродовольственных систем.

Список источников

1. ФАО. Краткий обзор. Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства — 2021. Повышение жизнестойкости агропродовольственных систем в условиях потрясений и стрессов. Рим : ФАО. 2021. 28 с. DOI:10.4060/cb7351ru
2. Galkin D. Spatial Diffusion of Organic Agriculture: Theoretical Model and Russian Experience // *Ecosystems without borders*. Springer, 2022. P. 89–98. DOI:10.1007/978-3-031-05778-6_9
3. Rahmann G., Reza Ardakani M., Bärberi P. Organic Agriculture 3.0 is innovation with research // *Organic Agriculture*. 2017. Vol. 7. P. 169–197.
4. Galkin D. Towards the Managed Transition to Organic Agriculture: Searching for a Strategic Model // *Agriculture Digitalization and Organic Production: Proceedings of the Second International Conference, ADOP 2022*. Singapore : Springer Nature Singapore, 2022. P. 55–66. DOI:10.1007/978-981-19-7780-0_5
5. Le N. P., Nguyen T. T. P., Zhu D. Understanding the stakeholders' involvement in utilizing municipal solid waste in agriculture through composting: A case study of Hanoi, Vietnam // *Sustainability*. 2018. Vol. 10. № 7. P. 2314. DOI:10.3390/su10072314

6. Guareschi M., Maccari M., Sciurano J. P., Arfini F., Pronti A. Guareschi M. et al. A methodological approach to upscale toward an agroecology system in EU-LAFSs: the case of the Parma Bio-District // *Sustainability*. 2020. Vol. 12. № 13. P. 5398. DOI: 10.3390/su12135398
7. Pengue W. A., Gemmill Herren B., Balázs B., Ortega E., Acevedo F., Diaz D. N., Westhoek H. Eco-agri-food systems: today's realities and tomorrow's challenges // *TEEB for Agriculture & Food: Scientific and Economic Foundations*. Geneva : UN Environment, 2018. Chapter 3. P. 57–109.
8. Костяев А. И., Никонова Г. Н. Институциональные и социальные аспекты концентрации земли и производства в агрохолдингах // *Российский электронный научный журнал*. 2018. № 2. С. 8–47. DOI: 10.31563/2308-9644-2018-28-2-8-47
9. Коротких А. А. Органическое сельское хозяйство США // *Россия и Америка в XXI веке*. 2020. № 4. С. 8.
10. Галкин Д. Г. Зарубежные модели развития органического сельского хозяйства: сравнительный анализ // *АПК: экономика, управление*. 2022. № 10. С. 100–109. DOI: 10.33305/2210-100
11. Fresco L. O., Ruben R., Herens M. Challenges and perspectives for supporting sustainable and inclusive food systems // *GREAT Insights Mag*. 2017. Vol. 6. P. 13–15.
12. Dias R. S., Costa D. V.T.A., Correia H. E., Costa C. A. Building Bio-Districts or Eco-Regions: Participative Processes Supported by Focal Groups. *Agriculture*. 2021. Vol. 11. № 6. P. 511. DOI:10.3390/agriculture11060511
13. Галкин Д. Г. Органическое и традиционное сельское хозяйство: сравнительная экономика // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 123–130. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10412
14. Gracheva R. G., Sheludkov A. V. Diffusion of organic agriculture in Russia: features and implications for rural development // *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11. P. 578–588. DOI: 10.1134/S2079970521040055
15. Kvakkestad V., Berglann H., Refsgaard K., Flaten O. Citizen and consumer evaluation of organic food and farming in Norway // *Organic Agriculture*. 2018. Vol. 8. P. 87–103. DOI:10.1007/s13165-017-0176-8
16. Padel S., Zander K., Lampkin N. H., Hildert Sanders J. The Consumer Or The Citizen: Who Should Pay For The Benefits Of Organic Farming? // *A book of abstracts of papers of the Science Forum at the Organic World Congress (2021, September 8-10, Online and on-site in Rennes, France)*. URL: <https://orgprints.org/id/eprint/42215/> (дата обращения: 14.01.2024).
17. Gorska-Warsewicz H., Zakowska-Biemans S., Stangierska D., Swiątkowska M., Bobola A., Szlachciuk J., Czeczotko M., Krajewski K., Swistak E., Gorska-Warsewicz H. Factors limiting the development of the organic food sector — Perspective of processors, distributors, and retailers // *Agriculture*. 2021. Vol. 11. № 9. P. 882. DOI:10.3390/agriculture11090882
18. Gundala R. R., Singh A. What motivates consumers to buy organic foods? Results of an empirical study in the United States // *Plos one*. 2021. Vol. 16. № 9. P. e0257288. DOI:10.1371/journal.pone.0257288

References

1. FAO. Short review. The State of Food and Agriculture 2021. Strengthening the resilience of agricultural and food systems in the face of shocks and stresses, 2021. 28 p. DOI:10.4060/cb7351ru (In Russ.).
2. Galkin D. Spatial Diffusion of Organic Agriculture: Theoretical Model and Russian Experience. In: *Ecosystems without borders*. Springer; 2022; 89–98. DOI:10.1007/978-3-031-05778-6_9
3. Rahmann G, Reza Ardakani M, Barberi P, Boehm H, Canali S, Chander M. Organic Agriculture 3.0 is innovation with research. *Organic Agriculture*. 2017;7:169-197.
4. Galkin D. Towards the Managed Transition to Organic Agriculture: Searching for a Strategic Model. In: *Agriculture Digitalization and Organic Production: Proceedings of the Second. International Conference, ADOP*. Singapore: Springer Nature Singapore; 2022. Pp. 55-66. DOI:10.1007/978-981-19-7780-0_5
5. Le NP, Nguyen TTP, Zhu D. Understanding the stakeholders' involvement in utilizing municipal solid waste in agriculture through composting: A case study of Hanoi, Vietnam. *Sustainability*. 2018;10(7):2314. DOI:10.3390/su10072314.
6. Guareschi M, Maccari M, Sciurano JP, Arfini F, Pronti A. A methodological approach to upscale toward an agroecology system in EU-LAFSs: the case of the Parma Bio-District. *Sustainability*. 2020;12(13):5398. DOI:10.3390/su12135398

7. Pengue WA, Gemmill Herren B, Balázs B, Ortega E, Acevedo F, Diaz DN, Westhoek H. Eco-agri-food systems: today's realities and tomorrow's challenges. In: TEEB for Agriculture & Food: Scientific and Economic Foundations. Geneva: UN Environment; 2018. Chapter 3. Pp. 57-109.
8. Kostyaev AI, Nikonova GN. Institutional and social aspects of land concentration and production in agricultural holdings. *Rossiyskiy elektronnyy nauchnyy zhurnal = Russian electronic scientific journal*. 2018;(2):8-47. DOI: 10.31563/2308-9644-2018-28-2-8-47. (In Russ.).
9. Korotkikh AA. Organic agriculture in the USA. *Rossiia i Amerika v XXI veke = Russia and America in the XXI century*. 2020;(4):8. (In Russ.).
10. Galkin DG. Foreign models of development of organic agriculture: a comparative analysis. *APK: ekonomika, upravleniye = AIC: economics, management*. 2022;(10):100-109. DOI: 10.33305/2210-100 (In Russ.).
11. Fresco LO, Ruben R, Herens M. Challenges and perspectives for supporting sustainable and inclusive food systems. *GREAT Insights Mag*. 2017;(6):13-15.
12. Dias RS, Costa DV, Correia HE, Costa CA. Building bio-districts or eco-regions: participative processes supported by focal groups. *Agriculture*. 2021;11(6):511. DOI: 10.3390/agriculture11060511
13. Galkin DG. Organic and traditional agriculture: comparative economics. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;4(462):123-130. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10412 (In Russ.).
14. Gracheva RG., Sheludkov AV. Diffusion of organic agriculture in Russia: features and implications for rural development. *Regional Research of Russia*. 2021;(11):578-588. DOI: 10.1134/S2079970521040055
15. Kvakkestad V, Berglann H, Refsgaard K, Flaten O. Citizen and consumer evaluation of organic food and farming in Norway. *Organic Agriculture*. 2018;(8):87-103. DOI: 10.1007/s13165-017-0176-8
16. Padel S, Zander K, Lampkin NH, Hildert Sanders J. The Consumer Or The Citizen: Who Should Pay For The Benefits Of Organic Farming? In: A book of abstracts of papers of the Science Forum at the Organic World Congress (2021, September 8-10, Online and on-site in Rennes, France). Available from: <https://orgprints.org/id/eprint/42215/> (accessed: 14.01.2024).
17. Górka-Warsewicz H, Żakowska-Biemans S, Stangierska D, Świątkowska M, Bobola A, Szlachciuk J, Czczotko M, Krajewski K, Świstak E. Factors Limiting the Development of the Organic Food Sector — Perspective of Processors, Distributors, and Retailers. *Agriculture*. 2021;11(9):882. DOI: 10.3390/agriculture11090882.
18. Gundala RR, Singh A. What motivates consumers to buy organic foods? Results of an empirical study in the United States. *Plos one*. 2021;16(9):e0257288. DOI: 10.1371/journal.pone.0257288

Информация об авторе

Д. Г. Галкин — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, анализа и информационных технологий.

Information about the author

Denis G. Galkin — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the chair «Economics, Analysis, and Information Technology».

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.025.12

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-157-171

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ВНУТРЕННИХ И МИРОВЫХ ЦЕН НА ПШЕНИЦУ В СТРАНАХ ЕС И В РОССИИ

Оксана Сергеевна Карашчук¹, Алексей Ильич Больдясов²✉

¹РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия, kseniak72@mail.ru, 0000-0003-2212-5034

²РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия, alex.b13@rambler.ru, 0000-0002-7307-900X

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния динамики мировых цен на пшеницу на изменение внутренних цен на данный товар в различных странах в условиях значительных объемов экспортно-импортных операций. Теоретический анализ показал, что в соответствии с законом единой цены в условиях совершенной конкуренции внутренние цены должны изменяться пропорционально колебаниям мировых, тогда как в условиях несовершенной конкуренции внутренние цены будут изменяться в большей степени, чем мировые. Анализ корреляционных связей позволил определить, что для рынков пшеницы стран ЕС характерна связь внутренних и мировых цен с большой статистической значимостью, для некоторых стран эта связь определилась с учётом временного лага мировых цен. Взаимосвязь внутрироссийских и мировых цен на пшеницу не проявилась, что наиболее вероятно является следствием вмешательства государства в рыночные процессы, так как необходимой предпосылкой выполнения закона единой цены является отсутствие активного государственного регулирования. Дальнейшее исследование позволило установить, что в долгосрочном периоде внутренние цены на пшеницу в странах ЕС меняются практически соразмерно волатильности мировых цен. В краткосрочном периоде взаимосвязи оказались разными для отдельных исследуемых стран и не зависящими от доли экспорта и импорта пшеницы в производстве страны и от средней доли страны в мировой торговле пшеницей.

Ключевые слова: внутренние цены, мировые цены, коинтеграция, рынок пшеницы, государственное регулирование, закон единой цены

Для цитирования: Карашчук О. С., Больдясов А. И. Исследование взаимосвязи внутренних и мировых цен на пшеницу в странах ЕС и в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 157–171. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-157-171

Original article

A STUDY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN DOMESTIC AND WORLD WHEAT PRICES IN THE EU AND IN RUSSIA

Oksana S. Karashchuk¹, Alexey I. Boldiasov²✉

¹Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, kseniak72@mail.ru, 0000-0003-2212-5034

²Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, alex.b13@rambler.ru, 0000-0002-7307-900X

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of the dynamics of world wheat prices on the change in domestic prices for this commodity in various countries in conditions of significant volumes of export-import operations. Theoretical analysis has shown that, in accordance with the law of a single price, in conditions of perfect competition, domestic prices should change in proportion to fluctuations in world prices, whereas in conditions of imperfect competition, domestic prices will change to a greater extent than world prices. The analysis of correlations allowed us to determine that the wheat markets of the EU countries are characterized by a relationship between domestic and world prices with great statistical significance, for some countries this relationship was determined taking into account the time lag of world prices. The relationship between domestic and global wheat prices has not manifested itself, which is most likely a consequence of state interference in market processes, since the necessary prerequisite for the implementation of the single price law is the absence of active state regulation. Further research allowed us to establish that in the long term, domestic wheat prices in the EU countries change almost in proportion

to the volatility of world prices. In the short term, the relationships turned out to be different for individual countries studied and independent of the share of wheat exports and imports in the country's production and the average share of the country in world wheat trade.

Keywords: domestic prices, world prices, co-integration, wheat market, government regulation, single price law

For citation: Karashechuk OS, Boldyasov AI. A study of the relationship between domestic and world wheat prices in the EU and in Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):167-181. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-157-171.

Введение

Характер взаимосвязи внутренних и мировых цен представляет глубокий исследовательский интерес как с точки зрения фундаментальной науки, так и в контексте определения инструментов государственной экономической политики. В особенности потребность в чётком понимании закономерностей влияния мировой конъюнктуры на внутренний рынок ощущается при рассмотрении функционирования рынков сырьевых товаров. Одним из наиболее важных рынков для России, безусловно, является рынок зерновых, в составе которого ключевое место принадлежит рынку пшеницы.

Данная зерновая культура выступает сырьём для пищевой промышленности. Так, пшеница необходима для изготовления муки, используемой в хлебопекарной отрасли. Также данная культура необходима в производстве кормов для животных, что непосредственным образом выражается в цене мяса на полках магазинов. Согласно Постановлению Правительства от 15.07.2010 № 530, основные виды мяса, муки и хлеба являются социально значимыми продовольственными товарами.

Пшеница является важной статьёй экспорта для многих стран, в том числе и для государств Европейского союза и РФ. Так, по данным аналитической службы АМИС, за последние несколько лет отношение объёмов поставок пшеницы за рубеж к её производству составляет в ЕС от 15 до 20 %, в России — 17–20 %. Сильные позиции на мировом рынке во многом обеспечиваются сосредоточением на территории рассматриваемых стран значительной доли сборов данной культуры. На европейские страны и на РФ приходится примерно по 20 % мирового производства пшеницы¹.

Таким образом, цены на пшеницу представляют значимость для экономики РФ и стран ЕС, что обусловлено важностью данного товара с точки

зрения продовольственной безопасности страны, развития агропромышленного комплекса и внешней торговли. Исследование закономерностей взаимодействия внутренних и мировых цен на пшеницу даёт ключ к пониманию ценообразования на рынке данной культуры и формированию на этой основе рациональных инструментов государственного регулирования.

Анализ соотношения внутренних и мировых цен на различные товары давно привлекает внимание учёных и экспертов из разных стран. Зерновой рынок и рынок пшеницы в частности нередко выбирают в качестве объекта исследований. В иностранной литературе тема представлена достаточно широко.

Так, в статье автора Жака Мориссе (1998 г.) отмечена высокая эластичность внутренних цен по отношению к мировым. Выявленные автором случаи асимметрии в передаче цен связаны с организационными факторами рынка, ролью посредников и международных компаний [1, с. 520–521].

В работе исследователей Шучинь Ян, Хироки Камеяма, Хироки Исода, Цзяронг Цянь и Шоичи Ито (2016 г.) изучено влияние волатильности мировых цен на основные зерновые культуры на внутренние цены в 24 развивающихся странах. Авторами было обнаружено значительное негативное воздействие мирового рынка на национальные системы цен большинства исследуемых стран [2, с. 232].

В работах таких учёных, как Фридерике Греб, Нелисса Джамара, Каролина Анхель, Стефан фон Крамон-Таубадель и Надин Вюррихаузен (2012 г.) и М. М. У. Молла, С. А. Сабура, М. Дж. Алама (2015 г.) с помощью векторной модели коррекции ошибок исследовано влияние мировых цен на внутренние; анализ проведён для рынков пшеницы, кукурузы и необработанного джута [3, с. 34; 4, с. 310]. Авторами отмечено, что сила передачи колебаний мировых цен во внутренние положительно связана со степенью интеграции рынков, развитием инфраструктуры и наличием рыночной информации.

¹ Сост. по: АМИС, информационно-аналитическое агентство по сельхозрынкам. URL: <https://www.amis-outlook.org/> (дата обращения: 13.03.2024).

Отдельные аспекты влияния мировых цен на внутренние рынки развивающихся стран раскрыты и в других многочисленных работах. Например, в своей статье Пола Ранджит Кумар, Саксена Б. Рака, Чаурасия Б. Шикха, Зишанб и Симми Ранап (2015 г.) показывают неравномерность передачи влияния экспортных цен на лук на внутренний рынок Индии по регионам [5, с. 115]. Найера Й. Солиман, Рания М. Баргаш (2014 г.) выявили зависимость цен на пшеницу в Египте от цен основных стран-экспортёров [6, с. 5]. В статье Зерихун Гетачеу Кельбор (2013 г.) выдвигается предположение о корреляции степени развития транспортной инфраструктуры и скорости передачи колебаний мировых цен на внутренний рынок [7, с. 42–43].

Некоторые работы посвящены выявлению и оценке асимметрии в передаче колебаний мировых цен на национальные рынки стран. Так, Мохаммад Джахангир Алам, Мигуэль И. Гомез, Марко Тулио Спина Патина, Мила Рейз де Алкантара и Исмаат Ара Бегум (2022 г.) выявляют замедленную реакцию бразильского рынка апельсинов на изменение мировых цен [8, с. 407]. В своей работе Ислам Хассуне, Стефан фон Крамон-Таубадель, Тереза Сара и Хосе М. Хиль (2012 г.) обобщают эконометрические методы оценки характера взаимосвязи мировых и внутренних цен [9, с. 2].

Многие исследования посвящены непосредственно российскому и европейскому рынку пшеницы. А. Гошрей, Т. А. Ллойд и А. Дж. Рейнер (2000 г.) характеризуют рынок пшеницы ЕС как глубоко интегрированный ввиду выявленной коинтеграции [10, с. 19]. А. Щепаньска-Пшекота (2023 г.) транспортабельность пшеницы и интенсивность мировой торговли указывает в качестве причин тесной взаимосвязи польских цен на данную культуру с мировыми [11, с. 12–13]. Г. Пшекота, А. Щепаньска-Пшекота, Г. Ментал, У. Ментал, и В. Снисека в своей статье (2020 г.) показывают негативные последствия данного обстоятельства с точки зрения роста ВВП Польши [12, с. 176]. Мариуш Хамульчук и Веслав Лопачук в своём исследовании (2013 г.) представили анализ взаимовлияния цен на пшеницу в Польше и Германии [13, с. 43]. Вацлав Адабек (2014 г.) выявил связь внутренних цен на пшеницу в Чехии с мировыми после вступления страны в ЕС [14, с. 8–9]. Статья К. Браха, М. Томачанова, А. Кинети, Дж. Кривчак и Э. Лазорчакова (2019 г.) подтверждает наличие прямой связи цен на продукцию агропромышленного

комплекса в Косово от мировых цен, несмотря на некоторую асимметрию в переносе их волатильности [15, с. 10].

Существуют и работы российских исследователей по данной тематике. В работе В. А. Рязанова (2022 г.) установлена решающая роль мировых цен в формировании стоимости пшеницы в РФ [16, с. 54]. Статья С. В. Головановой (2010 г.) посвящена оценке взаимосвязи внутрироссийских и мировых цен на рынках сырьевых товаров в контексте проверки выполнения закона единой цены. Автором была выявлена неэластичность цен в сторону снижения на отдельных рынках [17, с. 24]. В работе С. Харина (2019 г.) подчёркивается роль логистической инфраструктуры в определении степени тесноты взаимосвязи внутренних цен на молоко в РФ с мировыми [18, с. 51].

Обобщая содержание существующих публикаций по теме, можно отметить недостаточную теоретическую законченность изучения взаимосвязи внутренних и мировых цен, часто формальный подход к выбору эконометрических моделей. Лишь в некоторых иностранных работах указано, что отсутствие коинтеграции внутренних и мировых цен означает нарушение положений закона единой цены (Ху Чжэньпэн, Б. Уэйд Брорсен (2016 г.) [19, с. 113]. Часто игнорируется влияние валютного курса на цены. Данный аспект чаще принимается во внимание в работах по смежной теме, связанной с инфляционной политикой на макроуровне (Золтан Бакукс и Имре Ферто (2013 г.) [20, с. 13].

Кроме того, остаются неисследованными некоторые аспекты, связанные со скоростью передачи колебаний мировых цен в национальные системы цен отдельных стран. Например, недостаточно изучена зависимость быстроты изменения внутренних цен в соответствии с мировыми с учётом наличия и интенсивности внешней торговли соответствующим видом товара.

Таким образом, целью статьи стало определение характера и особенностей взаимосвязи внутренних цен с мировыми на рынках пшеницы стран ЕС и РФ. В круг задач работы входит:

- описание теоретических основ связи внутренних и мировых цен;
- выяснение характера конкуренции и наличия государственного регулирования на рынках пшеницы изучаемых стран;
- нахождение эконометрической модели взаимосвязи мировых и внутренних цен на пшеницу и оценка показателей качества полученных моделей;

— выявление скорости передачи колебаний мировых цен на внутренние цены с учётом объёмов экспорта, импорта и внутреннего производства на рынках пшеницы каждой из рассматриваемых стран.

Объектом исследования выступают внутренние цены на пшеницу в России и странах Европейского союза, а также мировые цены на данную зерновую культуру. Предметом работы является взаимосвязь внутренних цен на пшеницу в РФ и ЕС с мировыми в динамике, зависимость характера указанной связи от количественных пропорций распределения продукции, состояния конкуренции и наличия государственного регулирования на рынке пшеницы каждой из изучаемых стран.

Материалы и методы

Важную роль в формировании методологии исследования играет теоретический анализ. Прежде всего необходимо понимать, какие закономерности лежат в основе взаимодействия мировых и внутренних цен с точки зрения экономической теории. Их взаимосвязь объясняется законом единой цены. Он подразумевает, что цена любого актива должна быть одинаковой в разных местах. Иначе возникнет стимул для осуществления арбитражных операций, то есть приобретения актива там, где он дешевле, с последующей перепродажей в местах, где он дороже, без особого риска.

На данный принцип часто указывают авторы в исследованиях по международной торговле. Как отмечается в работе Драган Милькович (1999 г.), закон единой цены является одним из самых часто проверяемых. По мнению автора, закон часто нарушается ввиду географического разделения рынков и ожиданий изменения валютных курсов [21, с. 137].

В современной формулировке закон единой цены учитывает транспортные, трансакционные и маркетинговые издержки [22, с. 9], что подчёркивается в иностранных работах. В уже упомянутой статье Головановой С. В. (2010 г.) влияние цен международной торговли проявляется в том, что величина внутренней цены соответствующего товара находится в определённом диапазоне. Её нижняя граница — это экспортная цена за минусом издержек экспортёра, а верхняя граница устанавливается на уровне мировой цены с учётом расходов на импорт товара в рассматриваемую страну [17, с. 13]. Важно отметить, что мировая цена анализируется в пересчёте на националь-

ную валюту, что позволяет учесть влияние курса валют. Обобщая многочисленные теоретические работы, можно формализовать закон единой цены следующим образом:

$$p_d = p_w * ER - C,$$

где p_d — внутренняя цена в валюте данной страны; p_w — мировая цена в мировой валюте; ER — курс национальной валюты по отношению к мировой; C — издержки, связанные с экспортом товара в валюту страны.

Как отмечается в имеющихся исследованиях, необходимым условием выполнения закона единой цены является нормальная институциональная среда рынка, характеризующаяся, в первую очередь, высокой конкуренцией. При использовании закона единой цены принимается предположение, что состояние рынка приближается к совершенной конкуренции. Кроме того, важно учитывать наличие государственного регулирования рынка, так как вмешательство государства приводит к корректировке функционирования рыночных механизмов. То есть отсутствие активного государственного регулирования также является предпосылкой выполнения закона единой цены.

В то же время нужно отметить, что закон единой цены отражает соотношение величины мировых и внутренних цен в конкретный момент времени. Поэтому остаётся открытым вопрос о том, как внутренние и мировые цены взаимодействуют в динамике. Этот аспект и нуждается в теоретическом обосновании.

Для определения теоретических основ взаимосвязи в динамике мировых и внутренних цен на определённый товар необходимо связать закон единой цены с классическими положениями микроэкономики. Участники товарного рынка распределяют продукцию на экспорт и на внутренний рынок исходя из условия равенства предельного дохода. И необходимо рассмотреть, как в таком случае происходит взаимодействие внутренних и мировых цен при изменении последних. Необходимо отметить, что первый шаг на этом пути был сделан в работе С. В. Головановой [17].

Рассмотрим ситуации с разным характером конкуренции на мировом и внутреннем рынках.

Пусть p_d и p_w^{er} — внутренние и пересчитанные в национальную валюту мировые цены; MR_d и MR_w — предельный доход участников рынка от поставок на внутренний и на мировой рынок соответственно; ε_d и ε_w — эластичность спроса по цене на внутреннем и мировом рынке соответственно.

Условие равновесия заключается в равенстве предельных доходов от продажи товаров за рубежом и внутри страны ($MR_d = MR_w$). Доходность от внутренних поставок определяется внутренней ценой продукции, зарубежных — мировой ценой с учётом валютного курса и издержек экспортеров. Тогда при предположении о неизменности издержек, связанных с экспортом, в случае совершенной конкуренции на мировом и внутреннем рынке изменение мировой цены в пересчёте на национальную валюту будет в точности соответствовать изменению внутренней цены ($\Delta p_d = \Delta p_w^{er}$), так как предельный доход на конкурентном рынке равен цене ($p_d = p_w^{er} - C$).

При несовершенной конкуренции на внутреннем рынке цена для национального потребителя изначально установится не на уровне мировой цены с учётом курса и издержек экспортёра

$$(p_d * (1 + \frac{1}{\varepsilon_d}) = p_w^{er} - C).$$

Верхней границей сверхприбыли отечественных компаний тогда будет мировая цена, увеличенная на издержки импортёра ввиду опасений возможной и (или) реальной конкуренции иностранных компаний. Тогда изменению мировой цены с учётом курса будет соответствовать более значительное изменение внутренней цены

$$(\Delta p_d * (1 + \frac{1}{\varepsilon_d}) = \Delta p_w^{er} \rightarrow \Delta p_d > \Delta p_w^{er}).$$

В случае несовершенной конкуренции на обоих рынках внутренняя цена также не будет соответствовать мировой цене с учётом курса и издержек

$$(p_d * (1 + \frac{1}{\varepsilon_d}) = (p_w^{er} - C) * (1 + \frac{1}{\varepsilon_w})).$$

В динамике внутренние цены будут, как и в предыдущем случае, реагировать более оперативно на изменение мировых цен, так как следует предположить больший коэффициент эластичности для мирового рынка ввиду более жёсткой конкуренции

$$(\Delta p_d * (1 + \frac{1}{\varepsilon_d}) = \Delta p_w^{er} * (1 + \frac{1}{\varepsilon_w}) \rightarrow \Delta p_d > \Delta p_w^{er}, \text{ т. к. } \varepsilon_d < \varepsilon_w).$$

Важно отметить, что при несовершенной конкуренции реакция внутренних цен в основном заключается в более значительном увеличении при повышении мировых цен. Монополист изначально проводит ценовую дискриминацию, продавая на внутреннем рынке товар дороже. И не следует ожидать значительного снижения внутренней цены в ответ на уменьшение мировой.

Таким образом, в случае совершенной конкуренции в долгосрочной перспективе ожидается соразмерное изменение внутренней цены в соответствии с мировой с учётом валютного курса при постоянной величине издержек экспорта. Если хотя бы на одном из рынков имеет место несовершенная конкуренция, то внутренняя цена будет меняться быстрее в ответ на колебания мировой цены.

Также стоит предположить, что скорость передачи колебаний мировых цен на внутренние цены будет тем выше, чем более глубоко рынок интегрирован в мировую торговлю. То есть чем больше объёмы торговли и чем выше роль страны в международных поставках данного товара, тем более оперативно внутренние цены в данной стране подстраиваются под мировые.

Проведённый теоретический анализ позволяет сформулировать алгоритм данного исследования. Сначала необходимо охарактеризовать анализируемый рынок с точки зрения конкуренции и особенностей государственного регулирования, так как указанные факторы влияют на уровень конкуренции на рынке. Затем необходимо исследовать взаимосвязь мировых и внутренних цен в динамике, определив, с какой скоростью внутренние цены подстраиваются под мировые. После результаты необходимо сопоставить с объёмами мировой торговли в масштабах рынка каждой из стран.

Непосредственно количественный анализ в данном исследовании проводился по данным цен на пшеницу на внутренних рынках стран ЕС и внутреннем российском рынке. Европейский зерновой рынок, как будет показано в следующей части работы, характеризуется отсутствием активного государственного регулирования, в особенности внешнеторгового. На рынке пшеницы в России, напротив, отмечается активное вмешательство государства в экономические процессы. Контрастность рынков указанных стран и определила их выбор для исследования, так как при наличии таких институциональных различий описанные выше теоретические закономерности должны проявляться наиболее ярко.

Для формирования исходных данных о ценах на рынках европейских стран была сделана выборка из 17 стран, по которым имеется полный динамический ряд цен за исследуемый период. В качестве внутренних цен на пшеницу в европейских странах использовались среднемесячные цены на хлебопекарную пшеницу (в терминах

российских стандартов качества — пшеница не ниже 4 класса), рассчитываемые Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединённых Наций (ФАО). Средние за месяц внутренние цены на российскую пшеницу размещаются в российской информационной системе ЕМИСС. Важным нюансом исследования является выбор индикатора цен мирового рынка пшеницы. В качестве такового были определены экспортные цены на пшеницу в Чёрном море. Выбор обусловлен географической и продуктовой близостью черноморского бассейна к рынкам исследуемых стран. В ЕС и в РФ выращивают и экспортируют пшеницу, обладающую схожими свойствами, что во многом роднит исследуемые рынки.

Экспортные цены в Чёрном море выражены в рублях, тогда как внутрироссийские и европейские в рублях и в евро соответственно. Для пересчёта мировых цен в валюту исследуемых стран были использованы среднемесячные курсы евро и рубля к доллару, рассчитанные ФАО.

Для анализа был выбран период с января 2017 года по июнь 2023 года (78 наблюдений), что, с одной стороны, обеспечивает достаточную длину динамического ряда, с другой, — сглаживает риск искажения результатов в случае глобальных изменений структуры исследуемых рынков.

Для решения задач работы была использована векторная модель коррекции ошибок (vector error correction model, VECM). Применительно к исследованию связи внутренних и мировых цен VECM имеет следующую спецификацию:

$$\Delta p^d = \theta_1 + \sum_{i=1}^k \gamma_i p_{t-i}^d + \sum_{j=1}^k \delta_j [p_{t-i}^w * er_{t-i}] + \alpha_1 ECT_{t-1} + \varepsilon,$$

$$[\Delta p^w * er] = \theta_2 + \sum_{r=1}^k \gamma_r p_{t-r}^d + \sum_{l=1}^k \delta_l [p_{t-l}^w * er_{t-l}] + \alpha_2 ECT_{t-1} + \varepsilon,$$

$$ECT_{t-1} = p_{t-1}^d - \beta p_{t-1}^w,$$

где p^d и p^w — внутренние и мировые цены соответственно; er — валютный курс; α , β , γ , θ , δ — оцениваемые коэффициенты; ε — случайная ошибка.

Данная модель в полной мере соответствует целям исследования, так как позволяет выделить долгосрочную коинтеграционную связь (коэффициент β) и определить скорость подстройки внутренних цен к изменению мировых (коэффициент α_j). Кроме того, спецификация рассма-

триваемой VECM отвечает напрямую вытекает из выводов, полученных по результатам теоретического анализа. Соответственно, два указанных коэффициента представляют аналитическую значимость.

Гипотеза такова, что коэффициент β должен быть близок к единице на относительно «стерильных» с институциональной точки зрения рынках, коэффициент α_j должен быть тем больше по модулю, чем более активно вовлечён рынок в мировую торговлю.

Важно отметить, что спецификация модели напрямую вытекает из описанных выше теоретических рассуждений. VECM является вполне классическим методом исследований по данной теме. Данная модель использовалась в частности в работе таких ученых, как Фридерике Греб, Нелиса Джамара, Каролина Анхель, Стефан фон Крамон-Таубадель и Надин Вюррихаузен (2012 г.), однако авторами не учитывается влияние валютного курса, что критически важно при анализе [3]. В некоторых работах, как, например, в статье М. М. У. Молла, С. А. Сабура, М. Дж. Алама (2015 г.) переменные прологарифмированы, что позволяет интерпретировать полученные результаты в терминах эластичности [4]. Безусловно, такая спецификация возможна, так как в некоторых исследованиях, например, в работе М. Г. Прокопьева (2017 г.) указывается, что в мягкой формулировке закон единой цены предполагает стремление к единице эластичности внутренних цен по отношению к мировым в долгосрочной перспективе [23, с. 106].

Построение VECM предполагает предварительное исследование. Переменные в модели должны быть интегрируемыми первого порядка (I(1)), для проверки чего был использован классический ADF-тест. Была использована модель теста Дики — Фуллера с констан-

той и трендом, так как ценовым временным рядам обычно присуща тенденция к повышению.

Кроме того, переменные должны быть коинтегрированными. Для тестирования коинтеграции были применены тесты Энгла — Грэнджера (Engle — Granger) и Филипса — Оулиса (Philips — Oulias). В рамках каждого теста оценивалась простая парная регрессия, затем на основе таблицы критических значений, полученной Мак-Киннон (1996 г.), проверялось значение уровня

значимости специальных статистик (tau-statistic и z-statistic).

Оптимальная величина лага для VECM подбиралась исходя из информационных критериев Акайке, Ханнан — Куина и Шварца. В случае неоднозначности их величины предпочтение отдавалось меньшему значению, так как оценка чрезмерного числа переменных может отразиться на качестве модели.

Все эконометрические выкладки, включающие проверку исходных рядов на единичный корень, тестирование коинтеграции и оценку VECM, были сделаны в программе Eviews 10.

Для оценки интенсивности международной торговли для каждой страны использовалось два относительных показателя. Первый был посчитан как среднее отношение физического объёма экспорта и импорта к сборам пшеницы в процентах для каждой страны по данным с 2017 по 2021 год. Он представляет собой среднюю долю экспорта и импорта в производстве пшеницы. Второй предполагает оценку роли государства в мировой торговле. Он рассчитывается как среднее отношение физической величины экспорта и импорта данной страны к мировому экспорту и импорту пшеницы в процентах за тот же период и отражает среднюю долю страны в объёмах международной торговли пшеницей. Натуральные величины экспорта и импорта, производства пшеницы в каждой стране были взяты из базы данных ФАО за указанный период ввиду наличия статистической информации.

Результаты

Характер конкуренции на исследуемых рынках остаётся во многом неопределённым. Так, в работе Колина А. Картера, Дональда Макларена и Альпера Йилмаза (1999 г.) были получены противоречивые результаты относительно конкуренции на мировом рынке пшеницы. Авторами были выявлены признаки как монополистического и монополистического состояния рынков отдельных стран, так и черты совершенной конкуренции [24, с. 5]. Поэтому в целях исследования принимается предпосылка о конкуренции, близкой к совершенной на рынках пшеницы исследуемых стран. Получение завышенных коэффициентов, как описано выше, будет являться сигналом о невозможности такого допущения.

С точки зрения характера государственного регулирования рынка пшеницы анализируемые страны значительно отличаются. Основным инструментом регулирования рынка пшеницы

в странах ЕС является проведение государственных закупочных интервенций, что подтверждается в работе Гарри де Гортера и Карла Д. Мейлке (1987 г.) [25, с. 228]. Европейский союз проводит единую интервенционную политику, опыт которой рассматривается как возможный для реализации в российской практике, как считают авторы работы Б. А. Хейфец и В. Ю. Чернова (2020 г.) [26, с. 568].

Кроме того, ЕС осуществляет единое внешне-торговое регулирование товарных рынков, в основе которого лежит единый таможенный тариф. По данным АМИС, параметры внешнеэкономической политики на рынках пшеницы в рассматриваемых европейских странах за период исследования не менялись. Импортная пошлина в рамках режима наибольшего благоприятствования (MFN applied tariff) оставалась на уровне 4,27 %¹. Экспорт европейской пшеницы за рассматриваемый период не подвергался какому-либо заметному регулированию.

То есть рынки пшеницы в Европе можно считать относительно слабо подверженными вмешательству государства, что определяет особый интерес к странам ЕС в контексте проверки теоретических положений ввиду «институциональной стерильности».

В регулировании рынка пшеницы в России наблюдается обратная тенденция. Государством используется весь широкий арсенал инструментов воздействия на экономическую систему. Помимо государственных закупочных и товарных интервенций активно применяются меры внешне-торгового регулирования. Так, с июня 2021 года в отношении пшеницы установлены плавающие вывозные пошлины. В последние годы вывоз данной зерновой культуры из РФ регулярно подвергается количественным ограничениям.

Таким образом, российский рынок пшеницы отличается активным вмешательством государства в экономические процессы, что влияет на характер взаимосвязи внутренних и мировых цен. Возможно и то, что данная взаимосвязь не проявится при исследовании.

После характеристики рынка пшеницы в исследуемых странах следует перейти непосредственно к количественному анализу. Расширенный тест Дики — Фуллера показал, что все исследуемые временные ряды с высокой статистической значимостью являются интегрируемыми

¹ Сост. по: АМИС, информационно-аналитическое агентство по сельхозрынкам. URL: <https://www.amis-outlook.org/> (дата обращения: 20.12.2023).

первого порядка, что является необходимым условием для наличия коинтеграции и дальнейшей оценки VECM.

Результаты тестирования коинтеграционной связи между внутренними и мировыми ценами на пшеницу на рынках исследуемых стран отражены в таблице 1. В случае отсутствия коинтеграции проверялись также значения мировых цен с лагом. То есть в таком случае в модель изначально включались мировые цены с определённой задержкой. Величина лага показывает количество месяцев, на которые сдвинут назад временной ряд мировых цен, так как при анализе используются месячные данные. Наличие лага указано в скобках в названии страны (например, (2) — лаг два месяца).

Уровень значимости (p-value) более 0,05 говорит о наличии коинтеграции внутренних и мировых цен. Как следует из данных таблицы, коинтеграция была выявлена для рынков пшеницы всех 17 исследуемых европейских стран. Для 6 стран

(Чехия, Эстония, Греция, Словакия, Словения и Испания) характерна некоторая временная асимметрия в передаче колебаний мировых цен на внутренний рынок, так как коинтеграционная взаимосвязь была установлена при исследовании мировых цен с некоторым лагом.

Асимметрия во взаимодействии внутренних и мировых цен является предметом отдельных исследований. Разные аспекты данной проблемы раскрывались в иностранной литературе, в частности в работах Мохаммада Джахангира Алама, Мигуэля И. Гомеза, Марко Тулио Спино Патино, Милы Рейз де Алкантара и Исмаэля Ара Бегум (2022 г.) и Ислам Хассуне, Стефана фон Крамон-Таубадель, Терезы Сара и Хосе М. Хиль (2012 г.). В российской научной литературе тема также рассматривается. Так, в статье С. В. Харина (2021 г.) наличие лага при оценке взаимосвязи внутренних и мировых цен называется автором асимметрией во времени трансмиссии между двумя ценами [27, с. 9]. Так как настоящее

Таблица 1
Table 1

Проверка наличия коинтеграции внутренних цен на пшеницу с мировыми ценами
Verification of the co-integration of domestic wheat prices with world prices

Страна	Тест Энгла-Грэнджера		Тест Филиппса-Оулиса		Наличие коинтеграции (+/-)
	tau-статистика уровень значимости	z-статистика уровень значимости	tau-статистика уровень значимости	z-статистика уровень значимости	
Австрия	0,0241	0,0175	0,0151	0,0099	+
Болгария	0,0034	0,0012	0,0028	0,0010	+
Хорватия	0,0025	0,0015	0,0022	0,0014	+
Чехия (1)	0,0143	0,0082	0,0129	0,0077	+
Эстония (1)	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	+
Финляндия	0,0292	0,0171	0,0300	0,0195	+
Франция	0,0004	0,0000	0,0023	0,0008	+
Германия	0,0000	0,0000	0,0047	0,0020	+
Греция (1)	0,0266	0,0131	0,0299	0,0172	+
Венгрия	0,0046	0,0029	0,0035	0,0021	+
Латвия	0,0005	0,0002	0,0005	0,0003	+
Литва	0,0283	0,0116	0,0363	0,0185	+
Польша	0,0039	0,0019	0,0033	0,0016	+
Румыния	0,0187	0,0092	0,0173	0,0091	+
Словакия (1)	0,0235	0,0161	0,0204	0,0143	+
Словения (1)	0,0024	0,0015	0,0021	0,0014	+
Испания (1)	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	+
Россия	0,4802	0,3768	0,5311	0,4414	-

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных:

1. Данные о ценах ФАО // FPMA Tool V4, . URL: <https://fpma.fao.org/gIEWS/fpma4/#/dashboard/home>
2. Показатель «Средние цены производителей сельскохозяйственной продукции, реализуемой сельскохозяйственными организациями с 2017 г.» // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57693>
3. Объёмы торговли, производства и валютные курсы // ФАО СТАТ. URL: <https://www.fao.org/faostat/ru/#home>

исследование не посвящено указанной выше проблеме, наличие лага в оценке коинтеграции не будет специальным образом проанализировано.

Отсутствие коинтеграции с мировыми ценами продемонстрировал российский рынок пшеницы. Причём уровень значимости превышал критическое значение, равное 0,05, и при оценке с учётом лага для мировых цен. Данный факт вероятнее всего является следствием активной политики государственного регулирования на рынке пшеницы в РФ.

Таким образом, для рынка пшеницы исследуемых европейских стран характерна долгосрочная взаимосвязь внутренних и мировых цен. Российский рынок, напротив, показал отсутствие статистически значимой коинтеграционной зависимости внутренних цен от мировых. Долгосрочная взаимосвязь внутренних и мировых цен на рынках без активного государственного регулирования и её отсутствие её проявлений при постоянном вмешательстве государства в рыночные процессы и предполагалось изначально.

Наличие коинтеграции между временными рядами позволяет применить в анализе векторную модель коррекции ошибок. В таблице 2 отражены оценки двух коэффициентов модели. Параметр β отражает долгосрочную коинтеграционную взаимосвязь внутренних и мировых цен. Коэффициент α_1 характеризует составляющую коррекции ошибок, он показывает, с какой скоростью внутренние цены «подстариваются» под динамику мировых. В данный этап исследования не вошла Россия, так как отсутствие коинтеграции внутри-российских цен на пшеницу с мировыми не позволяет произвести оценку VECM. В таблицу также помещены результаты расчётов показателей интенсивности мировой торговли пшеницы на рынках исследуемых стран. Одной (*), двумя (**) и тремя (***) звёздочками помечены оценки, значимые на уровне 90 %, 95 % и 99 % соответственно.

Результаты расчётов подтверждают выдвинутую гипотезу о близости к единице коэффициента долгосрочной взаимосвязи между внутренними

Таблица 2

Table 2

Оценка параметров векторной модели коррекции ошибок и показателей, характеризующий интенсивность международной торговли на рынке
Evaluation of the parameters of the vector error correction model and indicators characterizing the intensity of international trade in the market

Страна	Коэффициент β	Коэффициент α_1	Средняя доля экспорта и импорта в производстве пшеницы, %	Среднее доля страны в мировой торговле пшеницей, %
Австрия	1,11***	-0,09	112,69	0,44
Болгария	1,01***	-0,83***	71,07	1,13
Хорватия	0,98***	-0,35***	73,70	0,16
Чехия	1,03***	-0,26***	46,98	0,58
Эстония	0,97***	-0,77***	68,79	0,13
Финляндия	1,01***	-0,27***	16,68	0,03
Франция	1,08***	-0,63*	51,36	4,77
Германия	1,06***	-0,36**	48,53	2,79
Греция	1,24***	-0,21***	126,13	0,36
Венгрия	1,01***	-0,27**	52,92	0,72
Латвия	0,82***	-0,85***	134,90	0,76
Литва	0,98***	-0,39***	76,71	0,79
Польша	0,99***	-0,30***	32,17	0,95
Румыния	1,02***	-0,44***	72,92	1,76
Словакия	1,06***	-0,32***	56,05	0,28
Словения	1,14***	-0,18**	343,23	0,12
Испания	1,07***	0,26**	82,51	1,43

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных:

1. Данные о ценах ФАО // FPMA Tool V4, . URL: <https://fpma.fao.org/gIEWS/fpmat4/#/dashboard/home>
2. Показатель «Средние цены производителей сельскохозяйственной продукции, реализуемой сельскохозяйственными организациями с 2017 г.» // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57693>
3. Объёмы торговли, производства и валютные курсы // ФАО СТАТ. URL: <https://www.fao.org/faostat/ru/#home>

и мировыми ценами. Полученные значения параметра β оказались несколько выше для Греции и Словении и ниже для Латвии. Однако в целом расчёты позволяют рассматривать рынки пшеницы в исследуемых европейских странах как конкурентные. Оценки коинтеграционного соотношения для рынков всех стран оказались статистически значимы с вероятностью 99 %.

Итоги оценки параметра коррекции ошибок свидетельствуют о неодинаковой скорости передачи волатильности мировых цен на внутренний рынок пшеницы в странах ЕС. Коэффициент α_1 оказался незначим только для Австрии, что в целом делает результаты оценки пригодными для дальнейшего анализа.

Для выявления взаимосвязи скорости подстройки внутренних цен к мировым с учётом степени интенсивности международной торговли на каждом рынке необходимо сопоставить значения коэффициента коррекции ошибок с относительными показателями, приведёнными в последних столбцах табл. 2. Более наглядно результаты анализа проиллюстрированы диаграммами рассеивания, значения параметра α_1 взяты по модулю для удобства представления.

Первая диаграмма (рис. 1) показывает, как меняется среднее отношение натуральных объёмов экспорта и импорта к производству пшеницы в стране в зависимости от абсолютного значения параметра α_1 .

На второй диаграмме (рис. 2) по аналогичному принципу сопоставляется среднее отношение натуральных объёмов экспорта и импорта к физической величине мировой торговли пшеницей для каждой страны и модуль коэффициента коррекции ошибок.

Из представленных рисунков становится ясно, что не существует ярко выраженной взаимосвязи между интенсивностью мировой торговли на рынке пшеницы и скоростью подстройки внутренних цен к величине мировых. Дополнительно посчитанные коэффициенты корреляции подтверждают этот вывод. Степень линейной зависимости абсолютной величины параметра α_1 и средней доли экспорта и импорта в производстве пшеницы составляет $-0,16$, а средней доли страны в объёмах мировой торговли пшеницей модуля коэффициента α_1 равно $0,27$. В таком случае следует предположить, что скорость передачи колебаний мировых цен во внутренние зависит в первую очередь не от количественных пропорций распределения продукции на рынке, а от его специфических характеристик. Они могут быть связа-

ны, например, с организационно-экономическими или институциональными особенностями.

Таким образом, анализ позволил подтвердить выдвинутую на основе теоретических рассуждений гипотезу о соотношении в динамике внутренних и мировых цен. Однако скорость подстройки внутренних цен к мировой конъюнктуре, как оказалось, не зависит от степени интенсивности мировой торговли на рынке, что подтвердила количественная оценка.

Обсуждение

Сопоставляя полученные результаты с существующими в экономической науке и практике представлениями о взаимосвязи внутренних и мировых цен, в первую очередь необходимо отметить неочевидные итоги теоретического анализа. В условиях несовершенной конкуренции цены на внутреннем рынке изменяются в большей степени, чем на мировом. При элементах монополии цены достаточно жёсткие, в особенности в сторону снижения, и в работе С. В. Головановой (2010 г.) было проведено исследование, подтверждающее данный вывод.

Однако условие равенства предельных доходностей, выдвинутое самим автором названной работы, говорит о необходимости большего шага внутренней цены в ответ на изменение мировой для поддержания равновесия в условиях несовершенной конкуренции. Возможно, некоторая рассогласованность результатов статьи С. В. Головановой (2010 г.) с теоретическими выводами имеет место из-за специфики использованных данных. Автор анализировались мировые цены без учёта издержек, связанных с экспортом, что и могло стать причиной получения несколько иных итогов.

С точки зрения обсуждения теории, необходимо вернуться к работе Драгана Мильковича (1999 г.), автором которой отмечались слишком частые нарушения закона единой цены ввиду различных факторов. Однако, как показал анализ, при глубокой теоретической проработке темы, позволяющей учесть издержки экспорта и влияние валютного курса, а также при выборе в качестве объекта исследования институционально зрелых рынков закон единой цены действительно подходит для описания реальных экономических процессов.

Эмпирические результаты вполне отвечают количественным выкладкам, представленным в научной литературе. Так, в статье Фридерике Греб, Нелиссы Джамара, Каролины Анхель, Стефана фон Крамон-Таубадель и Надин Вюррихаузен

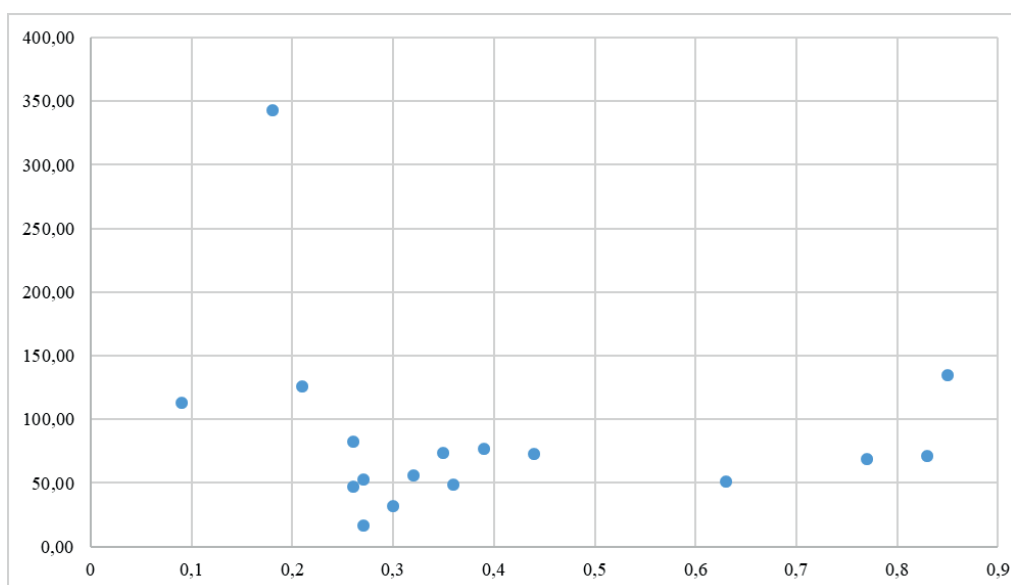

Рис. 1. Корреляция средней доли экспорта и импорта в производстве пшеницы и абсолютного значения параметра коррекции ошибок

Fig. 1. Correlation of the average share of exports and imports in wheat production and the absolute value of the error correction parameter

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных:

1. Данные о ценах ФАО // FPMA Tool V4, . URL: <https://fpma.fao.org/gIEWS/fpmat4/#/dashboard/home>
2. Показатель «Средние цены производителей сельскохозяйственной продукции, реализуемой сельскохозяйственными организациями с 2017 г.» // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57693>
3. Объёмы торговли, производства и валютные курсы // ФАО СТАТ. URL: <https://www.fao.org/faostat/ru/#home>

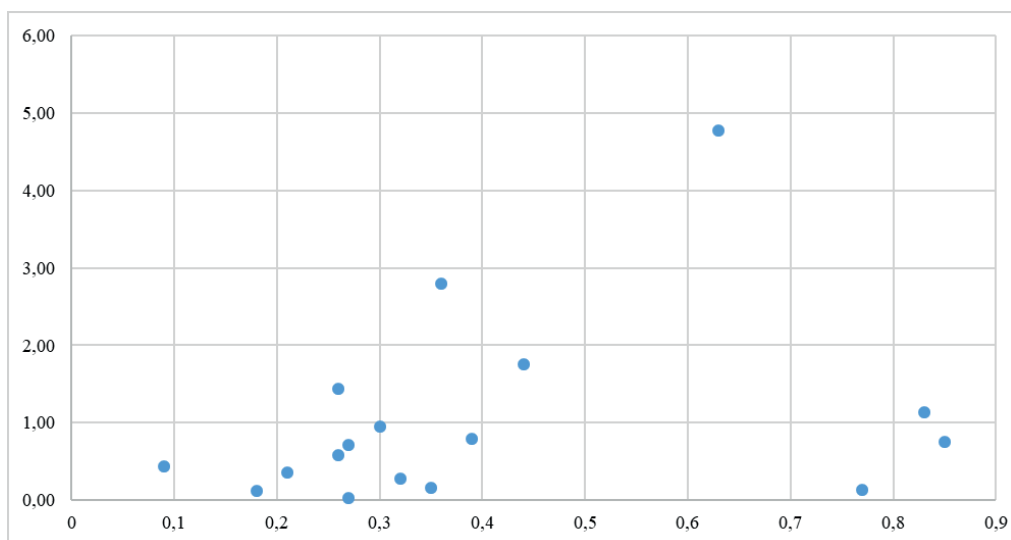

Рис. 2. Корреляция средней доли страны в объёмах мировой торговли пшеницей и абсолютного значения параметра коррекции ошибок

Fig. 2. Correlation of the average share of the country in the volume of world wheat trade and the absolute value of the error correction parameter

Источник: рассчитано авторами на основе официальных данных:

1. Данные о ценах ФАО // FPMA Tool V4, . URL: <https://fpma.fao.org/gIEWS/fpmat4/#/dashboard/home>
2. Показатель «Средние цены производителей сельскохозяйственной продукции, реализуемой сельскохозяйственными организациями с 2017 г.» // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57693>
3. Объёмы торговли, производства и валютные курсы // ФАО СТАТ. URL: <https://www.fao.org/faostat/ru/#home>

(2012 г.) в среднем для Европы коэффициент долгосрочной взаимосвязи (параметр β) в VECM составил для пшеницы 0,98, что также близко к единице. Однако авторами было получено несколько меньшее значение коэффициента коррекции ошибок (по модулю), оно составило 0,10.

Как и в работе таких исследователей, как А. Гошрей, Т. А. Ллойд и А. Дж. Рейнер (2000 г.), европейский рынок пшеницы выглядит достаточно тесно интегрированным с мировым ввиду наличия коинтеграции внутренних цен на пшеницу с мировыми для всех изученных стран. Подтверждаются и выводы о зависимости внутренних цен на пшеницу в отдельных странах от мировых. Результаты соответствуют работам, показавшим тесное взаимодействие в динамике цен на пшеницу в Польше и мировых цен [Г. Пшекота, А. Щепаньска-Пшекота, Г. Ментал, У. Ментал, и В. Снисека (2020 г.) и А. Щепаньска-Пшекота (2023 г.)]. Аналогично итоги эконометрического анализа отвечают и работе Вацлава Адамека (2014 г.), посвящённой рынку пшеницы Чехии. Примечательно, что при оценке в настоящем анализе чешские цены показали коинтеграцию с мировыми с учётом лага в один месяц. О месячной задержке в передаче колебаний писал и автор указанной статьи.

Итоги анализа зависимости количественных пропорций распределения продукции на рынке и скорости подстройки внутренних цен к мировым заставляют обратить внимание на специфические характеристики рынка каждой страны. К похожим выводам приходили иностранные учёные и исследователи. Так, в работе М. М.У. Молла, С. А. Сабура, М. Дж. Алама (2015 г.) отмечались такие факторы, влияющие на характер взаимосвязи внутренних цен с мировыми, как наличие рыночной информации, инфраструктура. В уже упомянутой работе Фридерике Греб, Нелиссы Джамара, Каролины Анхель, Стефана фон Крамон-Таубадель и Надин Вюррихаузен (2012 г.) в анализ вводились и другие характеристики рынка. Среди них институциональная среда внешней торговли, включая таможенные барьеры, логистика, наличие выхода страны к морю, вовлеченность государства в мировую торговлю в целом. Важность транспортной инфраструктуры при передаче колебаний мировых цен во внутренние отмечает в работе и Зерихун Гетачеу Кельбор (2013 г.).

Однако в существующих публикациях недостаточное внимание уделялось влиянию государственного регулирования на характер взаимосвязи внутренних и мировых цен. В настоящей

работе наглядно показано, что вмешательство государства способствует нарушению естественных рыночных механизмов, их перестройке. Об этом свидетельствует отсутствие коинтеграции между внутрироссийскими ценами на пшеницу и мировыми.

Таким образом, результаты в целом согласуются с количественными оценками, полученными другими авторами ранее. Некоторые расхождения связаны с особенностями методологии исследования разных авторов, выборкой стран и рынков, определением индикаторов внутренних и мировых цен и выбором периода анализа.

Заключение

Внутренние цены находятся под влиянием мировых цен, что подтверждает проявление закона единой цены в определении зависимости между внутренними и мировыми ценами. Характер взаимосвязи внутренних и мировых цен определяется широким спектром факторов, имеющих в первую очередь качественное выражение. На рынках с совершенной конкуренцией следует ожидать соразмерного изменения внутренних цен в ответ на колебания мировых с учётом валютного курса и издержек внешней торговли. В условиях же несовершенной конкуренции внутренние цены изменяются в большей степени.

Также характер взаимосвязи определяется политикой государственного регулирования рынка, институциональными особенностями, развитием инфраструктуры. Степень вовлеченности рынка в мировую торговлю, если подходить формально к её оценке, не является решающим фактором в формировании зависимости внутренних цен от мировых.

Таким образом, проведённый анализ подтвердил выдвинутую гипотезу о выполнении закона единой цены на рынках пшеницы в европейских странах. Однако скорость подстройки внутренних цен к мировым, как оказалось, не зависит от степени вовлеченности рынка в мировую торговлю.

Научная новизна работы заключается в определении характера взаимосвязи внутренних и мировых цен на товарных рынках в динамике.

Итоги анализа показывают, что при отсутствии государственного регулирования, развитости рыночных институтов и инфраструктуры цены на рынке оказываются под прямым воздействием конъюнктуры мирового рынка. С одной стороны, данное обстоятельство способствует

интеграции национальных рынков с мировым и развитию конкуренции. С другой стороны, рынок оказывается практически незащищен перед волатильностью мировых цен и валютных курсов, что, безусловно, имеет пагубные последствия для экономик отдельных стран. То есть, вмешательство государства в экономические процессы выглядит вполне обоснованным при условии, что оно осуществляется обоснованно.

В дальнейшем будут актуальными исследования, позволяющие с учётом доказанных в теории экономических законов и взаимосвязей, оценить основные факторы влияния мировых цен на внутренние цены в краткосрочной перспективе, а также определить силу такого влияния. Также исследовательский интерес в будущем представляет анализ взаимосвязи внутренних и мировых цен на рынках несовершенной конкуренции.

Список источников

1. Morisset J. Unfair Trade? The Increasing Gap between World and Domestic Prices in Commodity Markets during the Past 25 Years // *The World Bank Economic Review*. 1998. Vol. 12, № 3. Pp. 503–526.
2. Shuqin Yan, Hiroshi Kameyama, Hiroshi Isoda, Jiarong Qian and Shoichi Ito. Effects of International Grain Prices on Volatility of Domestic Grain Prices in 24 Developing Countries // *Journal of the Faculty of Agriculture Kyushu University*. 2016. № 61 (1). Pp. 225–232.
3. Greb F., Jamora N., Mengel C., von Cramon-Taubadel S., Würriehausen N. Price Transmission from International to Domestic Markets // *GlobalFood Discussion Papers from Georg-August-Universitaet Goettingen*. 2012. № 125. Pp. 1–47.
4. Molla M. M. U., Sabur S. A., Alam M. J. Relationship between World and Domestic Prices of Raw Jute in Bangladesh: A Cointegration Approach // *The Journal of Agriculture and Natural Resources Sciences*. 2015. № 2 (1). Pp. 304–311.
5. Ranjit Kumar P., Raka S., Shikha Ch., Ranab Z., Ranab S. Examining Export Volatility, Structural Breaks in Price Volatility and Linkages between Domestic and Export Prices of Onion in India // *Agricultural Economics Research Review*. 2015. Vol. 28. Pp. 101–116.
6. Solieman N. Y., Bargash R. M. The Factors Affecting on the World Prices of the Most Important Agricultural Commodities and their Effects on the Egyptian Domestic Prices // *International Journal of Science and Research*. 2014. Vol. 3, № 6. Pp. 1–6.
7. Zerihun Getachew Kelbore. Transmission of World Food Prices to Domestic Market // *MPRA Paper*. 2013. № 49712. Pp. 1–63.
8. Alam M. J., Gómez M. I., Patino M. T. O., de Alcântara M. R., Begum I. A. Price transmission between international and domestic prices in the Brazilian citrus sector // *International Food and Agribusiness Management Review*. 2022. Vol. 25, № 3. Pp. 393–410.
9. Hassounh I., von Cramon-Taubadel S., Serra T., Gil J. M. Recent Developments in the Econometric Analysis of Price Transmission // *Working Paper Transparency of Food Pricing TRANSFOP*. 2012. № 2. Pp. 1–27.
10. Ghoshray A., Lloyd T. A., Rayner A. J. EU Wheat Prices And Its Relation With Other Major Wheat Export Prices // *Discussion Papers in Economics*. 2000. № 00/8.
11. Szczepańska-Przekota A. Are Small Agricultural Markets Recipients of World Prices? The Case of Poland // *Agriculture*. 2023. № 13. Pp. 1214.
12. Przekota G., Szczepańska-Przekota A., Mentel G., Mentel U., Snieška V. Causality of the relationship between wheat prices and economic conditions — an evidence for sustainable development // *Journal of International Studies*. 2020. № 13 (3). Pp. 161–179.
13. Hamulczuk M., Lopaciuk W. Price linkage between milling and feed wheat prices in Poland and Germany // *Problems of World Agriculture*. 2013. Vol. 3, № 4. Pp. 34–44.
14. Adamec V. Study of Causal Dependencies among Prices in the Czech Wheat Commodity Market // *Procedia Economics and Finance*. 2014. Vol. 12. Pp. 3–9.
15. Braha K., Rajčániová M., Qineti A., Pokrivčák J., & Lazorčáková E. Evidence of Spatial Price Transmission in the Case of Kosovo // *AGRIS on-line Papers in Economics and Informatics*. 2019. Vol. 11 (1). Pp. 3–15.
16. Рязанов В. А. Влияние мирового рынка на внутренние цены на зерно в России // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2022. № 4. С. 50–59.
17. Голованова С. В. Сигналы несовершенства конкуренции: результаты анализа цен товаров, вовлечённых в международную торговлю // *Современная конкуренция*. 2010. № 4 (22). С. 11–25.

18. Kharin S. Horizontal Price Transmission on the Russian Dairy Market: Nonlinear Approach // *AGRIS on-line Papers in Economics and Informatics*. 2019. Vol. 11, № 3. Pp. 45–54.
19. Hu Zh., Brorsen B. W. Spatial Price Transmission and Efficiency in the Urea Market // *Agribusiness*. 2017. Vol. 33 (1). Pp. 98–115.
20. Bakucs Z., Fertő I. World prices and domestic food price spikes // *Discussion papers MT-DP* — 2013/4. Budapest, 2013. Pp. 3–14.
21. Miljkovic D. The Law of One Price in International Trade: A Critical Review // *Review of Agricultural Economics*. 1999. 21(1). 126–139.
22. Athur Mabiso. Import/Export Parity Price Analysis // *FEWS NET Markets Guidance*. 2008. № 1. P. 1–28.
23. Прокопьев М. Г. Эффект переноса изменений импортных и экспортных цен в цены внутреннего рынка: методические аспекты // *Экономическая наука современной России*. 2017. № 3 (78). С. 105–115.
24. Carter C. A., MacLaren D., Yilmaz A. How Competitive is the World Wheat Market? // *Working Paper*. 1999. № 99-002. Pp. 1–7.
25. De Gorter H., Meilke K. D. The EEC's Wheat Price Policies and International Trade in Differentiated Products // *American Journal of Agricultural Economics*. 1987. Vol. 69, № 2. Pp. 223–229.
26. Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Государственные закупки как инструмент реализации экономической политики (опыт стран ЕС на примере сельского хозяйства) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2020. Т. 28, № 3. С. 568–584.
27. Харин С. В. Ценовая трансмиссия на аграрных рынках: обзор методологических подходов // *Аграрная наука Евро-Северо-Востока*. 2021. Т. 22. № 1. С. 7–20.

References

1. Morisset J. Unfair Trade? The Increasing Gap between World and Domestic Prices in Commodity Markets during the Past 25 Years. *The World Bank Economic Review*. 1998;12(3):503-526.
2. Shuqin Yan, Hiroshi Kameyama, Hiroshi Isoda, Jiarong Qian and Shoichi Ito. Effects of International Grain Prices on Volatility of Domestic Grain Prices in 24 Developing Countries. *Journal of the Faculty of Agriculture Kyushu University*. 2016;61(1):225-232.
3. Greb F, Jamora N, Mengel C, von Cramon-Taubadel S, Würriehausen N. Price Transmission from International to Domestic Markets. *GlobalFood Discussion Papers from Georg-August-Universitaet Goettingen*. 2012;(125):1-47.
4. Molla MMU, Sabur SA, Alam MJ. Relationship between World and Domestic Prices of Raw Jute in Bangladesh: A Cointegration Approach. *The Journal of Agriculture and Natural Resources Sciences*. 2015;(2(1):304-311.
5. Ranjit Kumar P, Raka S, Shikha Ch, Ranab Z, Ranab S. Examining Export Volatility, Structural Breaks in Price Volatility and Linkages between Domestic and Export Prices of Onion in India. *Agricultural Economics Research Review*. 2015;(28):101-116.
6. Solieman NY, Bargash RM. The Factors Affecting on the World Prices of the Most Important Agricultural Commodities and their Effects on the Egyptian Domestic Prices. *International Journal of Science and Research*. 2014;3(6):1-6.
7. Zerihun Getachew Kelbore. Transmission of World Food Prices to Domestic Market. *MPRA Paper*. 2013;(49712):1-63.
8. Alam MJ, Gómez MI, Patino MTO, de Alcântara MR, Begum IA. Price transmission between international and domestic prices in the Brazilian citrus sector. *International Food and Agribusiness Management Review*. 2022;25(3):393-410.
9. Hassouneh I, von Cramon-Taubadel S, Serra T, Gil JM. Recent Developments in the Econometric Analysis of Price Transmission. *Working Paper Transparency of Food Pricing TRANSFOP*. 2012;(2):1-27.
10. Ghoshray A, Lloyd TA, Rayner AJ. EU Wheat Prices And Its Relation With Other Major Wheat Export Prices. *Discussion Papers in Economics*. 2000;(00/8).
11. Szczepańska-Przekota A. Are Small Agricultural Markets Recipients of World Prices? The Case of Poland. *Agriculture*. 2023;(13):1214.
12. Przekota G, Szczepańska-Przekota A, Mentel G, Mentel U, Snieska V. Causality of the relationship between wheat prices and economic conditions — an evidence for sustainable development. *Journal of International Studies*. 2020;13(3):161-179.

13. Hamulczuk M, Lopaciuk W. Price linkage between milling and feed wheat prices in Poland and Germany. *Problems of World Agriculture*. 2013;3(4):34-44.
14. Adamec V. Study of Causal Dependencies among Prices in the Czech Wheat Commodity Market. *Procedia Economics and Finance*. 2014;12:3-9.
15. Braha K, Rajčániová M, Qineti A, Pokrivčák J, Lazorčáková E. Evidence of Spatial Price Transmission in the Case of Kosovo. *AGRIS on-line Papers in Economics and Informatics*. 2019;11(1):3-15.
16. Ryazanov VA. The influence of the world market on domestic grain prices in Russia. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2022;(4):50-59. (In Russ.).
17. Golovanova SV. Signals of imperfection of competition: results of the analysis of prices of goods involved in international trade. *Sovremennaya konkurenciya = Modern competition*. 2010;4(22):11-25. (In Russ.).
18. Kharin S. Horizontal Price Transmission on the Russian Dairy Market: Nonlinear Approach, *AGRIS on-line Papers in Economics and Informatics*. 2019;11(3):45-54.
19. Zhepeng Hu, Brorsen BW. Spatial Price Transmission and Efficiency in the Urea Market. *Agribusiness*. 2017;33(1):98-115.
20. Bakucs Z, Fertő I. World prices and domestic food price spikes. In: Discussion papers MT-DP — 2013/4. Budapest; 2013. Pp. 3–14.
21. Miljkovic D. The Law of One Price in International Trade: A Critical Review. *Review of Agricultural Economics*. 1999;21(1):126-139.
22. Athur Mabiso. Import/Export Parity Price Analysis. FEWS NET Markets Guidance. 2008; (1): 1–28.
23. Prokopyev MG. The effect of transferring changes in import and export prices to the prices of the domestic market: methodological aspects. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii = The economic science of modern Russia*. 2017;3(78):105-115. (In Russ.).
24. Carter CA, MacLaren D, Yilmaz A. How Competitive is the World Wheat Market? *Working Paper*. 1999;(99-002):1-7.
25. De Gorter H, Meilke KD. The EEC's Wheat Price Policies and International Trade in Differentiated Products. *American Journal of Agricultural Economics*. 1987;(69(2):223-229.
26. Kheifets BA, Chernova VYu. Public procurement as a tool for implementing economic policy (the experience of EU countries on the example of agriculture). *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*. 2020;28(3):568-584. (In Russ.).
27. Kharin SV. Price transmission in agricultural markets: a review of methodological approaches. *Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka = Agricultural science of the Euro-Northeast*. 2021;22(1):7-20. (In Russ.).

Информация об авторах

О. С. Карашчук — кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры торговой политики.

А. И. Больдясов — студент Высшей школы экономики и бизнеса.

Information about the authors

Oksana S. Karashchuk — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of basic department of trade policy.

Alexey I. Boldiasov — student, Higher School of Economics and Business.

Статья поступила в редакцию 28.12.2023;
одобрена после рецензирования 29.04.2024; при-
нята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 28.12.2023; approved
after reviewing 29.04.2024; accepted for publication
17.06.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалент-
ный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта ин-
тересов.

The authors declare no conflicts of interests

Научная статья

УДК 338.57

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-172-179

ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМЫ ДИНАМИЧЕСКОГО ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В РИТЕЙЛЕ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРАКТИК РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Алексей Романович Иваненко¹, Елена Георгиевна Калабина²

¹Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, lex.qz97@gmail.com, 0000-0003-0655-7750

²Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, kalabina@mail.ru, 0000-0002-3952-7665

Аннотация. За последние несколько лет условия и характер ведения бизнеса российских компаний кардинально изменились. Процессы закупки, логистики, реализации продукции, бухгалтерский учёт и прочие бизнес-процессы подвергаются автоматизации. Развитие технологии искусственного интеллекта и растущий объём данных являются дополнительными драйверами роста для компании. В рамках данной статьи был проведён аналитический обзор практик применения системы ценообразования в ритейле российских компаний. Процесс ценообразования является ключевым, который позволяет непосредственно влиять на основные экономические показатели деятельности компании поскольку объём продаж, прибыль, спрос на продукцию, запасы товарно-материальных ресурсов могут регулироваться с помощью грамотного изменения цен на товары. Динамическое ценообразование приобретает большую популярность среди ритейлеров, что приводит к расширению патентной деятельности в части программного обеспечения и моделей для автоматизации ценообразования, в том числе с использованием машинного обучения. Авторы в данной статье рассмотрели некоторые из наиболее популярных предложений на рынке внедрения систем динамического ценообразования и провели их анализ, раскрыли основные особенности и выявили общие признаки построения автоматизированных динамических моделей ценообразования. Также были исследованы практики внедрения систем динамического ценообразования в российские компании. Полученные результаты позволяют сделать выводы о важности использования автоматизированных систем ценообразования в ритейле в современных условиях, их возможностях и проблемах применения.

Ключевые слова: динамическое ценообразование, розничная торговля, автоматизированное ценообразование, ритейл

Для цитирования: Иваненко А. Р., Калабина Е. Г. Внедрение системы динамического ценообразования в ритейле: аналитический обзор практик российских компаний // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 172–179. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-172-179

Original article

IMPLEMENTATION OF A DYNAMIC PRICING SYSTEM IN RETAIL: AN ANALYTICAL REVIEW OF THE PRACTICES OF RUSSIAN COMPANIES

Alexey R. Ivanenko¹, Elena G. Kalabina²

¹Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, lex.qz97@gmail.com, 0000-0003-0655-7750

²Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, kalabina@mail.ru, 0000-0002-3952-7665

Abstract. Over the past few years, the conditions and nature of doing business for Russian companies have changed dramatically. The processes of procurement, logistics, product sales, accounting and other business processes are automated. The development of artificial intelligence technology and the growing volume of data are additional growth drivers for the company. Within the framework of this article, an analytical review of the practices of applying the pricing system in retail of Russian companies was conducted. The pricing process is key, which allows you to directly influence the main economic indicators of the company's activities, since sales volume, profit, demand for products, inventories of inventory resources can be regulated by means of competent changes in prices for

goods. Dynamic pricing is gaining great popularity among retailers, which leads to the expansion of patent activities in terms of software and models for automating pricing, including using machine learning. In this article, the authors reviewed some of the most popular offers on the market for the introduction of dynamic pricing systems and analyzed them, revealed the main features and identified common features of building automated dynamic pricing models. The practices of implementing dynamic pricing systems in Russian companies were also investigated. The results obtained allow us to draw conclusions about the importance of using automated pricing systems in retail in modern conditions, their capabilities and application problems.

Keywords: dynamic pricing, retailing, automated pricing, retailing

For citation: Ivanenko AR, Kalabina EG. Implementation of a dynamic pricing system in retail: an analytical review of the practices of Russian companies. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):172-179. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-172-179

Введение

Современный мир меняется и развивается с каждым днём все быстрее. Процессы в экономике становятся все более автоматизированными, а каждый процесс неразрывно связан с цифровыми технологиями [5]. В данной статье авторы рассматривают сферу ритейла, в которой каждый ритейлер находится в тесной конкуренции друг с другом. Для того чтобы быть успешным в таких условиях необходимо постоянно совершенствовать свои бизнес-процессы и трансформировать современные бизнес-модели.

В данной статье авторы рассматривают один из важнейших бизнес-процессов компаний, связанных с продажами, — ценообразование. С помощью ценообразования можно напрямую влиять как на объём продаж, выручку, валовый доход, так и на спрос, запасы и прочие факторы, которые определяют успешность ведения бизнеса [7].

Ценообразование за последние несколько лет претерпело серьезные изменения в России, в основном связанные с развитием искусственного интеллекта, технологии Big Data и цифровизации всех сфер экономики и общества. Ценообразование отошло от традиционных методов, таких как общая торговая наценка, экспертный подход специалиста по ценообразованию или категорийного менеджера. Цены стали меняться чуть ли не ежеминутно в онлайн-сегменте и ежедневно в офлайн-точках продаж без постоянного участия человека в данном процессе [2]. Такое изменение процесса стало доступно благодаря переходу к динамическому ценообразованию и созданию множества готовых решений на рынке, которые могут быть применены в любом ритейле прямо «из коробки» в кратчайшие сроки [4].

В современном динамично меняющемся мире розничной торговли динамическое ценообразование становится ключевым инструментом для эффективного управления ценами на товары и услуги. Эта стратегия предполагает не только

реакцию на изменения спроса и предложения, но и активное использование данных и алгоритмов для оптимизации ценовой политики [13]. В данном исследовании мы фокусируем внимание на анализе и оценке динамического ценообразования в ритейле, исследуя его влияние на прибыльность, удовлетворённость потребителей и общую эффективность бизнес-процессов. Рассматривая современные тенденции, методологии и вызовы, связанные с динамическим ценообразованием, наша статья стремится внести вклад в понимание и оптимизацию стратегий ценообразования в современной розничной среде.

Целью данного исследования является проведение аналитического обзора практик применения системы ценообразования в ритейле российских компаний, изучение современных тенденций на рынке ритейла в развитии ценообразования, а в частности динамического ценообразования. В процессе работы изучены готовые решения программного обеспечения динамического ценообразования и выявлены их основные особенности, а также дана оценка тому, насколько изменение ценообразования повлияло на экономические результаты деятельности ритейлеров.

Метод и материалы исследования

В работе был проведён развёрнутый анализ известных «коробочных» решений для динамического ценообразования, представленных на российском рынке программного обеспечения, и определён список наиболее релевантных факторов, влияющих на цену, которые используются в математических и статистических моделях разработчиками программного обеспечения для внедрения динамического ценообразования в ритейле.

В данном исследовании мы использовали результаты анализа и обобщения существующих научных работ в области управления ценообразованием в сфере ритейла и процессе его автоматизации.

Кроме того, была проведена аналитическая оценка практик применения системы ценообразования в ритейле с целью наблюдения за результатами как пилотных проектов, так и последующих результатов внедрения динамического ценообразования. Результаты исследования показали, что динамическое ценообразование в зависимости от степени автоматизации и методов ценообразования до внедрения динамического ценообразования приводит к росту валового дохода компаний от 2 % до 20 %, что указывает на целесообразность применения данного подхода с учётом масштаба бизнеса.

Результаты исследования и их обсуждение

Рынок программного обеспечения наполняется с каждым годом все большим количеством пред-

ложений по автоматизации ценообразования. Для выявления основных тенденций динамического ценообразования необходимо рассмотреть наиболее успешные компании, занимающиеся внедрением динамического ценообразования в ритейл.

Основными лидерами на рынке внедрения динамического ценообразования в ритейле в России на текущий момент являются такие компании как: «SmartPricing», «Imprice», «KeepRise», «Priceva», «Tridens» и другие. Так, для того чтобы понимать, что именно данные компании автоматизируют в ценообразовании, необходимо рассмотреть их понимание процесса динамического ценообразования; вариации понятия ценообразования можно рассмотреть в таблице 1.

Так, рассмотрев трактовки понятия динамического ценообразования, можно сформулировать

Таблица 1

Table 1

Трактовка категории динамического ценообразования ведущими компаниями в сфере программного обеспечения The concept of dynamic pricing by leading dynamic pricing software companies

Компания	Понятие «динамическое ценообразование»
SmartPricing	Система динамического ценообразования (ДЦО) — это интеллектуальное решение, использующее машинное обучение (ML), обработку больших данных (Big Data) и обучающуюся регрессию, чтобы обеспечить гибкий подход к установлению цен на товары ¹
Imprice	Динамическое ценообразование — это система нестатичных цен, позволяющих компании извлечь более высокую прибыль, получить больший объём продаж, предотвратить прямые убытки (особенно актуально в периоды нестабильности) ²
KeepRise	Динамическое ценообразование как непрерывный процесс пересмотра цен с целью достижения стратегических целей и задач компании. У динамического ценообразования существует своя специфика. Суть в том, чтобы менять цены ровно в тот момент, когда меняется спрос ³
Priceva	Динамическое ценообразование — это система, позволяющая компании извлекать более высокую прибыль или получить больший объём продаж за счёт гибкой и оперативной подстройки цен под изменения как внутренних процессов компании, так и рыночных факторов, таких как спрос, уровень конкуренции, сезонность и т. д. ⁴
Tridens	Динамическое ценообразование — это стратегия ценообразования, при которой предприятия корректируют цены на свои продукты или услуги в режиме реального времени на основании рыночного спроса, поведения потребителей, конкуренции и других изменяющихся факторов ⁵

Источник: составлено авторами.

¹ Система динамического ценообразования в аптечной сети подняла выручку на 11,7 %. URL: <https://www.retail.ru/cases/sistema-dinamicheskogo-tsenoobrazovaniya-v-aptechnoy-seti-podnyala-vyruchku-na-11-7/> (дата обращения: 16.01.2024).

² Динамическое ценообразование : практическое руководство — 2023 для Ритейла и eCom. URL: <https://imprice.ru/dynamic-pricing> (дата обращения: 16.01.2024).

³ Как внедрить динамическое ценообразование в ритейле? URL: <https://keeprise.ru/tpost/io0svhvmn1-kak-vnedrit-dinamicheskoe-tsenoobrazovanie> (дата обращения: 16.01.2024).

⁴ Динамическое ценообразование — современный инструмент для установки правильных цен URL: <https://priceva.ru/blog/article/dinamicheskoe-tsenoobrazovanie-kogda-mashiny-mogut-luchshe> (дата обращения: 16.01.2024).

⁵ Что такое динамическое ценообразование и как использовать стратегию динамического ценообразования? URL: <https://tridenttechnology.com/ru/динамическое-ценообразование/> (дата обращения: 16.01.2024).

наше видение данной категории. Динамическое ценообразование — это система корректировки цен в режиме реального времени, которая ориентируется на множество факторов, в частности эластичность спроса, цены конкурентов, сезонность и т. д. с использованием технологий искусственного интеллекта и больших данных, целью которой является увеличение объёмов продаж и размера прибыли [3].

Для полного понимания процесса динамического ценообразования необходимо рассмотреть, с помощью каких инструментов и с использованием каких факторов разрабатываются модели динамического ценообразования.

Методы разработки моделей для расчётов цены с использованием динамического ценообразования делятся в основном на два способа расчёта.

Первый способ расчёта базируется на алгоритме, построенном на определённых правилах, суть которых заключается в изменении цены в соответствии с деревом решений, которое было заранее запрограммировано. Такой вид динамического ценообразования также называют Rule-Based Pricing [6].

Второй способ расчёта динамического ценообразования основывается на применении искусственного интеллекта и машинного обучения [1]. Этот способ более сложный в реализации и менее однозначный, поскольку без должного уровня знаний для ритейлера данный алгоритм может выглядеть как «чёрный ящик», который генерирует цену непонятным ему способом [8]. Но при должном уровне знаний и достаточном объёме данных на которых будет обучаться модель, результат будет более эффективным нежели при использовании простого дерева решений.

После принятия решения каким образом будет происходить расчёт цены необходимо выбрать на основе каких данных алгоритм будет рассчитывать цену. Виды факторов, влияющих на цену можно разделить на 5 сфер, представленных в таблице 2.

Для полноценной работы системы динамического ценообразования все данные, которые собираются для алгоритма, должны быть унифицированы и содержаться вместе [14]. В зависимости от размеров и целей ритейлера система может осуществлять расчёт цен на основе данных о всем ассортименте товаров, что может быть довольно трудоёмко и дорого для осуществления, либо в разрезе категорий, где можно будет разработать свой алгоритм расчёта для каждой отдельной категории [10].

Процесс внедрения динамического ценообразования для каждой компании отличен, в зависимости от экономического положения, стратегии и целей компании, технологической развитости и корпоративной культуры необходимо корректировать систему динамического ценообразования [11].

В процессе работы авторы рассмотрели множество примеров внедрения системы динамического ценообразования. Ритейлеры стремящиеся автоматизировать процесс принятия цен находятся в совершенно разных сегментах рынка, данный факт указывает на массовость перехода от традиционных методов ценообразования, а успешность примеров говорит о действительной эффективности и актуальности проблемы перехода к совершенно новому способу ценообразования.

Одним из примеров внедрения динамического ценообразования с использованием программного

Таблица 2
Table 2

Данные и факторы для использования алгоритма расчёта динамических цен
Data and factors for using the dynamic price calculation algorithm

Виды данных	Примеры факторов
Данные о SKU (stock keeping unit) — единица товара	Минимальный\максимальный\средний\медианный объём продаж\ объём запасов за N дней
Данные о категории товаров	Количество\объём продаж определённой категории, пенетрация товара в определённой категории
Контекстуальные данные	Город\регион, день недели, сезон, погода
Данные о цене	Цена, средняя\максимальная\минимальная\медианная цена за N дней, частота обновлений цены, цены товаров субститутов\заместителей
Данные о конкуренте	Цена конкурента на аналогичный товар, ассортимент конкурента

Источник: составлено авторами на основе [9].

обеспечения SmartPricing, рассмотренным авторами, был проект автоматизации ценообразования торговой сети «Петрович»¹. В процессе внедрения был полностью изменён подход к ценообразованию. С целью чистоты проверки гипотезы предложенных алгоритмов, ритейлер выбрал тестовую группу товаров, к которым была применена система динамического ценообразования, построенная на автоматизированных алгоритмах машинного обучения, а также использованы уже устоявшиеся правила для максимизации эффекта. Проект внедрения состоит из нескольких этапов, первый из которых является организационным. Организационный процесс включает в себя согласование контрольных торговых точек и тестовых категорий товаров. Далее начинается процесс реализации проекта. На данном этапе происходит построение модели ценообразования, выбор параметров и итоговой цели, определяется частота переоценок и методы её проведения. В данном случае переоценки совершались дважды в месяц, что позволило комфортно проводить анализ сгенерированной цены, выявлять аномалии и вносить изменения в модель ценообразования. На последнем этапе происходит анализ итогов и сравнение результатов пилотной группы с аналогичными показателями в других группах. Пилотный проект в торговой сети «Петрович» показал прирост по валовому доходу 16,5 %, а по товарообороту — 8,9 %.

Альтернативный пример можно рассмотреть у компании Imprice на примере сети салонов оптики «Счастливый взгляд»². Целью данного проекта обозначенной ритейлером, было: увеличить за счёт ценообразования валовую прибыль, оборот, средний чек, количество заказов. Как и в предыдущем примере, компания начала внедрение с пилотной группы товаров. Так, на первом этапе внедрения был проведён анализ ассортимента и выбран наиболее подходящий. Дальнейшая работа была направлена на создание модели ценообразования. В данном случае в качестве отправных данных для переоценки были выбраны

цены конкурентов. В связи с этим первоначально была настроена система сбора информации о ценах конкурентов и настройка системы для их хранения и возможности использования в переоценке. Далее были выбраны критерии и правила, по которым осуществляется переоценка, после чего сформирована первая переоценка, на которой экспертным путём была подтверждена верность и корректность цен. Цены стали находиться в рамках рынка и стали конкурентоспособными. Дальнейшая работа в данном проекте была направлена на проверку гипотез и их сопоставление с фактическими результатами. Так, для увеличения эффективности переоценок, некоторые категории были разделены, а для каких-то категорий были написаны дополнительные правила. Таким образом, по результатам внедрения системы ценообразования, основанной на Rule-Based Pricing модели, ритейлер на 31 % увеличил валовую прибыль и на 32 % — объём продаж.

Рассмотренные примеры показывают большое влияние на экономические результаты. Данный факт во многом связан с эффектом «низкой базы», поскольку в обоих примерах система ценообразования осуществлялась в полуручном режиме с использованием устаревших методов ценообразования.

В процессе рассмотрения примеров использования систем динамического ценообразования необходимо отметить, что данный подход работает не только для b2c бизнеса, но и для b2b. Так можно рассмотреть пример компании KeepRise: проект внедрения динамического ценообразования осуществлялся для поставщика строительных материалов и оборудования «Профпоток»³. В условиях изменения рыночной конъюнктуры в 2022 году и изменения товарного ассортимента, сложности с поиском новых клиентов и замедления темпов продаж необходимо находить все новые драйверы роста. В данном случае компания решила изменить подход к ценообразованию. Для внедрения новой системы компания KeepRise построила дорожную карту для достижения цели. Первоочередной задачей стал сбор данных за предыдущие 1,5 года, данный этап был осложнён нерелевантностью полученных данных, т. к. рынок находился в совершенно других условиях. В связи с этим каждый показатель проходил проверку в совокупности показателей, поскольку в отдельном рассмотрении он мог дать неожиданные отклонения. Следующим этапом являлся

¹ Как система ценообразования увеличила валовый доход архангельской сети «Петрович» на 16,5 % URL: <https://www.retail.ru/cases/kak-sistema-tsenoobrazovaniya-uvelichila-valovyy-dokhod-arkhangel'skoy-seti-petrovich-na-16-5/> (дата обращения: 08.01.2024).

² Как крупнейшая сеть оптики увеличила интернет-продажи контактных линз на 32 % за счёт автоматизации ценообразования. URL: <https://imprice.ru/case-hl> (дата обращения: 08.01.2024).

³ Кейс компании «Профпоток». URL: <https://keeprise.ru/case-profspotok> (дата обращения: 08.01.2024).

выбор данных для пилотного проекта. Так как в данном случае продавец не имеет торговых точек, и выбор по ним не является возможным, компания переключилась на отбор покупателей и ассортимента. Категории были ранжированы по четырём показателям: доля выручки, доля прибыли, продажи в штуках, кол-во чеков с категорией. В результате из категорий с наивысшим рангом были отобраны товары для пилотного проекта. Следящий шаг был направлен на разработку модели автоматизации ценообразования. В ходе данного этапа был проведён анализ текущей системы ценообразования, в результате которого были сформированы правила и гипотезы. Подробный анализ данных продемонстрировал возможность установить большую дополнительную наценку на неэластичные товары и меньшую на товары эластичной группы. После чего был запущен тестовый период, так как основной упор был сделан на изменение цены с расчётом эластичности, то соответственно каждой степени эластичности была установлена дополнительная наценка, в зависимости от основных критериев. При этом уровень наценок для каждой группы эластичности товаров отличался для разных групп клиентов. Одновременно проверялись две гипотезы: возможность заработать на учёте эластичности и возможность дифференциации цен в зависимости от характера спроса клиентов. По результатам тестового периода в 16 недель, пилотная группа показала результаты: рост выручки на 4,5 %, а валовой прибыли на 18 %.

Рассмотренные кейсы указывают на действительную эффективность системы динамического ценообразования, поскольку рост экономиче-

ских показателей в каждом случае имел место в соответствии с аналогичным периодом в прошлом году.

Выводы

В заключение можно подчеркнуть важность и актуальность данного подхода в современной бизнес-среде. Аналитическая оценка практик применения системы ценообразования в ритейле с целью наблюдения за результатами как пилотных проектов, так и последующих результатов внедрения динамического ценообразования подтверждает его эффективность и потенциал для достижения поставленных целей роста валовой выручки или прибыли розничных компаний [12]. Кроме того, стоит отметить, что использование адаптивных ценовых стратегий позволяет более гибко реагировать на изменения спроса, конкурентной среды и других внешних факторов. Дальнейшее развитие технологий, в частности искусственного интеллекта, технологии BigData и все большего перехода коммерции в электронный формат, будет все сильнее подталкивать ритейлеров к модернизации своих бизнес-процессов.

Иными словами, динамическое ценообразование необходимо рассматривать как стратегический инструмент, способствующий оптимизации выручки и улучшению конкурентоспособности компании. Дальнейшие исследования в этой области могут углубить понимание механизмов применения динамического ценообразования, а также расширить спектр отраслей, в которых данный подход может быть успешно применён [15].

Список источников

1. Гордеева Е. В., Папикян С. С. Динамика ценообразования в России на современном этапе // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 11–1. С. 95–98.
2. Дершень А. Г. Динамическое ценообразование: определение, сущность // Экономика, бизнес, инновации : сб. статей VIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и просвещение, 2019. С. 192–194.
3. Иваненко А. Р., Калабина Е. Г. Возможности использования динамического ценообразования в сфере ритейла // e-FORUM. 2021. Т. 5. № 2.
4. Киселёва Е. Н., Длусская В. В. Ценообразование с учётом спроса потребителей // Инновации и инвестиции. 2022. № 11. С. 39–41.
5. Комарова В. В. Динамическое ценообразование как современный метод продвижения малого и среднего бизнеса // Управление организационно-экономическими системами : сб. тр. науч. семинара студентов и аспирантов института экономики и управления (22–27 ноября 2021 г.). Вып. 22 ; под общ. ред. Д. Ю. Иванова. Самара : Самар. ун-т, 2022. С. 351–354.
6. Лосева А. В. Влияние динамического ценообразования на конкурентоспособность // Управление персоналом, социальными и бизнес-коммуникациями: методы, модели, технологии — 2021 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. М. : Гос. ун-т управления, 2021. С. 193–196.

7. Маренкова Ю. А. Принцип динамического ценообразования // Труды 80-й студ. науч.-практ. конф. РГУПС. Воронеж, 2021. Ч. 2. С. 78–80.
8. Матюнина М. В., Цогоев Б. И. Специфика ценообразования в e-commerce // Научные вызовы экономического развития в контексте цифровых трансформаций: сб. науч. тр. по результатам Всерос. национальной (с междунар. участием) науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и магистрантов. Симферополь, 2022. С. 53–56.
9. Таюрская И. С. Цифровизация бизнеса и процессы ценообразования // Теория и практика управления предпринимательскими структурами в современных условиях : сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. ; под общ. ред. В. А. Мордовца. СПб., 2023. С. 91–96.
10. Ткач Д. Н. Адаптация бизнес-моделей в ритейле в эпоху цифровизации и ускоренного развития онлайн-сегмента // Вестник Московской международной академии. 2022. № 2. С. 189–193.
11. Харь А. А., Дорн Ю. В., Стрижов В. В. Динамическое ценообразование с помощью томсоновского сэмплирования. URL: http://www.machinelearning.ru/wiki/images/3/3e/Khar_diplom.pdf (дата обращения: 08.04.2024).
12. Ban G. Y., Keskin N. B. Personalized dynamic pricing with machine learning: High-dimensional features and heterogeneous elasticity // *Management Science*. 2021. Vol. 67, № 9. P. 5549–5568.
13. Chen K. et al. Dynamic pricing in the presence of reference price effect and consumer strategic behaviour // *International Journal of Production Research*. 2020. Vol. 58, № 2. P. 546–561.
14. Den Boer A. V., Keskin N. B. Dynamic pricing with demand learning and reference effects // *Management Science*. 2022. Vol. 68, № 10. P. 7112–7130.
15. Phillips R. L. Pricing and revenue optimization. Stanford university press, 2021.

References

1. Gordeeva EV, Papikyan SS. Dynamics of pricing in Russia at the present stage. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*. 2022;(11–1):95–98. (In Russ.).
2. Dershen AG. Dynamic pricing: definition, essence. In: *Ekonomika, biznes, inovacii = Economics, business, innovation*. Penza: Science and education; 2019. Pp. 192–194. (In Russ.).
3. Ivanenko AR, Kalabina EG. Possibilities of using dynamic pricing in retail. *e-FORUM*. 2021;5(2). (In Russ.).
4. Kiseleva EN, Dlusskaya VV. Pricing taking into account the demand of consumers. *Inovacii i investicii = Innovations and Investments*. 2022;(11):39–41. (In Russ.).
5. Komarova VV. Dynamic pricing as a modern method of promotion of small and medium business. In: *Upravleniye organizatsionno-ekonomicheskimi sistemami = Management of organizational and economic systems*. Samara: Samara University; 2022. Pp. 351–354. (In Russ.).
6. Loseva AB. Influence of dynamic pricing on competitiveness. In: *Upravlenie personalom, socialnimi i biznes-komunikatsiyami: metodi, modeli, tehnologii = Management of personnel, social and business communications: methods, models, technologies*. Moscow: State University of Management; 2021. Pp. 193–196. (In Russ.).
7. Marenkova YuA. Principle of dynamic pricing. In: *Trudi 80-y stidenchiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii RGUPS = Proceedings of the 80th Student Scientific and Practical Conference of the Russian State University of Railway Transport*. Voronezh; 2021. Part 2. Pp. 78–80. (In Russ.).
8. Matyunina MV, Tsogoev BI. Specifics of pricing in e-commerce. In: *Nauchnie vizovi ekonomicheskogo razvitiya v kontekste cifrovih transformacii = Scientific challenges of economic development in the context of digital transformation*. Simferopol; 2022. Pp. 53–56. (In Russ.).
9. Tayurskaya IC. Digitalisation of business and pricing processes. In: *Teoriya i praktika upravleniya predprinimatelskimi strukturami v sovremenih usloviyah = Theory and practice of management of entrepreneurial structures in modern conditions*. St. Petersburg; 2023. Pp. 91–96. (In Russ.).
10. Tkach DN. Adaptation of business models in retail in the era of digitalisation and accelerated development of online segment. *Vestnik Moskvitskoy mezhdunarodnoy akademii = Vestnik of Moscow International Academy*. 2022;(2):189–193. (In Russ.).
11. Har AA, Dorn YuV, Strizhov VV. Dynamic pricing with Thomson sampling. Available from: http://www.machinelearning.ru/wiki/images/3/3e/Khar_diplom.pdf (accessed: 08.04.2024). (In Russ.).

12. Ban GY, Keskin NB. Personalised dynamic pricing with machine learning: High-dimensional features and heterogeneous elasticity. *Management Science*. 2021;67(9):5549-5568.
13. Chen K. Dynamic pricing in the presence of reference price effect and consumer strategic behavior. *International Journal of Production Research*. 2020;58(2):546-561.
14. Den Boer AV, Keskin NB. Dynamic pricing with demand learning and reference effects. *Management Science*. 2022;68(10):7112-7130.
15. Phillips RL. Pricing and revenue optimisation. Stanford university press; 2021.

Информация об авторах

А. Р. Иваненко — аспирант кафедры экономики предприятий.

Е. Г. Калабина — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предприятий.

Information about the authors

Alexey R. Ivanenko — Postgraduate Student of the Department of Economics of Enterprises.

Elena G. Kalabina — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economics of Enterprises.

Статья поступила в редакцию 23.01.2024; одобрена после рецензирования 29.04.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 23.01.2024; approved after reviewing 29.04.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests

Научная статья

УДК [338.48:332.1]: 338.245

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-180-189

ТУРИСТИЧЕСКАЯ АПЕРТУРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ БИЗНЕСА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ В МОБИЛИЗАЦИОННОМ ФОРМАТЕ ИЗМЕНЕНИЙ

Михаил Борисович Щепакин¹, Эва Фризовна Хандамова²,
Диана Сергеевна Жаманкулова³

¹ Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия, shchepakin@mail.ru, 0000-0003-1525-8920

² Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия, ewa-h@yandex.ru, 0000-0001-6313-9008

³ Кубанский государственный технологический университет», Краснодар, Россия, artemida-202@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы развития туризма в региональных образованиях в контексте адаптации бизнеса к требованиям мобилизационной экономики. Туризм наделяется свойством драйвера экономического, социального и культурного развития территорий. Объектом исследования является туристическая сфера как ключевое звено в системе имиджобразования региона. Цель исследования заключается в разработке модели управления конкурентоспособностью туристических услуг в условиях мобилизационных изменений на маркетингово-коммуникационной платформе, реализующей новые требования к диджитализации и интеллектуализации инновационных преобразований. Предлагается активизировать коммуникационный мультипликатор и с большей эффективностью использовать человеческий капитал в ходе маркетинговой адаптации субъектов к действию разнонаправленных факторов внешнего и внутреннего контуров локальной социально-экономической системы. Исследование основано на использовании системного подхода к пониманию сущности адаптационного потенциала применительно к мобилизационному этапу трансформации туристической сферы российской экономики. Применён категориальный анализ при разработке нового понятийного аппарата в области туристического бизнеса. Использован метод экспертных оценок при определении влияния различных факторов на развитие туристической сферы, а также метод моделирования для совершенствования управления конкурентоспособностью формирующего её бизнеса. Предложена модель управления конкурентоспособностью туристических услуг в условиях мобилизационной ориентации экономики, позволяющая создавать «окно возможностей» для устойчивого функционирования и развития туристической сферы на уровне региональной экономики в рамках формируемой ею стратегии на удержание бизнесом конкурентных позиций. Полученные результаты взаимоувязывают результативность развития бизнеса с маркетингово-поведенческой адаптацией субъектов при расширении действия коммуникационного мультипликатора.

Ключевые слова: туристическая апертюра, маркетингово-поведенческая адаптация, мобилизационный фактор, инновационные изменения, коммуникационный мультипликатор, мотивационно-коммуникационный иммунитет, имиджевый резонатор, доверие

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке РНФ в рамках проекта № 24-28-00223 «Маркетингово-поведенческая адаптация бизнеса к требованиям мобилизационной ориентации экономики».

Для цитирования: Щепакин М. Б., Хандамова Э. Ф., Жаманкулова Д. С. Туристическая апертюра в обеспечении конкурентоспособности бизнеса в региональной экономике в мобилизационном формате изменений // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 180–189. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-180-189

Original article

TOURISM APERTURE IN ENSURING BUSINESS COMPETITIVENESS IN THE REGIONAL ECONOMY IN THE MOBILIZATION FORMAT OF CHANGES

Mikhail B. Shchepakina¹, Eva F. Khandamova², Diana S. Zhamankulova³

¹ Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia, shchepakina@mail.ru, 0000-0003-1525-8920

² Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia, ewa-h@yandex.ru, 0000-0001-6313-9008

³ Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia, artemida-202@mail.ru

Abstract. The issues of tourism development in regional entities in the context of business adaptation to the requirements of the mobilization economy are considered. Tourism is endowed with the property of a driver of economic, social and cultural development of territories. The object of the study is the tourism sector as a key link in the image education system of the region. The purpose of the study is to develop a model for managing the competitiveness of tourism services in the context of mobilization changes on a marketing and communication platform that implements new requirements for digitalization and intellectualization of innovative transformations. It is proposed to activate the communication multiplier and use human capital more effectively in the course of marketing adaptation of subjects to the action of multidirectional factors of the external and internal contours of the local socio-economic system. The research is based on the use of a systematic approach to understanding the essence of adaptive potential in relation to the mobilization stage of the transformation of the tourism sector of the Russian economy. Categorical analysis was applied in the development of a new conceptual framework in the field of tourism business. The method of expert assessments was used to determine the impact of various factors on the development of the tourism sector, as well as a modeling method to improve the competitiveness management of the business forming it. A model for managing the competitiveness of tourism services in the context of the mobilization orientation of the economy is proposed, which allows creating a “window of opportunity” for the sustainable functioning and development of the tourism sector at the level of the regional economy within the framework of the strategy formed by it to keep business competitive positions. The results obtained correlate the effectiveness of business development with the marketing and behavioral adaptation of subjects with the expansion of the action of the communication multiplier.

Keywords: tourism aperture, marketing and behavioral adaptation, mobilization factor, innovative changes, communication multiplier, motivational and communication immunity, image resonator, trust

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 24-28-00223 «Marketing and behavioral adaptation of business to the requirements of the mobilization orientation of the economy».

For citation: Shchepakina M. B., Khandamova E. F., Zhamankulova D. S. Tourism aperture in ensuring business competitiveness in the regional economy in the mobilization format of changes. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488)):180-189. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-180-189

Введение

Россия в условиях геополитического обострения отношений с Западом оказалась в ситуации, когда закрытие границ отразилось на состоянии туристического бизнеса. Это сказалось, с одной стороны, на восприятии и оценке совокупности разнонаправленных факторов, которые поставили потребителя услуг в положение выбора способов и форм удовлетворения им своих туристических потребностей, но уже в новых условиях взаимодействия российской социально-экономической системы с внешним западным окружением, а с другой — на возможности познания и усвоения особенностей проявления окружающего мира (культурного наследия, ценностей, формирующих социально-культурную жизнь различных народов, отличающуюся своими традициями, обычаями, духовно-религиозными предпочтениями, природными особенностями и т. п.).

Развитие туризма в стране является стимулом для развития более 50 отраслей экономики. Он способствует развитию малого и среднего бизнеса, увеличению занятости населения России. Позволяет формировать условия для повышения качества жизни граждан на территории туристических дестинаций, сглаживает территориальные диспропорции по разным параметрам столь разнообразных субъектов нашей страны. Туризм увеличивает поступления в бюджеты всех уровней и способствует развитию экспорта в тех составляющих деятельности, которые представляют интерес для приезжающих граждан.

Туризм в условиях усиления влияния мобилизационного фактора в инновационном обновлении различных сфер жизнедеятельности общества стал важной отраслью российской экономики. В 2023 г. до 72 млн туристов остались в России, что даёт основание считать это новой

возможностью для развития условий и инфраструктуры в этой чувствительной к изменяющемуся спросу сфере. Федеральной целевой программой по развитию внутреннего и въездного туризма в РФ на 2019–2025 гг. запланирован рост вклада туризма в ВВП страны к 2025 г. до 5 % (в 2018 г. было 3,47 %) [1]. По данным нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства»¹, одобренного летом 2020 г., вклад отечественной туристической отрасли в ВВП страны составил почти 4 %. И это более чем скромный показатель: во всем мире он достигает в среднем 10,9 %. Как отмечает ВЦИОМ, за последние пять лет лишь 45 % россиян выезжали на отдых за пределы региона своего проживания. К 2030 г. вклад отрасли в ВВП России должен вырасти с 3,7 трлн рублей до 8,2 трлн рублей, а ежегодное количество поездок по стране должно увеличиться с 65 млн до 140 млн. До 2030 г. вклад внутреннего туризма в ВВП страны должен вырасти вдвое². Значимыми факторами, влияющими на величину ВВП в результате развития туристической отрасли, являются инвестиции в основной капитал, численность размещённых лиц в коллективных средствах размещения, а также объём платных услуг, оказанных населению, отражающих уровень развития туристического рынка (т. е. более развитая инфраструктура с большими потоками туристов формирует большой спрос на услуги местных турфирм и на активность субъектов бизнеса, сопровождающих их качественное оказание) [1, с. 151]. Значимое влияние на величину ВВП оказывают факторы, которые отражают индивидуальные особенности регионов (качество регионального управления, уровень жизни и качество образования, социальное самочувствие населения и структура инвестиций в человеческий капитал, изменение экологического состояния различных локаций, характер политического и экономического состояния территории и др.). Туризм как определённое звено системообразования в региональных составляющих экономики может создавать мультипликативный эффект [2;

3], способствуя созданию новых рабочих мест и повышению доходов региона и его граждан. Внутренний туризм в большей мере устраняет появление физического, психологического, географического, коммуникационного, конфессионального, экономического, культурного, языкового барьеров у индивидов этой сферы [4; 5]. Глобальным трендом в туристической сфере является ориентация на внутренний туризм [6], в той или иной мере реализующий преимущества национальных территорий и удовлетворяющий изменяющимся потребностям российского и зарубежного потребителя, которые диктуются форматами мобилизационной экономики и требуют изменений в адаптационных процессах.

Совершенствование инструментально-методического аппарата управления маркетингово-поведенческой адаптацией туристического бизнеса в условиях мобилизационных преобразований предполагает моделирование управления конкурентоспособностью субъектов этой сферы, учитывающее влияние различных факторов, условий и требований к обеспечению экономического роста в интересах повышения эффективности вовлекаемых для этого ресурсов (природных, человеческих, интеллектуально-созидающих).

Целью исследования является разработка модели управления конкурентоспособностью туристических услуг в условиях мобилизационных изменений на маркетингово-коммуникационной платформе, реализующей новые требования к диджитализации и интеллектуализации инновационных преобразований.

Материалы и методы исследования

В исследовании использованы качественные методы, анализ и синтез, категориальный анализ, метод экспертных оценок, системный подход к оценке влияющих факторов, метод моделирования. Теоретико-методологической основой исследования послужили труды отечественных учёных в области управления адаптационными изменениями, статистические данные, результаты проведённых авторами полевых маркетинговых исследований, а также ресурсы сети Интернет.

Результаты исследования и их обсуждение

Внутренний туризм как инструмент формирования позитивного образа региона

Оправившись от пандемийной неопределённости, туристический рынок России ощутил некоторое облегчение. Оценив имеющийся потенциал для наращивания внутреннего туризма, бизнес-

¹ Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2023. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/turizm/nacionalnyy_proekt_turizm_i_industriya_gostepriimstva/ (дата обращения: 20.01.2024).

² Путин: уже в этом десятилетии вклад внутреннего туризма в ВВП должен вырасти вдвое // RG.RU. 2024. 28 марта. — URL: <https://rg.ru/2024/03/28/namoria-v-rossiiu.html> (дата обращения: 28.03.2024).

структуры начали корректировать свои маркетинговые стратегии, тем самым создавая благоприятные условия для развития территорий и повышения их позитивного имиджа. Для этого бизнес начал делать акцент на расширении различных маркетинговых инструментов и методических подходов к управлению как его имиджем, так и самим брендом, создаваемым в процессе наращивания им усилий по продвижению услуг. На основании результатов проведённого нами исследования факторов, влияющих на эффективность маркетингово-поведенческой адаптации туристической сферы к новым экономическим реалиям, нами делается утверждение, что при развитии бизнеса в этой сфере следует *руководствоваться* следующим: а) выстраивать бренд-коммуникации с учётом изменяющихся условий в ходе модернизации экономики и ограничений (внешнего и внутреннего порядка); б) при выборе бизнесом той или иной модели бренда (как ментальной основы создаваемого им образа) в качестве ключевого инструмента нами предлагается опираться на коммуникационную модель бренда [7]; в) формирование маркетингового адаптационного потенциала бизнесом при принятии решений по наращиванию им своего имиджа следует вести с учётом влияния определяющих факторов и экономической природы адаптационных процессов, но в векторе укрепления ценностно-нравственной доминанты и социальной составляющей экономического роста; г) личность потребителя услуг должна быть в центре внимания тех, кто формирует набор рекламно-маркетинговых воздействий, пытаясь маркетингово-манипуляционные сигналы позитивной направленности трансформировать в поле *имиджевого резонатора* для создания условий по наращиванию конкурентоустойчивости бизнеса [8] и укреплению доверия к нему; д) переход бизнеса в формат диджитализации рыночных отношений следует осуществлять, не забывая о нарастании проблем в области законопослушного рекламно-маркетингового манипулирования сознанием индивидов в векторе *социализации* экономики (авт. — представляет собой процесс переориентации рыночной экономики с сугубо экономических критериев на критерии человеческого развития, на ослабление круга проблем и противоречий, обуславливающих конфликт интересов как в системе «богатые — бедные», так и в триаде «общество — государство — бизнес», тормозящих развитие человеческого капитала), а также в направлении повышения значимости

отечественного человеческого капитала; е) формирование нужного обществу маркетингово-поведенческого и социально-нравственного образа бизнеса следует обеспечивать посредством создания его устойчивого позитивного имиджа методами маркетингово-эмоциональной локации создаваемых отечественных брендов, но в рамках гибридного маркетинга, отвечающего адекватно на внешние вызовы и интеллектуально востребованные запросы российского общества при освоении приоритетов развития страны в системообразующих сферах деятельности.

Актуализируя внимание подросшего нового потребителя к старым проверенным жизнью брендам, региональным властям следует опираться на ценностно-нравственные «лекала» отечественного мировоззренческого ориентира. Президент России В. Путин, обозначая необходимость развития туризма, отметил, что растущий спрос на этот вид отдыха оказывает положительное влияние на смежные отрасли и экономики целых регионов [9]. Для развития внутреннего туризма требуются инвестиции, которые позволят обеспечить рост качества туристических услуг и развитие инфраструктуры туризма, а также добиться достижения высоких стандартов комфорта, доступности, безопасности, исходя из запросов и потребностей людей с самым разным достатком. И эти инвестиции должны быть привлечены со стороны отечественного бизнеса при поддержке государства в развитие общих инфраструктурных проектов (строительство дорог, расширение пунктов пропуска, ввода капитальных и быстровозводимых модульных гостиниц)¹. Развивая инфраструктуру и расширяя спектр туристических услуг, а также принимая во внимание текущие тенденции и перспективы повышения спроса на них, туриндустрия может выступить бизнес-основой для укрепления внутреннего туризма в разрезе муниципальных и иных образований как экономического тренда в развитии экономик регионов. Положительный имидж туристической территории в условиях новой экономической реальности является базовым условием формирования привлекательности региона для потенциальных туристов в контексте их самых разных мотивационно обоснованных интересов и соображений [10]. Укрепление имиджа туристической локации должно сопровождаться усилиями власти

¹ Путин высказался об инвестиционных условиях для турбизнеса // РИА НОВОСТИ. 2023. 28 июня. URL: <https://ria.ru/20230628/putin-1880997073.html> (дата обращения: 21.01.2024).

и бизнеса по формированию узнаваемых брендов территорий. Предполагается посредством развивающихся интегрированных коммуникационных технологий формировать позитивные бренд-ассоциации. Усиление имидж-маркетинговой адаптации бизнеса применительно к задачам импортозамещения и формирования маркетингового мультипликатора в сфере туристических услуг придаёт имиджу как атрибуту образа бизнеса свойства *катализатора* инновационных изменений в туристическом сегменте экономики, *с одной стороны*, купирующего негативные воздействия информационно-манипулятивных сигналов квазипартнеров, *а с другой*, — подталкивающего наиболее активных предпринимателей к вложению инвестиционных ресурсов в развитие туристической индустрии. Туристический сектор требует вовлечения прямых инвестиций от субъектов отечественного бизнеса, поскольку прямые иностранные инвестиции (ПИИ) с 2019 г. резко снизились. В частности, общий объём новых ПИИ в российские нефинансовые компании характеризуется по итогам 2020 г. на уровне 1,4 млрд долл., т. е. даже в сравнении с 2019 г. уменьшился почти в 20 раз. А для отечественного бизнеса прямые инвестиции в определённой мере зависят от состояния брендинга места как важнейшего вида деятельности, осуществляемой бизнес-структурами и властью при разработке мер по стимулированию притока финансовых ресурсов.

Туристический сектор находится в процессе масштабной цифровой трансформации. Около трети компаний (28–34 %) внедрили передовые системы учёта, онлайн-продажи, приложения и чат-боты, в том числе облачную инфраструктуру. В условиях масштабной диджитализации экономики идёт процесс трансформации используемых и формируемых бизнесом маркетингово-коммуникационных платформ, в рамках которых могут быть интегрированы интеллектуально-технологические ресурсы (в том числе с элементами искусственного интеллекта), организационно-управленческие возможности, интересы и мотивации в векторе расширения спектра туристических услуг. Учёт влияния, требований и состояния различных факторов (конкурентных, мобилизационного, институционального и инновационно-инвестиционного) в поле изменившегося внешнего геополитического и геоэкономического окружения позволяет бизнесу выстраивать рациональную стратегию и тактику маркетинга, принимая во внимание особенности и специфику свойств реги-

онов. Эффективное воплощение бизнесом выбранной стратегии маркетинга в режиме импортозамещения предполагает открытие «окна возможностей» для туристической сферы за счёт формирования *коммуникационного мультипликатора*, который способен соединить многих участников рынка в создаваемых ими коммуникационных полях для расширения спектра туристических услуг и повышения их качества. Новые экономические условия требуют маркетингово-поведенческой адаптации субъектов отраслевого бизнеса к задачам импортозамещающей рациональности на основе *эмоционально-поведенческой концепции маркетинга* [11, с. 123–142]. Развитие сферы туристических услуг в формате мобилизационных трансформаций должно сопровождаться совершенствованием инструментально-методического обеспечения управления её развитием в интересах укрепления её конкурентоспособности на региональных уровнях.

Модель управления конкурентоспособностью туристических услуг в условиях мобилизационной экономики

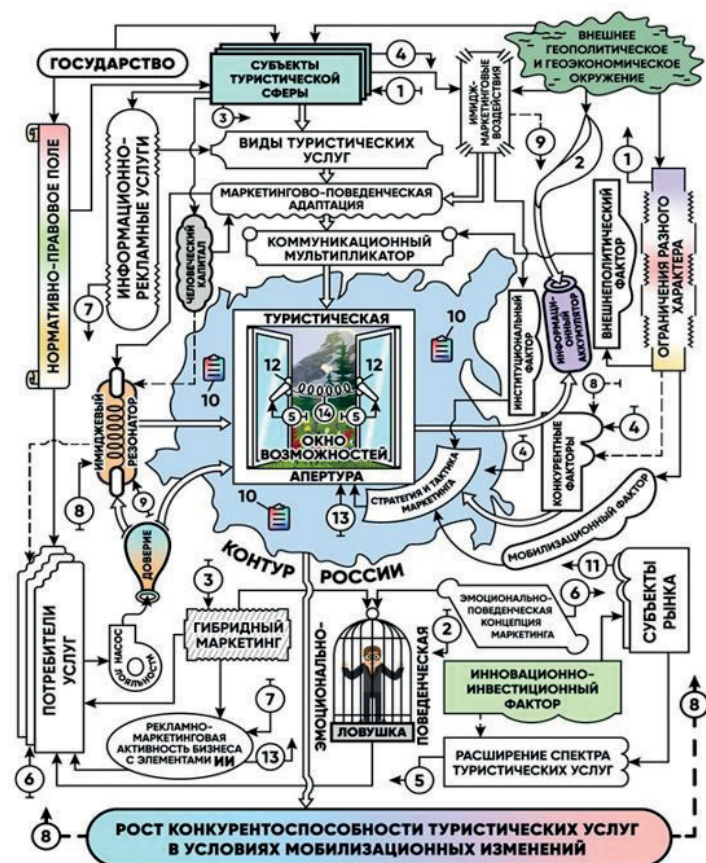
Открытие «окна возможностей» в туристической индустрии должно охватывать всю территорию России с её особенностями в региональном разрезе (достопримечательности, характер туристической инфраструктуры, инновационное разнообразие услуг и т. п.), создавая условия для более полного воплощения надежд и стремлений граждан в получении желаемой информации о туристических *аттракторах* (авт. — туристический аттрактор — комплекс объектов, расположенных на определённой территории, обладающих различными свойствами, которые представляют интерес для туристов и на основе которого формируются цели посещения ими объектов привлекательности). Аттракторы формируют в условиях конкретных территорий так называемый *туристический мультипликатор*, который представляет собой коэффициент косвенного влияния туризма на экономическую и социальную сферы на региональном или федеральном уровне, сопровождающий появление парадокса «невидимого экспорта». Он возникает в ходе роста туристических расходов, увеличения доходов от туризма и стимулирования развития других отраслей экономики и видов деятельности. Обозначенный парадокс сопровождается ростом инвестиций в туристическую индустрию и в другие сферы деятельности и характеризуется ростом расходов на улучшение социально-экономических условий проживания в регионе. Управлять процессом

расширения спектра внутреннего туризма в разрезе различных территориальных образований России необходимо в интересах укрепления конкурентоспособности субъектов туристического бизнеса, создавая адекватные требованиям и возможностям каждого региона условия для наращивания им экономического роста. Нами предлагается модель управления конкурентоспособностью туристических услуг в условиях мобилизационной экономики, ориентированная на вовлечение внутренних ресурсов региона для реализации субъектами туристической сферы эмоционально-поведенческой концепции маркетинга (рис. 1). Предлагаемая модель ориентирована на импортозамещение тех предложений, которые отечественные туристы могли бы получать в западных и иных странах при совершении ими выездных туристических поездок.

Нами предлагается ввести в научный оборот следующее понятие: *туристическая апертюра* (авт. — лат. *apertura*, от *aperire* — открывать) — инструмент управления эмоционально-поведенческой

и коммуникационно-познавательной компонентой индивида, стремящегося в путешествиях узнавать и открывать для себя и в себе что-то новое, позволяющее погружать себя в атмосферу нового мира (в новую культуру) для его понимания, способствуя тем самым развитию личности, духовному обогащению, расширению кругозора, появлению новых коммуникаций.

Туристическая апертюра — окно в новый непознанный мир, наполняемый новыми знаниями, ощущениями, представлениями о происходящем во всем спектре их воплощения на платформе принятых и осознанно усвоенных мировоззренческих атрибутов в том пространстве, в котором живёт, развивается и самореализуется индивид как личность. Концепция апертюры в рекламной деятельности отражает то состояние субъекта, когда им создаётся баланс возможностей и желаний для каждого потенциального потребителя продукта (или услуги) предоставлять получение рекламных сообщений в удобное время и в удобном для него пространстве [12]. Идея воплощения

Обозначения: 1 — воздействие ограничений на субъекты туристической сферы; 2 — манипулирование сознанием индивидов; 3 — управляющие сигналы на формирование маркетингового инструментария; 4 — управляющие сигналы на выбор стратегии и тактики маркетинга; 5 — управляющие сигналы на раскрытие «окна возможностей» по оказанию туристических услуг; 6 — сигналы эмоционально-психологического воздействия, корректирующие маркетинговое поведение потребителей туристических услуг; 7 — расширение контента рекламно-маркетинговых воздействий в виртуальной среде; 8 — сигналы обратной связи; 9 — сигналы имидж-маркетинговой коррекции в условиях действия мобилизационного фактора; 10 — буферные зоны обмена культурно-ментальными и духовными ценностями в ореоле укрепления культурного кода России; 11 — сигналы на расширение коммуникационных полей субъектов; 12 — туристический «эспандер»; 13 — рекламный инструментарий; 14 — мотивационный катализатор; ИИ — инструменты искусственного интеллекта

Рис. 1. Модель управления конкурентоспособностью туристических услуг в условиях мобилизационных изменений

Fig. 1. The model of managing the competitiveness of tourism services in the context of mobilization changes

Источник: разработано авторами

той концепции состоит в том, чтобы разработчик медиаплана концентрировал внимание на своей целевой аудитории, используя все сведения, которые он может получать о потенциальных потребителях для обеспечения их охвата, но так, чтобы не допускать напрасного расходования средств или же не упускать имеющиеся благоприятные возможности.

Главный принцип, реализуемый в концепции *туристической апертуры*, состоит в обеспечении комплексной эффективности предоставляемой услуги. А это означает, что оказание туристических услуг и их рекламирование должны быть эффективными, а их предоставление должно быть: а) обращено к правильно выбранным целевым аудиториям; б) сосредоточено в фокусе интересов потенциальных потребителей услуг; в) находиться в центре их мотиваций и маркетингового отклика в поведенческих реакциях на сигналы рекламного-маркетингового характера; г) адресно ориентировано в правильно выбранный момент времени; д) обеспечено не только проницаемыми модуляционными посланиями, но и должно сопровождаться рациональным вовлечением инструментов разного характера — традиционных, виртуальных и иных; е) реально обеспечено правильно выбранными средствами, методами воздействия и нужным ресурсным покрытием (финансово-инвестиционным, когнитивно-интеллектуальным, трудонаполняющим, информационным, техническим, организационно-управленческим, временным, мотивационно-коммуникационным, поведенческим и др.).

Расширяя классификацию инструментов воздействия на потребителей с разными предпочтениями и возможностями, следует иметь в виду, что психологическая составляющая в таком воздействии имеет важное значение, поскольку комплексное воплощение таких признаков, как взаимность, постоянство, подражание, симпатия, авторитет и ограниченность [13] нацелено на построение нужного бизнесу маркетингового поведения субъектами конкретного рынка услуг.

Набор ключевых принципов, которыми надо руководствоваться при развитии внутреннего туризма должен предусматривать учёт мотивационной проницаемости, коммуникационной достаточности, поведенческой адаптивности в контексте сохранения сущности сформированного временем культурного кода россиян и принятого ими мировоззренческого ориентира.

Прозападный «информационный пресс» с эмоционально-нравственной компонентой негатив-

но сказывается на формировании российского образа в глазах внешнего туриста и определённой части внутренних потребителей услуг туристической сферы в разрезе отдельных территориальных образований, которые будут нацелены на формирование позитивных представлений у зарубежных потребителей услуг о нашей стране. Буферные зоны в культурно-познавательном туризме, обеспечивающие благоприятные условия для гармонизации человека и общества, повышения общего уровня культуры и образования, знакомства людей с местной историей и культурным наследием территорий, должны создаваться для ослабления негативного внешнего влияния и торможения нежелательных процессов, провоцируемых внешними «доброжелателями» и их прокси-агентами, сокрытыми от взоров людей, слабо разбирающихся в политических, идеологических и экономических процессах.

Нами предлагается ввести в научный оборот следующее понятие: *«эмоционально-поведенческая ловушка»* — это совокупность условий и обстоятельств деятельности бизнеса (коммерческой, рекламного-маркетинговой и иной), которые ведут к снижению её эффективности по причинам поведенческого характера, вызываемых эмоциональной зависимостью (или неадекватностью) субъектов предпринимательства и их человеческого ресурса, или же эмоциональной непредсказуемостью поведенческих реакций индивидов на манипуляционно-симуляционные воздействия со стороны внешнего окружения и внутреннего «сопротивления» прокси-агентов с прозападной ментальной ориентацией. «Эмоционально-поведенческие ловушки» в ментальных картинах отображения реальной российской действительности в представлениях мало просвещённых граждан зарубежных стран, не дают возможность снимать напряжение в межгосударственных отношениях и сохранять режим мирного сосуществования. Создаются реальные условия для активизации влияния «*туристического эспандера*» (от лат. *expando* — распространяю, растягиваю); он представляет собой набор средств, вовлечение которых в активный процесс трансформации туристической сферы в нужном государству и обществу направлении позволяет расширять спектр предлагаемых рынку туристических услуг при сбалансированном взаимодействии субъектов туристической и поддерживающих её субъектов других функциональных сфер деятельности.

Вопрос о восстановлении статуса туризма как одной из самых высокодоходных отраслей экономики становится определяющим, когда импортозамещение в различных отраслевых сферах экономики начинает набирать темпы в направлении достижения бизнесом имиджустойчивости и конкурентоустойчивости [14]. Тем не менее в регионах до настоящего времени не сложилось чёткого понимания того, что имидж России во многом определяется совокупностью имиджей всех её регионов [15], которые во многом зависят от той профессиональной деятельности, которую необходимо осуществлять по укреплению национальной идентичности российского общества и его граждан, используя для этого инструменты активизации исторической памяти и накопленного представления о культурном наследии в контексте демонстрации научных и иных достижений страны в разных областях деятельности. *Агрегация* (лат. *aggregatio* — «присоединение») разных составляющих общественного образа любой территории должна работать на позитивный бренд-имидж России [16]. Она должна формировать имиджфарио-облака, способные благотворно влиять на создание имидж-протектора территории как необходимого атрибута в его имиджобразовании [17, с. 929–956], воплощаемом в маркетинговых и иных адаптационных процессах как в откликах на внешние вызовы разного характера и происхождения, так и на внутренние противоречия, разрешение которых лежат в сфере компетенций федеральных и региональных властей.

Заключение

Туристическая индустрия в условиях мобилизационной экономики и ограничений, возникающих по причинам геополитического характера, должна быть переориентирована на внутренний туризм в форматах инновационных решений. Вектором трансформации должна стать ориентация на совершенствование инструментально-методического обеспечения (искусственного интеллекта, рациональных механизмов маркетингово-поведенческой адаптации,

маркетингового инструментария с расширяющейся виртуальной компонентой, эмоционально-поведенческой составляющей в ходе диджитализации экономики, интеллектуализации технологических процессов и т. п.) при построении сбалансированных коммуникационных полей субъектами туриндустрии, основой которых должны стать инновационные преобразования с приоритетом в закреплении представлений о российском культурном коде.

Расширенный новыми дефинициями категорино-понятийный аппарат раскрывает экономическую природу маркетингово-поведенческой адаптации бизнеса к требованиям мобилизационного этапа развития экономики и отображает возможности активизации внутренних резервов экономического роста в процессе воплощения инновационных преобразований при построении маркетингово-коммуникационных взаимодействий разноотраслевых субъектов предпринимательской деятельности. Сформированные представления о туристической апертуре как об инструменте эмоционально-поведенческой и коммуникационно-познавательной компоненте в процессах развития личности и её нравственно-духовного совершенствования, о туристическом мультипликаторе, о буферных зонах в создаваемых коммуникационных полях туристической сферы, а также о создаваемых ею эмоционально-поведенческих «ловушках» дают основание рассчитывать на обретение туристической сферой свойств драйвера экономического, социального и культурного развития региона.

Разработанная модель управления конкурентоспособностью субъектов туристической сферы, в рамках которой реализуются принципы туристической апертуры, позволяет совершенствовать маркетингово-поведенческую адаптацию бизнеса к интегративному разнонаправленному воздействию различных факторов. Реализация модели создаёт условия для расширения спектра предоставляемых туристических услуг и для укрепления ценностного вектора представлений о России и об её регионах.

Список источников

1. Фёдорова Е. А., Черникова Л. И., Пастухова А. Э., Ширяева Л. К. Туризм и экономический рост: региональный аспект // ЭКО. 2020. № 9. С. 138–155. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-138-155
2. Жолобова Л. В., Шматько Л. П. Развитие российского въездного туризма — важный фактор роста ВВП страны // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2013. № 3. С. 44–48.
3. Морозов М. А., Морозова Н. С. Региональные особенности развития туристской инфраструктуры и их влияние на туризм // Регионология. 2021. Т. 29, № 3. С. 588–610. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.588-610

4. Каурова О. В., Канина Т. И. Факторы, сдерживающие развитие сферы туризма // Сервис plus. 2012. № 2. С. 37–42.
5. Хусин Абир. Институциональные ограничения и барьеры развития рынка туристических услуг // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 4, № 3 (139). С. 137–141. DOI:10.36871/ek.ur.p.r.2023.03.04.019
6. UNWTO World Tourism Barometer. 2020. Vol. 18, Issue 6.
7. Хандамова Э. Ф. Бренд как инструмент управления маркетинговым поведением субъекта в условиях структурной модернизации производственной сферы // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 7. С. 1357–1378. DOI: 10.18334/rp.20.4.40625
8. Щепакин М. Б., Хандамова Э. Ф., Жаманкулова Д. С. Имиджевый резонатор субъекта в обеспечении экономического роста бизнеса в условиях турбулентности маркетингово-манипуляционных воздействий // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 10. С. 4211–4236. DOI: 10.18334/errp.13.10.119036
9. Егорова В. Путин: Внутренний туризм даёт хороший стимул для развития смежных отраслей // RG.RU. 2023. 28 июня.
10. Шалыгина Н. П., Селюков М. В., Курач Е. В. О роли брендинга в формировании туристской привлекательности региона // Фундаментальные исследования. 2013. № 8–5. С. 1165–1168.
11. Щепакин М. Б., Хандамова Э. Ф., Бженникова Д. Г., Федюнина Е. А. Эмоционально-поведенческая концепция маркетинга в развитии моделей лидерства // Лидерство и менеджмент. 2020. Т. 7, № 2. С. 123–142. DOI: 10.18334/lim.7.2.100887
12. Уэллс У., Бернет Д., Мориарти С. Реклама: принципы и практика : учебник / пер. с англ. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Питер, 2001. 797 с.
13. Гавенер Т. Друзья, соперники, коллеги: инструмент воздействия / пер. с нем. М. С. Мкртычевой. М. : Эксмо, 2013. 220 с.
14. Ахремчик Д. В. Туристическая отрасль в новых экономических условиях — поиск новых возможностей и направлений // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 1781–1790. DOI: 10.18334/errp.12.6.114888
15. Напалкова И. Г. Имидж современной России: специфика и перспективы формирования // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2017. № 2 (38). С. 35–44.
16. Глинская И. Ю. Формирование и продвижение бренд-имиджа России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. № 1. С. 46–53.
17. Щепакин М. Б. Управление имиджем бизнес-субъектов посредством компенсационного маркетинга в инновационном формате изменений // Лидерство и менеджмент. 2023. Т. 10, № 3. С. 929–956. DOI: 10.18334/lim.10.3.118730

References

1. Fedorova EA, Chernikova LI, Pastukhova AE, Shiryayeva LK. Tourism and economic growth: a regional aspect. *EKO = ECO*. 2020;(9):138-155. (In Russ.).
2. Zholobova LV, Shmatko LP. The development of Russian inbound tourism is an important factor in the country's GDP growth. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya = Proceedings of the Rostov State University of Railway Engineering*. 2013;(3):44-48. (In Russ.).
3. Morozov MA, Morozova NS. Regional features of the development of tourist infrastructure and their impact on tourism. *Regionologiya = Regionology*. 2021;29(3):588-610. (In Russ.).
4. Kaurova OV, Kanina TI. Factors constraining the development of the tourism sector. *Servis plus = The plus service*. 2012;(3):37-42. (In Russ.).
5. Husin Abir. Institutional constraints and barriers to the development of the tourism services market. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and management: problems, solutions*. 2023;4(3):137-141. (In Russ.).
6. UNWTO World Tourism Barometer. 2020;18(6).
7. Khandamova EF. Brand as a tool for managing the marketing behavior of a subject in the context of structural modernization of the production sector. *Kreativnaya ekonomika = Creative economy*. 2019;13(7):1357-1378. (In Russ.).

8. Shchepakina MB, Khandamova EF, Zhamankulova DS. The image resonator of a subject in ensuring economic growth of a business in conditions of turbulence of marketing and manipulative influences. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* = *Economics, entrepreneurship and law*. 2023;13(10):4211-4236. (In Russ.).

9. Egorova V. Putin: Domestic tourism provides a good incentive for the development of related industries. *RG.RU* = *RG.RU*. 2023. June 28.

10. Shalygina NP, Selyukov MV, Kurach EV. On the role of branding in shaping the tourist attractiveness of the region. *Fundamental'nye issledovaniya* = *Fundamental research*. 2013;(8-5):1165-1168. (In Russ.).

11. Shchepakina MB, Khandamova EF, Bzhennikova DG, Fedyunina EA. Emotional-behavioral concept of marketing in the development of leadership models. *Liderstvo i menedzhment* = *Leadership and management*. 2020; 7(2):123–142. (In Russ.).

12. Wells W, Burnett D, Moriarty S. *Reklama: printsipy i praktika* = *Advertising: principles and practice: textbook*. Transl. from English. 3rd ed., revised and supplemented. St. Petersburg: Piter; 2001. 797 p. (In Russ.).

13. Gavener T. Druz'ya, soperniki, kollegi: instrument vozdeystviya = *Friends, Rivals, Colleagues: an instrument of influence*. Transl. from German by MS. Mkrtycheva. Moscow: Eksmo; 2013. 220 p. (In Russ.).

14. Akhremchik DV. Tourism Industry in New Economic Conditions — Search for New Opportunities and Directions. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* = *Economics, entrepreneurship and law*. 2022;12(6):1781-1790. (In Russ.).

15. Napalkova IG. The image of modern Russia: specifics and prospects for formation. *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya* = *Humanitarian: topical problems of humanitarian science and education*. 2017;(2(38)):35-44. (In Russ.).

16. Glinskaya IYu. Formation and promotion of brand image of Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* = *Herald of PFUR. Series: International Relations*. 2016;(1):46-53. (In Russ.).

17. Shchepakina MB. Managing the image of business entities through compensation marketing in the innovative format of changes. *Liderstvo i menedzhment* = *Leadership and management*. 2023;10(3):929-956. (In Russ.).

Информация об авторах

М. Б. Щепакин — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный деятель науки Кубани, член Общественного совета министерства финансов Администрации Краснодарского края

Э. Ф. Хандамова — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью.

Д. С. Жаманкулова — аспирант кафедры рекламы и связи с общественностью.

Information about the authors

Mikhail B. Shchepakina — doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honored Scientist of Kuban, member of the Public Council of the Ministry of Finance of the Krasnodar Territory Administration

Eva F. Khandamova — doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Advertising and Public Relations.

Diana S. Zhamankulova — postgraduate student of the Department of Advertising and Public Relations.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Вклад авторов: авторами сделан эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Научная статья

УДК 330.34

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-190-199

УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ — ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ

Сергей Александрович Банников

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, sabann@bk.ru, 0000-0002-6418-0034

Аннотация. Цифровизация экономики является сложным явлением, с одной стороны, направленным на повышение инновационности и конкурентоспособности отраслей, но с другой — требующим значительных ресурсов. И не всегда выгоды от реализации политики цифровой трансформации для конкретных предприятий перевешивают ресурсоёмкость или негативные стороны процесса. Поэтому исследование эффективности цифровизации в разрезе отдельных предприятий, отраслей и регионов имеет определяющее значение для планирования расходов на данные сегменты деятельности. Текущая работа посвящена анализу статистических опросов предприятий за 2022 г. о результативности внедрения цифровых решений в их работе как с точки зрения экономического эффекта, так и практической пользы в иных аспектах деятельности компаний.

Ключевые слова: анализ, государственная политика, оценка эффективности, перспективы развития, статистические наблюдения, управление ресурсами, цифровизация

Для цитирования: Банников С. А. Управление предприятием в условиях цифровизации — целесообразность внедрения цифровых решений в зеркале статистики // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 190–199. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-190-199

Original article

ENTERPRISE MANAGEMENT IN DIGITIZATION CONDITIONS — THE FEEDABILITY OF IMPLEMENTING DIGITAL SOLUTIONS IN THE MIRROR OF STATISTICS

Sergey A. Bannikov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, sabann@bk.ru, 0000-0002-6418-0034

Abstract. Digitalization of the economy is a complex phenomenon, on the one hand, aimed at increasing the innovation and competitiveness of industries, but on the other, requiring significant resources. And the benefits of implementing a digital transformation policy for specific enterprises do not always outweigh the resource intensity or negative aspects of the process. Therefore, studying the effectiveness of digitalization in the context of individual enterprises, industries and regions is of decisive importance for planning expenses for these segments of activity. The current work is devoted to the analysis of statistical surveys of enterprises for 2022 on the effectiveness of implementing digital solutions in their work, both in terms of economic effect and practical benefits in other aspects of the company's activities.

Keywords: analysis, public policy, performance assessment, development prospects, statistical observations, resource management, digitalization

For citation: Bannikov SA. Enterprise management in digitization conditions — the feedability of implementing digital solutions in the mirror of statistics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):190-199. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-190-199

Введение

В современном мире выстраивание процесса управления предприятием в условиях цифровизации должно преследовать две глобальные с точки зрения бизнеса цели: экономическую эффективность (повышение прибыли в результате внедрения цифровых решений) а также содействие реализации государственной политики в сфере цифровизации экономики. С вопросом экономики процесса всё достаточно прозрачно — если нет положительного эффекта от конкретного цифрового решения или комплекса действий, то их внедрение нецелесообразно. Под экономикой здесь следует понимать не только конкретное повышение прибыли компании, но также оптимизацию бизнес-процессов, управления персоналом, повышение уровня качества продукции, рост производственной безопасности и ряд других решений, которые, например, в свете цифровизации освещают такие авторы, как В. И. Ананьин [1], О. А. Андрич [2], Е. Е. Дородных [3], А. И. Ищенко [4], А. А. Ковалёв [5], А. В. Малосилова [6], М. С. Оборин [7], М. П. Парахина [8], М. В. Рукинов [9], Л. А. Шипицина [10]. Работы данных исследователей в полной мере раскрывают подмножество путей реализации прогресса цифровой экономики в стране, и на них нет необходимости подробно заострять внимание вновь.

А вот со второй частью процесса цифровизации, охватывающей государственную политику и его участие в этой области, присутствует некоторая неопределённость в силу недостаточно чётко очерченных контуров построения взаимодействия государство — бизнес в сфере цифровизации экономики. Рассмотрим подробнее существующую государственную политику в этой области.

В настоящее время в области цифровизации экономики России реализуется государственная программа «Информационное общество»¹ (далее в статье — Госпрограмма), которая включает в себя четыре подпрограммы (или федеральных проекта — в терминологии паспорта Госпрограммы), из которых в плане управления предприятием представляют интерес две, а именно: «Информационно-телекоммуникационная инфраструктура информационного общества

и услуги, оказываемые на её основе» и «Информационное государство».

Первая подпрограмма ставит задачей создание и развитие необходимой инфраструктуры для создания цифровой экономики. И здесь влияние на цифровизацию экономики непосредственное, однако ставящее бизнес в некотором смысле в подчинённое положение от качества выбора целевых параметров и успешности решения поставленных Госпрограммой задач.

Вторая подпрограмма из указанных выше ставит задачей построения в России «Информационного государства». В целом она преимущественно направлена на цифровизацию работы органов власти в части предоставления государственных услуг в электронной форме и выстраиванию взаимоотношений «власть — бизнес» и «власть — граждане» с применением информационных технологий. Здесь снова мы можем отметить, что основная направленность подпрограммы — это повышение удобства электронных государственных услуг в сравнении с традиционными способами их получения. При этом цифровизация отношений в сегменте «бизнес — граждане» остаётся полностью вопросом самого бизнеса. Здесь основным направлением является развитие онлайн-маркетинга, маркетинговых и интернет-торговли в целом. Т. е. преимущественно цифровизируются каналы продажи и доставки товаров потребителям и обратной связи с ними. И в этих процессах как таковое регулирование «сверху» не требуется, поскольку оно происходит естественным путём, и бизнес-единицы, которые не следуют тренду цифровизации, постепенно вымываются с рынка.

Достаточно любопытен в данном ключе рейтинг РЦК2 по реализации мероприятий федерального проекта «повышения производительности труда силами региональных центров компетенций (РЦК), который может служить примером подхода к оценке эффективности внедрения цифровых решений в масштабе отраслей или регионов. В составлении рейтинга фигурирует в том числе рост выручки предприятий вследствие реализации нововведений РЦК. Однако существенным минусом данных показателей является игнорирование инфляционного фактора, и экстенсивный рост вследствие общего роста цен может частично или полностью производить впечатление эффективности тех или иных инноваций.

¹ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Государственная программа «Информационное общество». URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/?utm_referrer=https%3a%2f%2fya.ru%2f#section-docs (дата обращения 02.02.2024).

² РЦК — Национальный проект. Рейтинг РЦК. URL: <https://производительность.рф/national-project/rejting-rck/?year=2023&quarter=4> (дата обращения 02.02.2024).

Во избежание этого было бы логичным вводить поправку на инфляцию.

Исходя из сказанного, можно заключить, что в экономической сфере как на уровне отдельных предприятий, так и отраслей в целом нецелесообразно осуществлять внедрение цифровых решений без увязки с оценками эффективности. Государственная политика преимущественно нацелена на обеспечение удобства предоставления государственных услуг и повышение качества и технического уровня связи, не преследуя непосредственных показателей внедрения цифровизации в организациях всех экономических направлений. Поэтому на текущий момент цифровизация бизнеса идёт в большей степени исходя из внутренних потребностей организаций, чем формируется нормативно-правовыми актами, как в сфере государственного управления. В нашей работе мы постараемся оценить этот процесс и его текущие результаты, в том числе с точки зрения оценки самими компаниями эффективности цифровизации.

Методология исследования

Методологическая основа исследования во многом позаимствована из нашей предыдущей работы, посвящённой поиску решений по повышению эффективности управления государственными ресурсами [11]. В этой работе мы оценивали результативность внедрения передовых производственных технологий в разрезе форм собственности обследуемых организаций, опираясь при этом на результаты опросов компаний. Т. е. главным критерием качества внедряемых инноваций мы считали мнение самих компаний, которое выражено не в вещественной исчисляемой форме, а скорее в виде экспертного заключения (полезно / не определились / бесполезно). Мы не настаиваем на безусловном приоритете данного метода для оценки эффективности цифровизации, но считаем полезным его использование для глобального формирования управленческих решений, в том числе для общей характеристики внедрения принципов создания цифровой экономики в бизнес-сегменте.

С 2015 года Росстат проводит выборочные статистические наблюдения по использованию цифровых технологий (по форме № 3-информ)¹. Для

¹ Росстат — наука, инновации и технологии. Цифровые технологии — Сведения об использовании цифровых технологий и производстве связанных с ними товаров и услуг. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения 02.02.2024).

нашей работы представляет интерес направление наблюдений «число организаций, оценивших воздействие цифровых технологий». К сожалению, последний пункт появился в итогах статистического наблюдения лишь в 2022 году, что не позволяет выполнить ретроспективный обзор динамики удовлетворённости различных сфер экономики общими процессами внедрения цифровых технологий в свою работу. Между тем результаты обследования дают полноценную картину эффективности цифрового прогресса в российской экономике на текущий момент. Текущая статья в основном опирается на анализ отдельных показателей данного обследования.

Результаты исследования и их обсуждение

В 2022 г. Росстатом обследовано почти 250 тыс. предприятий в различных экономических направлениях (от А до R по ОКВЭД²), использовавших информационные и коммуникационные технологии. Из указанного числа примерно половина (более 116 тыс.) оценили степень влияния внедрённых цифровых технологий на производственно-экономические процессы организации.

Опрос проводился по 4 отдельным направлениям цифровизации:

- технологии сбора, обработки и анализа больших данных;
- технологии искусственного интеллекта;
- интернет вещей;
- другие цифровые технологии.

Эффективность каждого из указанных направлений оценивалась шестью параметрами производственного процесса, для каждого из которых требовалось дать оценку воздействия цифровых технологий в критериях «положительное влияние / отрицательное / отсутствие влияния». Параметры включают в себя прибыль организации, безопасность сотрудников, влияние на окружающую среду, внутренние производственные и организационные процессы, а также взаимодействие со сторонними лицами и организациями, включая заказчиков.

Массив представленных данных был обработан автором с усреднением значений для всех компаний по каждому параметру. Результат обработки представлен в таблице 1.

Как мы видим из таблицы 1, подавляющее большинство цифровых решений по большому счёту оказались бесполезными для организаций,

² Коды ОКВЭД2. URL: <https://оквэд-2.рф/> (дата обращения 02.02.2024 г.).

Таблица 1

Table 1

Доля организаций, оценивших воздействие цифровых технологий в 2022 году, по степени воздействия технологии на работу предприятия — в разрезе аспектов производственной деятельности, %
The share of organizations that assessed the impact of digital technologies in 2022, according to the degree of impact of technology on the operation of the enterprise — in the context of aspects of production activities, %

Показатель	Отрицательное влияние	Не повлияло	Положительное влияние
Результат финансовой деятельности	3,1	72,7	24,2
Безопасность труда работников	6,4	75,2	18,5
Производство товаров, работ и услуг с новыми потребительскими характеристиками, качество товаров, работ и услуг	2,9	78,7	18,4
Эффективность внутренних процессов (скорость / адаптивность / гибкость процессов, качество принимаемых решений), производительность труда	2,0	73,0	24,1
Эффективность процессов взаимодействия с контрагентами (скорость / адаптивность / гибкость процессов, персонализация)	2,9	70,5	26,6
Окружающая среда	3,1	80,2	16,7

Источник: составлено автором по материалам исследования (суммарные данные по 116 150 предприятиям).

их внедривших: от 70,5 % до 80,2 % отметили полное отсутствие влияния на те или иные аспекты деятельности.

Лишь в четверти случаев цифровизация оказала благоприятное воздействие на внутренние организационные и производственные процессы, взаимоотношения с контрагентами и на результат финансовой деятельности в целом. В 18 % случаев решения были полезны для повышения безопасности труда, а также для увеличения качества и инновационности производимой продукции. Менее всего цифровой прогресс влияет на воздействие предприятий на окружающую среду — положительное влияние здесь отмечается лишь в 16,7 % случаев.

Между тем примерно для 3 % организаций цифровые решения показали отрицательный эффект. В отношении трудовой безопасности — в 6,4 %. Отметим здесь подробнее, что технологии сбора, обработки и анализа больших данных в 16,9 % случаев отрицательно влияли на безопасность труда, и лишь в 10 % это влияние оказалось положительным. Т. е. данный аспект цифровизации оказался для предприятий скорее вреден, чем полезен. Таким образом, здесь мы наблюдаем результат недостаточной проработанности и предварительной оценки последствий внедрения тех или иных цифровых решений, который и выразился в столь негативном влиянии на

безопасность труда. Скорее всего, здесь имеется в виду и создание баз данных с раскрытием информации о сотрудниках, которые могут быть подвержены взлому, что и вызвало отрицательные оценки в этом сегменте.

В целом по данным таблицы 1 можно заключить, что цифровизация российской экономики по представленному массиву предприятий в трёх случаях из четырёх не приносит никакого эффекта (экономического или иного). Представляется очевидным, что понесённые в таких случаях затраты организаций оказываются бесполезными. Можно предположить, что в различных сегментах экономики цифровая трансформация оказывает различный эффект. Здесь будет наглядным распределение ответов организаций касательно эффекта от применения цифровых решений в разрезе видов экономической деятельности. Наше предположение качественно иллюстрирует таблица 2.

В среднем лишь только каждая пятая организация в России оценивает последствия внедрённых цифровых решений положительно по всему комплексу параметров. 77,3 % компаний не наблюдают какого-либо эффекта, а 3,6 % признают отрицательное влияние цифровой трансформации.

Относительно общей массы компаний выделяется сегмент торговли, где доля положительных оценок наибольшая — правда, она составляет

всего лишь 28,9 %. Но и эта цифра заметно выше любого другого экономического направления по ОКВЭД2, для которых средний процент ответов с отметкой положительного влияния составляет менее 20 %. В торговле же наблюдается и самый низкий процент организаций, не заметивших какого-либо эффекта от применения цифровых решений — 68,4 %.

Самая низкая доля положительных оценок в электроэнергетике (16,1 %). В этой же отрасли наблюдается самый высокий процент ответов «не повлияло» — 81,6 %. Очевидно, в энергетической сфере требуется более внимательная проработка экономического эффекта от внедрения тех или иных цифровых решений.

Любопытно, что наибольшая доля отрицательных оценок цифровизации наблюдается в сегменте добычи нефти (код деятельности ОКВЭД2 06) —

6,1 %, тогда как общая доля по промышленности составляет 2,8 %.

По большому счёту анализ таблицы 2 позволяет заключить, что ответы организаций касательно эффектов цифровой трансформации достаточно единообразны и сводятся к результату «не повлияло». В зависимости от вида экономической деятельности этот ответ характерен для 68,4 % — 81,6 % организаций. Разброс положительных оценок также достаточно узок: 16,1 % — 28,9 %. Отрицательные характеристики относятся к 2,3 % — 5,3 % ответов.

Следует проверить также предположение о территориальном факторе последствий цифровизации производственных процессов в организациях. Так как, к примеру, А. В. Лосева [12], А. М. Носонов [13], В. А. Титов [14] и А. А. Чухрай [15] считают доказанным факт территориальной

Таблица 2

Table 2

Доля организаций, оценивших воздействие цифровых технологий в 2022 году, по степени воздействия технологии на работу предприятия — в разрезе экономических видов деятельности, %

The share of organizations that assessed the impact of digital technologies in 2022, according to the degree of impact of technology on the operation of the enterprise — in the context of economic activities, %

Код ОКВЭД2	Кол-во организаций	Отрицательное влияние	Не повлияло	Положительное влияние
ВСЕГО	116150	3,6	77,3	19,1
A	2393	5,3	73,1	21,6
B	1197	3,7	78,6	17,7
C	8646	2,5	78,6	18,8
D	2322	2,3	81,6	16,1
E	1283	4,3	77,8	18,0
F	2897	3,1	78,2	18,7
G	27146	2,7	68,4	28,9
H	6248	3,1	77,8	19,1
I	1325	3,2	77,6	19,1
J	6393	2,2	79,1	18,6
K	7477	3,1	75,9	21,0
L	3542	3,8	80,0	16,3
M	9103	3,5	79,6	17,0
N	3271	3,5	78,0	18,5
O	16686	5,0	77,7	17,3
Q	7911	4,1	76,2	19,7
R	8310	5,5	76,4	18,1
Справочно:				
1323500.029.31*	13448	2,8	79,0	18,2
06 (добыча нефти)	221	6,1	77,4	16,5

*Собираемая классификационная группировка видов экономической деятельности «Промышленность» на основе ОКВЭД2 (КДЕС Ред. 2).

Источник: составлено автором по материалам исследования.

дифференциации информационного общества в России, что могло бы сказаться и на результатах влияния цифровизации на деятельность компаний.

Обобщённый анализ в разрезе регионов страны отражён автором в таблице 3.

Как мы можем видеть из таблицы 3, при небольшом разбросе величин (от 14,5 % до 27 %) какой-либо зависимости результатов от территориального фактора не наблюдается. Хотя более высокие показатели более характерны для

регионов Центра, Северного Кавказа и Урала, тогда как регионы Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера демонстрируют в среднем чуть меньшие оценки. Хотя, повторимся, разброс показателей слишком мал, чтобы установить тенденцию с высокой степенью определённости.

Несколько больший разброс доли ответов «не определено»: от 64,3 % до 84,1 %. Проанализируем эту группу ответов в региональном разрезе (см. табл. 4).

Таблица 3
Table 3

Доля организаций, положительно оценивших воздействие цифровых технологий в 2022 году, по степени воздействия технологии на работу предприятия — в разрезе субъектов Федерации, %
The share of organizations that positively assessed the impact of digital technologies in 2022, by the degree of impact of technology on the operation of the enterprise — by regions of the Russian Federation, %

Регион	Доля, %	Регион	Доля, %	Регион	Доля, %
Коми	27,0	Самарская	21,3	Амурская	19,3
Башкортостан	26,0	Ярославская	21,3	Мордовия	19,2
Краснодарский	25,0	Тамбовская	21,2	Томская	19,2
Чувашия	24,6	Тюменская	21,2	Курганская	19,0
Новгородская	24,5	Свердловская	20,9	Кировская	18,9
Московская	24,4	ХМАО	20,9	Вологодская	18,9
Адыгея	24,1	Алтай	20,9	Алтайский	18,8
Калужская	24,0	Ставропольский	20,9	Псковская	18,6
КЧР	24,0	Астраханская	20,9	Ивановская	18,3
Владимирская	23,9	Кемеровская	20,8	Смоленская	18,3
Воронежская	23,8	Магаданская	20,7	Санкт-Петербург	18,2
Ингушетия	23,7	Ростовская	20,7	Новосибирская	18,1
КБР	23,3	Калининградская	20,7	Ульяновская	18,1
Липецкая	23,3	Челябинская	20,6	Крым	18,0
Дагестан	23,2	Омская	20,6	Пензенская	17,6
Северная Осетия	23,1	Оренбургская	20,6	Хабаровский	17,6
Рязанская	22,8	Марий Эл	20,5	Тыва	17,5
Нижегородская	22,8	Удмуртия	20,5	Костромская	17,5
Белгородская	22,6	Сахалинская	20,4	Архангельская	17,4
Тульская	22,5	Якутия	20,3	Камчатский	17,3
Курская	22,4	ЯНАО	20,2	Забайкальский	17,1
Калмыкия	22,3	Татарстан	20,0	Красноярский	17,1
Брянская	22,2	Саратовская	20,0	Севастополь	16,3
Бурятия	22,0	Москва	19,6	Хакасия	16,2
Чукотский	21,9	Приморский	19,5	Мурманская	15,8
Орловская	21,9	Тверская	19,5	Карелия	15,4
Чечня	21,9	Ленинградская	19,4	Ненецкий	15,0
Пермский	21,8	Иркутская	19,3	ЕАО	14,5
Волгоградская	21,3				

Источник: составлено автором по материалам исследования.

Судя по данным таблицы 4, территориальный фактор также выражен достаточно слабо и для ответов, характеризующих степень воздействия цифровизации на деятельность организаций как «не определено». Лишь несколько регионов с выраженными максимумами и минимумами доли таких ответов расположились достаточно компактно: на Европейском Севере цифровизация оказывала заметно меньшее влияние на производственно-экономические показатели, чем на Северном Кавказе. В остальном, как мы можем

убедиться из данных таблицы 4, географический фактор не имеет определяющего значения.

Заключение

Результат нашего исследования приводит к достаточно неутешительному выводу: цифровизация, несмотря на декларируемое стремление к переходу на новый технологический уклад, повышению конкурентоспособности российской экономики и технологическому рывку, в опросах организаций за 2022 г. демонстрирует

Таблица 4
Table 4

Доля организаций, оценивших воздействие цифровых технологий в 2022 году, по степени воздействия технологии на работу предприятия как «не определено» — в разрезе субъектов Федерации, %
The share of organizations that assessed the impact of digital technologies in 2022, according to the degree of impact of technology on the operation of the enterprise, as “not determined”- by regions of the Russian Federation, %

Регион	Доля, %	Регион	Доля, %	Регион	Доля, %
Ненецкий	84,1	Тыва	77,1	Нижегородская	74,6
Карелия	83,2	Тверская	77,0	Тюменская	74,6
ЕАО	82,2	Томская	76,9	Брянская	74,5
Мурманская	81,8	Ульяновская	76,8	Волгоградская	74,3
Севастополь	81,2	Курганская	76,7	Курская	73,9
Хакасия	81,1	ЯНАО	76,5	Бурятия	73,9
Архангельская	80,0	Амурская	76,4	Липецкая	73,7
Костромская	79,9	Омская	76,4	Калужская	73,7
Красноярский	79,8	Челябинская	76,3	Рязанская	73,6
Смоленская	79,8	ХМАО	76,2	Белгородская	73,5
Хабаровский	79,3	Удмуртия	76,1	Калмыкия	73,4
Кировская	78,6	Свердловская	76,1	КБР	72,8
Псковская	78,5	Ростовская	76,0	Владимирская	72,5
Санкт-Петербург	78,4	Калининградская	75,8	Якутия	72,5
Москва	78,2	Тамбовская	75,7	Новгородская	72,4
Камчатский	78,2	Сахалинская	75,7	Московская	72,3
Ивановская	78,0	Самарская	75,5	Алтай	72,1
Приморский	78,0	Чукотский	75,4	Воронежская	71,8
Крым	77,8	Орловская	75,4	Адыгея	71,2
Новосибирская	77,7	Саратовская	75,3	Чечня	71,0
Пензенская	77,6	Оренбургская	75,3	Краснодарский	70,8
Магаданская	77,6	Ставропольский	75,2	Чувашская — Чува- шия	70,6
Вологодская	77,5	Тульская	75,1	Башкортостан	70,4
Кемеровская	77,5	Астраханская	75,1	Коми	70,1
Алтайский	77,4	Татарстан	74,9	КЧР	70,0
Мордовия	77,4	Ярославская	74,8	Северная Осетия	68,8
Иркутская	77,4	Пермский	74,7	Дагестан	65,9
Забайкальский	77,3	Марий Эл	74,7	Ингушетия	64,3
Ленинградская	77,2				

Источник: составлено автором по материалам исследования.

преимущественно отсутствие практической пользы в применении цифровых решений. Причём это касается не только экономических аспектов (финансовых результатов компаний), а практически всех направлений деятельности, включая производственные и управленческие процессы и влияние на окружающую среду.

В таком аспекте, как безопасность труда, внедрение технологий сбора и анализа больших данных, больше ответов об отрицательном воздействии цифровизации, чем положительном. И это при том, что 73 % компаний вообще не ощутили какого-либо эффекта от внедрения этой группы цифровых технологий.

По ряду всех показателей цифровизации доля «не повлияло» превышает 80 % всех ответов, что ставит серьёзный вопрос о бесполезности подавляющей части внедряемых процессов цифровизации. И, как оказалось по результатам анализа по ОКВЭД, — вне зависимости от направления экономической деятельности. А ведь каждый

из внедрённых элементов — это финансовые расходы организаций, закупка, наладка оборудования, труд людей, их обучение.

В процессе исследования мы наблюдаем, что статистические опросы демонстрируют крайне неглубокую степень проработки экономических выгод от внедрения тех или иных цифровых решений. Возможно, в силу и некоторой политизированности вопроса, когда какие-то решения могли приводиться по решению менеджмента, так сказать, «сверху», что и могло привести к результату отсутствия практической пользы от внедрения цифровых решений по экономике как в целом, так и по любому отдельному направлению или региону страны. Однако столь массовое проявление отсутствия результата свидетельствует о значительном масштабе проблемы отсутствия качественного предварительного анализа эффективности и практической пользы внедрения тех или иных цифровых решений в любой отрасли и в каждом регионе страны.

Список источников

1. Ананьин В. И., Зимин К. В., Гимранов Р. Д. [и др.] Реальное время управления предприятием в условиях цифровизации // Бизнес-информатика. 2019. Т. 13, № 1. С. 7–17. DOI: 10.17323/1998-0663.2019.1.7.17
2. Андрич О. А. Повышение конкурентоспособности предприятия на основе управления качеством в условиях цифровизации // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2022. № 1 (55). С. 9–11.
3. Дородных Е. Е. Трансформация управления производством на предприятиях оборонно-промышленного комплекса в условиях цифровизации экономики // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2019. № 6 (174). С. 57–61. DOI: 10.33285/1999-6942-2019-6(174)-57-61
4. Ищенко А. И. Смена ориентиров и ценностей в управлении предприятием под воздействием цифровизации // Интеграция науки и практики: взгляд молодых учёных : сб. науч. трудов VI науч.-практ. конф. магистрантов и аспирантов, Саратов, 29 октября 2019 г. Саратов : Саратов. соц.-экон. ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2020. С. 146–147.
5. Ковалёв А. А. Организационно-экономические механизмы управления промышленным предприятием в условиях цифровизации // Вести научных достижений. Экономика и право. 2022. № 11. С. 216–220. DOI: 10.36616/2686-9837_2022_11_216
6. Малосилова А. В. Управление современным предприятием в условиях цифровизации экономики // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика : сб. статей 13-й Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 26 октября 2023 г. Курск : Университетская книга, 2023. С. 11–13.
7. Оборин М. С. Экономическая безопасность промышленных предприятий в условиях цифровой экономики // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2022. № 1 (207). С. 44–54. DOI: 10.46554/1993-0453-2022-1-207-44-54
8. Парахин М. П. Проблемы управления ресурсами предприятия в условиях цифровизации // Global Science and Innovations: Central Asia. 2021. Т. 2, № 7 (12). С. 41–45.
9. Рукинов М. В. Векторы технологических трансформаций и перспективы безопасного развития экономики России в условиях нового технологического уклада // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 1 (121). С. 7–15.
10. Шипицына Л. А. Процессы цифровизации в системе управления персоналом предприятия // Моя профессиональная карьера. 2019. Т. 2, № 6. С. 4–8.

11. Банников С. А. Создание государственных корпораций с целью более эффективного управления государственными ресурсами // Вестник университета. 2023. № 5. С. 5–12. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-5-5-12
12. Лосева А. В. Вопросы территориальной дифференциации информационного общества России // Фундаментальные исследования. 2021. № 6. С. 47–55. DOI: 10.17513/fr.43057
13. Носонов А. М. Формирование информационного общества в регионах России // Регионология. 2016. № 4 (97). С. 114–126.
14. Титов В. А., Тихомирова Е. И. Асимметрия российской территориальной системы в контексте развития информационной экономики // Фундаментальные исследования. 2017. № 1. С. 214–218.
15. Чухрай А. А. Развитие информационного общества в России и её регионах // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики : тр. XXI Междунар. науч.-практ. конф., Симферополь — Гурзуф, 20–22 октября 2022 г. Симферополь : Крымск. федер. ун-т им. В. И. Вернадского, 2022. С. 286–290.

References

1. Ananyin VI, Zimin KV, Gimranov RD [etc.]. Real time of enterprise management in the conditions of digitalization. *Biznes-informatika = Business informatics*. 2019;13(1):7-17. DOI: 10.17323/1998–0663.2019.1.7.17 (In Russ.).
2. Andrich OA. Increasing the competitiveness of an enterprise based on quality management in the conditions of digitalization. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dal'ya = Bulletin of Lugansk State University named after Vladimir Dahl*. 2022;1(55):9-11. (In Russ.).
3. Dorodnykh EE, Kurbanov AKh. Transformation of production management at enterprises of the military-industrial complex in the conditions of digitalization of the economy. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom = Problems of economics and management of the oil and gas complex*. 2019;6(174):57-61. DOI: 10.33285/1999-6942-2019-6(174)-57-61. (In Russ.).
4. Ishchenko AI. Change of guidelines and values in enterprise management under the influence of digitalization. In: *Integraciya nauki i praktiki: vzglyad molodyh uchenykh = Integration of science and practice: the view of young scientists*. Saratov: Saratov Socio-Economic Institute (branch) of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov; 2020. Pp. 146-147. (In Russ.).
5. Kovalev AA. Organizational and economic mechanisms for managing an industrial enterprise in the conditions of digitalization. *Vesti nauchnykh dostizhenij. Ekonomika i pravo = News of scientific achievements. Economics and law*. 2022;(11):216-220. DOI: 10.36616/2686-9837_2022_11_216 (In Russ.).
6. Malosilova AV. Management of a modern enterprise in the context of digitalization of the economy. In: *Instituty i mekhanizmy innovacionnogo razvitiya: mirovoj opyt i rossijskaya praktika = Institutions and mechanisms of innovative development: world experience and Russian practice*. Kursk: University Book; 2023. Pp. 11-13. (In Russ.).
7. Oborin MS. Economic security of industrial enterprises in the digital economy. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Samara State Economic University*. 2022;1(207):44-54. DOI: 10.46554/1993-0453-2022-1-207-44-54 (In Russ.).
8. Parakhin MP. Problems of enterprise resource management in the context of digitalization. *Global Science and Innovations: Central Asia*. 2021;2(7(12):41-45. (In Russ.).
9. Rukinov MV. Vectors of technological transformations and prospects for the safe development of the Russian economy in the conditions of a new technological structure. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = News of the St. Petersburg State Economic University*. 2020;1(121):7-15. (In Russ.).
10. Shipitsyna LA. Digitalization processes in the personnel management system of an enterprise. *Moya professional'naya kar'era = My professional career*. 2019;2(6):4-8. (In Russ.).
11. Bannikov SA. Creation of state corporations for the purpose of more efficient management of state resources. *Vestnik universiteta = University Bulletin*. 2023;(5):5-12. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-5-5-12. (In Russ.).
12. Loseva AV, Ledneva OV. Issues of territorial differentiation of the information society of Russia. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2021;(6):47-55. DOI 10.17513/fr.43057 (In Russ.).
13. Nosonov AM. Formation of the information society in the regions of Russia. *Regionologiya = Regionalology*. 2016;4(97):114-126. (In Russ.).

14. Titov VA, Tikhomirova EI. Asymmetry of the Russian territorial system in the context of the development of the information economy. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2017;(1):214-218. (In Russ.).

15. СНухрај АА. Development of the information society in Russia and its regions. In: Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki = Current problems and prospects for economic development. Simferopol: Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky; 2022. Pp. 286-290. (In Russ.).

Информация об авторе (авторах)

С. А. Банников — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала.

Information about the author

Sergey A. Bannikov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology and Human Capital Development.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.4

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-200-209

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИЙ: ВЫГОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Евгений Юрьевич Бахарев¹, Александр Юрьевич Анисимов²

¹Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, bakhareveyudam101pr@yandex.ru, 0009-0009-7084-1693

²Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, anisimov_au@mail.ru, 0000-0002-8113-4523

Аннотация. Внедрение цифровых технологий влияет практически на все сферы деятельности современных организаций, включая, производство, организационную структуру и отношения с партнёрами, поставщиками и клиентами. Важность осуществления цифровой трансформации во всех сферах подчёркивается во многих стратегических и программных документах Российской Федерации. Целью данного исследования является изучение стратегических аспектов цифровой трансформации организаций, а также влияния затрат на внедрение и развитие цифровых технологий организаций и результатами и их деятельности. В результате исследования определено, что цифровая трансформация выступает важным инструментом обеспечения прямой коммуникации между организациями и клиентами, позволяющим адаптировать продукцию и услуги под меняющиеся потребности потребителей. На основе контент-анализа в работе определено, что основными выгодами для организации в результате цифровой трансформации выступают рост производительности факторов производства и увеличение финансовых результатов, в результате произведённых инвестиций и затрат на внедрение и использование цифровых технологий. Однако организациям, инвестирующим в цифровые технологии, часто не удаётся добиться ожидаемого увеличения доходов. В связи с чем для оценки степени влияния инвестиций в цифровую трансформацию, а также затрат на внедрение и использование цифровых технологий и финансовых результатов в работе проведён корреляционный анализ. В результате корреляционного анализа между значениями показателей прибыли по видам экономической деятельности, а также объёмом инвестиций и объёмом затрат организации на внедрение и использование цифровых технологий выявлено, что рост инвестиций и затрат на внедрение цифровых технологий не всегда сопровождается увеличением финансовых результатов, что подтверждается значениями коэффициентов корреляции, а также оценкой их значимости. В процессе исследования использованы методы контент-анализа, описательного и статистического анализа. В результате исследования определено, что экономический эффект от внедрения цифровых технологий в различных отраслях может быть различен, что обуславливает применение дифференцированных стратегических подходов к цифровой трансформации современного бизнеса.

Ключевые слова: цифровая трансформация, стратегия цифровой трансформации, инвестиции, внутренние затраты на внедрение цифровых технологий, эффект цифровой трансформации

Для цитирования: Бахарев Е. Ю., Анисимов А. Ю. Стратегические аспекты цифровой трансформации организаций: выгоды и перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 200–209. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-200-209

Original article

STRATEGIC ASPECTS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF ORGANIZATIONS: BENEFITS AND PROSPECTS

Evgeniy Yu. Bakharev¹, Alexander Yu. Anisimov²

¹Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, Moscow, Russia, bakhareveyudam101pr@yandex.ru, 0009-0009-7084-1693

²Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, Moscow, Russia, anisimov_au@mail.ru, 0000-0002-8113-4523

Abstract. The introduction of digital technologies affects almost all areas of activity of modern organizations, including production, organizational structure and relationships with partners, suppliers and customers. The importance of implementing digital transformation in all areas is emphasized in many strategic and program documents of

the Russian Federation. The purpose of this study is to study the strategic aspects of the digital transformation of organizations, as well as the impact of costs on the implementation and development of digital technologies of organizations and the results and their activities. As a result of the study, it was determined that digital transformation is an important tool for ensuring direct communication between organizations and clients, allowing products and services to be adapted to the changing needs of consumers. Based on content analysis, the work determined that the main benefits for the organization as a result of digital transformation are an increase in the productivity of production factors and an increase in financial results as a result of investments made and costs for the implementation and use of digital technologies. However, organizations that invest in digital technologies often fail to achieve the expected increase in revenue. In this regard, to assess the degree of impact of investments in digital transformation, as well as the costs of introducing and using digital technologies and financial results in the work, a correlation analysis was carried out. As a result of the correlation analysis between the values of profit indicators by type of economic activity, as well as the volume of investments and the volume of expenses of the organization for the implementation and use of digital technologies, it was revealed that an increase in investments and costs for the introduction of digital technologies is not always accompanied by an increase in financial results, which is confirmed by the values of correlation coefficients, as well as an assessment of their significance. During the research, the methods of content analysis, descriptive and statistical analysis were used. As a result of the study, it was determined that the economic effect of the introduction of digital technologies in different industries may be different, which determines the use of differentiated strategic approaches to the digital transformation of modern business.

Keywords: digital transformation, digital transformation strategy, investments, internal costs for the implementation of digital technologies, the effect of digital transformation

For citation: Bakharev EYu, Anisimov AYu. Strategic aspects of digital transformation of organizations: benefits and prospects. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):200-209. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-200-209

Введение

В последние годы цифровая трансформация получила стремительное развитие, выступив в качестве важнейшего катализатора развития бизнеса и открывающего огромные перспективы для стимулирования экономического роста. Для качественного развития бизнеса в текущих экономических условиях цифровая трансформация имеет важное значение. Она предполагает глубокую интеграцию передовых научных технологий в деятельность организаций, что приводит к формированию инновационных производственных и операционных моделей за счёт снижения информационно-асимметрии, повышения производительности на основе оптимизации распределения ресурсов, а также более эффективного контроля за расходами.

Цифровая трансформация — это процесс внедрения новейших технологий в устоявшиеся методы ведения бизнеса. Её основная цель — изменить устаревшие процессы, улучшить качество обслуживания клиентов и способствовать будущим инновациям. Стратегия цифровой трансформации бизнеса может состоять из множества элементов и быть реализована с помощью различных ресурсов и технологий [1].

В общем виде цифровая трансформация представляет собой использование технологий для радикального повышения эффективности бизнеса или изменения масштабов его деятельности. Она

позволяет получить доступ к инновационным способам продаж, создания стоимости, новым формам взаимодействия с клиентами. Одним из наиболее существенных преимуществ цифровой трансформации является то, что она обеспечивает прямую коммуникацию между организациями и клиентами, позволяя собирать отзывы клиентов о продуктах более удобным способом и с меньшими затратами. Такая обратная связь позволяет организации модернизировать свою продукцию, адаптировать её под потребности потребителей, повышая уровень её конкурентоспособности на рынке. Кроме того, цифровая трансформация способствует обмену данными между организациями, позволяя им всесторонне понимать рынок и своих конкурентов, создавать эффективные системы управления и научные организационные структуры, что делает целесообразным внедрение цифровых технологий в быстро меняющейся бизнес-среде.

Цифровая трансформация может эффективно решать проблемы, обусловленные присутствием информационной асимметрии, повышая прозрачность корпоративной информации, она смягчает финансовые ограничения, может способствовать оптимизации управленческих практик, что приведёт к повышению организационной и операционной эффективности.

В последние годы в экономической литературе [2–5], нормативно-правовых документах

и докладах о цифровой трансформации бизнеса уделяется большое внимание. При этом необходимо отметить, что исследования авторов в большей степени сосредоточены на экономических выгодах от цифровой трансформации, чем на стратегических и тактических подходах реализации цифровой трансформации в организациях. Так, например, С. А. Смирнова подчёркивает важность цифровой трансформации для ускорения и облегчения работы с большой базой информации, для использования единой системы сотрудничества со всеми подразделениями на предприятии, а также налаживание взаимодействия с клиентами и поставщиками [3]. Г. О. Мареv отмечает, что цифровая трансформация выступает в качестве одного из основных факторов формирования стоимости организации [4]. По мнению Н. С. Мрочковского, она оказывает существенное влияние на устойчивое развитие организации, поскольку способствует увеличению продаж за счёт охвата более широкой целевой аудитории, оптимизации затрат за счёт снижения трудоёмкости бизнес-процессов и т. д. [5]. Н. Л. Удальцова в качестве преимуществ цифровой трансформации российских компаний выделяет автоматизацию и роботизацию производственных процессов, позволяющую оптимизировать бизнес-процессы [6].

Ряд исследователей также отмечают значительные финансовые преимущества от цифровой трансформации [7–9]. Однако М. М. Сартбаев также указывает, что внедрение современных цифровых технологий в деятельность организаций требует не только значительных объёмов инвестиций на первоначальном этапе, но и затрат, связанных с интеграцией технологий и управлением трансформацией бизнеса [10; 11]. Несмотря на возможности увеличения доходов за счёт цифровизации, организации часто сталкиваются с «парадоксом цифровизации», в соответствии с которым организациям, инвестирующим в цифровые технологии, часто не удаётся добиться ожидаемого увеличения доходов. Это явление известно как «парадокс Солоу» или «парадокс производительности информационных технологий», который был сформулирован ещё более 30 лет назад Роберт Солоу [12]. Кроме этого, некоторые исследования показали, что цифровая трансформация оказывает негативное влияние на рентабельность инвестиций, поскольку внедрение цифровых технологий может повлечь за собой высокий уровень затрат на инвестиции в ИТ, а отдача от них не будет реали-

зована в краткосрочном периоде [13]. М. Юнис, А. Тархини, А. Кассар также отметили, что использование ИКТ не приведёт к повышению эффективности бизнеса, в случае неэффективности управленческих процессов [14]. Результаты исследования Хиаочуан Гуо, Менгменг Ли, Янлин Ванг, показывают, что цифровая трансформация может значительно повысить совокупную производительность факторов производства, но снизить производительность фирмы за счёт увеличения операционных затрат, снижения общей оборачиваемости активов и увеличения управленческих расходов [15]. При этом, по мнению Ц. Фернандез-Ровира и Й. А. Валдес, влияние цифровой трансформации на финансовые показатели компаний является неопределённым, чёткие выводы относительно взаимосвязи между цифровой трансформацией и финансовыми показателями компаний ещё предстоит сделать [16], организациям необходимо найти баланс между используемыми цифровыми технологиями и потенциальной отдачей от вложенных в цифровую трансформацию ресурсов [17].

Таким образом, можно сказать, что влияние цифровой трансформации на финансовые показатели организаций остаётся предметом дискуссий, а существующие эмпирические исследования не дают достаточных данных об этой взаимосвязи, несмотря на очевидные преимущества цифровых технологий для бизнеса.

Методы и данные

При исследовании влияния инвестиций и затрат на внедрение и развитие цифровых технологий организаций на финансовые результаты деятельности организаций использован корреляционный анализ. Данные для проведения корреляционного анализа получены на сайте Росстат. Данные, характеризующие финансовый результат, полученный предприятиями, включают выборку значений по показателю «Прибыль (убыток) до налогообложения» по видам экономической деятельности с 2017 года по 2022 год в тысячах рублей. Данные, характеризующие инвестиции в основной капитал, включают выборку значений по показателю «Инвестиции в основной капитал по направлениям инвестирования» с 2017 года по 2022 год в тысячах рублей, динамика значений показателя представлена на рисунке 3. Данные, характеризующие объём затрат на внедрение и использование цифровых технологий, включают выборку значений по показателю «Затраты организации на внедрение

и использование цифровых технологий (всего)» за период с 2017 года по 2022 год в тысячах рублей, динамика значений показателя представлена на рисунке 2.

Для оценки значимости коэффициентов корреляции сформулированы две гипотезы. Нулевая гипотеза (H_0) предполагает, что коэффициент корреляции равен нулю, что указывает на отсутствие линейной зависимости между переменными. Вторая, альтернативная гипотеза (H_1), предполагает, что коэффициент корреляции не равен нулю, что указывает на существенную линейную связь между переменными. Для оценки значимости коэффициента корреляции воспользовались р-значением, рассчитанным с использованием t-распределения, уровень значимости составляет 0,05. На основе сравнения полученных значений р с уровнем значимости (0,05) либо отвергаем нулевую гипотезу и считаем коэффициент корреляции значимым, если р-значение меньше 0,05, либо не отвергаем нулевую гипотезу и считаем, что коэффициент корреляции незначим, если р-значение больше 0,05.

Основная часть

Цифровая трансформация выступает одной из ключевых задач, стоящих перед руководством организаций. Необходимость использования цифровых технологий для разработки и внедрения новых бизнес-моделей заставляет руководителей организаций переоценивать существующие возможности, организационную культуру, производственную и операционную структуру с целью определения актуальных технологий, а также вы-

бора ключевых бизнес-процессов, в которых эти цифровые технологии будут использоваться. Следует также отметить, что внедрение цифровых технологий требует значительных инвестиций и затрат. Изучая статистические данные (рис. 1) можно определить наличие поступательного роста затрат на внедрение и использование цифровых технологий.

Данные рисунка 1 показывают, что начиная с 2017 года объём внутренних затрат на использование цифровых технологий в абсолютном выражении увеличивается. Так, весьма значительное увеличение внутренних затрат (рост на 149,23 %) произошло в 2021 году, после падения в 2020 году на 12,88 %. В 2022 году, несмотря на рост затрат в абсолютном выражении, необходимо отметить падение темпов роста внутренних затрат на 46,19 % в сравнении с 2021 годом. Данная тенденция в большей степени связана с усилением санкционного давления на российский бизнес, что оказало влияние не только на введение ограничений на доступ российским организациям к импортным технологиям, но и снижение деловой активности организаций и последовавшее за этим снижение объёмов затрат на цифровизацию.

Исследуя статистические данные по затратам на внедрение и использование цифровых технологий по видам экономической деятельности, можно отметить наличие положительной их динамики на протяжении последних пяти лет. Однако в 2022 году наблюдается снижение затрат в обрабатывающем производстве на 397,7 млрд руб., в торговле на 1758 млрд руб. и в сельском хозяйстве на 124,2 млрд руб.

Рис. 1. Внутренние затраты на внедрение и использование цифровых технологий

Fig. 1. Internal costs of implementing and using digital technologies

Источник: составлено автором на основе <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

Анализируя данные о динамике и объёме инвестиций в развитие цифровых технологий по видам экономической деятельности (рис. 3), можно констатировать снижение инвестиций в 2022 году практически по всем видам экономической деятельности.

Статистические данные о структуре затрат (рис. 4) показывают, что наибольшую долю за-

нимают затраты на приобретение программного обеспечения и его доработку.

Высокая доля затрат на программное обеспечение (ПО) в структуре внутренних затрат на цифровую трансформацию предприятий вызывает необходимость более детального её исследования (рис. 5).

Рис. 2. Динамика затрат на внедрение и использование цифровых технологий

Fig. 2. Dynamics of costs for the implementation and use of digital technologies

Источник: составлено автором на основе <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

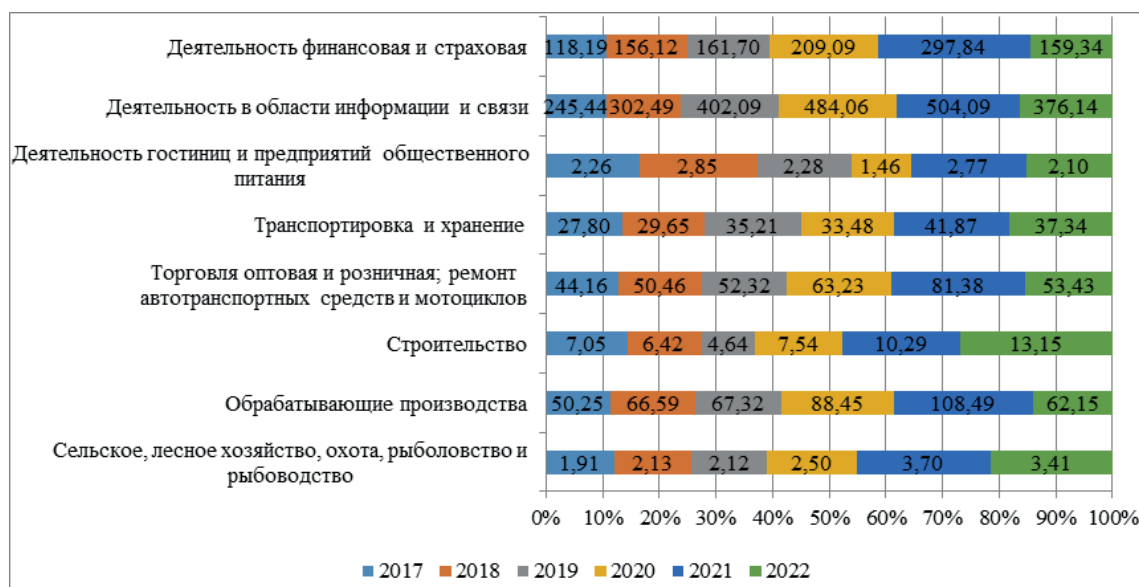

Рис. 3. Динамика инвестиции в основной капитал

Fig. 3. Dynamics of investment in fixed capital

Источник: составлено автором на основе <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

Данные рисунка 5 показывают, что объём затрат на приобретение программного обеспечения, адаптацию и его доработку, выполненные собственными силами в абсолютном выражении имеет положительную динамику. Пик затрат на программное обеспечение был отмечен в 2019 году и составил 58,12 млрд руб. Далее в 2020 году объём затрат резко сократился. При этом необходимо отметить постепенный рост доли российского программного обеспечения (РПО) в структуре затрат на программное обеспечение. Однако к мо-

менту усиления санкционного давления и ограничения российским компаниям доступа к цифровым технологиям, доля затрат на российское ПО не превысила отметки в 36,13 %.

В целом исследование динамики инвестиций в основной капитал и затрат на внедрение и использование цифровых технологий показывает их увеличение, за исключением 2022 года. Однако, несмотря на значительный рост затрат на цифровую трансформацию, по данным [18] только 11 % организаций добились значительных

Рис. 4. Структура внутренних затрат на внедрение и использование цифровых технологий, 2022 год
Fig. 4. Structure of internal costs for the implementation and use of digital technologies, 2022

Источник: составлено автором на основе <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

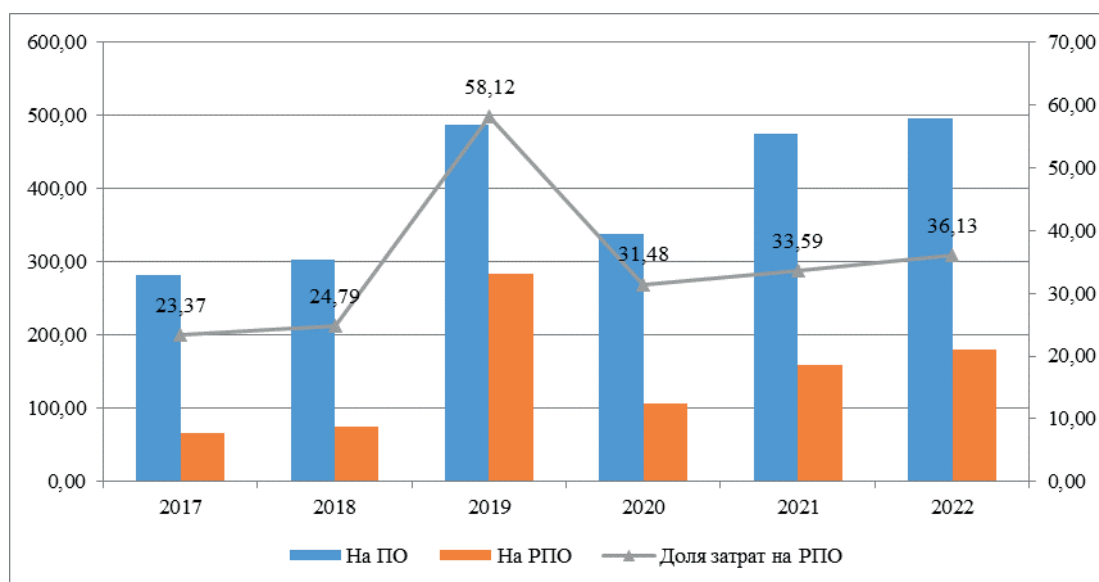

Рис. 5. Динамика затрат на приобретение программного обеспечения, адаптацию и доработку программного обеспечения, выполненные собственными силами
Fig. 5. Dynamics of expenses for software acquisition, adaptation and modification of software, performed in-house

Источник: составлено автором на основе <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

успехов в её реализации. В связи с чем становится актуальным исследование взаимосвязи финансовых результатов организаций с объёмом затрат и инвестициями в цифровую трансформацию.

Для оценки взаимосвязи финансовых результатов деятельности организаций, внутренних затрат на внедрение и использование цифровых технологий, а также инвестиций в основной капитал рассчитаны значения коэффициентов корреляции (Ккор) между объёмом прибыли, полученной предприятиями по основным видам экономической деятельности и объёмом инвестиций в основной капитал, а также объёмом затрат на внедрение и использование цифровых технологий. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 1.

Рассчитанные коэффициенты корреляции, а также показатели их статистической значимости демонстрируют неоднозначную взаимосвязь между показателями прибыльности организаций, объёмом инвестиций и затрат на внедрение и использование цифровых технологий. Полученные результаты демонстрируют, что эффект от внедрения цифровых технологий может быть различен. Так, на предприятиях обрабатывающего производства необходимо отметить высокую корреляцию между ростом объёмов прибыли и затрат на внедрение и использование цифровых технологий, значение коэффициента корреляции между объёмом инвестиций и прибыли показывает невысокую зависимость, данная тенденция может быть объяснена, в первую очередь тем, что

цифровые технологии могут обеспечить более эффективное распределение ресурсов, повышение производительности труда, снижения потерь и простоев оборудования и других факторов, способствующих снижению себестоимости и соответственно росту прибыли предприятий. Низкая взаимосвязь между прибылью и объёмом затрат в деятельности гостиниц и предприятий общественного питания может быть объяснена отсутствием прямого влияния на финансовые результаты, однако, цифровая трансформация может оказывать значительное влияние на повышение лояльности потребителей, и тем самым обеспечивать приемлемый уровень продаж в условиях возрастающей конкуренции. Следовательно, по мнению авторов, выбор стратегических направлений цифровой трансформации в организациях различной отраслевой направленности должен зависеть в первую очередь от конечной цели, которую руководство планирует достичь в результате цифровой трансформации, что особенно важно в условиях снижения доступа к цифровым технологиям и необходимости повышения объёмов затрат на разработку отечественных аналогов зарубежных ИКТ. На современном этапе необходимо использовать дифференцированный подход к разработке стратегии цифровой трансформации организаций.

В частности, когда руководство организаций осуществляют цифровую трансформацию, может быть поставлен акцент либо на внутренних процессах, изменениях и технологиях, внедряемых

Таблица 1
Table 1

Значение коэффициентов корреляции между размером финансового результата и объёмом затрат и инвестициями
The value of the correlation coefficients between the size of the financial result and the volume of costs and investments

Вид деятельности	К-т кор. между размером финансового результата и инвестициями		К-т кор. между размером финансового результата и объёмом затрат	
	Ккор.	p	Ккор.	p
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	0,9723	0,0011	0,4764	0,3395
Обрабатывающие производства	0,5320	0,2773	0,9236	0,0085
Строительство	0,9681	0,0015	0,5446	0,2638
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	0,6670	0,1479	0,9211	0,0091
Транспортировка и хранение	0,4063	0,4241	-0,0836	0,8749
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,7205	0,1062	0,0696	0,8958
Деятельность финансовая и страховая	0,6542	0,1587	0,7580	0,0807

Источник: составлено авторами по результатам исследования

для повышения эффективности и производительности, либо на внешних, ориентированных на клиента действиях, использующих цифровые каналы, аналитику данных и персонализированные маркетинговые стратегии для повышения качества обслуживания клиентов. Так, акцент на внешней цифровой трансформации может привести к повышению эффективности за счёт привлечения большего объёма потребителей. Напротив, цифровая трансформация, ориентированная на внутренние процессы, скорее всего, приведёт к повышению эффективности за счёт более рационального и эффективного использования ресурсов.

Заключение

В основе цифровой трансформации организаций лежит внедрение цифровых технологий во все аспекты производства и функционирования организации, позволяющее снижать производственные затраты, вызванные факторами информационной неопределённости, повышать предельную эффективность производственных факторов, а также обеспечивать оптимальное распределение ресурсов. Однако результаты исследова-

ния показали, что процесс интеграции передовых цифровых технологий в деятельность организации приводит к неоднозначным результатам с точки зрения затрат и выгод. Будучи прорывным технологическим достижением, цифровизация открывает новые возможности для улучшения производственного процесса и расширения возможностей организации, при этом, несмотря на свои преимущества, цифровая трансформация может также привести к масштабным затратам на внедрение и управление цифровыми технологиями, которые могут негативно сказаться на финансовых показателях организации.

Кроме этого, в зависимости от различных стратегических акцентов, способность организаций использовать цифровую трансформацию может быть различной. Цифровой потенциал современной организации всё ещё находится на ранних стадиях развития, что делает важной проблему, как для руководства и собственников предприятий, так и научного сообщества изучение эффективных способов содействия цифровой трансформации, а также проведение дальнейших исследований ситуационных факторов, влияющих на отдачу от инвестиций в цифровые технологии.

Список источников

1. Нирода И. В., Анисимов А. Ю. Трансформация традиционных бизнес-моделей в условиях цифровизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25, № 2. С. 82–91. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2023.2.7
2. Анисимов А. Ю., Малиновский М. О. Цифровизация как фактор трансформации управления бизнес-процессами // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2023. № 1(44). С. 77–84. DOI: 10.21777/2587-554X-2023-1-77-84
3. Смирнова С. А. Цифровизация как средство развития бизнеса в современных экономических условиях // Плехановский барометр. 2022. № 1 (29). С. 105–108.
4. Мареев Г. О. Цифровизация бизнеса как фактор стоимости организации // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № S1.
5. Мрочковский Н. С., Бунеева Е. Ю., Неофиту Э. Г. Цифровизация бизнеса как основа его устойчивого развития // Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 61–63.
6. Удальцова Н. Л. Цифровизация и новые формы бизнеса // Экономические науки. 2023. № 223. С. 393–404. DOI: 10.14451/1.223.393
7. Тёмников А. О, Подшивалова М. В. Цифровая трансформация промышленности: выгоды, затраты и риски // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2022. Т. 16, № 2. С. 122–131. DOI 10.14529/em220212
8. Тарханова Н. П., Романов В. А. Цифровизация экономики сферы услуг: преимущества и угрозы // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 111–120. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-111-120
9. Павлова И. В. Тренды и примеры корпоративной цифровизации // Вестник МИРБИС. 2020. № 2 (22). С. 187–194. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.2.22
10. Сартбаев М. М. Инвестиционные приоритеты промышленных предприятий и формы привлечения капитала в условиях цифровой экономики // Вестник университета Туран. 2020. № 2 (86). С. 183–188.
11. Василенко И. А. Бизнес-процессы в условиях цифровизации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 3–1 (97). С. 33–37. DOI: 10.24412/2411-0450-2023-3-1-33-37.

12. Capello R., Lenzi C., Perucca G. The modern Solow paradox. In search for explanations // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2022. Vol. 63. P. 166–180. DOI: 10.1016/j.strueco.2022.09.013.
13. Jardak M. K., Hamad B. S. The effect of digital transformation on firm performance: evidence from Swedish listed companies // *JRF*. 2022. Vol. 23. P. 329–348. DOI: 10.1108/JRF-12-2021-0199
14. Yunis M., Tarhini A., Kassar A. The role of ICT and innovation in enhancing organizational performance: the catalysing effect of corporate entrepreneurship // *Journal of Business Research*. 2018. Vol. 88. P. 344–356. DOI: 10.1016/j.jbusres.2017.12.030
15. Guo X., Li M., Wang Y., Mardani A. Does digital transformation improve the firm's performance? From the perspective of digitalization paradox and managerial myopia // *Journal of Business Research*. 2023. Vol. 163. DOI: 10.1016/j.jbusres.2023.113868
16. Fernández-Rovira C., Valdés J. Á., Molleví G., Nicolas-Sans R. The digital transformation of business. Towards the datafication of the relationship with customers // *Technological Forecasting and Social Change*. 2021. Vol. 162. 120339.
17. Zhou Y., Ock Y. S., Alnafrh I., Dagestani A. A. What Aspects Explain the Relationship between Digital Transformation and Financial Performance of Firms? // *Journal of Risk and Financial Management* 16. 2023. Vol. 11. P. 479. DOI: 10.3390/jrfm16110479
18. Luo Y., Cui H., Zhong H., Wei C. Business environment and enterprise digital transformation // *Finance Research Letters*. 2023. Vol. 57. DOI: 10.1016/j.frl.2023.104250

References

1. Niroda IV, Anisimov AYu. Transformation of traditional business models in the context of digitalization. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of Volgograd State University. Economy*. 2023;25(2):82-91. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2023.2.7 (In Russ.).
2. Anisimov AYu, Malinovsky MO. Digitalization as a factor in the transformation of business process management. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Moscow University. S. Yu. Witte. Series 1: Economics and management*. 2023;(44):77-84. DOI: 10.21777/2587-554X-2023-1-77-84 (In Russ.).
3. Smirnova SA. Digitalization as a means of business development in modern economic conditions. *Plekhanovskij barometr = Plekhanov Barometer*. 2022;1(29):105-108. (In Russ.).
4. Mareev GO. Digitalization of business as a factor in the cost of an organization. *Vestnik evrazijskoj nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2023;15(S1). (In Russ.).
5. Mrochkovsky NS, Buneeva EYu, Neofitou EG. Digitalization of business as the basis for its sustainable development. *Innovacii i investicii = Innovations and investments*. 2023;(10):61-63. (In Russ.).
6. Udaltsova NL. Digitalization and new forms of business. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*. 2023;(223):393-404. DOI: 10.14451/1.223.393 (In Russ.).
7. Temnikov AO, Podshivalova MV. Digital transformation of industry: benefits, costs and risks. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment = Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and management*. 2022;16(2):122-131. DOI: 10.14529/em220212 (In Russ.).
8. Tarkhanova NP, Romanov VA. Digitalization of the economy of the service sector: advantages and threats. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Transbaikalian State University*. 2020;26(9):111-120. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-111-120 (In Russ.).
9. Pavlova IV. Trends and examples of corporate digitalization. *Vestnik MIRBIS = MIRBIS Bulletin*. 2020;2(22):187-194. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.2.22 (In Russ.).
10. Sartbaev MM. Investment priorities of industrial enterprises and forms of attracting capital in the digital economy. *Vestnik universiteta Turan = Bulletin of the University of Turan*. 2020;2(86):183-188. (In Russ.).
11. Vasilenko IA. Business processes in the conditions of digitalization. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and business: theory and practice*. 2023;3–1(97):33-37. DOI: 10.24412/2411-0450-2023-3-1-33-37 (In Russ.).
12. Capello R, Lenzi C, Perucca G. The modern Solow paradox. In search for explanations. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2022;(63):166-180. DOI: 10.1016/j.strueco.2022.09.013
13. Jardak MK, Hamad BS. The effect of digital transformation on firm performance: evidence from Swedish listed companies. *JRF*. 2022;(23):329-348. DOI: 10.1108/JRF-12-2021-0199

14. Yunis M, Tarhini A, Kassar A. The role of ICT and innovation in enhancing organizational performance: the catalysing effect of corporate entrepreneurship. *Journal of Business Research*. 2018;(88):344-356. DOI: 10.1016/j.jbusres.2017.12.030
15. Guo X, Li M, Wang Y, Mardani A. Does digital transformation improve the firm's performance? From the perspective of digitalization paradox and managerial myopia. *Journal of Business Research*. 2023;163. DOI: 10.1016/j.jbusres.2023.113868
16. Fernández-Rovira C, Valdés JÁ, Molleví G, Nicolas-Sans R. The digital transformation of business. Towards the datafication of the relationship with customers. *Technological Forecasting and Social Change*. 2021; 162:120339.
17. Zhou Y, Ock YS, Alnafrh I, Dagestani AA. "What Aspects Explain the Relationship between Digital Transformation and Financial Performance of Firms?" *Journal of Risk and Financial Management* 16. 2023;11:479. DOI: 10.3390/jrfm16110479
18. Luo Y, Cui H, Zhong H, Wei C. Business environment and enterprise digital transformation. *Finance Research Letters*. 2023;57. DOI: 10.1016/j.frl.2023.104250

Информация об авторах

Е. Ю. Бахарев — аспирант, кафедра предпринимательства и конкуренции, факультет бизнеса.

А. Ю. Анисимов — кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе факультета Информационных технологий, доцент кафедры Информационного менеджмента и информационно-коммуникационных технологий им. профессора В. В. Дика.

Information about the authors

Evgeniy Yu. Bakharev — postgraduate student, Department of Entrepreneurship and competition, Faculty of Business.

Alexander Yu. Anisimov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Educational and Methodological work of the Faculty of Information Technologies, Associate Professor of the Department of Information Management and information and communication technologies them. Professor V. V. Dick.

Статья поступила в редакцию 14.04.2024;
одобрена после рецензирования 03.06.2024; при-
нята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 14.04.2024; approved
after reviewing 03.06.2024; accepted for publication
17.06.2024.

Вклад авторов: авторами сделан эквивалентный
вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта ин-
тересов.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.
The authors declare no conflict of interests.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ INTERDISCIPLINARY RESEARCH

*Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 210–218.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(6(488):210-218.*

Научная статья

УДК 327.8

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-210-218

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ РОССИИ В XX И XXI ВЕКАХ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Евгений Николаевич Мошелков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, enm@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические основы мировой цивилизационной динамики, выявляются критические фазы этой динамики в виде цивилизационных войн, в ходе которых одна цивилизация стремится уничтожить другую. Современное состояние мирового сообщества характеризуется, как сообщество, переживающее глобальный мировой кризис, одна из причин которого — противоборство различных цивилизационных систем. Отдельное внимание в статье уделено понятиям «цивилизация», «цивилизационная война», «цивилизационное развитие». В статье детально раскрываются различные аспекты цивилизационных войн, навязанных в XX и XXI веках нашей стране. Специально анализируется вопрос о системе мер по упрочению национального суверенитета в области экономики и технологий, что необходимо в условиях войны и изоляции России от экономических и финансовых рынков западного мира. В связи с этим специально анализируются положения Концепции технологического развития России до 2030 года; предлагается рассмотреть возможные ответы на цивилизационные вызовы, которые предполагают, с одной стороны, расширение взаимодействий с Азией, Латинской Америкой и Африкой, с другой стороны — укрепление технологического и экономического суверенитета России. В статье констатируется необходимость комплексного решения проблем, связанных с особенностями сложившейся ситуации. Подход к решению упомянутых проблем предполагает обращение к различным политическим, экономическим, идеологическим аспектам. Отдельно рассматриваются идеи и позиции современных отечественных исследователей и аналитиков по различным путям и формам нормализации международных отношений, «самоорганизации» мирового сообщества в противостоянии гегемонистской политике коллективного Запада во главе с США.

Ключевые слова: цивилизационная война, Россия, коллективный Запад, экономический и технологический суверенитет, нормализация международных отношений

Финансирование. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00508, <https://rscf.ru/project/23-18-00508/>

Для цитирования: Мошелков Е. Н. Цивилизационные войны России в XX и XXI веках: причины и следствия для экономического и технологического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 210–218. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-210-218

Original article

CIVILIZATION WARS OF RUSSIA IN XX AND XXI CENTURIES: CAUSES AND EFFECTS FOR ECONOMIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

Evgeniy N. Moshchelkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, enm@inbox.ru

Abstract. The article considers historic foundations of the world civilization dynamics, reveals crucial phases of this dynamics in the form of civilization wars when one civilization is intent on destroying the other. The article characterizes modern conditions of the world society as one being in global crisis. One of the crisis' causes is

contradictions of different civilization systems. The article pays special attention to such notions as “civilization”, “civilization war”, “civilization development”. The specifies different aspects of civilization wars imposed on our country in XX and XXI centuries. The article pays special attention to the question of measurement system aimed to strengthen national sovereignty in economics and technologies, which is necessary in the conditions of war and isolation of Russia from economic and finance markets of the western world. Therefore, the article specifically analyzes the provisions of the Technological Development Concept up to 2030. The article suggests options for answering civilization calls that, on the one hand, considers interactions with Asia, Latin America and Africa, on the other hand — strengthening economic and technological sovereignty of Russia. This approach addresses to political, economic and ideologic aspects. The article specially examines the ideas and views of contemporary Russian researchers and analysts in terms of diverse ways and forms of international relations’ normalization, the world community “self-organization” being in the opposition to the hegemonic policy of the collective West headed by the USA.

Keywords: civilization war, Russia, collective West, economic and technological sovereignty, normalization of international relations

Funding. This research was funded by the Russian Science Foundation, grant number 23-18-00508, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00508/>

For citation: Moschelkov EN. Civilization wars of Russia in XX and XXI centuries: causes and effects for economic and technological development. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):210-218. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-210-218

Введение

Важнейшей характеристикой глобального геополитического кризиса, который в настоящее время переживает мировое сообщество, является противоборство различных цивилизационных систем.

Прежняя традиция западной науки деления мирового сообщества на цивилизационную и нецивилизационную (дикость, варварство и т. п.) давно устарела и совершенно не соответствует не только современным реалиям мирового сообщества, но историческим фактам.

Причём облик цивилизационного мира в этой системе строился, разумеется, исключительно по правилам, законам и ценностям западного мира.

Впервые термин «цивилизация» применительно к различным регионам мира в его достаточно широком употреблении мы встречаем в работах французских просветителей середины XVIII века (Буланже, Мирабо). Некоторые исследователи называют и других более ранних авторов. Здесь цивилизация начинает трактоваться уже как феномен локального исторического развития различных народов и общественных систем [см. подробнее: 1, с. 28–38].

В современной исторической науке распространён подход, согласно которому развитие человеческого общества изначально было связано со становлением древнейших цивилизаций. Так, например, британский географ и историк Патрик О’Брайн в своём Большом историческом атласе мира формирование первых цивилизаций относит к 4000–1800 гг. до н. э. (Месопотамия и регион Инда), а также Египет 3500–2180 гг. до н. э.

и Китай 1700–1050 гг. до н. э. [2, с. 38–40]. По мнению О’Брайна, ряд экономических и социальных процессов в человеческом сообществе «привели к появлению первых цивилизаций между 4000 и 200 гг. до н. э. во многих частях света» [2, с. 17].

В дальнейшем мир получил своё мощное и разноплановое цивилизационное развитие. Современное мировое сообщество — это многообразие (или система) цивилизаций, понимаемых как специфический и локальный (обособленный) конгломерат культур, идейно-нравственных ценностей, профессиональных и ментально-бытовых особенностей. Данный конгломерат формировался, как правило, на протяжении длительного исторического времени в определённой и часто неизменной окружающей природно-географической среде; и через этот процесс проходят многие поколения.

Западная наука, несмотря на её явные предвосхищения и предвзятости, уже в середине XIX века от двучленной системы стадий мирового развития (цивилизация — нецивилизация) стала переходить к изучению множества локальных цивилизаций. Здесь специалисты называют таких авторов как Шарль Ранувье, Жозеф Гебино (который выделяет уже конкретно 10 цивилизаций) и наконец, наш Николай Яковлевич Данилевский, который в своей известной книге 1869 года не только даёт свою классификацию локальных цивилизаций («культурно-исторических типов»), но и впервые указывает на момент их взаимодействия друг с другом. Ведь подзаголовок книги звучит так: «Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германороманскому».

В подзаголовке книги, написанной во время и после Крымской войны, в которой весь германороманский мир воевал с Россией (кстати, Россия воевала тогда со всей Европой без единого военного союзника; второй раз это происходит сейчас), понятно о каких отношениях говорит Данилевский.

Цивилизационное многообразие и цивилизационная локализация (две стороны одной медали) современного мира уже ни у кого не вызывают сомнения и не являются предметом серьёзного научного спора.

Исследование

А что же является предметом современных дискуссий?

Во-первых, большинство цивилизаций расселены компактно на определённой территории, которая охватывает ряд национальных государств и регионов мира. Специалисты выделяют от 8 до 12 таких цивилизаций¹. Все зависит от критериев выделения, подходов. Мы сейчас не будем вникать в детали этого вопроса.

Важно другое: цивилизационные образования, также локального типа, могут существовать и существуют и внутри национальных государств.

Это два разных типа локальных цивилизаций, которые требуют разных видов анализа, интерпретаций, а главное — рекомендаций для практики.

Таким образом, линии раздела (соприкосновения) между локальными цивилизациями могут проходить по линиям политических границ национальных государств, а могут быть латентными и существовать внутри многонациональных государств и проходить по линиям компактного проживания национальных меньшинств.

Следующий вопрос: могут ли локальные цивилизации, теснейшим образом проживая друг с другом на протяжении длительного времени, не сталкиваясь друг с другом по тем или иным причинам на этих линиях соприкосновения? Мировая история свидетельствует о множестве таких столкновений.

¹ Хантингтон, как известно, выделяет 8 цивилизаций [синская, японская, индуистская, исламская, православная, западная, латиноамериканская, африканская (возможно)] [см.: 5, с. 73–85]. Некоторые современные российские исследователи выделяют 12 цивилизаций (западноевропейская, восточноевропейская, евразийская, североамериканская, латиноамериканская, океаническая, японская, китайская, индийская, буддийская, мусульманская, африканская) [см.: 5, с. 23–27].

И столкновения эти могут быть разными по масштабам и интенсивности, поскольку бывают разные цивилизации по своим размерам, потенциалу, жизненному укладу. Поэтому столкновения между ними могут принимать разный масштаб.

Одно дело столкновение или коллизия между небольшими цивилизациями, или между цивилизационными группами внутри больших цивилизационных систем.

Другое дело столкновение между этими большими цивилизационными системами. Это уже может вылиться в войну глобального масштаба. Тогда в кровавый клубок сплетается все — борьба за территории, за государственность, за экономику, за идеалы, за религию, за саму жизнь миллионов людей.

На стремление к подавлению, к экспансии крупных цивилизаций по отношению к более мелким и менее развитым как закон исторического развития указывал Н. Я. Данилевский. Этот закон он иллюстрировал на примере исторического развития Римской империи. «Сами Римляне, — писал Н. Я. Данилевский, — покорили... мир, правильнее же — бассейн Средиземного моря и европейское побережье Атлантического океана, насильственно передавали свою цивилизацию покорённым ими народам... Они уничтожили зачатки самобытной культуры... на место их завели города, как бы колонии римской жизни и римского быта; но нигде не возбудили цивилизации, которая сложившись из народных элементов... имея своим органом национальный язык, приняла бы римскую форму и римский дух. Все вековое господство Рима и распространение римской цивилизации имели своим результатом только подавление ростков самобытного развития» [4, с. 272–273]. Таким образом, по Данилевскому, законом исторического развития является регулярно повторяющаяся в мировой истории захватническая политика крупных держав, которая сводится не только к территориальным захватам и экономической экспансии, но и к уничтожению культурно-цивилизационного своеобразия, самобытности покорённых народов, насильственного переноса на них своих цивилизационных шаблонов².

² Эти рассуждения получают весьма своеобразное продолжение в современном западном дискурсе. В этом смысле примечательна публикация издания “Bloomberg” от 14 апреля 2024 года под названием «Китай, Россия и Иран возрождают эпоху империй», в которой автор говорит фактически о цивилизационном противостоянии, но такой терминологией не пользуется (он говорит об империях,

В XX веке понятие «столкновение цивилизаций» вводится в научный дискурс. Одним из первых данное понятие употребляет и истолковывает французский историк Ф. Бродель в своей книге «Грамматика цивилизаций» (1963)¹. Бродель как историк находит множество исторических фактов таких «столкновений», но относится к ним, как к аномальным событиям мировой истории. Он пишет: «Жестокие столкновения цивилизаций: до этого момента наши рассуждения предполагали мирные взаимоотношения цивилизаций, свободный выбор ими путей своего развития. Однако зачастую отношения между ними носили насильственный характер. Столкновения цивилизаций всегда были трагичными, что нередко в долгосрочной перспективе оказывалось бессмысленным» [1, с. 62].

С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» (1993) данный феномен положил уже в основу модели неизбежной и закономерной динамики современных конфликтов между различными общественными системами на цивилизационной основе [см.: 5].

В XX веке такой большой цивилизационной войной была Вторая мировая война.

Главная характеристика такой войны заключается в том, что одна цивилизация ставит перед собой цель уничтожить другую цивилизацию. Именно уничтожить, а не ослабить, частично что-то захватить, подавить и т. д. Нет — уничтожить! Для нашей страны во Второй мировой войне встала именно такая реальная угроза.

Не знаю, что осталось бы от таких кусков западной цивилизации как Англия, Франция, Северная Европа. Гитлер создавал новую полити-

а не о цивилизациях). Важно отметить при этом, что, признавая «имперский потенциал» всех трех стран (по контексту статьи их вполне можно принять за страны-цивилизации), он настаивает на «правильном» цивилизационном курсе США (США — «правильная новая демократическая империя», которая имеет право «колонизировать» любые страны, насаждая демократические ценности). Соответственно, Китай, Россия и Иран — «неправильные империи», которые «причиняют всему миру много горя», пытаясь подлинными демократическими ценностями заменить на авторитарные [Brands H. China, Russia and Iran Are Reviving the Age of Empires. Bloomberg. April. 14, 2024. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/features/2024-04-14/china-russia-and-iran-are-rebuilding-empires-to-defeat-us-europe>].

¹ Замечено и более раннее употребление в научной литературе термина «столкновение цивилизаций» [см.: 13]

ческую карту Европы, новую идеологию, новую религию, нового человека, в которую не вписывалась старая Европа. Может быть, от этой Европы что-то и осталось бы в гитлеровской картине мира. А может быть и нет.

Но совершенно ясно, что в случае победы Гитлера славянская российская цивилизация была бы полностью уничтожена. Об этом наглядно свидетельствовали документы, предъявленные на Нюрнбергском трибунале и после него. Поэтому Великая Отечественная война без всяких оговорок была величайшим столкновением цивилизаций, мировая цивилизационная война между фашистской Германией (олицетворявшей самые оголтелые силы западноевропейской цивилизации) и Советским Союзом (олицетворявшим славяно-российскую цивилизацию).

Тогда это не удалось, но история знает «удачные» примеры таких войн. Уничтожение нескольких цивилизаций Южной Америки испанскими и португальскими конкистадорами в XV–XVII вв., индейских цивилизаций в Северной Америке и Австралии англосаксами в XVII–XVIII вв., например.

Сегодня мы являемся свидетелями нового масштабного цивилизационного конфликта, который в последние годы происходит между Западом и Россией и который Запад цинично перенёс на территорию Украины (прокси-война). Этот конфликт имеет для Запада конкретную цель (не раз публично оглашаемую) — уничтожить российское государство, расчленив нашу страну на части для методичного разграбления наших богатств (древесина, питьевая вода, полезные ископаемые, энергоресурсы), и конечно, для нещадной эксплуатации имеющихся промышленно-экономического комплекса и систем коммуникаций.

Это абсолютно не отличается от замыслов Гитлера 80-летней давности. Другое дело, как это они хотят сделать со страной, обладающей мощным потенциалом ядерного оружия, это уже другой вопрос. Как-то хотят. И здесь есть над чем задуматься.

Результаты исследования и их обсуждение

Нынешнее военное столкновение России с коллективным Западом² имеет, безусловно,

² Постепенно при обозначении событий на Украине после февраля 2022 г. от первоначального термина «Специальная военная операция» (СВО) не только в публицистическом дискурсе, но и в выступлениях официальных лиц происходит переход к термину «война». См., например, выступление Пресс-секретаря Президента РФ Д. Пескова:

цивилизационную основу. Об этом свидетельствует и небывалая почти всеобщая поддержка политики (которую на Западе не могут понять) Президента Путина населением России. А объясняется это просто. Как точно пишет В. И. Пантин: «В условиях глубоких кризисов и потрясений первой половины XXI в. обращение людей к своей цивилизационной идентичности нередко становится одним из факторов, стабилизирующих их социальное и психологическое самочувствие, задающих ориентиры социального и политического поведения» [9, с. 305; см. также: 10, с. 30–45; 11, с. 17–23; 12]. Российские граждане («глубинный народ») прекрасно понимают, что от исхода нынешней схватки зависит не только их материальное и моральное благополучие, но и национальная идентичность¹.

Именно полное и чёткое понимание сути и масштабов конфликта, в который оказалась в настоящее время втянута Россия, и может помочь сформулировать задачи, стоящие перед страной.

«Мы находимся в состоянии войны. Да, это началось как СВО, но, когда... коллективный Запад стал участников этого на стороне Украины, для нас это стало войной. И каждый должен это понимать, для своей внутренней мобилизации» // Аргументы и факты. 2024. № 13. С. 7.

¹ В этом смысле очень показательными являются многочисленные попытки западных СМИ доказать обратное. А невозможность отрицать объективные факты в сочетании с желанием показать, что граждане России недовольны текущим положением вещей, выглядят, как минимум, наивно. Так, в «The New York Times» в октябре 2023 года была опубликована статья под названием «Российская экономика все больше выстраивается вокруг войны на Украине». Автор уверенно говорит о том, что российская экономика оказалась гораздо прочнее, чем этого ожидали на Западе, вводя санкции, однако, приводит чрезвычайно странный пример о том, что граждане в России чувствуют, как ужимается их покупательная способность, потому что некто «Лидия Андреевна», покупательница из «Ашана», жалуется, как растут цены на масло, мясо, молоко и обвиняет в этом Центральный банк [Cohen P. Russia's Economy Is Increasingly Structured Around Its War in Ukraine // The New York Times. Oct. 09, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/09/business/economy/russia-economy-ukraine-war.html>]. Похожую «аргументацию» используют многие иностранные издания. Лейтмотивом такого рода аргументации является недоумение по поводу того, как можно сохранять такой уровень независимости и сопротивляемости при колоссальном давлении экономических санкций Запада.

Глобальное противостояние, в котором в настоящее время оказалась Россия, кроме военных действий, связано с широким спектром ограничительных мер в области экономики и финансов. Коллективный Запад постоянно вводит против нашей страны все новые пакеты санкций, которые обрывают наработанные десятилетия, а может быть и столетиями, торгово-экономические и научно-образовательные связи, резко ограничивают доступ России к западным финансовым и технологическим ресурсам. Складывается беспрецедентная ситуация изоляции России от западных секторов мировой экономики.

Уникальность военного конфликта России с коллективным Западом для нашей страны состоит в том, что она за много десятилетий впервые оказалась 1) *без военных союзников (это со времён Крымской войны)* и 2) *без западного технологического ресурса (это с конца XIX-начала XX в., а может быть и раньше)*.

Вызовы, перед которыми в связи с этим оказалась наша страна, чётко сформулированы в Концепции технологического развития на период до 2030 г. Это: 1) недостаточная способность национальной экономики адаптироваться к глобальным трендам, имеющим системный характер; 2) отставание от ведущих стран в темпах инновационно-ориентированного экономического роста; 3) отток талантов и высококвалифицированных кадров за рубеж, сужающий возможности научного и технологического развития страны, уменьшающий конкурентоспособность российской экономики; 4) нарушение функционирования производственных систем (разрыв производственных цепочек) по воздействию санкционных ограничений в области технологий².

Полным и достойным ответом на эти серьёзные вызовы должны быть практические действия в двух направлениях. Первый — расширение наших связей с другими (незападными) сегментами мировой экономики — Азия (прежде всего, Китай и Индия), Латинская Америка и Африка. Недостатки — географическая удалённость и более низкий, чем на Западе (за исключением Китая и Индии), уровень технологического развития.

Второе направление — резкое и достаточно быстрое повышение уровня экономического и технологического суверенитета России, которое позволило бы нашей стране в короткие сроки,

² Концепции технологического развития на период до 2030 г. (Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г., № 1315-п). URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/technological-2023.pdf>

импортируемые с Запада товары и технологии заменить собственными, национальными¹.

Для такой экономико-технологической революции необходимо создать фундаментальный базис, состоящий из ряда скреп, которые могли бы упрочить российское общество как целостный и самодостаточный организм. Экономика органично и одновременно должна быть увязана с идеологией, образованием и воспитанием, культурой.

Видятся пять таких основных скреп, которые нужно постоянно, не жалея сил и средств укреплять. Это — 1) национальная идея (идеология; или совокупность идейно-нравственных ценностей); 2) русский национальный язык как основа делового, культурного и межнационального общения; 3) национальное образование, построенное на исторических традициях и современных достижениях; 4) национальная культура как квинтэссенция всех культурных традиций многонациональной страны; 5) национальная оборона², опирающаяся на мощь ракетно-ядерной державы.

Мобилизационные усилия, которые предпринимает сейчас и будет предпринимать в будущем Россия, — это программа развития на близкую и, может быть, среднесрочную перспективу. В долгосрочной перспективе усилия внутренние, национальные должны сомкнуться с процессами глобальными, общемировыми. Войны иногда имеют затяжной характер, но рано или поздно они должны закончиться. Мир не может вечно находиться в условиях глобальной геополитической конфронтации.

В это глубоко верил непонятый и забытый русский учёный и мыслитель Никита Никола-

¹ Надо отметить, что огромное беспокойство Запада в смысле обретения Россией технологического и фактически экономического суверенитета, а также безусловной политической независимости вызывает именно российско-китайский альянс, о чем свидетельствуют публикации последних полутора лет [Sharwood S. Xi, Putin Declare Intent to Rule the World of AI, Infosec // The Register. March 22, 2023. URL: https://www.theregister.com/2023/03/22/russia_china_joint_statement/; Derivry T. Russian Digital Sovereignty: 5 Questions to Kevin Limonier // SciencePo. Oct. 20, 2022. URL: <https://www.sciencespo.fr/public/chaire-numerique/en/2022/10/20/interview-russian-digital-sovereignty-in-5-questions-with-kevin-limonier/>].

² В данном контексте понятие «национальная оборона» включает в себя материальную и моральную готовность национальной армии и населения, как единого целого, защищать на поле боя национальные интересы России.

евич Моисеев (1917–2000). К началу XXI века, по мнению Моисеева, закладывается «материальная база для зарождения Коллективного Интеллекта в масштабах Планетарного Сообщества» [6, с. 177]. Происходит это в силу стремительного развития науки и техники, глобализации мировых коммуникаций и системы международных отношений. Человечество реально получает рычаги регулирования общественной жизни в рамках мирового сообщества, а значит, по представлениям Моисеева, становится возможным формирование «рационально организованного общества» [6, с. 256].

Моисеев признает, что конкретные структуры такого общества описать довольно сложно, но это общество должно соответствовать четырём неперенным требованиям. Рационально организованное общество, во-первых, должно быть способным обеспечить раскрытие потенциала отдельной личности — её таланта, интеллектуальных возможностей, воли; во-вторых, должен быть обеспечен высокий уровень социальной защищённости личности; в-третьих, оно должно быть способным выполнить условия экологического императива; и наконец, в-четвёртых, должен быть достигнут стратегический компромисс в экономической сфере — между свободой рыночного механизма и направляющим воздействием общества, между рынком и антирынком [6, с. 259–261]. По убеждению ученого, Коллективный Разум человечества может и ДОЛЖЕН создать такое общество в XXI веке.

Итак, возможность для солидарного человечества («Коллективного Разума», «Коллективного Интеллекта» планетарного масштаба) на основе глубокого и целостного научного понимания сути коэволюции природных, социальных и духовных процессов («общее миропонимание») принимать рациональные и эффективные коллективные решения, которые позволят выработать стратегию формирования рационально организованного общества и тем самым противостоять возникающим на современном этапе развития Универсума противоречиям и разрушительным тенденциям, — вот научный и социальный идеал Моисеева. Для ученого этот идеал — «философия выживания или стратегия человечества» [см.: 7, с. 3–30].

Кому-то такой идеал может показаться чистой утопией. Но выживет ли человечество без таких утопий и без таких философов-утопистов?

Размышляя в духе Н. Моисеева, и сегодня российские и зарубежные интеллектуалы приходят к выводу, что мир в настоящее время

подошёл к исторической развилке. Ю. В. Яковец и С. Н. Фарах считают, что существуют два сценария цивилизационной динамики в XXI веке: 1) *«инерционный сценарий»* дальнейшего прозябания земной цивилизации... при усилении противоборства и конфликтов государств и цивилизаций и нарастании угрозы цивилизационной катастрофы» [17, с. 145] и 2) *«инновационно-прорывной сценарий»*, при котором «лидеры поколения 20-х гг. XXI в. сумеют консолидироваться» и «выработать и последовательно осуществить глобальную стратегию, нацеленную на становление интегральной мировой цивилизации и мирового устройства» [17, с. 146]. Авторы этих сценариев считают, что пока преобладает первый сценарий, но через какое-то время все-таки возьмёт верх второй.

Высказывается также оригинальная идея преодоления конфликтности между различными цивилизациями путём создания достаточно сильных групп государств — «суперцивилизаций» или «суперконфедераций». «Вместо однополярного мира, — считает А. Ю. Скопин, — должна быть создана сетевая горизонтальная структура суперконфедераций», которые есть не что иное, как «устойчивые континентальные и океанические союзы сильных государств с высоким уровнем интеграции в сферах обороны, благосостояния и безопасности» [14, с. 62]. Не трудно заметить, что здесь просматривается в другой интерпретации изложенная выше надежда и вера Н. Моисеева в неизбежное торжество коллективного разума человечества.

Заключение

Эти и другие аналогичные идеи в условиях нынешнего геополитического конфликта могут, как и идеи Моисеева в конце XX века, показаться утопическим. Но нельзя забывать, что мировая политико-экономическая динамика имеет циклический характер (длинные волны Кондратьева и другие циклические модели), и через определённый период историческая ситуация может коренным образом измениться. На этом послыше, в частности, построены и некоторые концепции циклического развития цивилизаций [см. подробнее: 15, с. 57–70]¹.

Важным дополнением к рассуждениям об исторических циклах является Доклад Междуна-

родного дискуссионного клуба «Валдай» «Аттестат зрелости, или Порядок, какого ещё не было. Фантазия о будущем без иерархии» (октябрь 2023), авторы которого считают, что в настоящее время мир подошёл к глобальной смене исторических эпох, поскольку «завешается эпоха, которая продолжалась в международных отношениях пятьсот лет (с момента европейской экспансии в Азию, Африку и Америку)². И самое сложное в таком глобальном переломе — прогнозировать будущее развитие, или создать «образ будущего». «Человечество, — пишут авторы доклада, — вступает в эпоху новых политических отношений. Эта эпоха неразрывно связана с предыдущей историей... Но она будет и совсем другой, потому что прежние понятия предстоит использовать в ином контексте»³. Закljučая свой доклад, его авторы исходят из оптимистического убеждения, что «формирующаяся система» найдёт способы и рычаги «саморегулирования», которое позволит «решать свои проблемы, не создавая непреодолимых проблем другим»⁴.

Ключевое слово — это «саморегулирование». Большинство цивилизационных конфликтов могут и должны быть разрешены за столом переговоров. Для этого должны быть созданы постоянно действующие институты (комиссии, ассамблеи, советы и т. д.) межцивилизационного взаимодействия на наиболее конфликтно опасных стыках различных территорий. Подобные органы могут создаваться и внутри национальных государств. Разумеется, эти органы должны находиться под полным контролем центральных правительств и пользоваться их полной поддержкой.

Эту идею можно было бы развить и дальше. Уже давно идёт разговор о необходимости реформирования ООН. Думаю, что никаких резких движений здесь делать не нужно. Дело в том, что ООН — это не только система национальных государств, но и система локальных цивилизаций. И эти локальные цивилизации должны быть представлены в Совете Безопасности ООН на постоянной основе и с правом вето [см. также: 16, с. 27–29].

² Барабанов О. Н., Бордачев Т. В., Лукьянов Ф. А., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н. Аттестат зрелости, или Порядок, какого еще не было. Фантазия о будущем без иерархии : Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/45987/> (дата обращения: 17.01.2024).

³ Там же.

⁴ Там же.

¹ См. также научные разработки и материалы Центра сравнительного изучения цивилизаций Института государственной службы и управления РАНХиГС (М. Айрапетян).

Главное препятствие на этом пути «самоорганизации» — это гегемонистская политика Запада во главе с США, где всегда господствовало представление о мире как о конструкторе, наборе деталей, составных частей, которые возможно трансформировать в любую модель, учитывающую интересы и потребности Запада, который является доминантой. И о том, что на Западе не только не собираются отказываться от

гегемонистской модели мира, а, наоборот, пытаются её «перенастроить», усилить, свидетельствует, в частности, книга–манифест Давосского форума — Клауса Шваба и Тьерри Маллере «COVID-19: Великая перезагрузка» (Женева, 2020) [см.: 8].

«Коллективному Разуму» человечества нужно будет в будущем, во что бы то ни стало, преодолеть эту глобалистскую модель.

Список источников

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М. : Весь мир, 2008. 551 с.
2. О'Брайн П. Большой исторический атлас мира. М. : АСТ ОГИЗ, 2024. 416 с.
3. Агеев А. И., Куроедов Б. В., Сандаров О. В. Оценка геополитического потенциала современных цивилизаций // Экономические стратегии. 2011. № 5. С. 23–27.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому // Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Селятино: ИРСИ, 2022. 1110 с.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2014. 640 с.
6. Моисеев Н. Н. Размышления о современной политологии. М. : Изд-во МНЭПУ, 1999. 212 с.
7. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы: Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.
8. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Geneva : World Economic Forum, 2020. 280 p.
9. Пантин В. И. Цивилизационная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М. : Весь Мир, 2023. С. 302–310.
10. Лубский А. В. Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 30–45.
11. Фреде де Э. Культура, цивилизация и идентичность // ПОЛИС. Политические исследования. 2012. № 5. С. 17–23.
12. Хорос В. Г. Цивилизация в современном мире. В 2 кн. М. : ЛЕНАНД, 2022. 240 с.
13. Mathews B. Young Islam on track: a study in the clash of civilizations. N. Y. : Friendship Press, 1926. 224 p.
14. Скопин А. Ю. Столкновение цивилизаций или компромисс суперконфедераций: перспективы мира, Евразии и Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: проблемы развития. 2018. Т. II, № 4 (41). С. 54–68.
15. Никонов В. А. Цивилизационная карта современного мира // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2012. № 3. С. 3–40.
16. Сергеев Ю. Н., Кулеш В. П. Концепция циклического развития цивилизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. 2013. Вып. 2. С. 57–70.
17. Яковец Ю. В., Фарах С. Н. Диалог и партнёрство цивилизаций // 2- изд., испр., доп. Казань: Издательство Казанского университета. 2018. 442 с.

References

1. Brodel F. Grammar of civilizations. Moscow; 2008. 551 p. (In Russ.).
2. O'Brain P. The historic world atlas. Moscow; 2024. 416 p. (In Russ.).
3. Ageev AI, Kuroyedov BV, Sandarov OV. Estimation of modern civilizations' geopolitical potentials. *Ekonicheskiye strategii = Economic strategies*. 2011;(5):23-27. (In Russ.).
4. Danilevsky NYa. Russia and Europe. The view towards cultural and political relations of Slavic and Roman-Germanic world. Selyatino; 2022. 1110 p. (In Russ.).
5. Huntington S. Clash of civilizations. Moscow; 2014. 640 p. (In Russ.).
6. Moiseev NN. The reflections on contemporary political science. Moscow; 1999. 212 p. (In Russ.).
7. Moiseev NN. Contemporary anthropogenesis and civilization breaks. *Voprosy filosofii = Philosophy questions*. 1995;(1):3-30. (In Russ.).

8. Schwab K, Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Geneva; 2020. 280 p.
9. Pantin VI. Civilization identity. In: Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya = Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field. Moscow; 2023. Pp. 302-310. (In Russ.).
10. Lubsky AV. Civilization-state and national-civilization identity in Russia. *Gumanitarny yuga Rossii = The Humanitarian of South of Russia*. 2015;(2):30-45. (In Russ.).
11. Frede E. Culture, civilization and identity. *POLIS. Politicheskiye issledovaniya = POLIS. Political Research*. 2012;(5):17-23. (In Russ.).
12. Khoros VG. Civilization in contemporary world. Moscow; 2022. 240 p. (In Russ.).
13. Mathews B. Young Islam on track: a study in the clash of civilizations. New York; 1926. 224 p.
14. Skopin AYU. The clash of civilizations or compromise of super-confederations: the world perspectives, Eurasia and South-East Asia. *Yugo-vostochnaya Asia: problemy razvitiya = South-East Asia: development issues*. 2018;4(41):54-68. (In Russ.).
15. Nikonov VA. Civilization map of the modern world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo) = Moscow University Bulletin. Series 21. Government (state and society)*. 2012;(3):3-40. (In Russ.).
16. Sergeyev YuN, Kulesh VP. The concept of cyclic civilization development. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 7 = Bulletin of Saint-Petersburg University. Series 7*. 2013;(2):57-70. (In Russ.).
17. Yakovets YuV, Farah SN. The dialog and partnership of civilizations. Kazan'; 2018. 442 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Н. Мошечков — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии политики и права философского факультета.

Information about the author

Evgeniy N. Moshchelkov — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Politics and Law of the Faculty of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 11.04.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 219–225.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(6(488):219-225.

Научная статья

УДК 332.146

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-219-225

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОСОБОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (КЕЙС «КРАСНОЯРСКОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ДОЛИНЫ»)

Татьяна Анатольевна Куприянова¹✉, Татьяна Борисовна Зыкова²

¹Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярск, Россия, kupriyanowa@list.ru, 0000-0002-4918-765X

²Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярск, Россия, tanaru@mail.ru, 0000-0002-3254-2301

Аннотация. Инвестиции играют важную роль как в развитии конкретного предприятия, так и региона в целом. Поэтому вопросу повышения инвестиционной привлекательности регионов руководство РФ уделяет большое внимание, в особенности привлечению иностранных инвестиций. Создание особых экономических зон является общемировым инструментом привлечения иностранных инвестиций в регионы за счет создания благоприятных условий ведения деятельности, налоговых льгот и преференций. В статье рассматривается, сущность особых экономических зон, их виды и оценка эффективности деятельности, а также проблемы Красноярского края и роль ОЭЗ «Красноярская технологическая долина» в развитии региона.

Ключевые слова: особая экономическая зона, проблемы, региональная экономика, внешняя торговля

Для цитирования: Куприянова Т. А., Зыкова Т. Б. Особенности развития особой экономической зоны на современном этапе (кейс «Красноярской технологической долины») // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 219–225. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-219-225

Original article

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE SPECIAL ECONOMIC ZONE AT THE PRESENT STAGE (THE CASE OF THE KRASNOYARSK TECHNOLOGICAL VALLEY)

Tatyana A. Kupriyanova¹✉, Tatyana B. Zyкова²

¹Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia, kupriyanowa@list.ru, 0000-0002-4918-765X

²Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia, tanaru@mail.ru, 0000-0002-3254-2301

Abstract. Investments play an important role both in the development of a particular enterprise and the region as a whole. Therefore, the leadership of the Russian Federation pays great attention to the issue of increasing the investment attractiveness of the regions, especially attracting foreign investment. The creation of special economic zones is a global tool for attracting foreign investment to the regions by creating favorable business conditions, tax incentives and preferences. The article examines the essence of special economic zones, their types and assessment of the effectiveness of activities, as well as the problems of the Krasnoyarsk Territory and the role of the SEZ “Krasnoyarsk Technological Valley in the development of the region.

Keywords: special economic zone, problems, regional economy, foreign trade

For citation: Kupriyanova TA, Zyкова TB. Features of the development of the special economic zone at the present stage (the case of the Krasnoyarsk Technological Valley). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):219-225. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-219-225

Введение

Существующая на сегодняшний день система государственного финансирования предусматривает самостоятельность региональных властей в формировании и расходовании финансовых ресурсов, однако значительная часть потенциальных доходов регионов, в виде налогов, перераспределяется в пользу федерального бюджета, что в значительной степени сокращает инвестиционные возможности регионов. Да, впоследствии финансовые ресурсы частично возвращаются в регион, но объёмы этого финансирования не всегда соизмеримы.

Кроме того, регионы значительно отличаются друг от друга и источниками финансирования, поскольку существуют дотационные регионы, осуществляющие свою деятельность только за счет федерального финансирования, и регионы-«доноры», обеспечивающие не только своё функционирование, но и вносящие существенный вклад в формирование доходов государства.

Одним из таких регионов-доноров является Красноярский край, являющийся одним из крупнейших регионов по запасам минеральных ресурсов и полезных ископаемых, таких как нефть, газ, железные руды, уголь, цветные редкие металлы, нерудные металлы, а также водные ресурсы.

Всё это в совокупности позволяет Красноярскому краю входить в десятку регионов РФ по объёмам внутреннего регионального продукта — более 3,5 трлн руб. по итогам 2022 года.

Однако, несмотря на столь экономически выгодное положение Красноярского края, существуют ряд аспектов, которые существенно тормозят развитие региона, в том числе и в сфере внешнеэкономической деятельности, а именно:

- отсутствие благоприятных условий для инвестирования российского капитала, вывезенного за рубеж;
- отсутствие системы содействия продвижению товаров на внешний рынок, обусловлено отсутствием приграничной торговли, ограниченным перечнем экспортируемых товаров и необходимостью поиска новых векторов торговли;
- лоббизм интересов отдельных компаний и др.

На сегодняшний день руководство Красноярского края перспективы видит через призму развития международного сотрудничества в сфере внешнеэкономической деятельности.

Материалы и методы исследования

ОЭЗ играют важную роль как в развитии территории, так и отдельных отраслей, способствуя диверсификации экономики регионов, развитию

экспорта и привлечению прямых иностранных инвестиций. Всё это обуславливает популярность ОЭЗ, которых на сегодняшний день насчитывается более 5000 в более чем 130 государствах мира. Так, в Европе насчитывается более 501 СЭЗ, в странах Азии — 841 СЭЗ, страны африканского континента — 145, в США — 630 СЭЗ [1].

По состоянию на конец 2023 года в России действуют 50 ОЭЗ:

- 31 — ОЭЗ промышленно-производственного типа;
- 7 — ОЭЗ технико-внедренческого типа;
- 10 — ОЭЗ туристско-рекреационного типа;
- 2 — портовые ОЭЗ [2].

Первоначальное определение особой экономической зоны, как элемента международных взаимоотношений было дано в 1973 году в Киотской конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур, в соответствии с которой особой экономической зоной является часть территории договаривающейся стороны, в пределах которой помещённые туда товары рассматриваются как находящиеся за пределами таможенной территории в отношении ввозных пошлин и налогов¹.

В Республике Беларусь используется понятие свободная экономическая зона (СЭЗ), которая является частью Республики Беларусь с определёнными границами, на территории которой в отношении резидентов этой СЭЗ устанавливается и действует специальный правовой режим для осуществления ими инвестиционной и предпринимательской деятельности².

В Польше под особой экономической зоной понимается специально отведённая зона с созданной вспомогательной инфраструктурой, в которой хозяйственная деятельность ведётся на льготных условиях (освобождение от уплаты подоходного налога с юридических лиц).

В Китае используется понятие специальные экономические зоны, однако общепринятое определение отсутствует, поскольку создание каждой специальной экономической зоны преследует уникальную цель. В Китае выделяется 7 типов СЭЗ:

¹ Международная конвенция «Об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года в редакции Протокола о внесении изменений в Международную конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 26 июня 1999 года».

² Закон Республики Беларусь «О свободных экономических зонах» № 213-З от 07.12.1998 г.

- зоны технико-экономического развития;
- зоны приграничного экономического сотрудничества;
- бондовые зоны, функционирующие по принципу зон свободной торговли;
- зоны высокотехнологичного производства, основная задача которых сводится к привлечению высокотехнологичных зарубежных компаний и созданию совместных производств для перенятия опыта, научно-технических достижений.
- зоны экспортной обработки;
- открытые города;
- свободные торговые зоны [3].

Создание ОЭЗ предусмотрено Договором о Евразийском экономическом союзе, в соответствии с которым данные зоны должны содействовать социально-экономическому развитию стран-членов, привлечению инвестиций, созданию и развитию высокотехнологических производств, развитию транспортной инфраструктуры и туризма на территории государств-членов, с применением на данной территории таможенной процедуры «свободная таможенная зона» [4].

В соответствии со ст. 2 п. 1 федерального закона 116-ФЗ под особой экономической зоной понимается определенная часть территории РФ, определённая Правительством РФ, на которой установлены определённые условия льготного характера, для ведения предпринимательской деятельности, и на территории которой применяется таможенная процедура свободной экономической зоны.

Решение о создании ОЭЗ принимает правительство РФ по инициативе субъекта РФ, при соблюдении таких критериев, как:

- инфраструктура;
- кадровые ресурсы;
- наличие инвесторов готовых осуществлять финансирование строительства ОЭЗ в объёме, превышающем объёмы государственного финансирования [5].

Важную роль в деятельности ОЭЗ в России играют управляющие компании, представляющие собой открытое акционерное общество, созданное в целях реализации соглашения о создании ОЭЗ, и сто процентов акций которого принадлежит государству, или хозяйственное общество, которое заключило с уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти соглашение об управлении особой экономической зоной [6].

Ежегодно хозяйствующими субъектами подаются документы для регистрации ОЭЗ, однако

не все ранее созданные ОЭЗ существуют до сих пор, поскольку ежегодно Министерство экономического развития проводит оценку экономической эффективности особых экономических зон и управляющих компаний, на основании которых принимаются решения об их дальнейшей деятельности (рис. 1). Так в период с 2010 по 2020 год прекратили свое существование 11 ОЭЗ, при том, что на их развитие из бюджета было выделено 4,5 млрд руб. [7].

В целом же можно говорить о том, что особые экономические зоны в России становятся эффективными, поскольку по итогам 2022 года объём уплаченных таможенных и налоговых платежей, значительно покрывает общий объем затрат на их создание и развитие.

Особые экономические зоны являются ярким примером успешного государственно-частного партнёрства, в результате которого создаются необходимые условия для осуществления предпринимательской, научно-исследовательской, туристской деятельности. Частные инвесторы выстраивают инфраструктуру и финансируют объекты коммерческого назначения на территории ОЭЗ. В то время как государство предоставляет резидентам зон существенные налоговые и таможенные преференции, гарантируя резидентам ОЭЗ защиту прав и интересов от неблагоприятных изменений в законодательстве РФ, и обеспечивает благоприятный режим администрирования, существенно снижающий бюрократические барьеры и обеспечивающий оперативное решение процессуальных вопросов.

Результаты исследования и их обсуждение

ОЭЗ существуют как в развитых, так и в развивающихся странах, и являются способом формирования комфортных условий для ведения и развития бизнеса. В развивающихся странах источниками финансирования выступают иностранные инвестиции, в развитых странах ОЭЗ размещаются в малоэффективных регионах и финансируются за счет государственной поддержки в виде субсидий или дотаций [8].

Создание ОЭЗ в Красноярском крае было обусловлено необходимостью как развития перерабатывающих предприятий, так и привлечения дополнительных инвестиций, в том числе и иностранных. Привлекательность Красноярского края для иностранных инвестиций повышало создание международного авиахаба. Реализация обоих проектов была начата в 2021 году.

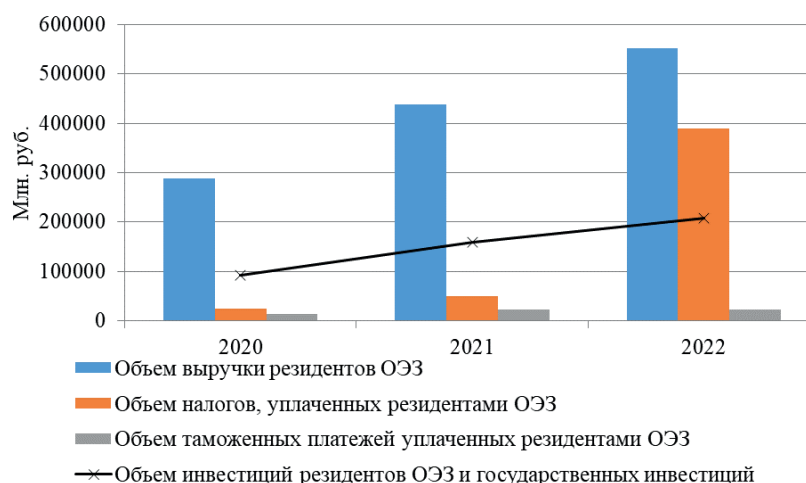

Рис. 1. Показатели эффективности функционирования ОЭЗ, за исключением ОЭЗ в Северо-Кавказском федеральном округе¹
 Fig. 1. Performance indicators of the SEZ, with the exception of the SEZ in the North Caucasus Federal District

Источник: составлено авторами

Целью создания ОЭЗ «Красноярская технологическая долина» являлась локализация производств и развитие обрабатывающих отраслей экономики Красноярского края за счёт создания современных промышленно-производственных комплексов, способных обеспечить производство высокотехнологичной продукции в целях удовлетворения потребностей российской экономики, импортозамещения и стимулирования экспорта; создание условий для привлечения масштабных российских и иностранных инвестиций, ускорение социально-экономического развития региона, повышение уровня и качества жизни населения, обеспечение роста доходов бюджетов всех уровней².

¹ Отчёт о результатах функционирования особых экономических зон за 2020 год и за период с начала функционирования особых экономических зон. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/b73b58875a4930c54ad9acb2de824200/prilozhenie_oez.pdf; Отчёт о результатах функционирования особых экономических зон за 2021 год и за период с начала функционирования особых экономических зон. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/0425860f64bbafe8cd7b9e0a57c7a2e0/prilozhenie_oez_2021.pdf; Отчёт о результатах функционирования особых экономических зон за 2022 год и за период с начала функционирования особых экономических зон. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cbb3dd2a3836539769b9a50284bd2888/otchet_oez_2022.pdf (дата обращения: 13.12.2023).

² Отчёт о результатах функционирования особых экономических зон за 2021 год и за период с начала функционирования особых экономических зон. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/0425860f64bbafe8cd7b9e0a57c7a2e0/prilozhenie_oez_2021.pdf (дата обращения: 13.12.2023).

Миссия ОЭЗ «Красноярская технологическая долина»:

- локализация производств по глубокой переработке алюминия, развитие обрабатывающих отраслей и другой промышленности в Красноярском крае;

- создание ОЭЗ с опорой на имеющиеся производственные и технологические мощности крупнейших предприятий цветной металлургии — «КРАЗ» и «КраМЗ»;

- производство алюминия с использованием возобновляемых источников энергии [9].

Поскольку Красноярский край является промышленным регионом, то вполне логичным было создание промышленно-производственной ОЭЗ, резиденты которой имеют право осуществлять:

- промышленно-производственную деятельность [производство и (или) переработка товаров (продукции) и их реализация];

- деятельность по логистике (оказание услуг по обеспечению перевозок и складированию товаров);

В качестве приоритетных направлений, реализуемых на территории ОЭЗ ППТ «Красноярская технологическая долина», можно выделить цветную металлургию, машиностроение и связанные с ними производства, имеющие высокий уровень переработки сырья.

Инвестиционная ёмкость проекта в периоде до 2040 года планируется на уровне 51,2 млрд рублей (без НДС), в результате реализации которых при выходе на проектные мощности будет создано 3 882 рабочих места, выпущено продукции на сумму более 894,1 млрд рублей.

ОЭЗ «Красноярская технологическая долина» расположена на шести специально отведённых для этого участках, которые находятся в непосредственной близости от Красноярского металлургического завода и Красноярского алюминиевого завода, что расширяет возможности для кооперации между будущими резидентами особой экономической зоны и уже действующими предприятиями, сокращая логистические и другие издержки.

Резидентом особой экономической зоны «Красноярская технологическая долина» может стать коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия, зарегистрированная в соответствии с законодательством Российской Федерации на территории города Красноярск. Необходимая сумма капитальных вложений — не менее 120 млн руб., в том числе 40 млн руб. в течение 3 лет со дня заключения соглашения об осуществлении деятельности.

На сегодняшний день на территории ОЭЗ «Красноярская технологическая долина» зарегистрированы такие предприятия, как:

— ООО «Сибирские алюминиевые диски» — производство комплектующих и принадлежностей для автотранспортных средств, а именно производство колёсных дисков в объёме до 1,7 млн шт. в год (начальные инвестиции не менее 2,5 млрд рублей, новые рабочие места — 450 ед.);

— ООО «Фабрика „Феникс“» — переработка отходов металлургического производства;

— ООО «Сибирский профиль» — производство крупногабаритного (широкого) профиля в объёме до 20 тыс. тонн в год (начальные инвестиции около 6,0 млрд руб., новые рабочие места — 101 ед.);

— АО «Спецтехномаш» — предприятие специального технологического машиностроения (0,8 млрд руб. инвестиций, 370 рабочих мест);

— ООО «Хенкок Сибирь» — производство оборудования для ресурсодобывающих и металлургических компаний (0,2 млрд руб. начальных инвестиций, 110 рабочих мест).

В целом же в период с 2021 года по 2030 год планируется реализовать на территории ОЭЗ 8 инвестиционных проектов.

Несмотря на то, что первая организация, зарегистрированная в качестве резидента ОЭЗ «Красноярская технологическая долина» появилась только в декабре 2021 года, можно проследить не только как она развивается, но и оценить её эффективность (табл. 1).

По состоянию на конец 2023 года количество участников ОЭЗ «Красноярская технологическая долина» увеличилось в 2,5 раза, привлечь иностранные инвестиции в 2022 году не удалось в связи с введенными против РФ санкциями и уходом крупных иностранных компаний с российского рынка. В целом же санкционное

Таблица 1

Table 1

Показатели эффективности функционирования ОЭЗ «Красноярская технологическая долина»¹
Performance indicators of the Krasnoyarsk Technological Valley SEZ

Показатели	2021	2022	Накопительным итогом за весь период существования
Сводный расчётный показатель эффективности, %	44,9	57,5	59
Использование участков, га	0	8,9	8,9
Количество участников	2	3	5
в т. ч. с участием иностранного капитала	1	-	1
Количество рабочих мест, созданных на территории ОЭЗ	1	6	7
Объём инвестиций, осуществлённых резидентами, млн руб.	6,8	91,9	98,7
Объём расходов субъекта федерации, млн руб.	-	219,6	219,6
Объём налогов уплаченных в бюджет, млн руб.	1501,5	1622,3	3123,8
Объём таможенных платежей, млн руб.	83,5	138,1	221,6
Объём уплаченных страховых взносов, млн руб.	558,6	558,1	1116,7

Источник: составлено авторами.

¹ Отчёт о результатах функционирования особых экономических зон за 2021 год и за период с начала функционирования особых экономических зон. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/0425860f64bbaf e8cd7b9e0a57c7a2e0/prilozhenie_oez_2021.pdf; Отчёт о результатах функционирования особых экономических зон за 2020 год и за период с начала функционирования особых экономических зон. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/b73b58875a4930c54ad9acb2de824200/prilozhenie_oez.pdf

давление не оказало столь сильное влияние, которое могло бы последовать, в том числе и за счёт уже действующей на этот период времени нормативно-правовой базы. Несмотря на то, что сводный показатель эффективности растёт на 128 % по сравнению с 2021 годом, эффективность ОЭЗ остается достаточно низкой. Данное обстоятельство обусловлено непродолжительным периодом существования ОЭЗ. Однако даже за столь короткий период существования резидентов ОЭЗ позволило им внести существенный вклад в формирование доходов как регионального, так и федерального бюджетов. А учитывая, что поступления в бюджет по всем видам платежей (таможенные платежи, налоги и страховые взносы) превышают затраты, понесённые бюджетом в 20,32 раза, то механизм ОЭЗ за рассматриваемый период уже окупился.

Кроме того, территория ОЭЗ активно используется для размещения иностранных товаров в рамках таможенной процедуры «свободная таможенная зона», платежи по которой увеличились в 1,65 раза, до 138,1 млн руб. в 2022 году.

В целом особые экономические зоны на уровне всех регионов доказали свою эффективность, вернув государству более 90 % вложенных в них средств (по состоянию на конец 2023 года).

Заключение

Таким образом, существовало множество предпосылок к созданию особой экономической зоны

в Красноярском крае, особенно учитывая факт того, что алюминиевая металлургия формирует промышленность Красноярского края. По прошествии трех лет с момента создания ОЭЗ «Красноярская технологическая долина» можно сказать, что перспективы достаточно привлекательные как для самой ОЭЗ, так и для Красноярского края в целом, поскольку в результате дальнейшего развития будет развиваться не только внутренняя структура производства, но будут осваиваться и внешние рынки, что приведёт к созданию современных промышленных предприятий, в том числе и по глубокой переработке алюминия, будут созданы новые рабочие места, увеличена доля высокотехнологичной продукции, выпускаемой в крае. Создание ОЭЗ способствует привлечению инвестиций и переходу экономики на инновационный путь развития, а также росту производства, развитию и внедрению новых технологий в обрабатывающих отраслях российской экономики [10]. Кроме того, правительство РФ заинтересованно в дальнейшем использовании данного инструмента, что подтверждается подписанным постановлением о создании трех новых экономических зон в Саранске, в Новочеркасске, а также в Калининском и Конаковском районе Тверской области с суммарным объёмом инвестиций 58,9 млрд руб., что позволит повысить уровень социально-экономического развития данных регионов.

Список источников

1. Гостищева С. Ю., Рожанская А. Г. Проблемы социально-экономического развития особых экономических зон в России // *Theory and practice of scientific research : материалы XXXIX Междунар. науч.-практ. конф.* М., 2018. С. 95–99.
2. Куприянова Т. А. Особые экономические зоны как инструмент развития международного сотрудничества // *Актуальные проблемы развития ЕАЭС в условиях современных глобальных изменений : материалы Всерос. науч.-практ. конф.* Иркутск, 2023. С. 56–61.
3. Тужилин А. Д. Развитие особых экономических зон в Китае // *Современные научные исследования и инновации.* 2016. № 1. С. 527–532.
4. Селютин Е. О. Роль свободных экономических зон и особых экономических зон в экономике Российской Федерации // *Проблемы развития современного общества : сб. науч. статей 4-й Всерос. науч.-практ. конф.* Курск : Юго-Запад. гос. ун-т, 2019. С. 265–268.
5. Ахунов Р. Р., Рамазанов Р. Р., Бикметов А. Р. Особые экономические зоны: теоретические и практические аспекты формирования и функционирования (на примере особой экономической зоны «Алга») // *Экономика и управление: научно-практический журнал.* 2020. № 6 (156). С. 40–43.
6. Эляков А. Л. Особые экономические зоны в Российской Федерации: правовые аспекты развития и оценки эффективности деятельности // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки.* 2021. Т. 7, № 3-2. С. 163–174.
7. Кузюра А. В. Проблемы и перспективы создания особых экономических зон в России // *Экономика: вчера, сегодня, завтра.* 2022. Т. 12, № 5. С. 29–38.
8. Федотов А. С., Боброва В. В. Особые экономические зоны как фактор экономического развития Российской Федерации // *Академическая публицистика.* 2022. № 9-1. С. 27–38.

9. Абрекова В. В., Зинченко Н. А., Миненко Е. И. Особая экономическая зона «Красноярская технологическая долина» как один из важнейших факторов развития Красноярского края // Символ науки. 2023. № 1-2. С. 36–40.

10. Медведева С. Н., Гамбеева Ю. Н. Особенности развития особых экономических зон в Российской Федерации // Национальная Ассоциация Ученых. 2018. № 9 (36). С. 65–68.

References

1. Gostischeva SYu, Rozhanskaya AG. Problems of socio-economic development of special economic zones in Russia. In: Theory and practice of scientific research. Moscow; 2018. Pp. 95-99. (In Russ.).

2. Kupriyanova TA. Special economic zones as an instrument for the development of international cooperation. In: Aktual'nye problemy razvitiya EAES v usloviyah sovremennyh global'nyh izmenenij = Actual problems of the EAEU development in the context of modern global changes. Irkutsk; 2023. Pp. 56-61. (In Russ.).

3. Tuzhilin AD. The development of special economic zones in China. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii = Modern scientific research and innovation*. 2016;(1):527-532. (In Russ.).

4. Selyutina EO. The role of free economic zones and special economic zones in the economy of the Russian Federation. In: Problemy razvitiya sovremennogo obshchestva = Problems of development of modern society. Kursk: Southwestern State University; 2019. Pp. 265-268. (In Russ.).

5. Akhunov RR, Ramazanov RR, Bikmetov AR. Special economic zones: theoretical and practical aspects of formation and functioning (on the example of the special economic zone "Alga"). *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal = Economics and Management: a scientific and practical journal*. 2020;6(156):40-43. (In Russ.).

6. Elyakov AL. Special economic zones in the Russian Federation: legal aspects of development and performance assessment. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*. 2021;7(3-2):163-174. (In Russ.).

7. Kuzyura AV. Problems and prospects of creating special economic zones in Russia. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2022;12(5):29-38. (In Russ.).

8. Fedotov AS, Bobrova VV. Special economic zones as a factor of economic development of the Russian Federation. *Akademicheskaya publitsistika = Academic journalism*. 2022;9(1):27-38. (In Russ.).

9. Abrekova VV, Zinchenko NA, Minenko EI. Special economic zone "Krasnoyarsk Technological Valley" as one of the most important factors in the development of the Krasnoyarsk Territory. *Simvol nauki = Symbol of Science*. 2023;(1-2):36-40. (In Russ.).

10. Medvedeva SN, Gambeeva YuN. Features of the development of special economic zones in the Russian Federation. *Nacional'naya Associaciya Uchenyh = National Association of Scientists*. 2018;9(36):65-68. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. А. Куприянова — кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой таможенного дела.

Т. Б. Зыкова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом.

Information about the authors

Tatyana A. Kupriyanova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Customs Affairs.

Tatyana B. Zyкова — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Docent departments of Labor Economics and Personnel Management.

Статья поступила в редакцию 24.12.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 24.12.2023; approved after reviewing 04.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 330.341.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-226-236

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Игорь Александрович Маньковский

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Минский филиал), Минск, Беларусь,
Mankovskiy.IA@rea.ru, 0000-0003-3953-9575

Аннотация. Начиная с 2022 года национальная экономика России развивается в сложных геополитических и геоэкономических условиях, созданных недружественными государствами посредством введения беспрецедентных по объёму экономических санкций с целью оказания влияния на решения, принимаемые политической системой России. Цель исследования: определить основные экзогенные и эндогенные деструктивные факторы, оказывающие негативное влияние на развитие национальной экономики в условиях агрессивной антироссийской политики, проводимой государствами «Западной коалиции», и пути их преодоления. На основании анализа научной литературы и статистических данных в ходе исследования сделан вывод о необходимости трансформации духовно-идеологической и политической подсистем институциональной матрицы, направленной на создание необходимых условий преодоления, в первую очередь, внутренних деструктивных факторов, развития конкуренции, снижения уровня олигополии, развития благоприятного инвестиционного климата, человеческого капитала, оттока высококвалифицированных кадров из российской экономики. Предложены направления трансформации духовно-идеологической и политической подсистем институциональной матрицы российского общества.

Ключевые слова: институциональная матрица, экономическая система, организационно-хозяйственные отношения, санкции, технологическая зависимость, инвестиционная активность, модернизация институциональной среды

Для цитирования: Маньковский И. А. Деструктивные факторы экономического развития и пути их преодоления // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 226–236. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-226-236

Review article

DESTRUCTIVE FACTORS OF ECONOMIC DEVELOPMENT AND WAYS TO OVERCOME THEM

Igor A. Mankovsky

Plekhanov Russian University of Economics (Minsk branch), Minsk, Belarus, Mankovskiy.IA@rea.ru,
0000-0003-3953-9575

Abstract. Starting from 2022, the Russian national economy has been developing in difficult geopolitical and geo-economic conditions created by unfriendly states through the introduction of unprecedented economic sanctions in order to influence decisions made by the Russian political system. Purpose of the study: to determine the main exogenous and endogenous destructive factors that have a negative impact on the development of the national economy in the conditions of aggressive anti-Russian policies pursued by the states of the “Western Coalition”, and ways to overcome them. Based on the analysis of scientific literature and statistical data, the study concluded that it is necessary to transform the spiritual, ideological and political subsystems of the institutional matrix, aimed at creating the necessary conditions for overcoming, first of all, internal destructive factors, developing competition, reducing the level of oligopoly, and developing a favorable investment environment. climate, human capital, outflow of highly qualified personnel from the Russian economy. Directions for transformation of the spiritual-ideological and political subsystems of the institutional matrix of Russian society are proposed.

Keywords: institutional matrix, economic system, organizational and economic relations, sanctions, technological dependence, investment activity, modernization of the institutional environment

For citation: Mankovsky IA. Destructive factors of economic development and ways to overcome them. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488)):226-236. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-226-236

Введение

Функционирование национальной экономики, начиная с 2022 года, осложнено введенными в отношении России государствами «коллективного Запада» беспрецедентными экономическими санкциями, которые, в отличие от введенных ранее, в период с 2014 по 2019 год, являются более масштабными, в том числе за счёт присоединения к санкциям отдельных иностранных субъектов хозяйствования [1]. Осложнённое введенными санкциями геополитическое положение Российской Федерации требует применения современных подходов к теоретическому анализу экономической системы российского общества. В ходе экономического анализа необходимо принимать во внимание все социально значимые институты, которые прямо или косвенно могут оказывать влияние на направления и динамику развития экономических отношений, по сути, применять междисциплинарный подход к экономическому анализу, имманентный институциональной экономической теории, которая рассматривается в качестве перспективного направления развития теоретической экономики. В рамках институционального анализа экономическая система исследуется в структуре институциональной матрицы в качестве подсистемы и определяется как совокупность взаимообусловленных отношений управления, организационно-хозяйственных отношений и отношений потребления, возникающих между уполномоченными государственными органами и экономическими агентами по поводу обеспечения российского общества и государства материальными и нематериальными благами посредством их производства, распределения, обмена и потребления в рамках, определённых системой права.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования применялись общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также частнонаучные методы: критико-исторический, нормативный, компаративистский, статистический. Теоретическую базу исследования составили научные труды российских учёных, фактологическую — статистическая и справочная информация.

Влияние санкционной политики, проводимой в отношении российского промышленного сектора в период с 2014 года и до начала специаль-

ной военной операции на территории Украины исследовали Ю. К. Зайцев и А. Н. Лощенкова [1], А. Ф. Голубев, О. А. Кислый и М. А. Исаева рассматривали существующую в российском обществе коррупцию с точки зрения её влияния на степень доверия российского общества российскому государству [2], оппортунистическое поведение государственных служащих и экономических агентов в процедуре государственных закупок и его влияние на экономическое развитие анализировали С. Г. Белёв, В. В. Ветеринаров и Е. О. Матвеев [3], к выводу о необходимости совершенствования государственной службы, в том числе пресечения «вассалитета» на государственной службе, пришли Д. В. Манушин и Р. М. Нуреев [4], общие вопросы олигополий и их влияние на национальную экономику изучали В. Б. Дзобелова и Н. Ю. Лебедева [5], А. В. Марьина и А. С. Васильева на основании анализа статистической информации пришли к выводу о неблагоприятном влиянии олигополий на конкурентную среду и динамику экономического развития [6].

В названных и других научных трудах, послуживших теоретической основой нашего исследования, проведён анализ отдельных негативных тенденций развития национальной экономики. Вместе с тем комплексный междисциплинарный институциональный анализ влияния основных деструктивных факторов на эффективность экономического развития в условиях беспрецедентных экономических санкций, введенных в отношении Российской Федерации недружественными государствами, не проводился.

Результаты исследования и их обсуждение

Организационно-хозяйственные отношения в структуре экономической подсистемы российского общества рассматриваются в качестве базовых, возникающих по поводу производства продукции (товаров, работ, услуг) как для внутреннего потребления, так и для реализации третьим лицам, и направленных на удовлетворение потребностей общества и государства. По общей рыночной стоимости произведённых за год товаров, работ, услуг подсчитывают валовой внутренний продукт Российской Федерации.

Организационно-хозяйственные отношения, во-первых, развиваются в пределах, определённых политикой социально-экономического

развития и регламентированы принятыми нормативными правовыми актами и, во-вторых, состояние организационно-хозяйственных отношений в совокупности с динамикой отношений потребления выступает в качестве количественной и качественной характеристик национальной экономики. Количественную характеристику национальной экономики следует рассматривать как показатель общего объёма произведённых товаров, а качественную — как показатель объёма и качества реализованной продукции, в том числе существующий уровень потребления продукции повышенных потребительских качеств, уровень демонстративного (показного) потребления.

Организационно-хозяйственные отношения экономической подсистемы российского общества в третьем десятилетии XXI века развиваются в условиях технологической зависимости российской экономики от стран «глобальной коалиции», что является существенным «тормозом» темпов экономического роста в сложившихся для России геополитических и геоэкономических условиях, а также достаточно **серьёзным** для экономической безопасности российского общества рычагом политического давления на российское государство.

Политическое и экономическое давление на Российскую Федерацию со стороны недружественных государств, выступает в качестве экзогенного фактора, оказывающего существенное негативное влияние на эффективность развития национальной экономики. Наряду с экзогенными в настоящее время существуют ряд эндогенных деструктивных факторов, влияющих на динамику организационно-хозяйственных отношений. Так, к деструктивным факторам внутреннего происхождения наряду с дефектами институциональной среды экономических отношений можно отнести следующие: 1) существующая в российском обществе коррупция; 2) имеющий отдельные проявления саботаж чиновников в процессе управления экономикой, а также возможное оппортунистическое поведение должностных лиц субъектов хозяйствования; 3) олигополия российских рынков; 4) невысокий уровень внешних и внутренних инвестиций; 5) технологическое отставание ряда отраслей и, как следствие, технологическая зависимость национальной экономики от государств с технологически развитой экономикой; 6) существенный уровень оттока высококвалифицированных кадров и некоторые другие деструктивные факторы, негативно влияющие на динамику экономического развития.

Коррупция как антисоциальное явление, имеющее отдельные проявления в Российской Федерации, оказывает негативное влияние на доверие российского общества к российскому государству, выступает демотиватором надлежащего исполнения государственными служащими своих должностных обязанностей, тормозит экономическое развитие, рассматривается как угроза национальной безопасности Российской Федерации [2].

Так, по информации «РИА Новости» в 2022 году Следственным комитетом Российской Федерации было направлено в суды около 89 тысяч уголовных дел, из которых почти 20 % составили экономические преступления, при этом 418 лиц с особым правовым статусом привлекли к уголовной ответственности за коррупционные преступления¹. В целом в 2021 и 2022 годах коррупционными преступлениями экономике России был причинён ущерб в размере более ста миллиардов рублей, из них более тридцати семи миллиардов в 2022 году², что, во-первых, является показателем оппортунистического поведения государственных служащих, чем причинён существенный вред экономическим интересам российского общества и государства, во-вторых, свидетельствует о тенденции к некоторому снижению коррупционных преступлений и, по всей вероятности, результативности введённого в действие в Российской Федерации Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утверждённого Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478.

Имеющий отдельные проявления в российском государственном управлении саботаж чиновников в процессе управления экономикой, а также возможное оппортунистическое поведение должностных лиц субъектов хозяйствования.

Неисполнение или несвоевременное, небрежное исполнение государственными служащими своих должностных обязанностей, наряду (в том числе, в связи) с коррупцией, является существенным препятствием эффективного развития национальной экономики даже при наличии на это политической воли, выраженной в теоретически эффективной программе соци-

¹ В России выросло число переданных в суды уголовных дел о коррупции. URL: https://lenta.ru/news/2023/03/03/ru_sorgu/ (дата обращения: 05.01.2024).

² Прокуратура оценила ущерб от коррупции в 2022 году в более 37 млрд руб. URL: <https://www.rbc.ru/society/09/12/2022/639296d89a7947dce491f2f5> (дата обращения: 05.01.2024).

ально-экономического развития и принятых в её исполнение нормативных правовых актах.

В частности, по результатам проверок, проведённых в 2022 году Счётной палатой Российской Федерации, ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, приведшее к существенному материальному ущербу экономическим интересам Российской Федерации, было обнаружено¹:

- в области нарушения правил ведения бухгалтерского учёта, оформлении и ведении регистров бухгалтерского учёта. Общая сумма ущерба составила 123,1 млрд рублей;

- ходе исполнения государственного бюджета, в частности, в сфере предоставления субсидий организациям со статусом юридического лица. Причинённый ущерб оценён в 74,9 млрд рублей;

- нарушении процедуры государственных закупок товаров, работ, услуг в рамках реализации государственных программ и федеральных проектов. Сумма причинённого ущерба оценивается в 20 млрд рублей. Процедура государственных закупок является важной составляющей эффективного экономического развития в связи с чем одной из ключевых проблем процедуры выступает факт наличия нарушений её проведения [3], что свидетельствует, во-первых, об оппортунистическом поведении участников процедуры и, во-вторых, о недостаточной эффективности институциональной среды, регулирующей процедуру государственных закупок.

В целом общий размер ущерба, причинённого в 2022 году национальной экономике России саботажем российских чиновников и должностных лиц субъектов хозяйствования, оценивается Счётной палатой в сумму 885,6 млрд рублей или чуть более 3 % доходов, поступивших в федеральный бюджет в 2022 году.

При этом следует отметить тот факт, что проблемы саботажа российских чиновников и ущерб, причинённый экономическим интересам Российской Федерации вследствие ненадлежащего исполнения государственными служащими своих должностных обязанностей как явления российской политической и экономической действительности являются слабо изученными [4], что лишает научной основы процесс принятия государством релевантных мер противодействия указанным негативным явлениям, понижает их эффективность.

¹ Счётная палата назвала основные нарушения, выявленные в 2022 году. URL: <https://rg.ru/2023/03/15/schetnaia-palata-nazvala-osnovnye-narusheniia-po-itogam-proverok-v-2022-godu.html> (дата обращения: 05.01.2024).

Олигополия российских рынков.

Экономическая система России функционирует в условиях ограниченной конкуренции, как минимум в основных отраслях экономики, таких как производство и обработка металлов, химическая промышленность, производство автомобилей, судостроение, авиастроение, авиаперевозки, телекоммуникационные услуги и некоторых других [5]. Например, в 2020 году в химической отрасли небольшим количеством экономических агентов производилось «более 50 % минеральных удобрений, около 40 % полимерных материалов и от 55 до 70 % определённых видов синтетических каучуков, от 75 до 90 % шин... банковский рынок... разделяют Сбербанк и ВТБ. Они концентрируют около 70 % вкладов» [6, с. 384–385]; на рынке авиаперевозок России по данным 2023 года преобладали «...группа компаний, входящих в ПАО “Аэрофлот”, АО Авиакомпания “Сибирь”, ОАО АК “Уральские Авиалинии”» [7, с. 260].

Функционирование экономики в условиях олигополистических рынков является сдерживающим фактором эффективного развития соответствующих отраслей национальной экономики. Олигополии ускоряют тенденцию к повышению уровня монополизации экономики, являются инициаторами создания запрещённых в Российской Федерации картелей. В частности, согласно сообщению «Коммерсантъ», в 2023 году в Воронежской области в рамках реализации федеральной программы «Информационная инфраструктура» в ходе торгов несколько участников были заподозрены в картельном сговоре, дело о котором стало предметом рассмотрения в Тушинском райсуде г. Москвы². По сути, картели являются прямой угрозой развитию конкурентных рынков, что, в свою очередь, ведёт к возникновению ряда негативных явлений в экономике, в том числе в системе государственных закупок, ценообразовании, ассортименте и качестве производимой продукции и др.

Несмотря на то, что в Российской Федерации, начиная с 2006 года, с принятия федерального закона «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ, принят пятый антимонопольный пакет (Федеральный закон № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» от 10 июля 2023) проблемы

² Дело о картеле при строительстве линий связи в Воронежской области за 901 млн рублей рассмотрит московский суд. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5874902> (дата обращения: 05.01.2024).

ограничения конкуренции и доминирования на российских рынках по-прежнему остаются актуальными, что можно рассматривать как вызов современной экономике России в её стремлении к технологической независимости от государств «коллективного Запада», приобретающей в условиях санкционного давления особую значимость для национальной безопасности в целом.

Невысокий уровень внешних и внутренних инвестиций.

Общий низкий уровень инвестиций в экономику имманентен для экономической подсистемы институциональной матрицы российского общества, что обусловлено в том числе стадией её технологического развития и существующей институциональной средой экономических отношений управления, а, по сути, установленным институциональной средой неблагоприятным инвестиционным климатом.

С началом специальной военной операции в Украине, т. е. с 2022 года, произошло резкое сокращение иностранных инвестиций в национальную экономику Российской Федерации. В частности, по данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в 2022 году «...до минус 19 миллиардов долларов с 39 миллиардов в 2021 году»¹, что, безусловно, вызвано экономическими санкциями, введёнными в отношении России недружественными государствами и, как следствие, уходом из Российской Федерации иностранных экономических агентов. По данным Центрального Банка Российской Федерации за первые шесть месяцев 2023 года, сокращение иностранных инвестиций исчислялось суммой более 35 млрд долларов США².

Относительно невысокий уровень иностранных инвестиций в российскую экономику в 2022 году наряду с введёнными антироссийскими санкциями был обусловлен тем, что в Российской Федерации «... всё ещё сохраняются негативные факторы, такие как несовершенное законодательство, сложная и не всегда понятная налоговая система, риски обесценивания капитала, высокий уровень коррупции...» [8, с. 1851], оказывающие деструктивное влияние на инвестиционный климат Российской Федерации.

¹ Объём иностранных инвестиций в Россию рухнул до отрицательных значений. URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/06/ininvesticii/> (дата обращения: 05.01.2024).

² Плюс-минус прямые иностранные инвестиции. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6109611> (дата обращения: 05.01.2024).

Вместе с тем в условиях необходимости глобальной перестройки национальной экономики, в первую очередь отраслей промышленности и преодоления технологической зависимости от экономик иностранных государств, привлечение прямых иностранных инвестиций является одной из приоритетных государственных задач. Успешное её решение лежит в плоскости создания условий политической, экономической, финансовой и социальной стабильности, а также устойчивой институциональной среды, в совокупности гарантирующих полную государственную защиту иностранных инвестиций, а также право собственности на объекты, приобретённые на территории России иностранными инвесторами законным путём, а, по сути, в плоскости создания инвестиционного климата, соответствующего запросам (ожиданиям) иностранных инвесторов. Благоприятный с точки зрения иностранных инвесторов инвестиционный климат непосредственно является «... одним из ключевых факторов, способствующих привлечению инвестиций в экономику, наращиванию темпов производства, повышению уровня жизни населения и в целом обеспечению быстрого экономического роста...» [9, с. 121]. Вместе с тем в марте 2022 года «Международное рейтинговое агентство Moody's понизило суверенный рейтинг России с уровня В3 до Са»³, являющегося предпоследним в рейтингах Moody's, что, безусловно, наряду с введёнными антироссийскими санкциями стало причиной снижения иностранной инвестиционной активности на территории Российской Федерации.

Имеющее место технологическое отставание и, как следствие, технологическая зависимость национальной экономики от государств с технологически развитой экономикой.

Всё ещё существующая в отдельных отраслях экономики технологическая зависимость от экономик государств, поставляющих для российской промышленности комплектующие и технологии в сложившихся неблагоприятных геополитических и геоэкономических условиях, является вызовом национальной безопасности Российской Федерации.

Вместе с тем поступление, в определённых пределах, импорта в национальную экономику в том случае, когда государство функционирует

³ Moody's понизило рейтинг России с «мусорного» до преддефолтного. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/458215-moody-s-ponizilo-rejting-rossii-c-musornogo-do-preddefoltnogo> (дата обращения: 05.01.2024).

в рамках стабильных глобальных экономических связей и при наличии на глобальном рынке нескольких поставщиков, не является фактором, угрожающим национальной безопасности. Однако, если импортные комплектующие или технологии поставляет монополист или в связи со сложившейся неблагоприятной эпидемиологической или геополитической ситуацией и введением карантинных мер или экономических санкций выход на мировой рынок ресурсов закрывается, то возникает зависимость экономики от импорта, чем и создаётся угроза национальной безопасности Российской Федерации. Например, в связи с ограничительными мерами, принятыми Китайской Народной Республикой в связи с коронавирусной инфекцией (2020), возникли проблемы функционирования национальной экономики России, в частности, промышленного комплекса, использующего в производстве продукции китайские комплектующие [10]. Вместе с тем ковидный кризис не создал, а обострил проблемы функционирования российской экономики, существовавшие уже до рецессии 2015–2016 годов [11].

Так, в связи с введёнными в 2022 году государствами «коллективного Запада» и Соединёнными Штатами Америки антироссийскими экономическими санкциями проблема зависимости экономики от импорта встала особенно остро. По данным НИУ ВШЭ «Новые контуры промышленной политики» зависимость от импорта в 2022 году составляла «...в машинах и оборудовании (40 %), лекарствах (34,5 %), авто (28,3 %), резиновых и пластмассовых изделиях (24,6 %)»¹.

В качестве одной из причин технологического отставания в 2022 году, по нашему мнению, являлась экспортно-сырьевая ориентированность национальной экономики с приоритетной нефтегазовой направленностью экспорта. Поступление доходов от экспорта сырья служило, в определённой степени, демотиватором развития институциональной среды, способной активизировать процессы создания и внедрения в промышленную отрасль национальной экономики технологических инноваций.

С целью преодоления указанной проблемы российской экономики:

¹ От автопрома до фармацевтики: на сколько российская экономика зависит от импорта. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/462829-ot-avtoproma-do-farmaceutiki-naskol-ko-rossijskaa-ekonomika-zavisit-ot-importa> (дата обращения: 05.01.2024).

– 20 мая 2023 года распоряжением Правительства Российской Федерации № 1315-р утверждена концепция технологического развития на период до 2030 года согласно которой «... к концу третьего десятилетия XXI века Россия должна обладать собственной научной, кадровой и технологической базой критических и сквозных технологий»²;

– 9 сентября 2023 года распоряжением Правительства Российской Федерации № 2436-р утверждена Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности России до 2030 года и на период до 2035 года, предусматривающая «... увеличение в течение 12 лет доли обрабатывающей промышленности в структуре внутреннего валового продукта до 15,45 %, повышение индекса обрабатывающих производств на 55 % по отношению к базовому 2019 году, рост числа компаний, осуществляющих технологические инновации, с 28 до 45 %, удвоение физического объёма инвестиций и производительности труда в отрасли»³. Принимаемые Правительством России меры свидетельствуют о направленности политической воли на переориентацию экономической подсистемы институциональной матрицы с экспорта сырьевых ресурсов на их переработку, развитие национальной инновационной технологической базы «... промышленного комплекса...» [12, с. 234], и, в первую очередь, «высокотехнологичных отраслей, формирующих благоприятное будущее страны» [13, с. 5].

Существенный уровень оттока высококвалифицированных кадров.

Также следует отметить, что в 2022 году согласно примерным неофициальным данным Росстатскую Федерацию покинуло 820–920 тысяч человек⁴.

«По официальным данным Росстата в первом полугодии 2022 года из Российской Федерации с разными целями выехало 8,5 млн человек

² Правительство утвердило Концепцию технологического развития до 2030 года. URL: <http://government.ru/docs/48570/> (дата обращения: 05.01.2024).

³ Правительство утвердило обновлённую Сводную стратегию развития обрабатывающей промышленности России до 2030 года и на период до 2035 года. URL: <http://government.ru/news/49489/> (дата обращения: 05.01.2024).

⁴ С начала СВО из России уехало рекордное количество людей за 100 лет. URL: <https://newizv.ru/news/2023-08-24/the-economist-s-nachala-svo-iz-rossii-uehalo-rekordnoe-kolichestvo-lyudey-za-100-let-417497> (дата обращения: 05.01.2024).

(туризм, деловые и трудовые поездки, обучение, международные перевозки и т. п.)»¹.

По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, в 2022 году российскую экономику покинули около ста тысяч специалистов IT-профиля, однако 90 % из них вернулись в страну². Необходимо также учитывать тот факт, что IT-сфера допускает выполнение работы дистанционно, а это не исключает работу уехавших из России специалистов на российские IT-организации, т. е. в российской экономике, что, в некоторой степени снижает возможные потери специалистов высокой квалификации для национальной экономики.

На фоне оттока трудовых ресурсов в объёме 800–900 тысяч человек в Россию только во втором квартале 2022 года въехало 3,12 млн трудовых мигрантов [14]. В целом, по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы в 2022 году в Российскую Федерацию въехало 3,5 млн трудовых мигрантов против 2,6 млн в 2021 году³.

Следует отметить тот факт, что трудовая миграция оказывает существенное влияние на экономическое развитие, позволяет привлечь в экономику (при неблагоприятных социально-политических условиях — потерять для экономики) необходимые трудовые ресурсы. Однако в своей массе в Российскую Федерацию до начала СВО въезжали работники, выполняющие работу низкой квалификации. Так, 96 % иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность в Российской Федерации в 2021 году, прибыли в Россию из Узбекистана, Таджикистана и Украины [15] и, по данным информационного портала газеты «Известия», поступили на должности рабочих, осуществляли трудовую деятельность в строительстве, сельском хозяйстве и некоторых других видах производств⁴. По дан-

ным МВД, в 2023 году выдано на 19,6 % разрешений на работу больше, чем за аналогичный период 2022 года, включая + 0,9 % для высококвалифицированных специалистов⁵, что указывает на постепенный прирост трудовой миграции в Российскую Федерацию. При этом, по данным группы компаний «РосБизнесКонсалтинг», одной из существенных проблем экономики в 2023 году был признан кадровый голод⁶.

Кроме низкого уровня квалификации иностранных работников, одной из проблем трудовой миграции, негативно влияющей на экономическое развитие, следует признать её неравномерное распределение на территории России. В частности, по данным 2022 года примерно около 80 % трудовых мигрантов прибывали в Москву и Московскую область, Санкт-Петербург и Ленинградскую область [16].

Приведённые данные свидетельствуют о необходимости инвестирования в развитие человеческого капитала с целью перспективного обеспечения экономической системы России высококвалифицированными кадрами.

Следует отметить, что в рейтинге стран мира по индексу человеческого капитала, выпущенному группой Всемирного банка по итогам исследования, проведённого в период с 2018 по 2020 год, Российская Федерация занимала 41-е место из 174 стран с показателем 0,68 из 1,0 возможных. Первое место в индексе человеческого капитала с показателем 0,88 принадлежало Сингапуру⁷. Показатель 0,68 свидетельствует о том, что производительность ребёнка, родившегося в указанный период в Российской Федерации, в будущем будет ниже на 32 % от той, которая могла бы быть при эталонном (1,0) показателе состояния систем образования и здравоохранения, что, соответственно, влияет на

¹ За полгода из России уехало 8,5 млн человек. Куда и за чем они отправились? URL: <https://74.ru/text/world/2022/08/18/71580719/> (дата обращения: 07.01.2024).

² Статистика оттока IT-специалистов из России в 20232 году. URL: <https://inclient.ru/outflow-it-specialists/> (дата обращения: 07.01.2024).

³ Приток трудовых мигрантов в Россию вырос в I квартале в 1,6 раза. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/05/10/974291-pritok-trudovih-migrantov-v-rossiyu-viros> (дата обращения: 07.01.2024).

⁴ Цель поездки: количество мигрантов не вернулось к допандемийным показателям. URL:

<https://iz.ru/1514931/sergei-gurianov/tcel-poezdki-kolichestvo-migrantov-ne-vernulos-k-dopandemiinym-pokazateliam> (дата обращения: 07.01.2024).

⁵ Иностранцам за 8 месяцев 2023 года выдали на 20 % больше разрешений на работу в РФ. URL: <https://iz.ru/1598326/2023-11-01/inostrantcam-za-8-mesiatcev-2023-goda-vydali-na-20-bolshe-razreshenii-na-rabotu-v-rf> (дата обращения: 07.01.2024).

⁶ Кадровый голод и рост зарплат: как поменялся рынок труда и что его ждёт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/01/2024/6589738d9a794798dc106898> (дата обращения: 07.01.2024).

⁷ Рейтинг стран мира по индексу человеческого капитала. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-capital-index> (дата обращения: 07.01.2024).

будущий показатель валового внутреннего продукта на одного работающего.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости включения в политику социально-экономического развития российского общества, разрабатываемую на долгосрочную перспективу, в качестве одного из приоритетных направлений модернизации экономической подсистемы институциональной матрицы инвестиционную программу развития человеческого капитала. При этом следует учесть тот факт, что успех развития экономики инновационного типа непосредственно связан с уровнем человеческого капитала, являющегося самым ценным ресурсом экономической системы.

Существуют и некоторые другие деструктивные факторы, оказывающие негативное влияние на темпы развития экономической подсистемы институциональной матрицы российского общества.

Выводы

В рамках проведённого исследования выявлены основные деструктивные факторы, оказывающие негативное влияние на эффективность национальной экономики России в условиях глобальных вызовов.

В качестве основного внешнего фактора определено санкционное давление на российскую экономику, оказываемое государствами «коллективного Запада» и Соединёнными Штатами Америки, в том числе обострившее проблему технологической зависимости промышленного сектора экономической системы России от экономик недружественных России государств. Исходя из того, что начавшееся на территории Украины открытое противостояние государств «антироссийской коалиции» с Россией обусловлено активно развивающимися на Западе русофобскими настроениями и борьбой Соединённых Штатов Америки за сохранение мирового господства (однополярного мира) можно предположить, что санкционное давление на Российскую Федерацию после успешного завершения специальной военной операции не прекратиться и даже усилится. Следовательно, в ближайшей перспективе нивелировать негативное влияние основного экзогенного фактора на национальную экономику в полном объёме не представляется возможным. Однако снижение негативного влияния санкционного давления возможно посредством трансформации вектора экономического развития в глобальной экономике и переориентации направлений экономического сотрудничества с экспорта в страны

«коллективного Запада», во-первых, на внутреннее потребление и, во-вторых, на экспорт в дружественные России страны.

В качестве основных внутренних деструктивных факторов определены коррупционные явления, оппортунистическое, в т. ч. рентоориентированное, поведение как отдельных должностных лиц российского государства, так и топ-менеджмента отдельных субъектов хозяйствования, проблемы конкурентной среды, недостаточный уровень инвестиционной активности, всё ещё имеющая место технологическая зависимость промышленного сектора экономики от экономик недружественных России государств, а также недостаток в экономике как высококвалифицированных кадров, так и представителей рабочих профессий (по данным Института экономики РАН, в 2023 году «дефицит кадров... составил 4,8 млн человек»¹).

Решение проблем коррупции, оппортунистического поведения должностных лиц государственных органов и высшего руководства субъектов хозяйствования, а также проблем конкурентной среды связано с необходимостью институциональных изменений в двух подсистемах институциональной матрицы российского общества: духовно-идеологической и политической [17]. Институциональные изменения в духовно-идеологической подсистеме обусловлены необходимостью укрепления культурного кода нации, её ценностей, норм, представлений и, в первую очередь, трансформации в сознании российских граждан отношения к государству и праву, необходимости неукоснительного соблюдения установленных государством правил поведения, преодоления имеющего место в народном сознании правового нигилизма. Исходя из того, что большинство коррупционных преступлений совершается чиновниками², необходимо изменение процедуры замещения вакантных должностей в системе государственной службы, которая должна основываться исключительно на принципе меритократии.

¹ Экономисты РАН оценили дефицит кадров в России почти в 5 млн человек. URL. <https://www.forbes.ru/biznes/503229-ekonomisty-ran-ocenili-deficit-kadrov-v-rossii-pochti-v-5-mln-celovek> (дата обращения: 07.01.2024).

² Взятки на стол: в России растёт число осуждённых за коррупцию. URL. <https://iz.ru/1684500/stanislav-kuchushev-valeriia-mishina/vziatki-na-stol-v-rossii-rastet-kolichestvo-osuzhdennykh-za-korrupciuu> (дата обращения: 07.01.2024).

Институциональные изменения политической подсистемы предполагают трансформацию институциональной среды государственного управления и национальной экономики в части создания экономически выгодных условий правомерного поведения государственных служащих и представителей субъектов хозяйствования при одновременном установлении мер юридической ответственности, полностью нивелирующих выгоды оппортунистического поведения.

Решение проблем повышения инвестиционной активности, преодоления технологической зависимости экономики и дефицита кадров лежит исключительно в плоскости трансформации политической подсистемы и, в первую очередь, институциональной среды национальной экономики России. Повышение инвестиционной активности, при условии реализации предложенной выше трансформации духовно-идеологической подсистемы, обусловлено инвестиционным климатом, положительно оцениваемым потенциальными инвесторами. Преодоление дефицита, в первую очередь, высококвалифицированных кадров и далее технологической зависимости обусловле-

но развитием человеческого капитала, созданием правовых и, соответственно, экономических условий, стимулирующих научно-техническую деятельность, при условии надлежащего исполнения принятых нормативных правовых актов на всех уровнях власти. Необходимые изменения институциональной среды возможны при наличии на это политической воли, выраженной в федеральных законах, что указывает на первоочередную необходимость «...реорганизации политической системы с целью обеспечения полноценного участия избирателей в управлении национальной экономикой посредством фактической реализации принципов представительной демократии» [18, с. 202]. Наш вывод основан на том, что государственное управление современным демократическим обществом осуществляется исключительно в рамках правового регулирования всех социальных процессов, которым государство придаёт то или иное значение. В связи с этим основой любых изменений следует признать необходимость формирования государственного аппарата, способного создать институциональную модель эффективного государства.

Список источников

1. Зайцев Ю. К., Лощенкова А. Н. Влияние санкций на деятельность российских компаний из обрабатывающего сектора экономики в период 2014–2021 гг. // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 3 (60). С. 50–65.
2. Голубев А. Ф., Кислый О. А., Исаева М. А. Национальные цели по противодействию коррупции на современном этапе // Вестник МГЭИ (online). 2022. № 4. С. 158–166.
3. Белёв С. Г., Ветеринаров В. В., Матвеев Е. О. Фаворитизм в государственных закупках: оценка на данных по открытым конкурсам на НИОКР // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 2 (59). С. 36–63.
4. Манушин Д. В., Нуреев Р. М. Саботаж российских чиновников и основные меры по борьбе с ним // Журнал институциональных исследований. 2022. Т. 14, № 1. С. 55–69.
5. Дзобелова В. Б., Лебедева Н. Ю. Модели олигополии и их проявление в современной экономике России // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2020. № 2. С. 110–116.
6. Марьина А. В., Васильева А. С. Особенности олигополистического рынка Российской Федерации // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 6. С. 383–387.
7. Отверченко Л. Ф., Тимофеева К. А. Анализ структуры рынка российских эксплуатантов воздушного транспорта // Наукосфера. 2023. № 9 (1). С. 257–261.
8. Лыткин С. О. Привлечение прямых иностранных инвестиций: проблемы и пути решения в условиях санкций // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 1841–1854.
9. Лысенко Ю. С., Коноплёва Ю. А. Инвестиционный климат России: анализ оценок международных экспертных организаций и рейтинговых агентств на современном этапе // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2020. № 1 (76). С. 121–126.
10. Калинин А. М., Коротеев С. С., Крупин А. А., Нефёдов А. В. Технологическая импортозависимость российской экономики: оценка с использованием таблиц «затраты — выпуск» // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1. С. 83–93.
11. Сухарев О. С. Структура технологической динамики и экономический рост России // Федерализм. 2020. Т. 25, № 4 (100). С. 5–25.

12. Сараджева О. В. Преимущества и недостатки сырьевой экономики России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8. С. 233–239.
13. Капканщиков С. Г. Стратегические дефекты российской сырьевой модели экономики // Общество и экономика. 2021. № 1. С. 5–21.
14. Кох Ю. В., Бахитова А. А., Финченко В. П. Влияние трудовой миграции на развитие малого и среднего бизнеса в Российской Федерации // Современные проблемы инновационной экономики. 2023. № 9. С. 219–224.
15. Панькин П. В. Гендерные аспекты на рынке труда в условиях трудовой миграции // Вопросы отраслевой экономики. 2023. № 2 (2). С. 16–22.
16. Капинус О. С. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 145–151.
17. Маньковский И. А. Институциональная матрица как системообразующая основа социально-экономического развития // Вестник государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2024. № 1. С. 6–17.
18. Маньковский И. А. Влияние бюджетного финансирования партийной политической активности на эффективность институциональной среды и развитие национальной экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 196–204.

References

1. Zaicev JuK, Loshhenkova AN. The Impact of Sanctions on the Activities of Russian Companies from the Manufacturing Sector of the Economy in the Period 2014–2021. *Zhurnal Novoj jekonomicheskoy asociacii = Journal of the New Economic Association*. 2023;(3(60):50–65. (In Russ.).
2. Golubev AF, Kisly OA, Isaeva MA. National Goals for Combating Corruption at the Current Stage. *Vestnik MGJEI (online) = Bulletin of MGEI (online)*. 2022;(4):158–166. (In Russ.).
3. Belyov SG, Veterinarov VV, Matveev EO. Favoritism in Public Procurement: An Assessment Based on Data from Open R&D Competitions. *Zhurnal Novoj jekonomicheskoy asociacii = Journal of the New Economic Association*. 2023;(2(59):36–63. (In Russ.).
4. Manushin DV, Nureev RM. Sabotage of Russian officials and the main measures to combat it. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij = Journal of Institutional Research*. 2022;14(1):55–69. (In Russ.).
5. Dzobelova VB, Lebedeva NJu. Models of oligopoly and their manifestation in the modern economy of Russia. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Hetagurova = Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova*. 2020;(2):110–116. (In Russ.).
6. Mar'ina AV, Vasil'eva AS. Features of the oligopolistic market of the Russian Federation. *Aktual'nye voprosy sovremennoj jekonomiki = Current issues of modern economics*. 2020;(6):383–387. (In Russ.).
7. Otverchenko LE, Timofeeva KA. Analysis of the structure of the market of Russian air transport operators. *Naukosfera = Scienceosphere*. 2023;(9(1):257–261. (In Russ.).
8. Lytkin SO. Attracting foreign direct investment: problems and solutions in the context of sanctions. *Jekonomika, predprinimatel'stvo i parvo = Economics, entrepreneurship and law*. 2022;12(6):1841–1854. (In Russ.).
9. Lysenko JuS, Konopleva JuA. Investment climate of Russia: analysis of assessments of international expert organizations and rating agencies at the present stage. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the North Caucasus Federal University*. 2020;(1(76):121–126. (In Russ.).
10. Kalinin AM, Koroteev SS, Krupin AA, Nefedov AV. Technological import dependence of the Russian economy: assessment using input-output tables. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*. 2021;(1):83–93. (In Russ.).
11. Suharev OS. The structure of technological dynamics and economic growth of Russia. *Federalizm = Federalism*. 2020;25(4(100):5–25. (In Russ.).
12. Saradzheva OV. Advantages and disadvantages of the raw materials economy of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;(8):233–239. (In Russ.).
13. Kapkanshnikov SG. Strategic defects of the Russian raw materials model of the economy. *Obshchestvo i jekonomika = Society and economy*. 2021;(1):5–21. (In Russ.).

14. Koh JuV, Bahitova AA., Finchenko VP. The Impact of Labor Migration on the Development of Small and Medium Business in the Russian Federation. *Sovremennye problemy innovacionnoj jekonomiki = Modern problems of innovative economy*. 2023;(9):219-224. (In Russ.).
15. Pan'kin PV. Gender Aspects in the Labor Market in the Context of Labor Migration. *Voprosy otraslevoj jekonomiki = Issues of industrial economics*. 2023;(2(2):16-22. (In Russ.).
16. Kapinus OS. Crime of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(1):145-151. (In Russ.).
17. Man'kovsky IA. Institutional matrix as a system-forming basis for socio-economic development. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta prosveshhenija. Serija: Jekonomika = Bulletin of the State University of Education. Series: Economics*. 2024;(1):6-17. (In Russ.).
18. Man'kovsky IA. The influence of budget financing of party political activity on the effectiveness of the institutional environment and the development of the national economy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):196-204. (In Russ.).

Информация об авторе

И. А. Маньковский — кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора.

Information about the author

Igor A. Mankovsky — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Director.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024;
одобрена после рецензирования 27.05.2024; при-
нята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved
after reviewing 27.05.2024; accepted for publication
17.06.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 338.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-237-244

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СУВЕРЕНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Диана Рустамовна Нестулаева

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия, diana_n_r@mail.ru, 0000-0002-4885-449X

Аннотация. В работе представлена авторская трактовка понятия «технологический суверенитет» и обоснован тезис, что субъектом технологического суверенитета может являться только государство, а не отдельные субъекты федерации, т. к. они не являются самостоятельными государствами и не обладают суверенными правами. Но в то же время доказано, что состояние технологического суверенитета российской экономики в значительной мере предопределяется инновационной активностью властей субъектов РФ, реализующих на своих территориях социально-экономическую политику, частью которой является обновление производственных фондов и внедрение передовых технологий, а также необходимая для этого подготовка кадров.

Ключевые слова: технологический суверенитет, импортозамещение, технологическая политика, региональная экономика, технико-экономический потенциал субъектов Российской Федерации

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) и Кабинета министров Республики Татарстан в рамках научного проекта № 23-28-10215 «Экономическая стабильность Республики Татарстан через развитие технологического суверенитета», <https://rscf.ru/project/23-28-10215/>.

Для цитирования: Нестулаева Д. Р. Ключевые направления политики технологической суверенизации российской экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 237–244. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-237-244

Review article

THE KEY DIRECTIONS OF THE POLICY OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Diana R. Nestulaeva

Kazan State Power Engineering University, diana_n_r@mail.ru, 0000-0002-4885-449X

Abstract. The paper presents the author's interpretation of the concept of "technological sovereignty" and substantiates the thesis that only the state can be a subject of technological sovereignty, and not individual subjects of the federation, since they are not independent states and do not have sovereign rights. But at the same time, it has been proved that the state of technological sovereignty of the Russian economy is largely predetermined by the innovative activity of the authorities of the constituent entities of the Russian Federation implementing socio-economic policy in their territories, part of which is the renewal of production assets and the introduction of advanced technologies, as well as the necessary training for this.

Keywords: technological sovereignty, import substitution, technological policy, regional economy, technical and economic potential of the subjects of the Russian Federation

Funding. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RNF) and the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan within the framework of scientific project No. 23-28-10215 "Economic stability of the Republic of Tatarstan through the development of technological sovereignty", <https://rscf.ru/project/23-28-10215/>.

For citation: Nestulaeva DR. The Key Directions of the Policy of Technological Sovereignization of the Russian Economy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):237-244. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-237-244

Введение

Понятие «технологический суверенитет» в отечественной науке стало использоваться с начала XXI века, и в российских экономических словарях, изданных до начала его второго десятилетия, в принципе невозможно встретить научно-определения данной категории. В силу активизации процессов трансформации глобальной экономики и перехода к многополярному мироустройству, проблема сохранения государственного суверенитета стала как никогда актуальной для значительного числа стран и сегодня термин «технологический суверенитет» как его неотъемлемый элемент достаточно часто встречается как в мировом, так и в российском информационном пространстве, одновременно став одной из наиболее употребляемых в научных кругах и СМИ экономической дефиницией. Привлечённые к разработке данной проблематике отечественные учёные продемонстрировали многообразие подходов и разнообразие в оценках этого понятия, что не позволило сформулировать единое и общепринятое его определение, и этот вопрос до сих пор является дискуссионным как для экспертов, так и для российского научного сообщества [1–4]. В значительной мере соглашаясь с позицией большинства наших коллег, позволим себе предложить свою трактовку понятия «технологический суверенитет» (далее — ТС), определённого нами как наличие собственного научного, технического и технологического потенциалов, позволяющих субъектам национальной экономики самостоятельно и/или во взаимовыгодной международной кооперации разрабатывать, производить и использовать ключевые технологии и сервисы в **объёмах**, позволяющих гарантировать стабильность внутреннего рынка и устойчивость экономической системы, а также купировать внешнее негативное воздействие на процессы выработки и реализации национально ориентированной социально-экономической политики [5].

Материалы и методы исследования

В статье при помощи ретроспективного анализа определены исходная точка и причины начала процесса деиндустриализации современной российской экономики, на основании экспертных оценок и результатов экономико-статистического анализа проведён мониторинг текущего состоя-

ния технологического суверенитета, представлено обоснование необходимости и определены основные направления государственной политики его усиления.

Экономические санкции как катализатор процесса обеспечения технологического суверенитета российской экономики

В России официальная трактовка понятия «технологический суверенитет» сегодня сформулирована в «Концепции технологического развития на период до 2030 года», где он определяется как «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий, собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы»¹. В нормативном документе были определены оценочные показатели, которые предстоит достичь к концу текущего десятилетия: снизить коэффициент технологической зависимости в 2,5 раза (показатель определяется соотношением числа иностранных и российских патентных заявок на изобретения); повысить уровень инновационной активности в 2,3 раза; увеличить патентную активность в 3 раза; увеличить темп роста объёма инновационных товаров в 1,9 раза.

Следует признать, что деградация технологической структуры российской экономики началась ещё в начале 90-х годов прошлого века и постепенно усиливалась по мере ускорения процесса деиндустриализации, закрытия значительного числа промышленных предприятий и ликвидации ряда её отраслей. Объявленная коллективным Западом экономическая война и введённые против нашей страны беспрецедентные по масштабам экономические санкции обострили системную проблему наличия разрыва в уровнях технологического развития между Россией и ведущими экономиками мира, продемонстрировав высокую зависимость национальной эко-

¹ Концепция технологического развития на период до 2030 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-п. URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/technological-2023.pdf> (дата обращения: 18.03.2024).

номики от импортного оборудования и технологий, количество которых в отечественном производстве превысило критический уровень и стало реальной угрозой экономической безопасности государства [6]. Именно производственно-промышленный сектор стал одним из основных объектов санкционного давления, цель которого не просто разрыв ранее сложившихся логистических и технологических международных цепочек с участием России, но и установление запретов на использование привлечённых технологий и искусственного создания препятствий при эксплуатации зарубежного оборудования, одномоментно оставшегося без сервисного обслуживания, поддержки ПО и запасных частей. По мнению российских предпринимателей, санкции спровоцировали следующие негативные последствия (рис. 1).

Испытав на себе все издержки санкционной войны, сегодня субъекты экономики достаточно объективно оценивают уровень сложившейся угрозы, понимая, что в стране нет ключевых компетенций по созданию средств производства, и совместно с Правительством РФ активно участвуют в выработке адекватной антисанкционной политики и реализации ответных мер, направленных на повышение уровня импортонезависимости российской экономики [8]. В апреле 2023 г. Правительство РФ обозначило 13 приоритетных направлений проектов, нацеленных на обеспечение ТС страны, в число которых были включены критически значимые технологии в отраслях и сферах экономики, где уровень локализации составлял менее 50 % и где преодолеть импортозависимость без дополнительной и целевой поддержки государства было практически невозможно. В свою очередь эти проекты были дифференцированы на проекты ТС и проекты структурной

адаптации экономики, а для их реализации были привлечены 34 промышленных и 13 общесистемных центров компетенций. В августе 2023 г. после проведения таксономии начали реализовываться 10 проектов (фармацевтика, медицинское оборудование, беспилотные авиационные системы и т. д.), на финансирование которых планируется направить 100 млрд руб.¹ При этом самые большие темпы роста (10–15 % в год) ожидаются в станкостроении, автомобильной и авиационной промышленности, строительно-дорожном машиностроении, фармацевтической промышленности и микроэлектронике.

Сегодня основная задача — снижение коэффициента технологической зависимости и укрепление промышленного потенциала российской экономики через открытие новых инновационных производств и внедрение в осуществляемые производственные процессы результатов отечественных научных исследований и инновационных разработок, т. е. конвертации полученных научных знаний в новые продукты, при этом максимально сократив временной интервал между получением новых знаний и созданием инновационных технологий на их основе.

Технологический вектор развития национальной экономики

Необходимо понимать, что технологической автаркии (абсолютного ТС) нет ни у одной страны в мире, и достичь её в современных реалиях практически невозможно, что наглядно подтверждается статистикой доли иностранной добавленной стоимости в конечном потреблении

¹ Распоряжение Правительства РФ от 18.10.2023 № 2880-р. URL: http://government.ru/dep_news/49824/ (дата обращения: 16.03.2024).

Рис. 1. Негативные последствия от введенных санкций для компаний

Fig. 1. Negative consequences of the imposed sanctions for companies

Источник: составлено на основании [7]

промышленного сектора ведущих экономик мира (рис. 2).

В силу данного тренда российский бизнес также применяет зарубежные технологии и оборудование, что создаёт риски (табл. 1).

Однако проявившийся в последние годы тренд на создание региональных техноэкономических блоков, национализацию техстандартов и релокализацию производства критически важных продуктов говорит о начале процесса «островизации» национальных экономик, позволяющего, с одной стороны, обеспечить её устойчивость на основе отечественных производственно-технической и научно-технологической баз, а с другой — сохранить минимально необходи-

мый уровень международной кооперации, позволяющей оставаться частью мировой экономической системы и использовать определённые преференции международного разделения труда. И именно подобный вектор развития национальной экономики, по мнению автора, наиболее оптимален для современной России, находящейся в состоянии экономической войны с коалицией стран коллективного Запада, в совокупности обладающей кратно большим техноэкономическим потенциалом и значительными политическими ресурсами для продавливания антироссийских санкций и рестрикций на международной арене. А это в свою очередь означает, что наличие ТС является обязательным условием сохранения

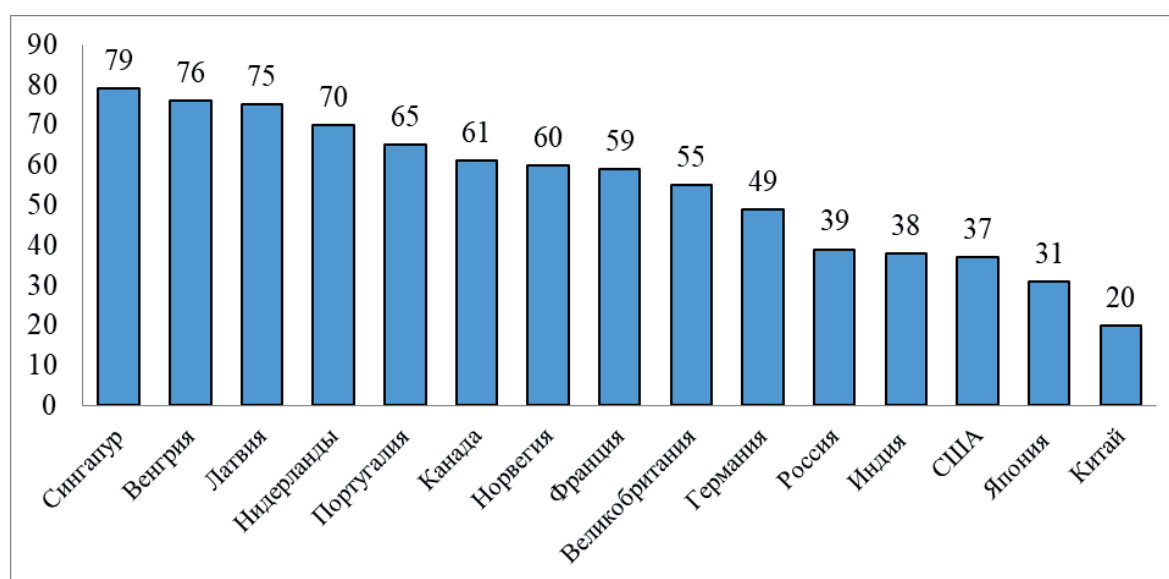

Рис. 2. Доли иностранной добавленной стоимости в конечном потреблении промышленного сектора ведущих экономик мира, %¹
 Fig. 2. Shares of foreign value added in final consumption of the industrial sector of the world's leading economies, %

Таблица 1
 Table 1

**Зависимость компаний от основных категорий импорта в 2022 г.,
 % ответивших**
Dependence of companies on the main import categories in 2022, % of respondents

	Машины и оборудование	Детали, компоненты и агрегаты	Сырьё и материалы
Импорт есть, реальных аналогов нет ни в России, ни в дружественных странах	15	12	9
Импорт есть, в России реальных аналогов нет, но есть аналоги в дружественных странах	25	22	22
Импорт есть, но имеются доступные аналоги в России	8	9	10

Источник: составлено на основании [7]

¹Импортозамещение в России: вчера и завтра. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/814560067.pdf> (дата обращения: 04.01.2024).

Россией не только своей независимости, но и территориальной целостности и государственности.

Для результативного решения задачи обеспечения ТС необходимо сформулировать единые и понятные подходы, отказаться от принципа немедленного извлечения акционерной стоимости новых продуктов¹ и создать механизмы реализации, адекватные сложившимся геоэкономическим и геополитическим реалиям, учитывающие также социально-экономическую ситуацию внутри страны и интересы всех субъектов этого процесса. При этом алгоритм практических действий в каждой из стратегических сфер экономики может быть следующим:

- 1) идентификация соответствующих технологий посредством анализа связей между функциями/возможностями/технологиями;
- 2) выбор соответствующих цепочек добавленной стоимости;
- 3) определение соответствующего уровня и формы российского контроля над цепочкой добавленной стоимости;
- 4) выявление пробелов и зависимостей, которые могут подорвать суверенитет;
- 5) подготовка и реализация мер по обеспечению желаемого уровня контроля [9].

На первоначальном этапе следует прежде всего заручиться широкой общественной поддержкой, проведя массированную информационно-пропагандистскую кампанию в СМИ, разъясняя населению острую необходимость достижения технологического суверенитета и демонстрируя его влияние на эффективность финансово-хозяйственной деятельности всех субъектов экономики, включая домохозяйства. Одновременно надлежит провести аудит основных фондов и определить степень импортозависимости ключевых сфер и отраслей экономики, сформировав актуальный перечень произведённого в недружественных странах оборудования и иностранных технологий, требующих ротации на отечественные аналоги. Именно результаты анализа данного перечня должны послужить информационным источником разрабатываемых программ и ориентирами реализуемой новой промышленной политики. Согласно актуальным данным ЦБ РФ, наибольшая доля импорта из государств, входящих в антироссийскую коалицию, в конечной продукции наблюдается в автомобилестроении

(25 %), производстве резиновых и пластмассовых изделий (18 %), производстве прочих транспортных средств (16 %), машин и оборудования (15 %), а также в сфере фармацевтики (15 %)², что переводит эти отрасли в «красную зону» наличия угроз утраты технологического суверенитета.

Также следует, с одной стороны, опережающими темпами подготовить необходимую кадровую и материально-техническую базу для развёртывания планируемых производств, а с другой — как можно быстрее довести проводимые научные исследования и разработки до стадии готового к внедрению продукта, значительно укрепив инфраструктуру для конструкторских работ и опытного производства [10]. При этом параллельно должны быть запущены процессы внутренней трансформации существующих и создание новых субъектов технологического обновления, т. к. на смену сегодняшним участникам технологических преобразований в виде команд разработчиков и промышленных площадок должны прийти исследовательские консорциумы и технологические холдинги, которые, по сути, представляют собой новое поколение научно-производственных объединений R&D-менеджеров, производства, науки и образования. Система подготовки кадров должна предвосхищать потенциальные техноэкономические изменения и заранее иметь в своём арсенале программы обучения, нацеленные на решение перспективных задач экономики и бизнеса. Предприниматели, выстроив эффективные коммуникации с представителями прикладной и академической науки, должны уметь обозначать актуальные направления исследований и правильно формулировать задачи для научных изысканий, решение которых способно повысить конкурентоспособность и эффективность бизнеса. А представители научного сообщества, находясь в постоянном взаимодействии с экономическими субъектами, должны быть информированы об их запросах и потребностях, и осуществлять научно-методическое сопровождение финансово-хозяйственной деятельности, предлагая инновационные решения системных проблем экономики.

При этом эффективность процесса обеспечения технологического суверенитета, на взгляд автора, можно существенно повысить за счёт более активного вовлечения в процесс научно-технического и производственного потенциалов

¹ Песков Д. Н. Остров Россия. URL: https://www.rbc.ru/opinions/economics/09/06/2022/62a0e95b9a79472d8b713207?from=article_body (дата обращения: 27.12.2023).

² Карпов Д. Оценка зависимости России от импорта промежуточной продукции. URL: https://cbr.ru/content/document/file/144138/wp_106.pdf (дата обращения: 27.12.2023).

субъектов РФ, а также формирования региональными властями на своих территориях благоприятного предпринимательского климата и проведения политики экономического и правового протекционизма в отношении местных товаропроизводителей. Проведённое автором в январе 2024 г. интервью десяти экономических агентов Республики Татарстан выявило, что при решении задач технологического обновления собственной производственной базы и импортозамещения, все респонденты рассчитывают наряду с мерами федеральной поддержки получить аналогичную помощь и от властей субъектов, которая, по их мнению, должна заключаться в вовлечении в процесс технологической суверенизации средств региональных и местных бюджетов (отметили 8 респондентов), в предоставлении льгот по региональным налогам (7 респондентов), в переходе на долгосрочное планирование регионального и муниципальных заказов (6 респондентов) и переориентации находящейся на попечении регионов системы профессионального образования на потребности реального сектора экономики.

Выводы

Проведя анализ понятия «технологический суверенитет», можно с уверенностью сказать, что субъектом технологического суверенитета может являться только государство, обладающее неотчуждаемым правом осуществлять на своей территории верховенство власти, предполагающее независимость в принятии и реализации национально ориентированных решений от влияния другого государства или международных институтов. Субъекты РФ не обладают технологическим суверенитетом, т. к. не являются самостоятельными государствами и не обладают суверенными правами, включая право реализации независимой и самостоятельной социально-экономической политики, т. е. говорить о технологическом суверенитете отдельного региона страны нельзя. Но субъекты вносят свой вклад в обеспечение технологического суверенитета страны через процесс укрепления научно-промышленного потенциала регионов, реализацию на своей территории единой государственной политики по импортозамещению и снижению импортозависимости

промышленно-производственных отраслей национальной и локальной значимости.

В связи с чем считаем, что для результативного решения задачи обеспечения технологического суверенитета страны, необходимо на федеральном уровне:

1) сформулировать единые и понятные подходы к государственной промышленной и технологической политике;

2) создать механизмы реализации, адекватные сложившимся геоэкономическим и геополитическим реалиям, учитывающие также социально-экономическую ситуацию внутри страны.

А на региональном уровне:

1) предоставить региональные и местные налоговые льготы (например, льготы по налогу на прибыль по доходам);

2) создать собственные структуры инновационной и административной поддержки экономических агентов осуществляющих финансово-хозяйственную деятельность на соответствующих территориях;

3) оказать софинансирование НИОКР подконтрольных учреждений и организаций за счёт региональных источников (льготные кредиты, компенсация затрат, субсидии и др.);

4) жёстко увязать планы профессиональной подготовки кадров с актуальными запросами товаропроизводителей соответствующих регионов.

Такое разделение связано с тем, что разные регионы значительно отличаются между собой по «качеству» и объёму социально-экономического потенциала и имеют отличную друг от друга научно-производственную структуру, которая складывалась под влиянием исторических, географических, демографических и иных факторов. В связи с чем, несмотря на общность стратегических целей единой государственной экономической политики, одной из задач которой является обеспечение технологического суверенитета национальной экономики, при определении тактики конкретных действий и решении прикладных задач необходимо учитывать региональную специфику, в полной мере используя сложившиеся конкурентные преимущества и максимально задействовав потенциал каждой области, округа, республики или края.

Список источников

1. Афанасьев А. А. «Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 9. С. 2377–2394. DOI: 10.18334/errp.12.9.116243

2. Ефимов А. В., Тихоновская С. А. Технологический суверенитет России в контексте стратегических целей развития региональной экономики // Друкеровский вестник. 2022. № 4 (48). С. 165–172.
3. Дементьев В. Е. Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // Terra Economicus. 2023. № 21 (1). С. 6–18. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18
4. Горячева Т. В., Мызрова О. А. Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, Вып. 2. С. 134–145.
5. Нестулаева Д. Р., Авхадиева Э. А. Концепция технологического суверенитета как продолжение политики импортозамещения // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 3. С. 37–40.
6. Шлычков В. В. Экономика России 2023 г. — смена парадигмы развития и структурная трансформация // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 1. С. 51–57.
7. Адаптация российских промышленных компаний к санкциям: первые шаги и ожидания: докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / Ю. В. Симачев (рук. авт. кол.), А. А. Яковлев (рук. авт. кол.), В. В. Голикова и др. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 38 с.
8. Шлычков В. В., Зарезнов Д. А., Квасников В. А. Экономическая безопасность России — актуальные угрозы и контрмеры для их эффективного преодоления // Human Progress. 2023. Т. 9, Вып. 6. С. 12. DOI: 10.34709/IM.196.12, EDN LUPMLH.
9. Тренды регионального развития — 2023 / под. ред. акад. РАН В. В. Окрепилова, д. э. н., проф. А. Д. Шматко. СПб. : Скифия-принт, 2023. 54 с.
10. Нестулаева Д. Р., Авхадиева Э. А. Патентная активность региона как инструмент обеспечения технологического суверенитета страны (на примере Республики Татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 1. С. 59–62.

References

1. Afanasyev AA. “Technological sovereignty” as a scientific category in the system of modern knowledge. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, entrepreneurship and law*. 2022;12(9):2377-2394. DOI: 10.18334/epp.12.9.116243 (In Russ.).
2. Efimov AV, Tikhonovskova SA. Technological sovereignty of Russia in the context of strategic goals of regional economic development. *Drukerovskij vestnik = Drucker's Bulletin*. 2022;4(48):165-172. (In Russ.).
3. Dementiev V. E. Technological sovereignty and priorities of localization of production. *Terra Economicus*. 2023;21(1):6-18. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18 (In Russ.).
4. Goryacheva TV, Myzrova OA. The role and place of technological sovereignty in ensuring the sustainability of the Russian economy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right*. 2023;23(2):134-145. (In Russ.).
5. Nestulaeva DR, Avkhadiyeva EA. The concept of technological sovereignty as a continuation of the policy of import substitution. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2023;(3):37–40. (In Russ.).
6. Shlychkov VV. Russian economy 2023 — a change in the development paradigm and structural transformation. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2023;(1):51-57. (In Russ.).
7. Simachev YuV, Yakovlev AA, Golikova VV et al. (author's col.). *Adaptatsiya rossiyskikh promyshlennykh kompaniy k sanktsiyam: pervyye shagi i ozhidaniya = Adaptation of Russian industrial companies to sanctions: first steps and expectations*. Moscow: Publ. House of the Higher School of Economics; 2023. 38 p. (In Russ.).
8. Shlychkov VV, Zareznov DA, Kvasnikov VA. Economic security of Russia — current threats and countermeasures for their effective overcoming. *Human Progress*. 2023;9(6):12. DOI: 10.34709/IM.196.12, EDN LUPMLH. (In Russ.).
9. Okrepilova VV, Shmatko AD. (eds.) *Trendy regional'nogo razvitiya — 2023 = Trends in regional development — 2023*. St. Petersburg: Scythia-print; 2023. 54 p. (In Russ.).

10. Nestulaeva DR, Avkhadieva EA. Patent activity of the region as a tool to ensure the technological sovereignty of the country (on the example of the Republic of Tatarstan). *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* = *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2024;(1):59-62. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. Р. Нестулаева — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента

Information about the author

Diana R. Nestulaeva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management

Статья поступила в редакцию 17.01.2024;
одобрена после рецензирования 06.06.2024; при-
нята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 17.01.2024; approved
after reviewing 06.06.2024; accepted for publication
17.06.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 330.33.01

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-245-252

СТУПЕНЬКА В БУДУЩЕЕ (рецензия на коллективную монографию «Экономика России: кто виноват? Что делать?»)

Дмитрий Александрович Плетнёв

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru, 0000-0002-6494-572X

Аннотация. В рецензии представлен обзор основных идей коллективной монографии с броским названием «Экономика России: Кто виноват? Что делать?», подготовленной авторским коллективом под руководством доктора экономических наук, профессора С. И. Кретова. Отмечаются прорывные идеи монографии, в числе которых: предложение сформировать новый контур сферы обращения, основанный на Свободных Суверенных Сертификатах Развития (СССР-рублях с демереджем). Предложения авторов позволят сформировать суверенную систему обращения, предполагающую приоритет сферы производства и обслуживающую её потребности. Высказанные идеи заслуживают их вдумчивой критической оценки академическим и профессиональным сообществом, апробации на модельных отраслях и, надеюсь, последующего внедрения. Отдельно отмечается актуальность предложений, высказанных ещё в 2021 году, а также их практическая ценность для решения задач развития экономики России.

Ключевые слова: экономика России, экономическая теория, сфера обращения, деньги с демереджем

Для цитирования: Плетнёв Д. А. Ступенька в будущее (рецензия на коллективную монографию «Экономика России: кто виноват? Что делать?») // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 245–252. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-245-252

Review article

A STEP INTO THE FUTURE (review of the book “Russian economy: who is to blame? What to do?”)

Dmitri A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru, 0000–0002–6494–572X

Abstract. The review provides an overview of the main ideas of the book with the catchy title “Russian Economy: Who is to Blame? What to do?”, prepared by a team of authors under the leadership of Doctor of Economics, Professor S. I. Kretov. The monograph’s breakthrough ideas are noted, including the proposal to form a new contour of the circulation sphere, based on Free Sovereign Development Certificates (USSR rubles with demurrage). The authors’ proposals will make it possible to form a sovereign circulation system, which assumes the priority of the production sector and serves its needs. The ideas expressed deserve their thoughtful critical assessment by the academic and professional community, testing in model industries and, I hope, subsequent implementation. Separately, the relevance of the proposals made back in 2021 is noted, as well as their practical value for solving the problems of developing the Russian economy.

Keywords: Russian economy, economic theory, sphere of circulation, money with demurrage

For citation: Pletnev DA. A step into the future (review of the book “Russian Economy: Who is to blame? What to do?”). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488)):245-252. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-245-252

Введение

Развитие экономической науки и её значение для хозяйственной практики, во многом опре-

деляется тем, насколько активно зарождаются, обсуждаются, принимаются или напротив, опровергаются новые теории, описывающие существующие или нарождающиеся классы явлений. Без этого любая наука рискует превратиться

в интерактивный музей древностей, забавный, интересный, но по большей части бесполезный. И в связи с этим важно всячески приветствовать и изучать любой опыт разработки научно обоснованной экономической теории, сколь бы необычным и радикальным он ни был.

Ещё в 2021 году была опубликована коллективная монография, в которой подробно раскрыты факторы и индикаторы нарастающей деградации существующей мировой валютно-финансовой системы, в основе которой лежит американский доллар и примкнувшие к нему фиатные валюты, провозгласившие себя так называемыми резервными валютами. Представляемая книга включила в себя результаты научных исследований учёных нескольких ведущих вузов страны, а также специалистов в сфере финансов. Исследовательская группа поставила цель создания «Концепции», «Моделей» и «Дорожной карты» второго производственно-потребительского контура в сфере обращения экономики Российской Федерации на основе небанковских, неденежных средств обращения и успешно её выполнила. Методологическим фундаментом исследования авторы называют доклад Банка России о цифровом рубле¹, что предопределило особую актуальность публикации на тот период. Дальнейшие процессы как усиления неопределённости инфляционных тенденций, так и увеличения Банком России ключевой ставки лишь подтвердили своевременность, актуальность и растущую ценность результатов проведённого исследования.

Что бросается в глаза (структура и яркие моменты монографии)

Оглавление монографии наглядно иллюстрирует цепочку рассуждений и выводов, жизненно важных для экономики нашей страны (рис. 1).

Одной из отличительных черт монографии является наличие запоминающихся читателю «фишек». Уже во введении монографии авторы приводят ссылку на сайт Банка России, где по сей день указывается курсовое значение рублей Госбанка СССР. «Официальные курсы Госбанка СССР иностранных валют по отношению к рублю, применяемые в платёжно-расчётных отношениях Российской Федерации с иностранными государствами по торговым и кредитным отношениям бывшего СССР с 01.04.2021» [1, с. 8]. Вывод

авторов — Банк России по сей день признаёт, что один доллар США стоит 53 копейки, а евро — 62 копейки в официальной котировке.

Под впечатлением данного факта авторы предложили в качестве рабочего названия агента нового контура сферы обращения назвать «Свободными Суверенными Сертификатами Развития» — для лаконичности — «СССР-рублями». И такое название не лишено логики, которой придерживается Банк России» [1, с. 7].

Авторы научно обосновали, что «в рамках постановки в докладе Банка России о цифровом рубле задачи о переводе валютно-финансовой подсистемы экономики России на новые цифровые технологии возможно, а в условиях расширяющихся западных санкций, необходимо создать второй, небанковский, неденежный контур в сфере обращения, который полностью обезопасит экономику России от агрессивных внешних воздействий и создаст качественно новую инвестиционную, инновационную и потребительскую среду, которую не удалось создать с помощью первого рублёвого контура за прошедшие 30 лет. Полученные к этому моменту результаты позволяют немедленно приступить к формированию национальной законодательно-нормативной базы и развёртыванию суверенного аппаратно-программного комплекса для эффективного управления сферой обращения экономики России, включая и её применение в отношениях с другими государствами. Срок реализации разработанной системы — 1 год с момента начала финансирования третьего этапа опытно-технологических и пуско-наладочных работ» [1, с. 13–14]. То есть уже в 2022–2023 годах мог быть запущен эксперимент, а в 2024 году получены практические результаты данной качественно новой инвестиционной модели экономики, не имеющей родовых пороков долларовой валютно-финансовой модели, которые сполна раскрыты в монографии. С учётом более чем успешного опыта советской пятиконтурной модели, в которой главным инструментом инновационного развития страны был контур безналичных средств обращения, представляемый цифровой аналог заслуживает, как минимум, экспериментальной проверки в масштабе крупной отрасли или территории.

Фундаментальный научный подход авторов к предмету исследования проявляется постоянно. В самом начале первой главы даётся чёткая классификация предмета исследования: «Экономика с точки зрения системного подхода является целостной сложной системой, которую можно

¹ Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций : доклад Банка России. — URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 23.04.2024).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	
ГЛАВА 1. ЭКОНОМИКА СССР! ЭКОНОМИКА РОССИИ?	
Структура экономики как сложной системы	
Цифры – упрямая вещь	
Взгляд на экономику России через призму валового внутреннего продукта	
Взгляд на экономику России через призму банковской деятельности	
Выводы	
ГЛАВА 2. КТО ВИНОВАТ?	
Виновата ли мировая финансовая система?	
Перспективы современной западной модели, построенной на «деньгах с пятью функциями»	
Пороки первого (рублёвого) контура, которые тормозят развитие экономики России	
Мыслители прошлого о пагубности ссудного процента	
Фетиш наполненности бумажных денег	
Расширение эмиссионной базы первого контура сферы обращения – мечта «Финансистов»	
Умеют ли регуляторы первого контура валютно-финансовой подсистемы управлять деньгами с пятью функциями?	
Правда и вымысли об инфляции	
Виноваты ли сами «деньги»?	
Выводы	
ГЛАВА 3. ЧТО ДЕЛАТЬ?	
Методология и научная логика исследования контуров сферы обращения	
Двухконтурная модель сферы обращения в Китае	
Обоснование необходимости и возможности создания второго небанковского и неденежного контура сферы обращения	
Исследование классификационных признаков субъектов отношений первого и второго контура, их сходства и отличий	
Архитектура блок-схемы первого контура сферы обращения экономики России	
Архитектура блок-схемы второго контура сферы обращения экономики России	
Концепция цифрового рубля и будущее экономики России	
Сравнительная оценка функций второго контура воспроизводственного кругооборота в условиях санкций, направленных на ограничения первого контура	
Свойства второго (производственно-потребительского) контура	
Цифровой рубль, СССР-рубли и криптовалюты	
Роль СССР-рублей в сфере обращения экономики России	
СССР-рубли как качественно новое средство обращения	
Инфраструктура расчётов с помощью СССР-рублей	
Пользовательские свойства и условия использования СССР-рублей	
Возможности применения СССР-рублей	
СССР-рубли для граждан	
СССР-рубли для субъектов, зарегистрированных на блокчейн платформе и функционирующих в реальном секторе экономики России	
СССР-рубли для государственных платежей	
СССР-рубли для рынков капитала и финансовых инноваций	
Вопросы Банка России по обеспечению ПОД/ФТ/ФРОМУ в аспекте введения СССР-рублей	

Рис. 1. Содержание рецензируемой монографии «Экономика России: Кто виноват? Что делать?»

Fig. 1. Contents of the peer-reviewed monograph "The Economy of Russia: Who is to Blame? What to Do?"

точно назвать «искусственной средой обитания Человека». Она включает в себя две крупнейшие подсистемы: производственно-хозяйственную (везде по тексту — «Производители» и «Потребители») и валютно-финансовую (везде по тексту — «Финансисты»).

Авторы справедливо проводят жёсткую линию на абсолютный приоритет производственно-хозяйственной подсистемы экономики по отношению к валютно-финансовой, политической и прочим подсистемам. Как отмечают авторы, «члены современной руководящей подсистемы с помощью искусственного бумажного законодательства сформировали противоестественные нормы и правила воспроизводства, в котором валютно-финансовая подсистема («Финансисты») из помощника «Производителей» и «Потребителей» превратилась в их монопольного эксплуататора» [1, с. 18]. Этот тезис всесторонне доказан в монографии теоретически и практически.

Поднимаясь на сущностный уровень научного анализа, авторы оглашают приговор современной рыночной или, точнее, капиталистической модели: «Цивилизационный кризис, порождённый покорителями природы в частности и современным капиталистическим воспроизводством в целом, принципиально непреодолим ни с помощью кейнсианских инструментов стимулирования спроса, ни на основе институциональных и монетарных мер регулирования, на которые уже почти 30 лет безрезультативно уповают и в России» [1, с. 18].

Конструктивные разработки авторов базируются на чётком структурировании общественного воспроизводства на три подразделения (наука, образование, материальное производство) и четыре сектора материального производства, а также на отечественные разработки группы учёных под руководством Л. В. Канторовича: Теорию и Систему Оптимального Функционирования Экономики.

Глубокое и ответственное сопоставление экономических результатов воспроизводства советской общенародной частной собственности и российской приватной экономики ставит окончательную точку в научном обосновании необходимости скорейшего внедрения в народное хозяйство качественно нового неденежного и небанковского средства обращения. Перечисленные и многие другие факты выводят читателей на очень серьёзные выводы:

1. Общественный народнохозяйственный комплекс СССР по всем параметрам был более ди-

намичным, эффективным в сравнении с приватизированной экономикой России, а его приоритетом были «Производители» и «Потребители», а не «Финансисты».

Сложная система российской экономики в настоящее время функционирует не в интересах динамичного развития отечественных «Производителей» и удовлетворения витальных потребностей конечных бенефициаров — «Потребителей», а в целях обеспечения, многократно превышающих здравый смысл доходов «Финансистов» и снобистского потребления узкого круга скоробогатых членов руководящей подсистемы, получивших право принимать решения.

Ключевым звеном, препятствующим развитию нашей страны и повышению благосостояния граждан, является валютно-финансовая подсистема экономики, которая из «фиктивного капитала» фактически превратилась в «паразита, живущего лучше хозяина» — производственно-хозяйственной подсистемы и «Потребителей».

Сложившаяся в экономике России ситуация требует самых решительных действий, которые могут сломать негативную тенденцию и направить социально-экономическое развитие страны в позитивное русло» [1, с. 42].

Что заинтересует теоретика

Вторая глава книги названа весьма символично: «Кто виноват?» Здесь вновь следует отметить научность исследования, даже несмотря на отдельные публицистические вставки, которые иллюстрируют ход анализа и являются более доступными для понимания простыми читателями, не имеющими финансового образования. Обилие приведённых фактов, с которыми лучше познакомиться лично в книге, их классификация и логическая увязка подводят читателей к весьма неожиданному выводу:

«1. Ход мировой истории наглядно демонстрирует то, что со времён конституирования ростовщической деятельности в банковскую форму изменился имидж ростовщиков, но их суть осталась неизменной — паразитизм.

2. В этой же ретроспективе экономическая роль ростовщиков-банков изменилась радикально. Из „фиктивного капитала“, из вспомогательной подсистемы ростовщичество-банкирство благодаря навязываемым социуму корыстным бумажным законам превратилось в абсолютно-го диктатора-паразита, отбирающего благодаря своему монопольному положению необоснованно высокую долю создаваемой в производственно-

хозяйственной подсистеме добавленной стоимости. Через высокий потребительский ссудный процент ростовщики-банкиры умудряются изъять у „Потребителей“ значительную часть их необходимого продукта, что приводит к росту бедности населения и неприемлемой дифференциации доходов простых граждан, с одной стороны, и „Финансистов“ — с другой.

3. Виновными в бедственном положении „Производителей“ и „Потребителей“ являются не физические люди, принимающие решения в среде „Финансистов“, а сам институт — „деньги с пятью функциями“, то есть деньги в классическом их понимании. Любые самые умные, нравственные и квалифицированные люди, попавшие в стан „Финансистов“, в силу своего неосознанно подчинённого положения с неизбежностью переформируются из благородных мужей в ростовщиков-паразитов, потребности, интересы и ценности которых извращаются, а мораль и нравственность уступает место алчности и эгоизму.

4. Поэтому бороться надо не с конкретными физическими лицами — руководителями банков, финансовыми чиновниками и прочими жертвами рыночной экономики, а с абстрактной категорией — «деньгами с пятью функциями», которая, бесспорно, является главным виновником тяжелейшего кризиса у нас в стране, а также перехода от взаимовыгодного сотрудничества „Производителей“ к санкциям и угрозам и терминального кризиса капиталистической системы мироустройства в целом, включая и ценности цивилизации покорителей природы.

5. Главным лозунгом борьбы должен стать призыв: „Долой монополию денег с пятью функциями“.

6. Главной целью обустройства будущей „Державной гармонической экономики добротворения“ должны стать новые средства обращения, свободные от клейма ссудного процента. Они станут природосоответствующим «клеем», связывающим „Производителей“ и „Потребителей“ самым эффективным способом без какой-либо платности и возвратности» [1, с. 113–114].

Что интересно практикам

Заключительная глава может рассматриваться как образец научной ответственности авторов монографии. Она не только называется «Что делать?», но предельно точно и всесторонне отвечает на поставленный вопрос. Выводы третьей главы в аспекте современных проблем ключевой ставки Банка России, которая не останавливает

рост потребительских цен и практически лишает коммерческого финансирования предпринимателей страны, остаются не просто актуальными, а служат реальным укором финансовому блоку правительства, который демонстрирует неспособность позитивно влиять на достижение технологического суверенитета и обеспечение потребительского рынка дешёвыми и качественными товарами. Эти выводы заслуживают того, чтобы быть приведёнными «без купюр»:

«1. Феномен постоянного и сбалансированного обмена, кругооборота веществ в окружающем мире в целом и в экономике в частности является фундаментальным свойством Природы. Естественные силы Природы обеспечивают сбалансированное и гармоничное расширенное воспроизводство ресурсов и их потребителей без каких-либо видимых посредников с помощью непознанных пока в полной мере упреждающих обратных связей.

2. В границах искусственной среды обитания человека для балансировки произведённых материальных и цивилизационных благ и их „Потребителей“ в динамике веками использовался такой инструмент, как „деньги с пятью функциями“. Это рукотворный и бесконечно менее эффективный, по сравнению с природным „упреждающими обратными связями“, инструмент реализации балансовых и обменных явлений в экономике. Современные деньги являются искусственным и весьма неудачным изобретением человека.

3. Современные деньги, имеющие пять функций, являются инструментом „доения“ акторов реальной экономики финансовыми олигархами через ставку по кредитам и монопольное управление её величиной путём создания искусственного дефицита денег в момент их нехватки в сфере обращения и усиления избытка денег в периоды их невостребованности участниками обмена.

4. С эпистемологической точки зрения:

„Деньги с пятью функциями“ — это финансовая удавка на шее каждого актора реальной экономики. Они поступают в сферу обращения лишь на условиях возвратности и платности.

Финансовые посредники — это банальные паразиты, находящиеся в перманентном корпоративном сговоре против „Производителей“ и „Потребителей“.

5. Сущностное решение проблемы приближения денежной балансировки возможностей и потребностей внутри искусственной среды обитания человека к аналогичному природосоответствующему механизму может опираться

на открытие Аристотеля, выделявшего сферу экономики — ведения хозяйства и сферу хрематистики — приумножение денежного богатства.

6. В будущей экономике витального потребления основным средством обмена будут «СССР-рубли с демерреджем», которые лишены недостатков „денег с пятью функциями“. СССР-рубли предоставляются социумом акторам реальной экономики без условий платности и возвратности и в суммах, балансирующих ценностной объём созданных материальных и цивилизационных благ и предоплаченную потребность в них „Потребителей“.

7. СССР-рубли — это не финансовый инструмент приумножения богатства, а метрическое средство универсального и всеобщего сопоставления общественной ценности обмениваемых благ, как материально-вещественных, так и цивилизационных. СССР-рубли — это более природосоответствующая „смазка“ шестерёнок реальной экономики нежели современные „деньги с пятью функциями“.

8. СССР-рубли с демерреджем как качественный новый „посевной материал“ (исходная категория) будущей гармонической общественно-экономической формации постепенно вытеснит из экономики (искусственной среды обитания человека) в сферу хрематистики первосемя капитализма — „деньги с пятью функциями“ — и даст простор для реальных отраслей экономики.

11. СССР-рубли с демерреджем не позволяют полностью гармонизировать различные виды деятельности людей, как это происходит в природном воспроизводственном цикле. Но их следует рассматривать как гигантский сознательный шаг человечества к включению продуктов жизнедеятельности людей в естественный кругооборот вещества на планете.

10. СССР-рубли с демерреджем опираются не на апостериорный спрос и предложение товаров на рынке, а на априорно рассчитываемые объективно обусловленные оценки природных ресурсов всех типов в контексте реального и актуального спроса конечных потребителей.

11. СССР-рубли с демерреджем — это средства связи „Производителей“ и „Потребителей“ благ с Природой, как поставщика всех ресурсов человечеству на бесплатной и безусловной основе. Они наделяются бумажными законами лишь двумя функциями: „меры ценности“ и „средства обращения“.

12. Демерредж — это форма уценочного сбора с владельцев СССР-рублей, который взимает эми-

тент — общество за право любого актора владеть данными средствами обращения. Он уценивает номинальные значения их ценности и обеспечивает их «порчу», аналогично порче от времени всех прочих благ и товаров, обращающихся в экономике. Демерредж-сеньораж полностью покрывает расходы на администрирование кругооборота СССР-рублей.

13. СССР-рубли с помощью регулирования величины демерреджа гарантируют динамический баланс спроса и предложения в сфере обращения, существенно повышая требовательность потребителей к качеству благ.

14. СССР-рубли эффективно, в динамическом режиме априорно фиксируют метрические соотношения между обмениваемыми материальными и цивилизационными благами, не препятствуя „Производителям“ в процессе реализации основной цели гармонической формации — удовлетворения возвышающихся органических витальных потребностей людей — находить конечных „Потребителей“, а не платёжеспособных контрагентов — посредников-спекулянтов.

15. СССР-рубли позволяют ускоренными темпами развивать сферу цивилизационных благ, которая объективно будет занимать в витальном потреблении людей будущего всё большее место.

16. СССР-рубли не обладают функцией „средство платежа“. Её сводит на нет два базовых свойства СССР-рублей. Во-первых, каждый владелец данного средства обращения обязан уплачивать эмитенту демерредж. Во-вторых, СССР-рубли теряют свойство ограниченного ресурса и обеспечивают в сфере обращения непрерывный динамический баланс ценности благ и количества СССР-рублей.

17. Неотвратимость уплаты демерреджа любым владельцем СССР-рублей позволяет предельно снизить транзакционные издержки в условиях углубляющегося разделения и специализации производств.

18. СССР-рубли не могут стать сокровищем или „средством накопления“, так как они обладают имманентным свойством „усушки“ и „утруски“ на сумму регулярно взимаемого демерреджа, как и все прочие товары.

19. СССР-рубли благодаря простому механизму поддержания текущего баланса суммы объективно обусловленных цен товаров и количества СССР-рублей в сфере обращения полностью исключают монетарную и структурную инфляцию и монополизацию сферы обращения.

20. СССР-рубли не подходят для коррупционных отношений, так как они лишь сопровождают и опосредуют процессы обмена благ, но не могут выполнять функции платёжного средства в посреднических и финансовых спекулятивных схемах.

21. СССР-рубли — это многократно и успешно апробированный инструмент развития реальной экономики, преследуемый и сегрегируемый капиталистическими бумажными законами в силу его бесспорной эффективности для „Производителей“ и „Потребителей“, а не для „Финансистов“ и прочих спекулянтов.

22. Введение двухконтурной системы финансирования сферы обращения исключает катаклизмы и обвалы в экономике» [1, с. 205–208].

Обобщая детализированные выводы представленного фундаментального научного исследования современной сферы обращения, авторы сводят задачи членов российской руководящей подсистемы к двум первым шагам. Введение качественно новых неденежных небанковских СССР-рублей, что позволит безинфляционно насытить экономику, особенно её инновационную часть, достаточным количеством нормируемых оборотных средств обращения, не обложенных данью ссудного процента и залогов. Проверить этот научный вывод следовало бы уже два года назад, дополнив разработанные Концепцию и Модель качественно нового средства обращения, свободного от недостатков „денег с пятью функциями“ в структуру институтов экономики, Дорожной картой проведения натурного эксперимента в избранной инновационной отрасли или на промышленно развитой территории. Если три года назад эти шаги можно было рассматривать в качестве эффективного взаимодействия науки и государственного управления, то на третьем году СВО, когда на глазах тают внебюджетные средства, выделяемые Правительством РФ производителям вооружений, боеприпасов и самого необходимого под разумный процент, эти шаги уже можно рассматривать как вопросы выживания страны и сохранения социального мира в обществе.

Выпуск СССР-рублей не подпадает ни под один регуляционный и обязывающий Россию международный правовой ограничитель, так как они деньгами в юридическом и финансовом смысле не являются.

Важна также диверсификация. Российский рубль исторически связан очень невыгодными, если не сказать неокOLONIALными, ограничениями со стороны мировых и американских регуляторов и финансовопроевдящих институтов. Вы-

пуск, оборот и использование дополнительных СССР-рублей как реального инвестиционного контура обращения должен будет осуществлять специально созданный «Совет по пропорциям и динамике при Президенте РФ» (СПД). Определяющей функцией СПД будет балансировка количества СССР-рублей, необходимого для ускоренного развития экономики, против необходимых инвестиций в Национальные и другие проекты, включая проекты ОПК. Поэтому этот контур можно рассматривать как президентский и дополняющий банковский контур. По решению Президента РФ могут полностью и в срок дофинансироваться с помощью СССР-рублей все национальные проекты.

Авторами представляемой монографии впервые предлагается средство обращения, лишённое таких недостатков, как взятки, откаты, нецелевое использование, выведение за границу или в иностранную валюту для спекуляций. Применение современных цифровых технологий, включая распределённые сети, блокчейн-платформу и технологию Биг Дэйта позволит в режиме онлайн обеспечить метрическое, измеряемое балансирование инвестиций и товаропотока на рынок. Выпуск СССР-рублей в соответствии с детализированными инвестиционными проектами и госзаказами позволит перевести «Производителей» и «Потребителей» на бесперебойную предоплаченную связь.

Участники программы второго контура сферы обращения сначала в экспериментальном, а потом и в общем порядке будут регистрироваться на блокчейн-платформе, что обеспечит беспрецедентную прозрачность расходования бюджетных средств.

Введение СССР-рублей позволит полностью исключить ссудный процент в структуре цены продукции Национальных проектов, то есть существенно снизить общую нагрузку на бюджет, который через проценты перекачивается в частные банковские структуры, а также снизить цены на продукты потребления.

Важность и практическую значимость результатов исследования отечественных учёных в 2021 году подтвердил заместитель министра промышленности и торговли РФ В. В. Шпак [2]. Кроме положительной оценки монографии он высказался за целесообразность применения этих средств обращения, которые он переименовал в «Неденежные инвестиционные сертификаты», в электронной отрасли для начала в форме натурального эксперимента.

Заключение

Можно ещё долго продолжать описывать преимущества как второго президентского инвестиционного контура в сфере обращения экономики России, так и самих СССР-рублей или «Недежных инвестиционных сертификатов» как качественно нового, но уже несколько раз успешно апробированного средства обращения, но значительно больший эффект будет получен от личного прочтения этой теоретически и практически важной монографии. Отрадно, что книгу можно

бесплатно скачать на сайте одного из авторов¹. Приглашение к дискуссии, уже вызывающей широкий отклик среди ученых-экономистов на различных научных площадках, надеюсь, позволит, в конечном итоге, сделать экономику более сильной, суверенной и ориентированной на человека, заложить основу её процветания на долгие годы, стать одной из ступеней поступательного движения вперёд и вверх.

¹ www.dobrotvorenie.pf (www.dobrotvorenie.ru)

Список источников

1. Экономика России: Кто виноват? и Что делать? : колл. монография / под науч. ред. С. И. Кретьва. М. : Добротворение, 2021. 222 стр.
2. Шпак В. В. Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации и её финансовое обеспечение // Экономика науки. 2021. Т. 7, № 3. С 195–204.

References

1. Kretov SI. (sci. ed.) The Russian Economy: Who is to blame? And what should I do? Collective monograph. Moscow: Publ. house “Dobrotvorenie”; 2021. 222 p. (In Russ.).
2. Shpak VV. Strategy for the development of the electronic industry of the Russian Federation and its financial support. *Ekonomika nauki = Economics of Science*. 2021;7(3):195-204. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about author

Dmitri A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics of Industries and Markets.

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 18.05.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД A FRESH LOOK

*Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 253–264.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(6(488)):253-264.*

Научная статья

УДК 338.45:621

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-253-264

«ЗЕЛЁНЫЙ» БЕНЗИН: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ МИФ?

Алина Георгиевна Мысакова^{1✉}, Артём Александрович Крюков²

¹Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Москва, Россия, a.g.mysakova@gmail.com, 0000-0002-6516-8790

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, a_kryukov58@mail.ru, 0009-0000-3008-0388

Аннотация. Учитывая изменение климата и глобальное потепление, переход от бензиновых автомобилей к электромобилям способствует сокращению выбросов углекислого газа и улучшению качества воздуха. Следовательно, электромобили, работая на возобновляемых источниках энергии, а не на ископаемом топливе, представляют собой одно из решений для реализации концепции устойчивого развития. Тем не менее, авторами были выявлены неблагоприятные социально-экологические последствия, связанные с добычей ресурсов для производства электромобилей, ряд проблем, связанных с их эксплуатацией, а также было проанализировано влияние автопроизводителей и отрасли электроэнергетики на процесс внедрения электромобилей в мире. В результате были выдвинуты и доказаны три гипотезы исследования. В данной работе доказано, что создание взаимосвязи исследуемых элементов является проявлением власти, которая может поддерживать экологическое насилие «зеленого» капитализма, означающее, что внедрение электромобилей не является наиболее благоприятным решением преодоления климатических изменений, следовательно, необходимо учитывать все аспекты, связанные с экологическими и социальными последствиями их радикального внедрения. Несмотря на некоторые негативные аспекты, электромобили все же имеют большой потенциал в устойчивости, следовательно, необходимо продолжать исследования в данной области и разрабатывать новые технологии, минимизирующие негативное влияние производства и эксплуатации электромобилей на окружающую среду, а также общество в целом.

Ключевые слова: ТЭК, электромобили, зеленая экономика, автомобильная промышленность, изменение климата, устойчивое развитие, экологическое насилие, зеленый капитализм

Для цитирования: Мысакова А. Г., Крюков А. А. «Зеленый» бензин: реальность или миф? // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 253–264. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-253-264

Original article

«GREEN» GASOLINE: REALITY OR MYTH?

Alina G. Mysakova¹, Artyom A. Kryukov²

¹Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, a.g.mysakova@gmail.com, 0000-0002-6516-8790

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, A_kryukov58@mail.ru, 0009-0000-3008-0388

Abstract. Considering climate change and global warming, the transition from gasoline-powered cars to electric vehicles contributes to reducing carbon dioxide emissions and improving air quality. Therefore, electric vehicles, powered by renewable energy sources rather than fossil fuels, represent one of the solutions for implementing the concept of sustainable development. Nevertheless, the authors identified adverse socio-environmental consequences associated with the extraction of resources for the production of electric vehicles, a number of problems related to

their operation, and analyzed the impact of automakers and the electric power industry on the process of introducing electric vehicles in the world. As a result, three hypotheses of the study were put forward and proved. In this paper, it is proved that the creation of an interconnection of the studied elements is a manifestation of power that can support the environmental violence of «green» capitalism, which means that the introduction of electric vehicles is not the most favorable solution to overcome climate change, therefore, it is necessary to take into account all aspects related to the environmental and social consequences of their radical introduction. Despite some negative aspects, electric vehicles still have great potential for sustainability, therefore, it is necessary to continue research in this area and develop new technologies that minimize the negative impact of the production and operation of electric vehicles on the environment, as well as society as a whole.

Keywords: fuel and energy sector, electric vehicles, green economy, automotive industry, climate change, sustainable development, environmental violence, green capitalism

For citation: Mysakova AG, Kryukov AA. «Green» gasoline: reality or myth? *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):253-264. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-253-264

Введение

На долю транспортного сектора приходится около 60 % мирового потребления нефти и 25 % общего объема выбросов CO₂ в мире; для решения данной проблемы большинство стран мира ввели политику «озеленения» для производства автомобилей с низким уровнем выбросов и энергоэффективности [1].

Представители ряда стран заявили о цели создания углеродно-нейтрального, декарбонизированного общества к 2050 г. [2] Например, Си Цзиньпин на Генеральной Ассамблее ООН пообещал достичь углеродной нейтральности в Китае к 2060 г. Джо Байден объявил о цели достижения нулевого уровня выбросов в США к 2050 г. В 2023 г. президент России В. Путин заявил на форуме «Новая реальность мировой энергетики: создавая будущее», что представляется необходимым стремиться к нулевым выбросам на законодательном уровне.

Минэкономразвития РФ разрабатывает стратегию развития электротранспорта, чтобы увеличить долю электромобилей в общем объеме производства транспорта до 10 %. Инвестиции в устойчивую энергетику являются основным шагом к «зелёной экономике», где электромобили являются ключевым компонентом новой системы «озеленения» промышленности.

Тем не менее авторами было предположено, что устойчивые нарративы способствуют «зеленому капитализму», представляющему собой политическую идеологию, которая объединяет принципы капитализма и экологии, возникшему в двадцатом веке под девизом: непрерывный рост производства и потребления приведет к серьезным экологическим последствиям, например загрязнению окружающей среды, истощению природных ресурсов и изменению климата. Согласно «зеленому капитализму» грамотные рыночные

механизмы способны решить экологические проблемы, поскольку рыночные силы могут быть использованы для создания стимулов и инноваций в направлении экологической устойчивости. Следовательно, грамотное руководство и регулирование отрасли побудит компании использовать экотехнологии и инновации, сокращать выбросы вредных веществ и разрабатывать продукты с минимальным негативным воздействием на окружающую среду [3].

Тем не менее компании могут склоняться к максимизации прибыли, игнорируя экологические аспекты, для чего необходимо разработать эффективные механизмы регулирования и стимулирования, чтобы экапитализм мог полностью реализовать свой потенциал через государственное регулирование, налоговые льготы для экологически ответственных предприятий и образование общества о важности экологической устойчивости.

С одной стороны, автопроизводители и компании ТЭК инвестируют в переход и развитие электромобилей, тем не менее используемые ими стратегии способствуют негативному взаимодействию данных отраслей на основе проблем в цепочках поставок, выражаемых в экологическом насилии [4]. Различные исследования доказывают, что материальные свойства нефти (глубина залегания в земле и вязкость) влияют на инфраструктуру, трудовые отношения и регулирующие режимы нефтяных компаний, а также с учётом того, что транспортная электрификация становится важной составляющей глобального энергетического ландшафта, изучение данной отрасли выявило их влияние на социальные и экологические факторы внедрения электромобилей.

Так, электрическое топливо отличается от традиционного по ряду физических и социальных свойств (табл. 1).

**Анализ преимуществ электрических автомобилей
по сравнению с традиционными (с ДВС)
Analysis of the advantages of electric cars
compared to traditional ones (with internal combustion engines)**

Электричество и традиционное топливо	Преимущество для электромобилей
Не является ископаемым топливом, следовательно, не добывается из земли, а генерируется из различных источников — солнечная энергия, энергия ветра и т. д.	Поскольку электричество не является ископаемым топливом, внедрение электромобилей сократит зависимость от ископаемого топлива и углеродные выбросы
Легко транспортируется по проводам, в то время как нефть — по трубопроводам или танкерами	Электричество легко транспортируется, следовательно, внедрение электромобилей создаст более распределённую энергетическую систему, менее уязвимую к перебоям в поставках
Используется для питания различных видов транспорта, включая автомобили, поезда и самолёты, а нефть — для автомобилей	Электричество используется для питания различных видов транспорта, следовательно, внедрение электромобилей создаст более устойчивую транспортную систему

Источник: составлено автором на основе проведённого анализа данных в открытом доступе.

С другой стороны, радикальное внедрение электромобилей определяется рядом проблем: их стоимость выше, чем у традиционных автомобилей с двигателем внутреннего сгорания, инфраструктура для зарядки электромобилей требует усовершенствования, а также современные электромобили в настоящее время не имеют достаточного запаса хода, что подчёркивает их непрактичность для дальних поездок по России и ряду других стран. Тем не менее, согласно статистическим данным, их внедрение продолжает расти.

По данным Bloomberg New Energy Finance, темпы роста электромобилей с аккумуляторными батареями будут экспоненциальными, в то время как количество бензиновых автомобилей будет линейно снижаться с течением времени, и прогнозируемые данные показывают, что в 2039 г. количество электромобилей сравняется с количеством бензиновых автомобилей¹. Получается, на глобальном уровне, вероятно, существует возможность, что количество электромобилей превысит количество бензиновых автомобилей. Переход к углеродно-нейтральному обществу обусловлен не только быстрым ростом числа электромобилей, но и другими областями и секторами, которые могут положительно сказаться на сохранении окружающей среды. Например, «международная гонка заявлений»

¹ Riley C. The Race to the Electric Car Is Just Getting Started. CNN, Cable News Network. 2024. URL: www.cnn.com/interactive/2019/08/business/electric-cars-audi-volkswagen-tesla/ (дата обращения: 16.03.2024).

о нейтральных выбросах углерода может оказать влияние на поведение общества в целом, что повысит осведомлённость о пользе электромобилей, подкреплённое снижением налогов и бесплатными парковками, следовательно, потребители будут склонны больше к покупке электромобилей.

Таким образом, первая гипотеза исследования — если стоимость электромобилей снизится, и будет создана эко-инновационная инфраструктура для зарядки электромобилей и увеличенного запаса топлива на большие расстояния и эффективной работы двигателя в условиях холодной климатической зоны, то в таком случае электромобили станут более востребованы не только на международном, но и на российском рынке. Это подчёркивает тот факт, что электромобили станут основной частью устойчивой транспортной системы.

Задача данного исследования заключалась в раскрытии феномена политики «зелёной» экономики в контексте электромобилей и выявления их положительного и отрицательного влияния, определив степень их «устойчивости».

Гипотеза 2 — материальные аспекты электричества влияют на то, как автопроизводители пытаются продвинуть концепцию «чистого» зелёного капитализма, основываясь на существующем способе потребления.

Гипотеза 3 — рост спроса на электромобили имеет цепной эффект и в негативно сказывается на экосистеме из-за увеличения поставок литиевых аккумуляторов.

Материалы и методы исследования

Данное исследование выстроено с соблюдением требований к структуре и содержанию научных работ. Для обоснования концептуальной основы подобраны и проработаны соответствующие теме актуальные источники литературы.

Исследование выполнено в научном стиле с соблюдением формально-логического способа изложения материала, где теоретико-методологической основой выступают данные в области электроэнергетики и автомобильной промышленности с учётом глобального тренда реализации концепции устойчивого развития. В ходе исследования использовались научные труды российских и зарубежных учёных по различным аспектам экономики, официально опубликованные данные, включая экспертные оценки и статистические данные. Для эмпирической части исследования в начале 2024 г. авторами было проведено интервью среди 20 экспертов исследуемой отрасли России (табл. 2). Количество мужчин — 80 %, женщин — 20 %. Возрастная категория от 30 до 40 лет — 52,1 %, в возрасте 50 лет и старше — 2 (0,6 %). Все респонденты были со средним и высоким уровнем образования и дохода.

Выводы основаны на обзоре литературы, на интервьюировании экспертов отрасли, работающих в сфере электромобилей, автопроизводителей и консалтинговых фирм, а также на проведённом исследовании в контексте общей составляющей. Исследование базировалось на отслеживании цепочки поставок электромобилей и определения положения отрасли в рамках «зелёной» экономики. Далее был проведён обзор энергетических материалов.

Результаты исследования и их обсуждение

Крупные производители выпускают электромобили аналогично автомобилям с двигателями внутреннего сгорания, работающими на иско-

паемом топливе. Они закупают детали в разных странах для сборки моделей соответствующего качества от поставщиков по всему миру.

Аккумуляторы определяют дальность маршрута электромобиля, его стоимость и долговечность. Ассортимент является особенно важным двигателем продаж для потребителей, о чём свидетельствует его заметность в рекламных материалах компаний электромобилей.

Как и двигатели внутреннего сгорания, электродвигатели обычно производятся автопроизводителями. Однако аккумуляторы зависят от их цепочки поставок и производственного процесса. Во многом это связано с сырьём, необходимым для их производства, который добывается из недр земли: литий, кобальт и никель.

Более того, данные BloombergNEF показывают, что электромобили в настоящее время составляют всего 3 % от общего объёма продаж автомобилей по всему миру. К 2025 г. доля электромобилей в мировых продажах легковых автомобилей достигнет 10 %, увеличившись до 28 % в 2030 г. и 58 % — к 2040 г.¹ Эти данные также подтверждают рост производства лития.

Учитывая потенциальный рост производства литиевых батарей, авторами было проанализировано их влияние на окружающую среду. В некоторых местах сосредоточены крупные запасы лития (Аргентина, Чили, Боливия, Австралия), а в других — более 60 % мировых запасов кобальта (Конго). Крупные месторождения никеля находятся в Бразилии, Индонезии и Австралии. На мировом рынке лития доминирует объединение транснациональных корпораций, образующих некооперативную олигополию.

¹ Kopestinsky A. Electric Car Statistics and Facts 2021: Policy Advice. Policy Advice. 2022. URL: policyadvice.net/insurance/insights/electric-car-statistics/ (дата обращения: 16.03.2024).

Таблица 2

Table 2

Обзор информации о респондентах Overview of Respondent Information

Критерий	Данные	
Пол респондентов	Мужской	16
	Женский	4
Отрасль	Отрасль электромобилей	8
	Традиционное машиностроение	9
	Представители консалтинга	3

Источник: составлено автором на основе проведённого интервьюирования.

Как правило, существует два способа извлечения лития: традиционная экстракция и извлечение из твёрдых пород. Тем не менее оба воздействуют на окружающую среду [5]. Сходство заключается в том, что они требуют больших площадей и расхода воды для добычи, что имеет негативный характер для экосистемы, в которой происходит добыча. Например, «в 2016 г. в водах реки Личи, где произошла утечка токсичного химического вещества из литиевого рудника Ганьцзичжоу Ронгда, была обнаружена мёртвая рыба. Также были найдены плавающие вниз по течению коровы, погибшие от употребления загрязнённой воды»¹. Это свидетельствует о том, что производство составных запчастей для электромобилей неэкологично и представляет угрозу для экосистемы.

Более того, добыча лития не только негативно влияет на экосистему, но и приводит к образованию большого количества парниковых газов, когда ионы лития попадают в аккумуляторы. По данным Шведского института окружающей среды, «в момент производства электромобиля при изготовлении среднестатистического аккумулятора электромобиля выделяется до 17,5 тонн углекислого газа»². Если рассматривать это в перспективе, то за весь свой жизненный цикл бензиновый автомобиль производит около 45 метрических тонн углекислого газа. Это означает, что на момент создания электромобиля он уже выделяет такое количество парниковых газов, которое составляет около трети от общего объёма выбросов бензинового автомобиля.

После извлечения эти металлы отправляются на перерабатывающие предприятия, по большей части в Китай, а затем — производителям аккумуляторных элементов. Эти предприятия, как правило, расположены ближе к заводам по производству автомобилей или внутри них. Например, корейский производитель аккумуляторных элементов LG Energy Solutions имеет заводы, которые снабжают американскую компанию General Motors в Америке, американская Tesla — с японской корпорацией Panasonic на производство ак-

кумуляторных элементов в штате Невада (Америка). Аккумуляторы собираются из этих элементов и устанавливаются в серийные автомобили на месте производителями, поскольку размер и вес готовых аккумуляторов затрудняют их транспортировку.

В глобальной цепочке поставок остаётся много объектов эксплуатации. Увеличение добычи лития привело к нехватке воды, загрязнению почвы и лишению собственности коренных народов, проживающих вблизи мест добычи лития.

Аналогичные проблемы возникают при добыче других металлов. Международная амнистия, занимающаяся охраной окружающей среды, в Конго обнаружила многочисленные нарушения при добыче кобальта³. В России правозащитники окружающей природы пытаются остановить компанию Tesla от добычи никеля, провоцирующей значительные экологические проблемы⁴. Компании, добывающие никель, в Индонезии используют не экологические методы утилизации отходов, а именно, сбрасывают отходы в океан⁵.

Электромобили также производят значительное количество электронных отходов, которые часто утилизируются в Индии, Китае, Бразилии, Мексике, странах Африки и др., что приводит к проблемам общественного здравоохранения и безопасности жителей [6]. Предприятия по утилизации и вторичной переработке аккумуляторных батарей в Гане, использующие такие методы, как кислотное выщелачивание и сжигание, были связаны с почечной недостаточностью и раком у детей и беременных женщин [7].

Ожидается, что прогнозируемый рост отрасли электромобилей потребует увеличения добычи металлов. Так, Deutsche Bank прогнозирует, что только на электроавтомобили будет приходиться 38 % всего мирового спроса на литий

³ Amnesty International. This is What We Die For: Human Rights Abuses in the Democratic Republic of the Congo Power the Global Trade in Cobalt. Reliefweb. 2016. URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/what-we-die-human-rights-abuses-democratic-republic-congo-power> (дата обращения: 02.03.2024).

⁴ Tesla предупредила о рисках возможного сотрудничества с «Норникелем». РБК. 2021. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/611dcf459a794757d8848439> (дата обращения: 02.03.2024).

⁵ Bloomberg: Индонезия в течение двух лет может обеспечить 65 % мировых поставок никеля. ТАСС. 2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17400753> (дата обращения: 02.03.2024).

¹ Hashtap.beta. 2021. URL: <https://www.hashtap.com/@dmitriy.bobrov/детский-труд-утечки-токсичных-веществ-цена-которую-мы-можем-заплатить-за-более-экологичное-будущее-d3gezr0PX1M0> (дата обращения: 02.03.2024).

² Almond J. Do Electric Cars Produce a Lot of Carbon Dioxide (CO2)? Motor- Biscuit. 2023. URL: www.motorbiscuit.com/do-electric-cars-produce-a-lot-of-carbon-dioxide-co2/ (дата обращения: 02.03.2024).

к 2025 году¹. В целом, ожидается, что рост электромобилей приведёт к значительному увеличению спроса на литий, кобальт и никель, который будет лишь частично компенсирован за счёт вторичной переработки и потребует значительного расширения добывающей инфраструктуры.

Концепция «зелёной» экономики стала широко распространённой среди специалистов в области климатической политики, а также всё чаще среди общественности. Всемирный банк и ООН используют термин устойчивое развитие для описания практики экономического развития. Поскольку электромобили представляют собой возможность как для декарбонизации, так и для экономического роста, они стали ключевым звеном концепции «зелёной экономики» и «зелёного роста» в мире.

Согласно прогнозу объёма продаж легковых транспортных средств, электрические автомобили пользуются большей популярностью с 2023 г. (рис. 1)². Электрификация этих транспортных средств при одновременном переходе на производство возобновляемой энергии вносит значительный вклад в сокращение выбросов углекислого газа.

Согласно рис. 2., суммарные выбросы парниковых газов автомобилями в России в 2050 году могут составить 126,8 млн т, что на 28,5 % меньше, чем в 2021 году³.

В 2023 г. наибольшей популярностью на российском рынке пользовались электромобили марок Zeekr (Китай), Москвич Ze, Evolute (Россия) и Volkswagen (Германия), Tesla (США). В гибридном сегменте устойчивый спрос сохранялся на PHEV бренда Voyah (Китай), хотя в линейке этой марки есть и батарейные автомобили класса «премиум» (табл. 3).

Согласно карте регионов (рис. 3), наибольший интерес к электрическим автомобилям в Москве и МО. Все края страны с высоким уровнем доходов населения также позитивно отмечаются в данной статистике. Скачок может быть реали-

зован благодаря субсидиям от государства и прочим мерам поддержки, которые сделают машины на электрическом ходу привлекательными и для менее обеспеченных автомобилистов.

Статистика «Автостат» утверждает, что с 2024 по 2030 г. рынок батарейных машин в России увеличится в 10 раз (рис. 4). В сбалансированном сценарии «Концепции развития электротранспорта» динамика роста оценивается менее благоприятно, тем не менее, имеется положительная статистика — в 190 тыс. ед. на 2024 г.⁴

Благодаря этому потенциалу электромобили также представляют собой значительную возможность для экономического роста. Для автопроизводителей это означает производство и продажу большего количества электромобилей. Ожидается, что мировое количество электромобилей увеличится с 5,1 млн в 2018 г. до 250 млн в 2030 г.⁵

Ожидается, что внедрение электромобилей приведёт к увеличению потребления электроэнергии, что, следовательно, откроет возможности для роста как для компаний электроэнергетики, так и для автопроизводителей. Представляя пути как для декарбонизации, так и для экономического роста, электромобили стали приоритетом для сторонников «зелёной» экономики.

Согласно статистическим данным, «средний уровень выбросов в течение всего срока службы электромобилей на 70 % ниже, чем у бензиновых автомобилей в таких странах, как Швеция и Франция, где большая часть электроэнергии вырабатывается за счёт возобновляемых источников энергии и ядерной энергетики, и примерно на 30 % ниже в Великобритании»⁶. Это свидетельствует о распространённом заблуждении, что электромобили не выделяют никаких парниковых газов, что ошибочно, поскольку они выделяют парниковые газы неявным образом.

Преимущества электромобилей на этапе эксплуатации базируются на частных электромобилях, общественном транспорте на электротяге — автобусах и электровелосипедах.

¹ Balancing the structural and ethical challenges of the EV industry. SEAS. Umich. 2021. URL: <https://seas.umich.edu/news/balancing-structural-and-ethical-challenges-ev-industry> (дата обращения: 02.03.2024).

² Прогноз выбросов парниковых газов автомобильным транспортом РФ до 2050 года с учётом перехода транспорта на траекторию декарбонизации // МАДИ. 2023. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/seminars/EnergyDialogue/2023/Trofimenko.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).

³ Там же.

⁴ Рынок электромобилей в России может вырасти более, чем в 4 раза в 2023 году // АВТОСТАТ. 2023. URL: <https://www.autostat.ru/news/55754/> (дата обращения: 02.03.2024).

⁵ International Energy Agency. Global EV Outlook 2019. IEA50. 2019. URL: <https://www.iea.org/reports/global-ev-outlook-2019>.

⁶ Harrabin R. Electric Car Emissions Myth 'Busted'. BBC News, BBC. 2023. URL: www.bbc.com/news/science-environment-51977625 (дата обращения: 02.03.2024).

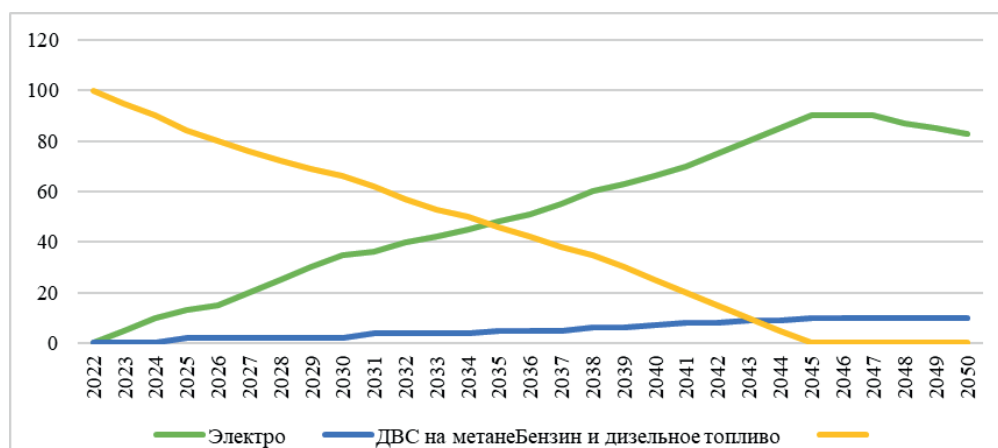

Рис. 1. Прогноз объёма продаж легковых АТС с разными типами энергоустановок, %
Fig. 1. Forecast of sales volume of passenger vehicles with different types of power plants, %

Источник: составлено автором на основе: Прогноз выбросов парниковых газов автомобильным транспортом РФ до 2050 года с учётом перехода транспорта на траекторию декарбонизации // МАДИ. 2023. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/seminars/EnergyDialogue/2023/Trofimenko.pdf> (дата обращения: 16.03.2024)

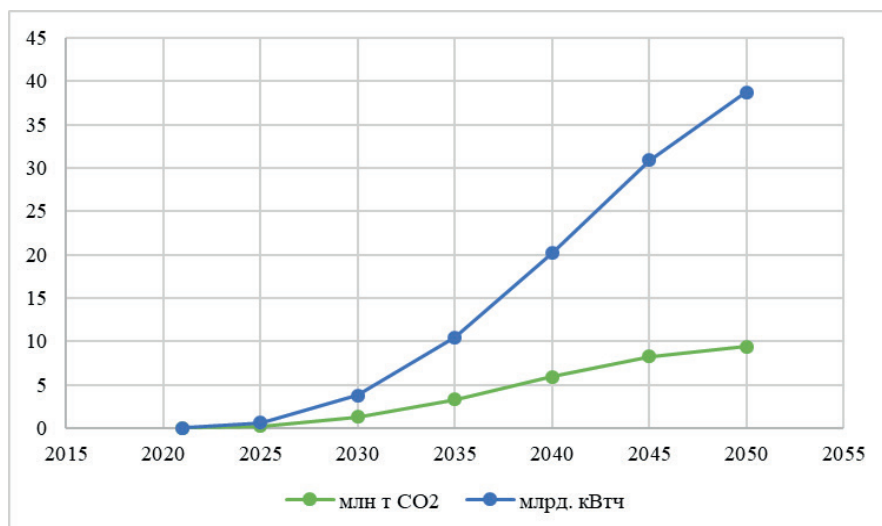

Рис. 2. Суммарные выбросы парниковых газов автомобилями в России
Fig. 2. Total greenhouse gas emissions from cars in Russia

Источник: составлено автором на основе: Прогноз выбросов парниковых газов автомобильным транспортом РФ до 2050 года...

Таблица 3
Table 3

Самые продаваемые бренды электромобилей в России The best-selling electric car brands in Russia

Бренд	Страна производителя	Количество проданных машин (ед.)
Zeekr	Китай	3724
Eolute	Россия	2020
Volkswagen	Германия	2000
Tesla	США	1257
Voyah	Китай	674

Источник: составлено автором на основе материалов Аналитического центра ТЭК (АЦ ТЭК). 2023. URL: <https://actek.group> (дата обращения:).

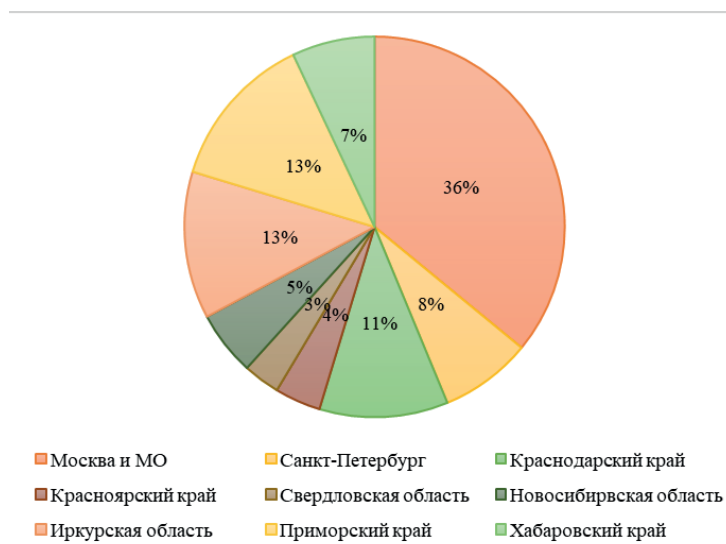

Рис. 3. Количество электромобилей в России, 2023

Fig. 3. Number of electric vehicles in Russia, 2023

Источник: составлено автором на основе материалов

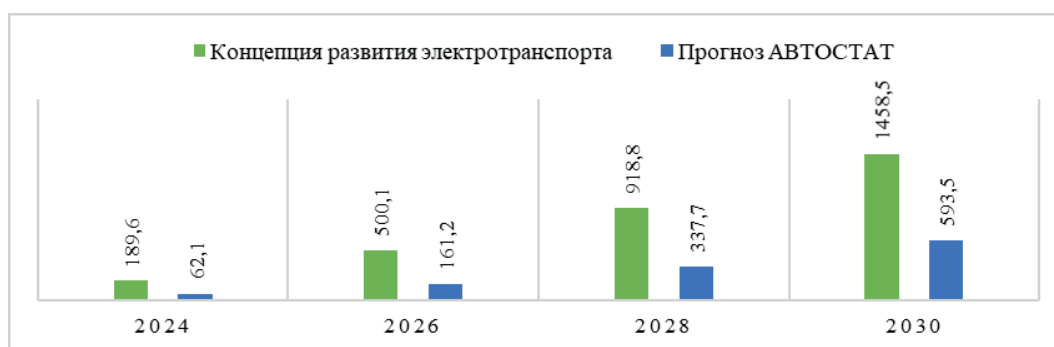
Аналитического центра ТЭК (АЦ ТЭК). 2023. URL: <https://actek.group> (дата обращения:)

Рис. 4. Объём продаж электромобилей в России

Fig. 4. Sales volume of electric vehicles in Russia

Источник: составлено автором на основе:

Рынок электромобилей в России может вырасти более, чем в 4 раза в 2023 году // АВТОСТАТ. 2023. URL: <https://www.autostat.ru/news/55754/> (дата обращения:)

Согласно имеющимся данным, «по оценкам, во всём мире в обращении находится около 350 млн электрических двух- и трехколесных транспортных средств, а также около полумиллиона электрических автобусов»¹. Большинство из них зарегистрировано в Китае. Например, Шэньчжэнь — один из крупнейших городов Китая, в котором появились первые в мире полностью электрические автобусы, и на электробусах перевозится около 41,7 % от общего числа пассажиров общественного транспорта.

Тематическое исследование, проведённое исследователями из Калифорнийского универси-

¹ IEA. Global EV Outlook 2020, IEA. 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/global-ev-outlook-2020> (дата обращения: 02.03.2024).

тета в Дэвисе, показало, что среднегодовое сокращение выбросов углекислого газа электрическими автобусами в Шэньчжэне составляет примерно 194 000 тонн. Следовательно, 194 000 тонн углекислого газа будут эквивалентны 38 725 людям, которые целый год ездят на бензиновых автомобилях.

Ещё одним важным вопросом, влияющим на жизненный цикл электромобилей, является тот факт, что литиевые батареи создают не только экологические, но и социальные проблемы. В частности, одной из социальных проблем является «тепловой выброс», который представляет собой химическую реакцию, в результате которой литиевые батареи могут нагреваться и взрываться при неправильном обращении с ними на

свалках. В журнале Nature, отмечается, что «отходы литиевых батарей представляют собой ряд серьёзных проблем масштаба с точки зрения процессов химического разделения» [8]. Поскольку количество выброшенных литиевых батарей в 2017 г. составляет около 250 000 тонн, это означает, что для их утилизации требуются значительные усилия. Более того, отработанные литиевые батареи могут взорваться, и это вызывает опасения по поводу безопасности работников, поскольку требует от них высокой концентрации и предельной осторожности в течение всего рабочего времени. Одним из решений этой проблемы является замена работников физического труда роботами.

Тем не менее отсутствие стандартизации при разработке автомобильных аккумуляторных батарей может привести к увеличению проблем для автопроизводителей, выражаясь в более высоких экономических затратах.

Согласно сценарию устойчивого развития, он прогнозирует уровень утилизации автомобильных аккумуляторов, который составит около 2 % в 2025 г. и 4,5 % в 2030 г.¹ Причина низкого уровня утилизации заключается в более низких затратах на изготовление новых автомобильных аккумуляторных батарей по сравнению с более высокими затратами на их повторное использование. Поскольку мировых запасов лития хватило бы примерно на 365 лет, это большое количество по сравнению с запасами природного газа и нефти, которых хватит примерно на 53–60 лет. Тем не менее данные являются приблизительными из-за других изменений, связанных со спросом, они все же являются относительно репрезентативными и показывают, что литий является недорогим с точки зрения предложения, иллюстрируя трудности, связанные с внедрением технологий, позволяющих продлить срок службы автомобильных аккумуляторов, которые конкурируют с производством новых автомобильных аккумуляторов с меньшими затратами.

¹ IEA. Global EV Outlook 2020, IEA. 2020...

Являясь составным элементом «зелёной» экономики, отрасль электромобилей также является движущей силой экологического насилия — добыча металлов, необходимых для питания аккумуляторов, приводит к значительному ущербу местным сообществам в регионах добычи, а также проблема быстрой зарядки аккумуляторов. Усовершенствованное поколение электромобилей Tesla работает с максимальной мощностью зарядки 250 кВт, что позволяет увеличить дальность маршрута Tesla². Тем не менее ведутся исследования и разрабатываются более мощные зарядные устройства, однако сверхбыстрая зарядка может привести к сильному нагреву аккумуляторной батареи. Высокий уровень теплового сопротивления может привести к повреждению аккумулятора, что потенциально опасно для пассажиров автомобиля.

Для выполнения поставленной задачи исследования авторами было проведено интервью с 20 ключевыми экспертами отрасли электромобилей. Каждому респонденту был задан определённый набор вопросов о характере их работы, их мнении о текущем состоянии отрасли, скрытых угрозах и возможностях (табл. 4).

Из данной таблицы следует, что существует связь между исследуемыми единицами на основании времени заправки — увеличение мощности и модификация электрических зарядных устройств, возможность эксплуатации — создание нового вида аккумуляторов, коэффициент стоимости — разработка и регулирование тарифных планов. Таким образом, примечательно, что аспект заправочных станций, связанный с зарядкой электромобилей, относится, в частности, к временному аспекту заправки. Электромобилям обычно требуется больше времени для заправки, чем бензиновым автомобилям [9].

² Модели Tesla показывают скорость наддува 250 кВт, что предполагает зарядку 1000 миль/ч. TeslaProNews. 2023. URL: <https://teslapronews.ru/model-tesla-model-s-model-x-pokazyvaet-skorost-nadduva-250-kvt-cto-predpolagaet-zaryadku-1000-milch/> (дата обращения: 16.03.2024).

Таблица 4
Table 4

Исследование связи между бензиновыми и электрическими транспортными средствами Exploring the relationship between gasoline and electric vehicles

Тип	Время заправки	Возможность эксплуатации	Коэффициент стоимости
Бензиновый	Около 5 мин.	Зависит от ряда критериев	Зависит от региона
Электрический	Зависит от ряда критериев	Зависит от ряда критериев	Зависит от ряда факторов

Источник: составлено автором на основе проведённого интервьюирования.

Респонденты выделили ряд положительных инноваций и преимуществ электромобилей в России — автоматическую оплату услуг зарядки с помощью смартфона, бесплатные зарядные устройства, расположенные на парковках, бесплатные парковочные места и проезд по платным дорогам, и отмена транспортного налога.

Тем не менее одним из общих негативных ответов был — дальность маршрута электромобиля, следовательно, потребители привыкли к автомобилю с бензиновым двигателем, который может проехать больше расстояния на баке бензина или газа. А также все респонденты акцентировали на небезопасном факторе электромобилей: например, Tesla Model S, припаркованный на подземной стоянке в Шанхае, самовозгорелся, а потом взорвался в 2019 г.; во Флориде в загоревшейся Tesla погиб водитель.

Таким образом, «зелёный» вектор создаёт пространство для того, чтобы отрасль электромобилей утвердила свои позиции в качестве доминирующего вида «зелёного» транспорта в мире, обосновывая рост среди автопроизводителей в данном сегменте, в то же время скрывая опасения по поводу, выделенных авторами проблем.

Исходя из чего представляется возможным предположить, что исследуемая взаимосвязь создаётся как часть корпоративной стратегии, направленной на содействие внедрению электромобилей, без демонстрации того, как преобразуется, транспортируется и продаётся энергия.

Гипотезы исследования соответствуют полученным результатам, свидетельствующим о том, что участники отрасли электромобилей скрывают ряд отрицательных факторов, следуя глобальной повестке увеличения роста электромобилей в мире. Популярность «зелёной» экономики создаёт «устойчивую иллюзию» всеобщей выгоды, однако это не приводит к соответствующему сокращению или экологической реорганизации добычи составных компонентов электромобилей.

Глобальная повестка устойчивого будущего призывает к сокращению экологических и социальных последствий так называемого «зелёного» роста [10], например путём добычи полезных ископаемых для производства электромобилей. Эксплуатация этих ресурсов в местах добычи может приводить к экологическому насилию

в отношении местных сообществ, следовательно, автопроизводители и отрасль электроэнергетики, используя данную стратегию для продвижения электромобилей и расширения своих продаж, способствуют этому экологическому насилию, обусловленному «зелёным» ростом.

Для решения данной проблемы необходимо грамотно разрабатывать и внедрять новые технологии и методы добычи полезных ископаемых для изготовления электромобилей на основе экологии, безопасности, инновациях, социальной ответственности, чтобы минимизировать негативное воздействие на окружающую среду и общество. Например, на основе использования более безопасных методов добычи, таких как гидравлический разрыв пластов (гидроразрыв), что может снизить риск загрязнения водных ресурсов и повреждения экосистем.

Заключение

Авторами была проанализирована отрасль электромобилей как один из компонентов реализации глобальной цели устойчивого развития.

Проверка гипотез исследования выявила, что электромобили недостаточно «устойчивы», исходя из анализа всего жизненного цикла, такого как производство, эксплуатация и окончание срока службы, они представляют скрытую угрозу окружающей среде. Тем не менее существуют и преимущества электромобилей в целом, политическая сила стран может стать решающим элементом, который ещё больше подтолкнёт к их грамотной реализации, поскольку, если рассматривать долгосрочную углеродно-нейтральную политику путём внедрения электромобилей на глобальном уровне и масштабе как общественную цель, это изменит отношение к электромобилям и повысит осведомлённость о необходимости стремлению к устойчивости.

Повестка устойчивого будущего ставит важную задачу — найти баланс между экологическими и социальными аспектами развития, особенно в контексте так называемого «зелёного» роста. Для решения данной проблемы необходимо разрабатывать на законодательном уровне новые технологии и методы добычи компонентов для электромобилей, которые могут быть более экологически безопасными и социально ответственными.

Список источников

1. Silitonga A., Atabani A., Mahlia T. Review on fuel economy standard and label for vehicle in selected ASEAN countries // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2012. 16 (3). P. 1683–1695.

2. Мысакова А. Г., Захарчева К. С. Влияние стратегии ESG на восприятие бренда топливно-энергетических компаний. Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 2. URL: <https://esj.today/PDF/57ECVN223.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).
3. Сысенко Н. Г., Титков А. А., Рейхерт Н. Д., Федосеев Д. С., М. И. Карева, М. В. Сидоров. Об экологичности электромобилей // Инженерный вестник Дона. 2022. № 1. С. 60–69.
4. Невёдов С. А. Экополитическое насилие: трансформация экологической деградации в политическое насилие через ослабление государственных институтов // Теория и практика общественного развития. 2010. Т. 47, № 8. С. 18787–18790.
5. Губенков А. О. Электромобили: гарантия экологической безопасности или миф? Утилизация литий-ионных аккумуляторов электромобилей проблема экологии или современной промышленности? // Автономия личности. 2022. № 1 (27). С. 162–167.
6. Gaines L. The Future of Automotive Lithium-Ion Battery Recycling: Charting a Sustainable Course // Sustainable Materials and Technologies. 2010. Vol. 1–2. Pp. 2–7.
7. Sovacool B. K., Hook A., Martiskainen M., Brock A., Turnheim B. The decarbonisation divide: Contextualizing landscapes of low-carbon exploitation and toxicity in Africa. *Global Environmental Change*. 2020. № 60. P. 102028
8. Harper G., Sommerville R., Kendrick E. Recycling lithium-ion batteries from electric vehicles. *Nature*. 2019. № 575. P. 75–86. DOI:10.1038/s41586-019-1682-5
9. Лысоконь А. Е., Алфимов Д. Г., Дейкин Е. Д. Сравнение бензиновых автомобилей и электромобилей с позиции сохранения окружающей среды // Вестник современных исследований. 2018. № 10.1 (25). С. 321–322.
10. Мысакова А. Г. Опосредующая роль «зелёного» бренд-имиджа компаний топливно-энергетического комплекса // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2023. 9 (225). С. 32–38.

References

1. Silitonga A, Atabani A, Mahlia T. Review on fuel economy standard and label for vehicle in selected ASEAN countries. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2012;(16):1683-1695.
2. Mysakova AG, Zakharova KS. The influence of the ESG strategy on the perception of the brand of fuel and energy companies. *Vestnik evraziiskoi nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2023;15(2). Available from: <https://esj.today/PDF/57ECVN223.pdf> (accessed: 02.03.2024). (In Russ.).
3. Sysenko NG, Titkov AA, Reichart ND, Fedoseev DS, Kareva MI, Sidorov MV. About the environmental friendliness of electric vehicles. *Inzhenernyi vestnik Dona = Engineering Bulletin of the Don*. 2022;(1):60-69.
4. Nefedov SA. Environmental violence: the transformation of environmental degradation into political violence through the weakening of state institutions. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = The theory and practice of hostel spillage*. 2010;47(8):18787–18790. (In Russ.).
5. Gubnikov AO. Electric vehicles: a guarantee of environmental safety or a myth? Is the disposal of lithium-ion batteries of electric vehicles an environmental problem or a modern industry? *Avtonomiya lichnosti = Personal autonomy*. 2022;1(27):162-167. (In Russ.).
6. Gaines L. The Future of Automotive Lithium-Ion Battery Recycling: Charting a Sustainable Course. *Sustainable Materials and Technologies*. 2010;(1-2):2-7.
7. Sovacool BK, Hook A, Martiskainen M, Brock A, Turnheim B. The decarbonisation divide: Contextualizing landscapes of low-carbon exploitation and toxicity in Africa. *Global Environmental Change*. 2020;(60):102028.
8. Harper G, Sommerville R, Kendrick E. Recycling lithium-ion batteries from electric vehicles. *Nature*. 2019;(575):75-86. DOI: /10.1038/s41586-019-1682-5
9. Lysokon AE, Alfimov DG, Deikin ED. Comparison of gasoline cars and electric vehicles from the perspective of environmental conservation. *Vestnik sovremennyh issledovaniy = Bulletin of Modern Research*. 2018; 25(10.1):321-322. (In Russ.).
10. Mysakova AG. The mediating role of the “green” brand image of fuel and energy complex companies. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom = Problems of economics and management of the oil and gas complex*. 2023;9(225):32-38. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Г. Мысакова — аспирант кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности имени И. Н. Герчиковой.

А. А. Крюков — студент ФМБДА ИБДА.

Information about the authors

Alina G. Mysakova — Postgraduate student of the Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activities named after I. N. Gerchikova.

Artyom A. Kryukov — student at the FMBDA IBDA.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 331.1; 334.02

DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-265-276

ОЦЕНКА ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КРУПНЕЙШИХ КОМПАНИЙ НЕПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТРАСЛЕЙ

Роман Игоревич Ковалёв

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, kaedoneko98@mail.ru, 0000-0001-6720-0603

Аннотация. Цель исследования — количественная оценка эффективности корпоративной социальной ответственности крупнейших российских компаний в области торговли, телекоммуникаций, финансов и инвестиций. В рамках исследования был проведён комплексный количественный анализ на основании данных финансовой и интегрированной нефинансовой отчётности шестнадцати крупнейших представителей таких видов экономической деятельности как торговля оптовая и розничная (ОКВЭД 45–47), телекоммуникации (ОКВЭД 61), деятельность финансовая и инвестиционная (ОКВЭД 64–66). По результатам проведённого исследования были определены наиболее приоритетные направления развития корпоративной социальной ответственности в компаниях данных видов экономической деятельности, а именно, сохранение персонала и приумножение количества молодых специалистов, пересмотр подходов к профессиональной переподготовке и повышению квалификации, уменьшение производственного травматизма, а также полное осмысление необходимости влияния на социальную сферу и экологическую ответственность.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, крупнейшие компании России, торговля, телекоммуникации, финансы и инвестиции

Благодарности. Автор выражает благодарность научному руководителю, канд. экон. наук, доценту, заведующей кафедрой экономики отраслей и рынков ФГБОУ ВО «ЧелГУ» Дарье Сергеевне Бенц и заместителю финансового директора, главному экономисту АО «КОНАР» Анне Евгеньевне Волчковой за помощь в проведении исследования.

Для цитирования: Ковалёв Р. И. Оценка факторов развития корпоративной социальной ответственности крупнейших компаний непроеизводственных отраслей // Вестник Челябинского государственного университета. 2024 // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 265–276. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-265-276

Original article

ASSESSMENT OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY DEVELOPMENT FACTORS OF THE LARGEST COMPANIES IN NON-INDUSTRIAL SECTORS

Roman I. Kovalev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kaedoneko98@mail.ru, 0000-0001-6720-0603

Abstract. The purpose of the research is to quantitatively assess the effectiveness of corporate social responsibility of the largest Russian companies in the field of trade, telecommunications, finance and investment. The research included a comprehensive quantitative analysis based on financial and integrated non-financial reporting data of sixteen largest representatives of such types of economic activities as wholesale and retail trade (OKVED 45–47), telecommunications (OKVED 61), financial and investment activities (OKVED 64–66). According to the results of the conducted research, the most priority directions of corporate social responsibility development in the companies of these types of economic activities were determined, namely, personnel retention and increase in the number of young specialists, revision of approaches to professional retraining and advanced training, reduction of occupational injuries, as well as full comprehension of the need to influence the social sphere and environmental responsibility.

Keywords: corporate social responsibility, Russia's largest companies, trade, telecommunications, finance and investment

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the scientific supervisor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics of Industries and Markets of FSBEU HE “ChelSU” Darya Sergeyevna Benz and Anna Evgenievna Volchkova, Financial Director Deputy, Chief Economist of KONAR JSC for the assistance in conducting the research.

For citation: Kovalev R.I. Assessment of corporate social responsibility development factors of the largest companies in non-industrial sectors. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6(488):265-276. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-265-276

Введение

Корпоративная социальная ответственность как экономический институт на территории России сформирован относительно недавно. С принятием Социальной хартии Российского бизнеса в 2004 году начался период, в котором все российские компании, в том числе и члены Социальной хартии Российского бизнеса пытаются повысить своё влияние в общественном развитии государства¹. Компании, позиционирующие себя как социально ответственные, в добровольном порядке обязуются своевременно исполнять постоянно возрастающие запросы заинтересованных сторон с целью улучшения ситуации в социальной сфере, что позволит в долгосрочной перспективе получить определённые конкурентные преимущества, тем самым укрепляя собственные позиции на рынке.

В условиях современной экономической ситуации в России и существенному отклонению в сторону решения социальных проблем, в том числе и со стороны представителей бизнеса, возникает потребность в качественной и количественной оценке эффективности факторов корпоративной социальной ответственности, а также степени влияния компаний на социальную систему государства при условиях выполнения основных задач, поставленных перед бизнесом с целью обеспечения максимизации собственных выгод². Посредством оценки эффективности корпоративной социальной ответственности среди компаний, которые внедрили данный специфический институт в свою корпоративную культуру, появляется возможность прогнозировать последующее влияние на благосостояние, как собственных работников и их семей, так и общественной системы, в которой функционируют данные компании, тем са-

мым позволяя определить эффект и для государства в целом в долгосрочной перспективе.

Необходимость оценки эффективности факторов корпоративной социальной ответственности обусловлена тем, что у представителей бизнеса, как крупнейшего, так и представителей малого и среднего предпринимательства, понимание необходимости влияния на социальные вопросы в процессе долгосрочного планирования находится в стадии формирования. Данная «незрелость» не позволяет в достаточной степени вовлекать данный инструмент оценки наряду с оценкой экономической эффективности основной деятельности. На основе вышеописанного можно отметить, что актуальность данного исследования заключается в необходимости проведения комплексного анализа эффективности данного экономического института с целью выявления наиболее приоритетных направлений развития в долгосрочной перспективе.

Целью данного исследования является комплексная оценка эффективности корпоративной социальной ответственности факторов развития корпоративной социальной ответственности крупнейших компаний в области торговли, коммуникаций, финансов и инвестиций. Посредством данной оценки будут определены наиболее приоритетные направления развития корпоративной социальной ответственности для компаний данных отраслей бизнеса.

Обзор литературы

В процессе эволюционного развития института корпоративной социальной ответственности существенное внимание уделялось тому, при помощи каких критериев можно оценить степень влияния корпоративной социальной ответственности не только на функционирование компании и обеспечение её прибыльности, но и влияние на общественную структуру в целом [1, с. 192–194].

На территории России наиболее подробными методиками оценки эффективности факторов развития корпоративной социальной ответственности являются качественно-количественные методики С. Ф. Гончарова и Н. А. Кричевского [2],

¹ Социальная Хартия Российского бизнеса. URL: <https://rspp.ru/12/6273.pdf> (дата обращения: 11.04.2024).

² Об акционерных обществах Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения: 11.04.2024).

В. Б. Вязового [3], К. А. Руденко [4], А. П. Жойдика [5] и Г. Л. Тульчинского [6].

Согласно качественно-количественной методике С. Ф. Гончарова и Н. А. Кричевского, эффективность института корпоративной социальной ответственности в целом и его отдельных специфических факторов принято оценивать как средний количественный показатель десяти следующих интегральных коэффициентов:

1) коэффициент роста заработной платы (отношение среднемесячной заработной платы в отчетном году к аналогичному показателю предыдущего года);

2) коэффициент текучести кадров (отношение средней текучести кадров в отчетном году к аналогичному показателю предыдущего года);

3) коэффициент приема молодых специалистов (отношение количества принятых на работу молодых специалистов к общему числу сотрудников в отчетном году);

4) коэффициент роста образовательного уровня (отношение количества сотрудников, прошедших переобучение / повышение квалификации и т. п. к общему количеству сотрудников в отчетном году);

5) коэффициент производственного травматизма (отношение произведения числа произошедших несчастных случаев в отчетном году и общего числа сотрудников предыдущего года к произведению числа произошедших несчастных случаев в предыдущем году и общего числа сотрудников отчетного года);

6) показатель социальных расходов на одного работника (отношение произведения суммы внебюджетных расходов на социальную защиту работников в отчетном году и общего числа сотрудников предыдущего года к произведению суммы внебюджетных расходов на социальную защиту работников в предыдущем году и общего числа сотрудников отчетного года);

7) коэффициент отношения социальных расходов к чистой прибыли (отношение суммы внебюджетных расходов к чистой прибыли в отчетном году);

8) коэффициент на социальную поддержку общества (отношение суммы, выделяемых на социальную поддержку окружающего общества отчетного года к аналогичному периоду предыдущего года);

9) коэффициент отношения расходов на поддержку общества (отношение суммы расходов на социальную поддержку отчетного периода к чистой прибыли отчетного периода);

10) парные коэффициенты затрат на охрану окружающей среды (отношения суммы затрат на охрану окружающей среды отчетного года к себестоимости продаж и/или чистой прибыли в отчетном году) [2].

Благодаря данной методике появляется возможность на основе бухгалтерской (финансовой) и интегрированной нефинансовой отчетности провести комплексный качественно-количественный анализ, который позволит на основе поставленных задач определить наиболее приоритетные направления деятельности, а также выявить наиболее слаборазвитые аспекты и факторы института корпоративной социальной ответственности, нуждающиеся в улучшении.

Другой наиболее подробной методикой оценки эффективности корпоративной социальной ответственности является методика В. Б. Вязового. Данная методика позволяет акцентировать внимание на том, какой объем социальных инвестиций понесла компания в процессе социальной активности. При этом проводится комплексный анализ по трем основным показателям:

1) объем социальных инвестиций, приходящийся на одного наемного рабочего в валюте ведения расчетов;

2) отношение общего объема социальных инвестиций к суммарной годовой выручке;

3) отношение общего объема социальных инвестиций к суммарной прибыли до налогообложения [3, с. 81].

Методика оценки эффективности корпоративной социальной ответственности, предложенная К. А. Руденко, подразумевает исследование уровней корпоративной социальной ответственности, ключевой целью которого является минимизация ущерба для основных видов деятельности компании. Данная качественная методика позволяет ответить на пять ключевых вопросов:

1) сохраняет ли компания рабочие места и не проводит ли внеплановые корректировки штатного расписания, направленные на закрытие рабочих мест;

2) производит ли компания качественные товары и услуги, присутствует ли подтверждение качества произведенных товаров и оказанных услуг;

3) платит ли компания налоги в полном объеме, тем самым не нарушая нормы действующего законодательства;

4) не имеет ли компания задолженности по выплате заработной платы, тем самым не нарушая нормы действующего законодательства;

5) всегда ли отношение наименьшей заработной платы в компании к прожиточному минимуму выше или равно 1, тем самым не нарушая нормы действующего законодательства [4, с. 29].

Методика оценки эффективности корпоративной социальной ответственности, предложенная А. П. Жойдиком, предлагает оценку эффективности посредством невовлечённого экспертного опроса, в результате обработки результатов которого компании подразделяются на пять иерархических уровней:

1) на первом уровне компании принимают решения в области корпоративной социальной ответственности спонтанно, согласованность решений не имеет чёткой структуры, при этом прямая взаимосвязь с основными целями компании отсутствует;

2) на втором уровне компании делают существенный уклон в сторону благотворительности, при этом понимание необходимости внедрения корпоративной социальной ответственности в корпоративную культуру находится в стадии первоначального осмысления;

3) на третьем уровне компании предпринимаются попытки создания внутренних корпоративных стандартов в области корпоративной социальной ответственности с ориентацией на улучшение внешнего имиджа компании и привлечение новых наёмных рабочих;

4) на четвёртом уровне компаниями проводится комплексный анализ финансово-хозяйственной деятельности и его влияния на заинтересованные стороны, при этом существенный уклон института корпоративной социальной ответственности делается в социальное инвестирование;

5) на пятом уровне корпоративная социальная ответственность функционирует на основе влияния общества, при этом существенный акцент уделяется на приобретение общественных благ [5, с. 308].

Методика, предложенная Г. Л. Тульчинским, позволяет определить наиболее перспективные направления социальных инвестиций и социального партнёрства. При этом выделяются следующие направления:

1) социальные инвестиции и социальное партнёрство в бизнес-среде, а именно вложения в человеческий капитал, развитие добросовестной деловой практики и прочие направления, которые соответствуют базовым принципам эффективности корпоративной социальной ответственности;

2) внешние социальные инвестиции и социальное партнёрство, а именно, развитие благоу-

стройства, охраны окружающей среды и прочие механизмы, направленные на улучшение благосостояния местных сообществ и государства в целом [6, с. 156].

При рассмотрении наиболее подробных и наиболее популярных методик оценки эффективности корпоративной социальной ответственности наиболее схожей чертой является комплексная оценка влияния основных бизнес-процессов на социальную сферу, при этом не имея чёткой привязки к субъективной оценке происходящих процессов. Вместе с тем для количественной оценки используются не только данные, доступные в финансовой отчётности, но и данные интегрированной нефинансовой отчётности, такие как суммы социальных инвестиций [7, с. 42]. При этом существенным недостатком большинства перечисленных методик является то, что информацию о сумме привлечённых социальных инвестиций зачастую компании относят к коммерческой тайне, а оценка общественного мнения, которая не имеет привязки к определённой количественной единице, имеет субъективный характер¹. При количественной оценке наиболее приоритетной количественной единицей являются суммы основных финансовых статей, отражаемых в финансовой отчётности, а также данные штатных расписаний и кадровой отчётности². Принимая вышеописанные различия, для проведения количественной оценки эффективности корпоративной социальной ответственности за основу была взята количественная методика оценки С. Ф. Гончарова и Н. А. Кричевского.

Результаты исследования

При проведении количественной оценки эффективности корпоративной социальной ответственности ключевым фактором считалось то, в каком объёме компании приносят изменения в благосостояние общества в целом, и то, как в данном аспекте преуспевают наиболее крупные

¹ О коммерческой тайне : федер. закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (последняя редакция) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/ (дата обращения: 11.04.2024).

² Об утверждении Положения по бухгалтерскому учёту «Бухгалтерская отчётность организации» (ПБУ 4/99): приказ Минфина РФ от 06.07.1999 № 43н (ред. от 08.11.2010, с изм. от 29.01.2018) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18609/d914c3b6e6aa1058fbfa77f7a66a2f8d92ea09cf/ (дата обращения: 11.04.2024).

представители бизнес-среды. На основе данного предположения, за основу были приняты данные открытой бухгалтерской и интегрированной нефинансовой отчётности компаний, сумма чистой прибыли, которая превышала 15 млрд рублей за 2021 и 2022 отчётные годы и сохранившая данное превышение по итогам 2023 отчётного года¹.

В результате проведения исследования были получены следующие результаты. В период с 2021 по 2023 год наблюдалось закономерное снижение заработной платы в рассматриваемых областях национальной экономики. Наибольшее снижение коэффициента роста заработной платы зафиксировано у компаний сферы финансов и инвестиций (ПАО «Сбербанк» — сокращение на 44,5 %, АО «Тинькофф Банк» — сокращение на 45,12 %). При этом коэффициент текучести кадров для данных компаний закономерно снижается (максимальное сокращение — 21,51 %) что говорит о том, что при прочих равных условиях труда максимальное влияние на объём заработной платы влияет не текучесть кадров, а иные признаки) [8, с. 109]. Наибольшее повышение коэффициента роста заработной платы зафиксировано у ПАО «Магнит» (почти в 2 раза), что обусловлено снижением текучести кадров (на 71,1 %

¹ 100 крупнейших компаний России по чистой прибыли — 2023. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/497814-100-krupnejshih-kompanij-rossii-po-chistoj-pribyli-2023-rejting-forbes> (дата обращения: 11.04.2024).

в 2023 году по отношению к 2022 году) (рис. 1).

Говоря о приёме молодых специалистов, то можно отметить, что в 2021 и 2022 наблюдается закономерное снижение количества принятых молодых специалистов (в среднем, данный показатель снижается на 13,16 %). Наибольшее сокращение количества принятых молодых сотрудников наблюдается у представителей сектора финансов и инвестиций (у АО «СОГАЗ» — сокращение на 78,78 %, у АО «Тинькофф Банк» — на 50,78 %). Данное сокращение обусловлено ростом популярности у молодых специалистов к работе удалённого формата, возможностью продолжить обучение в высших учебных заведениях по причине увеличения финансируемых за счёт средств федерального бюджета мест и внедрения прочих льгот². При этом существенное влияние оказало распространение новой коронавирусной инфекции и нестабильная геополитическая ситуация в Восточной Европе [9, с. 149]. В 2023 году темпы сокращения приёма молодых специалистов несколько увеличились (в среднем данный показатель снижается на 15,03 %). По результатам 2023 года наибольшее сокращение наблюдается уже в сфере торговли (у ПАО «МАГНИТ» — сокращение на 42,31 %, у ООО «Х5-РИТЕЙЛ ГРУПП» — сокращение на 35,82 %). Данное

² «В режиме гоблина». Почему молодые не желают строить большую карьеру. Мнение эксперта. URL: <https://ngs.ru/text/job/2023/02/18/72069815/> (дата обращения: 11.04.2024).

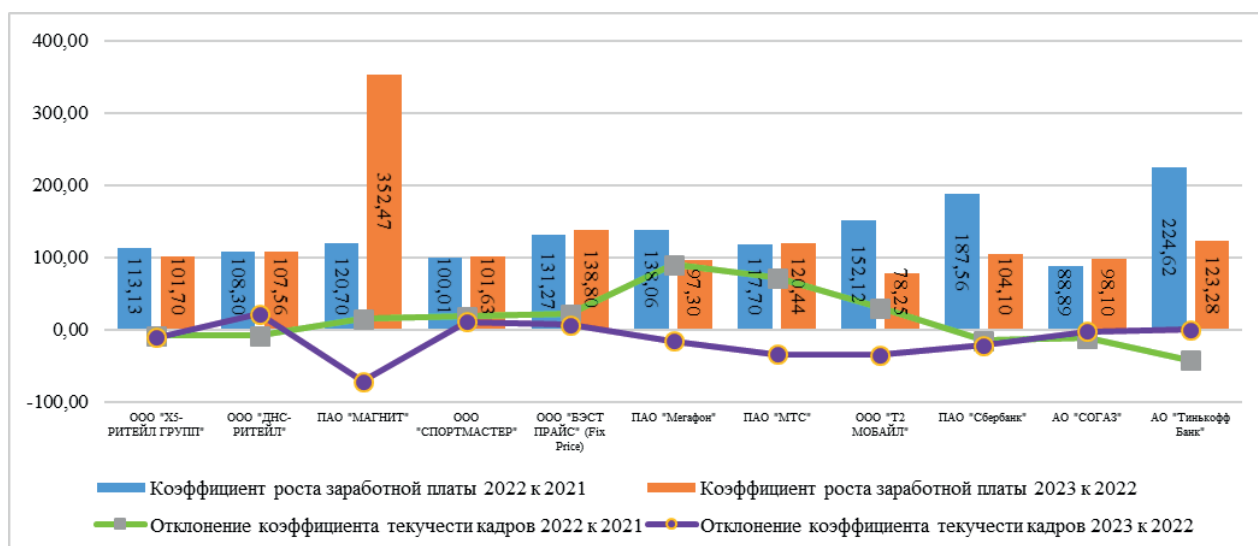

Рис. 1. Оценка интегральных коэффициентов роста заработной платы и текучести кадров за 2021–2023 гг., %

Fig. 1. Estimate of integral coefficients of wage growth and staff turnover for 2021–2023, %

Источник: составлено автором по данным финансовой и нефинансовой отчётности рассматриваемых компаний за 2021–2023 гг.

сокращение обусловлено тем, что начиная со второй половины 2022 года для молодых специалистов появляются более обширные возможности для продолжения карьеры после получения образования, а компании сферы торговли рассматривают как временный вариант заработка в процессе обучения¹ (рис. 2).

Говоря об изменении образовательного уровня в рассматриваемых отраслях, можно отметить, что данный уровень на протяжении всего рассматриваемого периода планомерно снижается (в среднем, в 2022 году по отношению к 2021 году снижение составило 13,59 %, в 2023 году по отношению к 2022 году — 26,22 %). Наиболее негативная тенденция наблюдается в сфере телекоммуникаций (в 2023 году наблюдается общая тенденция к снижению количества сотрудников, прошедших профессиональную переподготовку и повышение квалификации). Данная тенденция обусловлена увеличением количества независимых аккредитованных институтов, которые позволяют дать более качественную подготовку, нежели чем повышение квалификации и профес-

¹ «Больше половины россиян совмещают учёбу с подработкой. URL: <https://news.rambler.ru/sociology/51395816-bolshe-poloviny-rossiyan-sovmeschayut-uchebu-s-podrabotkoy/> (дата обращения: 11.04.2024).

сиональная переподготовка, организованная на рабочем месте [10, с. 29] (рис. 3).

Негативная тенденция наблюдается в области предотвращения производственного травматизма. В среднем прирост коэффициента производственного травматизма составил 135,6 %, что говорит о том, что в каждой рассматриваемой компании наблюдается рост количества несчастных случаев, в том числе и с летальным исходом. Наибольший прирост данного показателя показали компании сферы телекоммуникаций, что нетипично для данной отрасли национальной экономики (для ПАО «Мегафон» — рост с 2021 по 2022 год на 929,72 %, с 2022 по 2023 год — на 150,58 %; для ПАО «МТС» — рост с 2021 по 2022 год на 428,57 %, с 2022 по 2023 год — на 105 %; для ООО «Т2 МОБАЙЛ» — рост с 2021 по 2022 год на 311,11 %, с 2022 по 2023 год — на 156,25 %). Также, нетипичным можно назвать и рост данного показателя для компаний в области финансов и инвестиций (в среднем данный рост в 2022 году по отношению к 2023 году составил 155,07 %, в 2023 году по отношению к 2022 году — 81,9 %). Единой причины данного увеличения не наблюдается, но, в частности, исследователями отмечается то, что это может быть связано с увеличением количества сложного в обращении оборудования, а также ростом

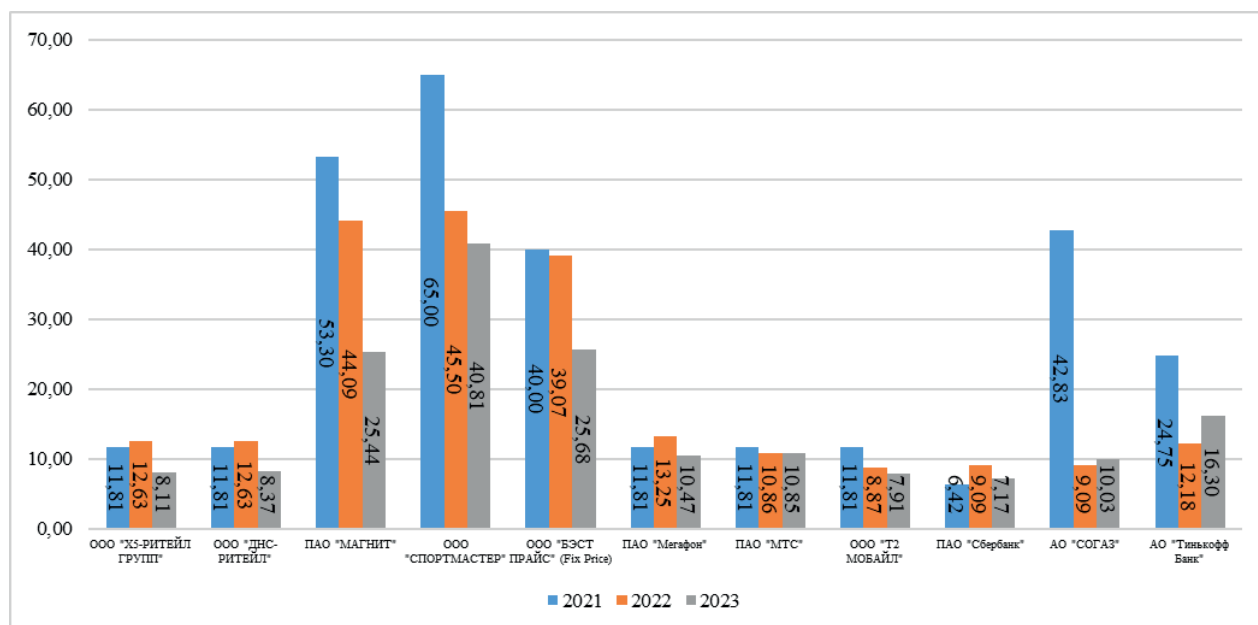

Рис. 2. Оценка интегрального коэффициента приёма молодых специалистов за 2021–2023 гг., %

Fig. 2. Estimated integral coefficient of admission of young specialists for 2021–2023, %

Источник: составлено автором по данным финансовой и нефинансовой отчётности рассматриваемых компаний за 2021–2023 гг.

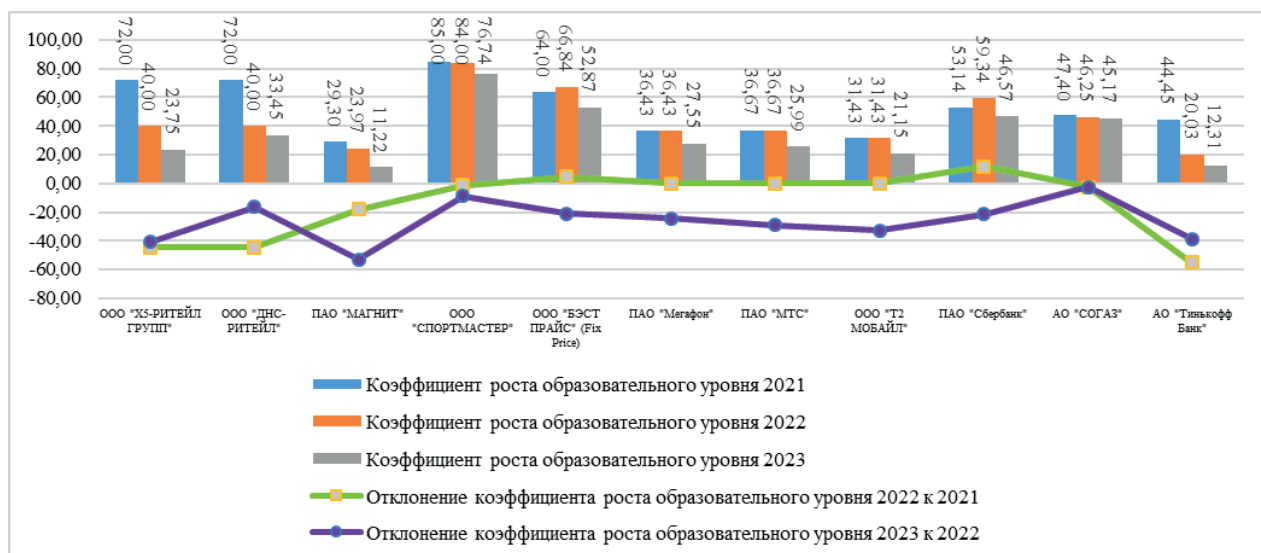

Рис. 3. Оценка интегральных коэффициентов роста образовательного уровня за 2021–2023 гг., %
 Fig. 3. Estimate of integral growth coefficients of educational level for 2021–2023, %

Источник: составлено автором по данным финансовой и нефинансовой отчётности рассматриваемых компаний за 2021–2023 гг.

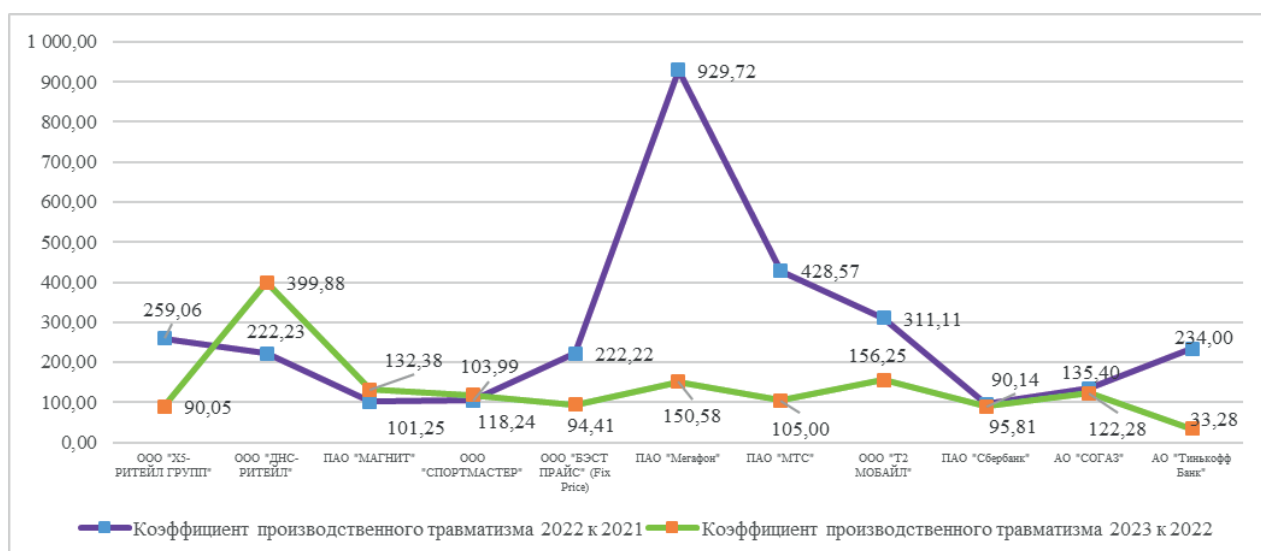

Рис. 4. Оценка интегральных коэффициентов производственного травматизма за 2021–2023 гг., %
 Fig. 4. Assessment of integrated coefficients of industrial injuries for 2021–2023, %

Источник: составлено автором по данным финансовой и нефинансовой отчётности рассматриваемых компаний за 2021–2023 гг.

психологической нестабильности, связанной со сложностью рабочих процессов [11, с. 10]. Говоря о компаниях в сфере торговли, то данный рост закономерно обусловлен ухудшением состояния рабочих мест, в том числе, и из-за неудачного расположения самих точек сбыта, а также несоизмеримыми объёмами продаж и обусловленными этим поставками продукции на склады, что нарушает складскую логистику (в среднем рост данного показателя в 2022 году по отно-

шению к 2021 году составил 181,75 %, в 2023 году по отношению к 2022 году — 166,99 %)¹ (рис. 4).

Говоря об изменении структуры социальных расходов на одного работника, можно отметить, что в рассматриваемом периоде идёт планомерное снижение данного показателя. Наибольшее снижение данного интегрального коэффициента

¹ Получение травмы в магазине. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/poluchenie_travmy_v_magazine/ (дата обращения: 11.04.2024).

зафиксировано у компаний в области телекоммуникаций. Данная тенденция в основном обусловлена закономерным снижением доли чистой прибыли в выручке посредством адаптации к сформировавшейся экономической ситуации в условиях санкционной политики, а также увеличившимися темпами сокращения числа сотрудников (рис. 5).

Говоря о структуре расходов на социальную поддержку общества, то в рассматриваемом периоде наблюдается снижение объёмов, выделяемых на данные нужды (в среднем, снижение интегрального коэффициента на социальную поддержку общества составило 12 %). Наибольшее отклонение зафиксировано у компаний в области торговли (у ООО «ДНС-РИТЕЙЛ» — сокращение в рассматриваемом периоде составило 88,74 %, у ООО «Х5-РИТЕЙЛ ГРУПП» — 56,1 %). В основном данное снижение обосновано сокращением расходов на социальную поддержку с целью сохранения запланированной доходности в условиях санкционной политики¹. Говоря об отношении расходов на поддержку общества к величине чистой прибыли, то относительное снижение отмечается в 2023 году (в среднем, на 42 %), что обусловлено общим

¹ Как санкции влияют на экспорт и импорт в России. URL: <https://journal.tinkoff.ru/ved-challenges/> (дата обращения: 11.04.2024).

сокращением чистой прибыли в 2023 отчётном году (рис. 6).

Если говорить о структуре расходов на охрану окружающей среды, то и в этом направлении отмечается тенденция на планомерное снижение. В среднем снижение интегрального коэффициента затрат на охрану окружающей среды к себестоимости продаж в 2022 году по отношению к 2021 году составило 10,43 %, в 2023 году по отношению к 2022 году — 53,4 %. При этом, если рассматривать отношение к чистой прибыли, то наблюдается рост интегрального коэффициента (в 2022 году по отношению к 2021 году на 43,44 %, в 2023 году по отношению к 2022 году — на 158,8 %). В первую очередь, существенное влияние на данный показатель оказывают компании в области финансов и инвестиций (а именно, ПАО «Сбербанк» и АО «Тинькофф Банк»), что нетипично для данной отрасли национальной экономики, однако показывает приверженность даже компаний, не принадлежащих к традиционным отраслям промышленности, к разрешению экологических вопросов [12, с. 128] (табл. 1).

Обсуждение

В процессе исследования эффективности корпоративной социальной ответственности крупнейших компаний в области торговли, телекоммуникаций,

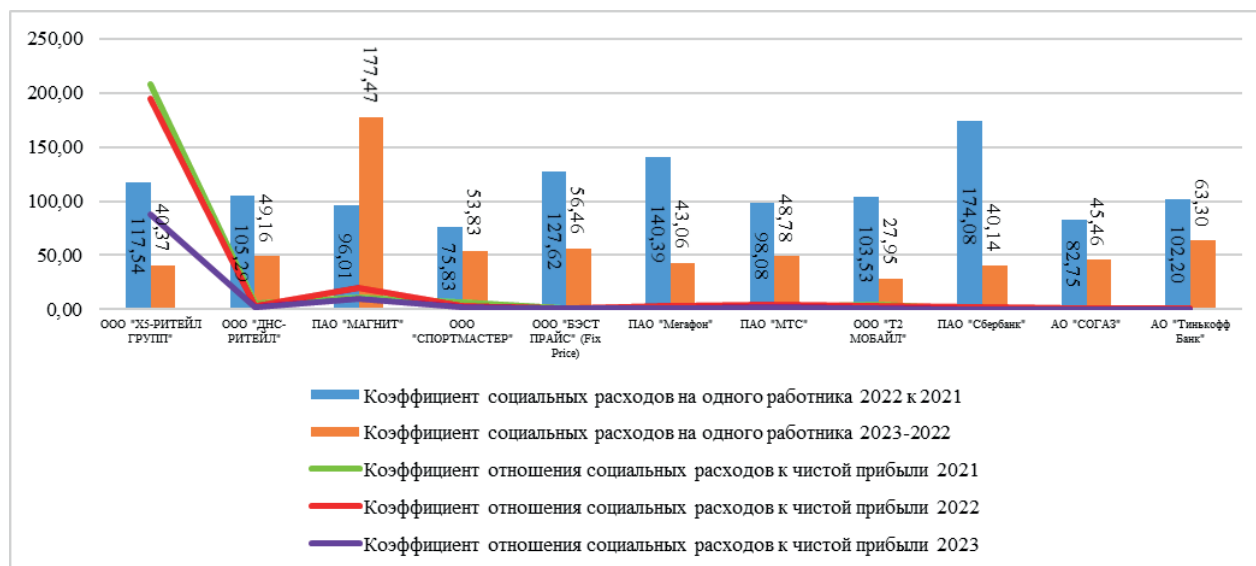

Рис. 5. Оценка интегральных коэффициентов социальных расходов на одного работника и их отношения к чистой прибыли за 2021–2023 гг., %

Fig. 5. Assessment of integrated coefficients of social expenditures per employee and their relationship to net profit for 2021–2023, %

Источник: составлено автором по данным финансовой и нефинансовой отчётности рассматриваемых компаний за 2021–2023 гг.

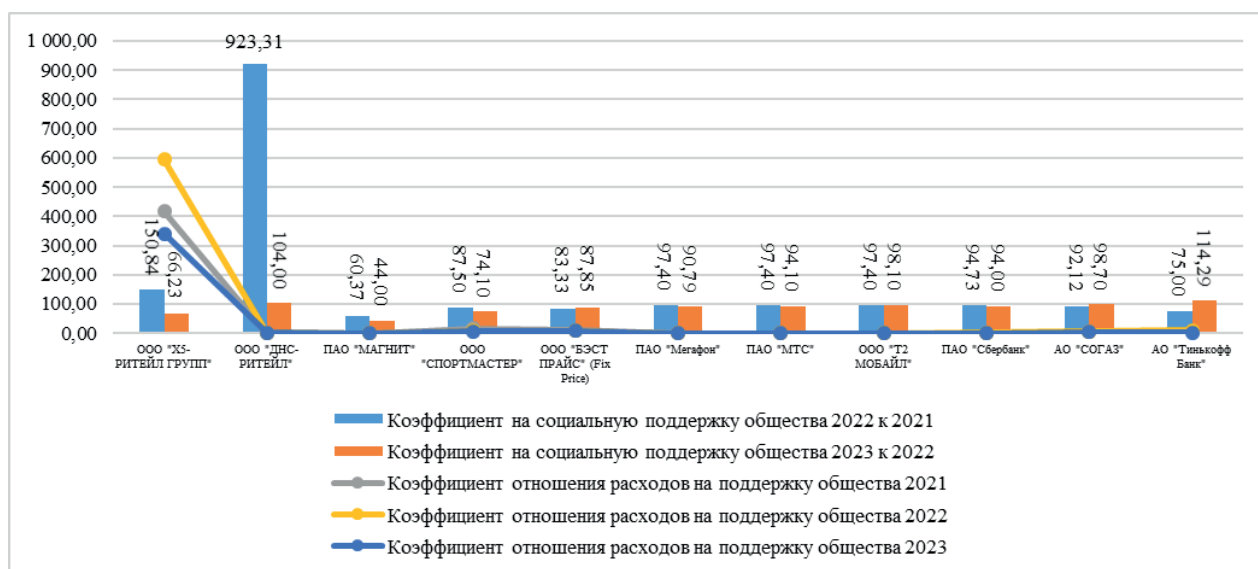

Рис. 6. Оценка интегральных коэффициентов на социальную поддержку общества и отношения расходов на поддержку общества за 2021–2023 гг., %

Fig. 6. Assessment of integral coefficients for social support of society and the ratio of expenses for support of society for 2021–2023, %

Источник: составлено автором по данным финансовой и нефинансовой отчетности рассматриваемых компаний за 2021–2023 гг.

Таблица
Table 1

Оценка интегральных коэффициентов затрат на охрану окружающей среды к себестоимости продаж и чистой прибыли, %
Evaluation of integral coefficients of environmental protection costs to cost of sales and net profit, %

Наименование компании	Коэффициент затрат на охрану окружающей среды (отношение к себестоимости продаж)			Коэффициент затрат на охрану окружающей среды (отношение к чистой прибыли)		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
ООО «Х5-РИТЕЙЛ ГРУПП»	1,01	0,45	0,25	38,80	19,57	37,45
ООО «ДНС-РИТЕЙЛ»	0,23	0,29	0,20	4,25	3,54	8,39
ПАО «МАГНИТ»	0,16	0,31	0,03	6,04	15,62	15,89
ООО «СПОРТМАСТЕР»	1,26	0,99	0,73	6,04	2,53	10,95
ООО «БЭСТ ПРАЙС» (Fix Price)	1,02	0,46	0,09	2,13	1,08	4,95
ПАО «Мегафон»	0,23	0,36	0,23	0,60	1,82	4,56
ПАО «МТС»	0,30	0,28	0,21	0,85	1,59	2,87
ООО «Т2 МОБАЙЛ»	0,16	0,16	0,06	1,11	0,75	1,71
ПАО «Сбербанк»	0,01	0,00	0,00	0,01	0,01	0,00
АО «СОГАЗ»	0,93	0,85	0,60	0,70	0,74	1,87
АО «Тинькофф Банк»	4,44	1,73	1,36	1,55	4,38	5,41

Источник: составлено автором по данным финансовой и нефинансовой отчетности рассматриваемых компаний за 2021–2023 гг.

финансов и инвестиций были выделены следующие характерные особенности:

— планомерное снижение уровня заработной платы сотрудников, вызванное не только увеличением текучести кадров и сокращением количества сотрудников;

— отток молодых специалистов и сокращение вовлеченности персонала в процесс повышения квалификации и профессиональной переподготовки, вызванные не только внутригосударственными причинами, но и сменой вектора направления развития карьеры у сотрудников;

– существенное повышение производственного травматизма (включая случаи с летальным исходом), в том числе, и у компаний, для которых данная тенденция является нетипичной (а именно, сфера телекоммуникаций, финансов и инвестиций);

– сокращение доли социальных расходов в расчёте на одного сотрудника и отношение данных расходов к чистой прибыли, что говорит о том, что компании в целях минимизации убытков по основным видам деятельности пренебрегает социальной поддержкой сотрудников;

– сокращение доли социальных расходов на социальную поддержку общества, что говорит о том, что компании в целях минимизации убытков по основным видам деятельности, могут понести репутационные риски;

– неоднородность структуры расходов на экологическую сферу, что говорит о том, что компании пока не имеют чёткого понимания необходимости выделения денежных средств на данную сферу.

Данные негативные характерные особенности обусловлены следующими принципами:

1) попытка минимизировать негативное влияние на компании, вызванное санкциями и нестабильной геополитической ситуацией за счёт минимизации расходов на направления, отличные от основных видов деятельности [13, с. 58];

2) существенный уклон в сторону удалённой работы у молодых сотрудников и возможность профессиональной переподготовки и повышения квалификации у сотрудников вне основного места работы;

3) медленное внедрение и(или) отсутствие безопасных условий для выполнения трудовых обязательств, которое влечёт за собой увеличение производственных травм и случаев с летальным исходом;

4) попытка минимизирования недополучение прибыли за счёт урезания социальных расходов для сотрудников и местного сообщества [14 с. 162];

5) отсутствие правильного подхода к формированию экологической ответственности, в первую

очередь, по той причине, что компании данных отраслей национальной экономики не видят практического смысла от данных вложений [15, с. 15].

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что данные проблемы сформированы в своём большинстве лишь по той причине, что у представителей бизнес-среды только начинает формироваться представление о необходимости внедрения корпоративной социальной ответственности в институт корпоративной культуры. Процесс оценки эффективности данного экономического института может выступать как инструмент внедрения в бизнес-практику определённых механизмов, которые в будущем позволят в должной мере учитывать все потребности и своевременно отвечать на запросы заинтересованных сторон, что может стать долгосрочным конкурентным преимуществом.

Заключение

Проведённый анализ эффективности корпоративной социальной ответственности крупнейших представителей российского бизнеса в области торговли, телекоммуникаций, финансов и инвестиций позволил выделить наиболее приоритетные направления развития данного экономического института, а именно, сохранение на необходимом уровне для выполнения стоящих перед бизнесом основных задач и реализация социальных программ персонала, сохранение и приумножение количества молодых специалистов, пересмотр подходов к профессиональной переподготовке и повышению квалификации, уменьшение производственного травматизма, а также полное осмысление необходимости влияния на социальную сферу и экологическую ответственность. Разработка мер по улучшению данных направлений позволит представителям данных отраслей национальной экономики оперативно реагировать на изменение социальной структуры, не только внутри компании и прилегающих к ней местных сообществ, но и более конкретно оказывать влияние на национальное благосостояние в целом.

Список источников

1. Hansen E. G., Schaltegger S. The Sustainability Balanced Scorecard: A Systematic Review of Architectures // *Journal of Business Ethics*. 2016. Vol. 133 № 2. P. 193–221. DOI:10.1007/s10551-014-2340-3
2. Рахманов С. П. GR в системе формирования корпоративной социальной ответственности российского бизнеса (на примере российской горнометаллургической корпорации). СПб., 2021. 107 с.
3. Фролова С. В. Влияние корпоративной социальной ответственности интегрированных предприятий нефтяного машиностроения на результативность их деятельности // *E-Management*. 2023. № 2 (6) С. 25–36.

4. Охотина Т. А. Совершенствование методов оценки экономической эффективности социальных инвестиций // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2021. № 3 (1). С. 304–311. DOI:10.34130/2070-4992-2021-1-3-312
5. Добросердова И. И. Обоснование критериев оценки эффективности корпоративных социальных инвестиций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 31 (141). С. 154–159.
6. Ковалёв Р. И. Нефинансовая социальная отчётность как индикатор социальной активности российских компаний // Управление в современных системах. 2023. № 2 (38). С. 40–48. DOI:10.24412/2311-1313-38-40-48
7. Баянова О. В. Факторы роста реальной заработной платы // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 1 (147). С. 103–110. DOI:10.26726/1812-7096-2023-1-103-110
8. Симонова А. А., Пить В. В. Удалённая работа в современных реалиях российского рынка труда: анализ мнений молодых высококвалифицированных специалистов // Мир экономики и управления. 2022. № 2 (22). С. 142–151. DOI:10.25205/2542-0429-2022-22-2-142-151
9. Кальней В. А., Смирнов Д. Ю. К проблеме исследования нематериальной мотивации в системе повышения квалификации сотрудников крупного холдинга // Вестник Университета Российского инновационного образования. 2023. № 2. С. 21–30. DOI:10.24412/2072-5833-2023-2-21-30
10. Кузнецова Е. А., Михина Т. В. Производственный травматизм в РФ: анализ состояния в регионах и по видам экономической деятельности // Социально-трудовые исследования. 2022. № 1 (46). С. 8–15. DOI:10.34022/2658-3712-2022-46-1-8-15
11. Бездудная А. Г., Трейман М. Г. Экологическая ответственность российского бизнеса в сложившихся экономических условиях // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5–2 (137). С. 126–130.
12. Лебедев А. С. Санкции — инструмент экономической войны // Обозреватель. 2022. № 11–12(394–395). С. 53–60. DOI:10.48137/2074-2975_2022_11-12_53
13. Саченок Л. И. Оценка экономической эффективности деятельности компаний как фактора устойчивого развития региона в условиях нестабильности социально-экономической среды и ограничительных мер // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 158–168. DOI:10.34020/2073-6495-2023-1-158-168
14. Андреева А. М. Теоретические подходы к определению экологической ответственности бизнеса // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2022. № 4. С. 10–17. DOI:10.18101/2304-4446-2022-4-10-17

References

1. Hansen EG, Schaltegger S. The Sustainability Balanced Scorecard: A Systematic Review of Architectures. *Journal of Business Ethics*. 2016;133(2):193-221. DOI:10.1007/s10551-014-2340-3
2. Rakhmanov SP. GR v sisteme formirovaniya korporativnoy sotsial'noy otvetstvennosti rossiyskogo biznesa (na primere rossiyskoy gornometallurgicheskoy korporatsii) = Shifting paradigms in international investment law: More balanced, less isolated, increasingly diversified. St.-Petersburg; 2021. 107 p. (In Russ.).
3. Guzhina GN, Guzhin AA. The Problem of Social Responsibility of Business in Modern Russia. *Innovacii i investicii = Innovation and investment*. 2020;(7):77-83. (In Russ.).
4. Frolova SV. Impact of corporate social responsibility of integrated oil engineering enterprises on their performance. *E-Management = E-Management*. 2023;(6):25-36. (In Russ.).
5. Okhotina TA. Improvement of methods for assessing the economic efficiency of social investments. *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Corporate Governance and Innovative Development of the Northern Economy: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Governance and Venture Capital Investment of Syktyvkar State University*. 2021;(3):304-311. DOI:10.34130/2070-4992-2021-1-3-312 (In Russ.).
6. Dobroserdova II. Justification of criteria for assessing the efficiency of corporate social investments. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* = *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*. 2023;(3):154-159. (In Russ.).

7. Kovalev RI. Non-financial social reporting as an indicator of social activity of Russian companies. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh* = Management in modern systems. 2023; (2): 40–48. DOI:10.24412/2311-1313-38-40-48. (In Russ.)
8. Bayanova OV. Factors of real wage growth. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* = Regional problems of economic transformation. 2023;(1): 103–110. DOI:10.26726/1812-7096-2023-1-103-110. (In Russ.)
9. Simonova AA, Pit' VV. Remote work in the modern realities of the Russian labor market: analysis of opinions of young highly qualified specialists. *Mir ekonomiki i upravleniya*. = *The world of economics and management*. 2022;(2):142-151. DOI:10.25205/2542-0429-2022-22-2-142-151 (In Russ.).
10. Calney VA, Smirnov DY. To the problem of research of non-material motivation in the system of professional development of employees of a large holding company. *Vestnik Universiteta Rossijskogo innovacionnogo obrazovaniya* = *Bulletin of the University of Russian Innovative Education*. 2023;(2):21-30. DOI:10.24412/2072-5833-2023-2-21-30. (In Russ.).
11. Kuznetsova EA, Mikhina TV. Occupational Injuries in the Russian Federation: Analysis of the Condition in Regions and by Types of Economic Activity. *Social'no-trudovye issledovaniya* = *Social and labor research*. 2022;(1):8-15. DOI:10.34022/2658-3712-2022-46-1-8-15 (In Russ.).
12. Bezudnaya AG, Treyman MG. Environmental responsibility of Russian business in the current economic environment. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* = *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*. 2022; (5); 126–130. (In Russ.)
13. Lebedev AS. Sanctions are an instrument of economic warfare. *Obozrevatel'* = *Reviewer*. 2022; (11–12): 53–60. DOI:10.48137/2074-2975_2022_11-12_53. (In Russ.).
14. Sachenok LI. Assessment of economic efficiency of companies' activities as a factor of sustainable development of the region in the conditions of unstable socio-economic environment and restrictive measures. *Vestnik NGUEU* = *NSUEU Bulletin*. 2023;(1):158-168. DOI:10.34020/2073-6495-2023-1-158-168 (In Russ.).
15. Andreyeva AM. Theoretical approaches to the definition of environmental responsibility of business. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment* = *Bulletin of Buryat State University. Economics and Management*. 2022;(4):10-17. DOI:10.18101/2304-4446-2022-4-10-17. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. И. Ковалёв — аспирант кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

Roman I. Kovalev — postgraduate student of the Department of Economics of Industries and Markets.

Статья поступила в редакцию 07.05.2024; одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 07.05.2024; approved after reviewing 14.06.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.